ИИ СО РАН

Исторический курьер 2021. № 4 (18)

Научный электронный журнал «Исторический курьер»

2021. № 4 (18)

Издается с октября 2018 г. Выходит 6 раз в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес редакции:

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, Институт истории СО РАН. В редакцию журнала «Исторический курьер»

Тел.: +7 (383) 363-03-24

Факс: +7 (383) 333-24-37

E-mail: mail@istkurier.ru

http://istkurier.ru/

Над выпуском работали:
выпускающие редакторы —
д-р. ист. наук В.А. Ильиных,
канд. ист наук Н.В. Гонина;
секретарь номера —
канд. ист. наук В.Б. Лапердин;
администратор сайта — К.А. Васильев;
верстальщик — В.В. Введенский;
корректор — Е.В. Комлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

Ответственный секретарь журнала

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Гордеева Мария Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Дашинамжилов Одон Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории CO РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт истории CO РАН, Новосибирск, Россия – выпускающий редактор

Чернова Ирина Сергеевна, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия – ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина, профессор, Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Дзянбин, доктор исторических наук, профессор, Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Россия

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук,, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Катионов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Института истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори, профессор, Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте, доктор исторических наук, профессор, Университет Бремена, Беремен, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, Индианский университет, Блумингтон, США

Урбански Серен, кандидат исторических наук, Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2021. № 4 (18)

Тема выпуска: Проблемы аграрного и демографического развития России

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов
From the Editors
Аграрные преобразования в XX веке: практики, акторы, исследователи
В.В. Бабашкин. О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы9–16
<i>Е.А. Игнатьева.</i> Институт уполномоченных в сибирской деревне периода «Великого перелома»: роль, функции, значение
А.А. Кожаева. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири)27–37
В.Б. Лапердин. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы
С.В. Шарапов. Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году53–66
О.Н. Аргунов. Хлебозаготовки 1946 года в Курской области: можно ли было избежать голода?67–77
<i>О.А. Сухова</i> . Советская деревня во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: мобилизационный менеджмент и практики социальной интеракции78–87
E.E. Темникова. Освоение целинных и залежных земель: некоторые итоги изучения88–97
В.Н. Томилин. Ремонтно-технические станции и колхозы
С.Н. Андреенков. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов
Социально-демографические процессы в советский и постсоветский период
Г.Е. Корнилов. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах)121–132
М.А. Семёнов. Распространение малярии в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны133–141
Ю.В. Рябов, М.В. Сентябова,Е.В. Смирнова. Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959–1965 годы)142–153
О.Б. Дашинамжилов. Роль миграций в формировании населения городов Омской области в контексте хозяйственного освоения востока страны в 1960-е годы …154–162
<i>Н.В. Гонина.</i> Демографическая диалектика Красноярска в 1960-е годы163–173

А.А. Бурматов. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири	174–185
E.E. Тиникова. Демографическая модернизация республик Саяно-Алтая: сроки, этапы, особенности	186–194
Н.Н. Аблажей. Итоги реализации Программы переселения соотечественников для восточных регионов России в 2007–2012 годах	.195–202
Л.Н. Славина. Демографический потенциал Красноярского края в контексте социальных трансформаций в постсоветские десятилетия	203–213

HISTORICAL COURIER. 2021. No. 4 (18)

Issue Topic: Problems of Agricultural and Demographic Development of Russia

CONTENTS

From the Editors (Rus.)
From the Editors
Agrarian Transformations in the Twentieth Century: Ppractitioners, Actors, Researchers
V.V. Babashkin. Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: "Democracy" and "People's Power" as Antonyms
<i>E.A. Ignat'eva</i> . The Institution of Commissioners in the Siberian Village of the Period of "Great Break": Role, Function, Significance
A.A. Kozhaeva. Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the "Deprived" for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia)
V.B. Laperdin. Group Conflicts in the Collective Farm Society of West Siberian Region in the 1930s
S.V. Sharapov. Production and Procurement of Grain in the Novosibirsk Region in 194253–66
O.N. Argunov. Grain Collection in 1946 in the Kursk Region: Was it Possible to Prevent Starvation?
O.A. Sukhova. Soviet Village in the Second Half of the 1940s – Early 1950s: Mobilization Management and Social Interaction Practices78–87
E.E. Temnikova. Development of Virgin and Fallow Lands: Some Results of the Study88–97
V.N. Tomilin. Repair and Technical Stations and Collective Farms98–108
S.N. Andreenkov. State and Collective Farm System in the First Half of the 1960s: Development Problems and Anti-Crisis Recommendations of Scientific Economists109–120
Socio-Demographic Processes in the Soviet and Post-Soviet Period
<i>G.E. Kornilov</i> . Transformation of Demographic Structures Into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)121–132
M.A. Semenov. The Spread of Malaria in Western Siberia During the Great Patriotic War133–141
Yu.V. Ryabov, M.V.Sentyabova, E.V. Smirnova. Infant and Child Mortality in Krasnoyarsk (1959–1965)
O.B. Dashinamzhilov. The Role of Migration in the Formation of Urban Populations of the Omsk Region in the Context of Economic Development of the East of the Country in 1960s
N.V. Gonina. Demographic Dialectics of Krasnoyarsk in the 1960s163–173

A.A. Burmatov. Child Mortality in the 1970s in Western Siberia
E.E. Tinikova. Demographic Modernization of the Sayan-Altai Republics: Terms, Stages, Features
<i>N.N. Ablazhey</i> . Results of the Implementation of the First Stage of the Compatriots Resettlement Programme for the Eastern Regions of Russia (2007–2012)195–202
<i>L.N. Slavina</i> . Demographic Potential of the Krasnoyarsk Krai in the Context of Social Transformations in the Post-Soviet Decades203–213

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2021. № 4 (18)

Тема выпуска: Проблемы аграрного и демографического развития России

От редакторов

Представляемый номер журнала состоит из двух тематических блоков, посвященных актуальным проблемам аграрной и социально-демографической истории России. Круг авторов представлен как ведущими учеными, так и начинающими исследователями. Достаточно широка география авторского коллектива.

В тематический блок «Аграрные преобразования в XX в.: практики, акторы, исследователи» входят статьи, в которых рассматриваются тенденции, этапы, результаты, общие закономерности и региональная специфика аграрных преобразований в нашей стране в советский период. Особое внимание уделено анализу историографии аграрной составляющей Русской революции, экономическим, социальным и ментальным предпосылкам перехода Советского государства к политике радикальной модернизации сельского хозяйства в конце 1920-х гг., поведенческим стратегиям и тактикам сельского социума в условиях проводимых правительством радикальных реформ, аграрным преобразованиям во время «оттепели».

Актуальность научных штудий, публикуемых во втором тематическом блоке «Социальнодемографические процессы в советский и постсоветский периоды», в значительной степени определяется современной демографической и эпидемиологической ситуацией в стране и тем социальным резонансом, который она вызывает.

Следует отметить, что сегодня историческая демография переживает сложный и очень насыщенный этап развития. С одной стороны – углубление в digital humanities, с другой – значительное расширение тематики на базе традиционных методов исследования. Все это нашло отражение на страницах журнала. Разнообразна тематика статей: демографический потенциал, миграции и переселение, детская и младенческая смертность, болезни; много внимания уделено населению городов.

Надеемся, что помещенные в данном выпуске материалы будут востребованы специалистами и полезны широкому кругу любителей отечественной истории.

Выпускающие редакторы В.А. Ильиных, Н.В. Гонина

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

выпускающие редакторы – д-р ист. наук В.А. Ильиных, канд. ист. наук Н.В. Гонина; ответственный секретарь – канд. ист. наук В.Б. Лапердин; корректор – Е.В. Комлева; верстальщик – В.В. Введенский; интернет-верстальщик – К.А. Васильев.

HISTORICAL COURIER. 2021. № 4 (18)

The Theme of the Issue: Problems of Agrarian and Demographic Development of Russia

From the Editors

Presented issue of the journal consists of two thematic blocks, devoted to the actual problems of agrarian and socio-demographic history of Russia. Pool of authors is represented by both leading scholars and novice researchers. Geography of the group of authors is wide.

Thematic block "Agrarian transformations in the twentieth century: practitioners, actors, researchers" includes articles which provide reconstruction of trends, stages, results, general patterns and regional specifics of agrarian transformations during the Soviet period of national history. Special attention is paid to analysis of historiography of agrarian component of Russian Revolution, economic, social and mental prerequisites for transition of the Soviet state to the policy of radical modernization of agriculture in the late 1920s; behavioral strategies and tactics of rural society in conditions of radical reforms carried out by the authorities, agrarian transformations during the "Thaw" period.

Relevance of scientific studies published in the second thematic block "Socio-demographic processes in the Soviet and post-Soviet periods" is largely determined by the current demographic and epidemiological situation in the country and their social resonance.

Today, historical demography is going through a difficult and eventful stage of development. On the one hand, this is a deepening into digital humanities, on the other, a significant expansion of the topic based on traditional research methods. Main directions of modern socio-demographic research are presented on the pages of the journal. Topics of the articles are varied: migration and resettlement, child and infant mortality, diseases. Much attention is paid to the population of cities. Modern demographic potential also became the object of analysis.

We hope that the materials in this issue will be in demand by specialists and useful to a wide range of lovers of Russian history.

Executive editors V.A. Il'inykh, N.V. Gonina

THE ISSUE'S TEAM

Executive editors – Doctor of Historical Sciences *V.A. Il'inykh*, Candidate of Historical Sciences *N.V. Gonina*;

Executive secretary – Candidate of Historical Sciences *V.B. Laperdin*;

Corrector – E.V. Komleva;

Web designer – *K.A. Vasilyev*;

Layout designer – *V.V. Vvedensky*.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

В.В. Бабашкин*

V.V. Babashkin*

О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-1 УДК 94:93(470)«19»

Выходные данные для цитирования:

Бабашкин В.В. О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 9–16. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf

Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: "Democracy" and "People's Power" as Antonyms**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-1

How to cite:

Babashkin V.V. Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: "Democracy" and "People's Power" as Antonyms // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 9–16. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf

Abstract. The article emphasizes that it is quite a necessary and timely task for modern historical research of the Russian Revolution of the twentieth century to pay substantially closer attention to investigating the role of the grassroots organizations of peasantry in the Revolution. The scientific heritage of an outstanding historian G.A. Gerasimenko helps to see the overall picture of the revolution in a significantly different way as compared to what Soviet historiography offered in this regard, let alone the post-Soviet version of the events. The possibility to rely on more adequate ideas about the level of people's power (not "democracy") in Russia in the first decades of the twentieth century allows us to move away from the theory of progress as a methodology of historical research. This theory considers the economic aspects of historical development as the basis that forms the logic of the political history of our country in the recent period, and this is in common for both the Soviet and anti-Soviet historiography. One of the results of preservation of this theoretical approach in historical science, with its idea of "universal human values", was an absurd and offensive to our country resolution of the European Parliament in September 2019 "On the importance of preserving historical memory for the future of Europe". The approach to the events of the Russian Revolution offered in the article allows us to see that it was primarily a peasant revolution, which was described in detail by V.P. Danilov, V.M. Bukharaev, T. Shanin (England) and continues to be described by V.V. Kondrashin, D.I. Lyukshin (Kazan) and other historians. It also makes it possible to question equalizing the very notions "democracy" and "people's power".

Keywords: democracy; people's power; theory of progress; liberalism; scientific heritage; peasant revolution; Stolypin reform.

The article has been received by the editor on 07.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье поставлен вопрос о том, насколько необходимым и своевременным является для современной отечественной историографии Русской революции ХХ в. качественно более пристальное внимание к выяснению роли низовых организаций крестьянства в революции. Научное наследие выдающегося историка Г.А. Герасименко помогает увидеть общую картину революции существенно иначе по сравнению с тем, что предлагала в этом плане советская историография, не говоря уже о нынешней постсоветской. Возможность

^{*} **Бабашкин Владимир Валентинович,** доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Babashkin Vladimir Valentinivich, Doctor of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: vbabashkin@ranepa.ru

^{**} Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

опираться на более адекватные представления об уровне народовластия в России и его формах в первые десятилетия XX в. позволяет уходить от такой методологии исторического исследования, как теория прогресса с ее экономоцентризмом, которая и создавала основу для выстраивания логики политической истории нашей страны новейшего периода как в советской, так и в антисоветской историографии. Одним из результатов консервации этого теоретического подхода в исторической науке с его представлением об «общечеловеческих» ценностях стала нелепая и оскорбительная для нашей страны резолюция Европарламента в сентябре 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Предлагаемый в статье угол зрения на события Русской революции позволяет увидеть, что в тот период развивалась крестьянская революция, о которой подробно писали В.П. Данилов, В.М. Бухараев, Т. Шанин (и продолжают писать В.В. Кондрашин, Д.И. Люкшин и некоторые другие историки). Он позволяет также поставить под вопрос знак тождества между понятиями «демократия» и «народовластие».

Ключевые слова: демократия; народовластие; теория прогресса; либерализм; научное наследие; крестьянская революция; столыпинская реформа.

Попробую объяснить, почему, с моей точки зрения, сейчас пришло самое время для историков всерьез обратить внимание на содержание и основные результаты научных исследований Григория Алексеевича Герасименко. Дело в том, что главный интерес этого безусловно выдающегося ученого всегда был сосредоточен на органах власти и самоуправления российских крестьян в годы Русской революции, т.е. в те годы, когда общинное крестьянство составляло не просто большинство населения страны – оно на порядок превосходило любое другое сословие или класс. В течение последних более чем трех десятилетий нашей общественности настырно предлагалась версия «Великой российской революции 1917 года», и, к сожалению, многие историки-профессионалы не удержались от того, чтобы в этом поучаствовать. У «демократии», мол, был шанс в феврале взять власть и повести страну по пути приверженности «общечеловеческим ценностям», но, в силу хитросплетения многих обстоятельств, не срослось, и в октябре Россия направилась в сторону «автократии» и «тоталитаризма»¹.

Это либерально-прогрессистская доктрина, и в ее рамках мышление неизбежно направляется в сторону разоблачения «сталинизма». А от этого, как выясняется, один шаг до такого позорного события, как принятие Европарламентом в сентябре 2019 г. (к 80-летию начала Второй мировой войны) резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», согласно которой Сталин и Гитлер одинаково виновны в развязывании той войны. Это уже не звоночек – набат: пора уходить без оглядки от этой историософии. А куда? Обратно к так называемому «научному коммунизму»? Ни в коем случае. Последний, как и доктрина рыночного либерализма, лишь ипостась теории прогресса², и в этом смысле не вполне адекватен в объяснении сути и смысла важнейших событий нашей новейшей истории³. К счастью, в отечественной аграрной историографии есть глубокие исследования, материалы которых просто не позволяют загнать в рамки прогрессистских доктрин революционные события, в частности, Октябрь 1917 г.

Известному историку-аграрнику Петру Серафимовичу Кабытову посчастливилось быть близко знакомым с Г.А. Герасименко, даже дружить. В 2016 г. он опубликовал отдельное издание о жизни и творчестве Григория Алексеевича. «Это лишь первый шаг в изучении его жизни и научной деятельности», – пишет он, очевидно, не сомневаясь в необходимости

¹ См.: История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. М., 2017. Ч. 1. С. 27–44.

² См.: Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–38.

³ Хотя европейская резолюция свидетельствует, что в оценках Второй мировой войны, а тем более Великой Отечественной войны, научный коммунизм все же куда ближе к правде. А вот в анализе Русской революции, как мне представляется, обе вариации на темы прогресса находятся от правды практически в равноудаленном положении – см.: Бабашкин В.В. Русская революция в контексте крестьяноведения // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97–107.

дальнейших шагов⁴. Я тоже имею такую уверенность и уже делал попытку объяснить, почему, опубликовав рецензию на данную научно-биографическую работу П.С. Кабытова⁵. Вкратце это объяснение сводится к тому, что человеку, в деталях знающему, что происходило в крестьянской деревне на одном из пиков революционных событий, т.е. в 1917 г., было бы противоестественно примыкать в лихие 1990-е к той разнузданной критике большевистского переворота, которая стала началом идеологической переработки российской истории. Хотя бы ради этого нам всем сегодня необходимо приобщаться к подобному знанию.

«Г.А. Герасименко не было ни среди защитников Белого дома, ни среди тех, кто поддерживал ГКЧП, — пишет П.С. Кабытов. — Ему претили такие жесты некоторых партийных вождей, как публичный выход из КПСС. Его не было и среди тех историков, которые еще вчера рьяно отстаивали марксистско-ленинские постулаты (как директор Института военной истории генерал Волкогонов), а уже 22 августа [1991 г. — В. Б.] побежали в архивы с тем, чтобы найти в истории России побольше "жареных фактов"»⁶.

П.С. Кабытов вспоминает, как за три с половиной года до ГКЧП в ответ на пропагандистскую шумиху «перестроечной» прессы вокруг пьесы М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше» Г. Герасименко в соавторстве с двумя единомышленниками опубликовал статью в «Правде» Наверное, это была отчаянная попытка образумить нашу общественность, опьяненную иллюзией легкого исторического знания и, следовательно, несложных ответов на главные вопросы. Я хорошо помню, как мощно подобного рода литература и искусство формировали тогда общественное мнение. А профессиональному исследователю аграрных отношений революционной поры манипуляция автора пьесы была ясна, как божий день: он «увел народ со сцены изображаемых им действий», а предельно запутанный исторический контекст подменил банальным кабинетным спором, «где нет ни врагов, ни союзников, ни правых, ни виноватых – есть подсудимые большевики и их судьи – белые генералы, меньшевики и эсеры» В

Привлекая внимание читателей к факту существования книги о Г.А. Герасименко, написанной его коллегой и другом, подчеркну, насколько обоснованным и плодотворным представляется мне жанр научно-биографического очерка при анализе наиболее интересных достижений отечественной аграрной историографии.

В причудливом переплетении фактов житейской и научной биографии видится мне какаято предопределенность. Г.А. Герасименко был родом из крестьян, как и громадное большинство его сверстников, следовательно, получил в нагрузку крестьянский здравый смысл (по-английски: "common sense" – коммунальное, общинное мироощущение; штука, надо признать, ядовитая для любой политической идеологии, пытающейся идти с ним вразрез). Окончив среднюю школу, какое-то время работал учителем в семилетке родного села. Затем военно-летное училище, Корейская война, демобилизация по ранению. Добавив, со слов его биографа, глубокую человеческую порядочность и высокий профессионализм историка, мы поймем, что низовые крестьянские организации в деревнях Нижнего Поволжья в 1917 – первой половине 1918 г., выбранные им в качестве темы докторской диссертации, были просто обречены на самое дотошное историческое исследование. «Нужно прямо сказать, что он был трудоголиком, – пишет П.С. Кабытов, поражаясь обширности собранной ученым картотеки выписок из архивных и других источников по главному объекту своего исследовательского интереса. – Не каждый из историков будет изо дня в день приходить в читальные залы архивов и библиотек. И все это только для того, чтобы восстановить подлинную картину революционных событий 1917 г.»

И не только 1917-го. Во введении к монографии «Народ и власть» исследователь подчеркивает: «Предлагаемая читателям книга является продолжением цикла работ, изданных в 90-х

⁴ *Кабытов П.С.* Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов, 2016. С. 8.

⁵ Бабашкин В.В. О пользе консерватизма, или Чему обязаны? // Крестьяноведение. 2019. № 3. С. 195–200.

⁶ *Кабытов П.С.* Жизнь и творчество профессора... С. 56.

 $^{^{7}}$ Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда // Правда. 1988. 15 февр.

⁸ См.: *Кабытов П.С.* Жизнь и творчество профессора... С. 52–23.

⁹ Там же. С. 129.

годах: "Земское самоуправление в России" (М., 1990); "Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.)" (М., 1992). Она подготовлена на основе самых разнообразных документов и материалов, как опубликованных, так и выявленных в центральных и местных архивах. В книге использована также периодическая печать того времени, данные исследовательской литературы» 10.

Для существования органов земского самоуправления год 1917 был, конечно, последним, но далеко не первым. Земская реформа Александра II – один из символов российского либерализма. И связанную с ней историческую реальность теория прогресса и крестьяноведение рассматривают под разными углами зрения. Такая «конфессия» прогрессизма, как научный коммунизм, трактовала ту реформу царя-либерала как безусловно прогрессивную, но дворянски и буржуазно ограниченную, что для того времени было неизбежностью, поскольку до более высокого типа демократии в виде диктатуры пролетариата страна, мол, еще не дозрела. Антикоммунизм, в который на рубеже 1980–1990-х гг. с удивительной легкостью перекрестились многие вчерашние адепты коммунизма, исходил и продолжает исходить из сугубо демократической природы всех либеральных начинаний в российской истории пореформенной поры. Исторические герои на страницах тогдашних сочинений столь же легко превращались в антигероев. Их места занимали Александр Освободитель, Столыпинреформатор, люди, рвавшиеся к власти (и дорвавшиеся было) в феврале 1917 г., и т.д.

И в это время вышла из-под пера большого историка и прекрасного специалиста по низовым крестьянским организациям книга «Земское самоуправление в России». Удержаться от прелестей нового либерально-демократического мышления в монографии на такую тему мог только отличный знаток исторических форм сельского общинного самоуправления и тех метаморфоз, которые происходили с ними в год одного из пиков Русской революции. И при этом необходимо было обладать теми профессиональными и человеческими качествами, о которых я упомянул выше.

Тема общественных исполнительных комитетов в литературе последних десятилетий о революции звучит как-то под сурдинку. Дело в том, что формально эти структуры создавались Временным правительством, следовательно, по основным понятиям советской историографии, они не могли носить никакой иной характер, кроме как «буржуазно-реакционный». В современном антисоветском «мейнстриме» дружное и скорое создание этих органов власти, по идее, следует преподносить как прогрессивные «буржуазно-демократические» изменения в политической системе страны, причем революционного характера. Но и это явная натяжка и уход от исторической реальности. А реальность-то как раз и состояла в том, что крестьяне, опираясь на развитую и вполне функционирующую систему своих низовых организаций, с самого начала марта приступили к практическому решению главного вопроса революции — земельного, шире — аграрного.

Министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов своим вынужденным циркуляром от 19 марта 1917 г. задним числом разрешил организацию таких комитетов. При создании комитетов на местах практиковались разнообразные системы выборов, разнообразными были численный состав этих комитетов, их структура, и назывались они поразному: комитеты народной власти, общественной безопасности, исполнительные, революционные, распорядительные, народные комитеты, союзы, советы и т.д. Чтобы разбираться во всем этом многообразии, необходимо огромное трудолюбие в сочетании с настоящим талантом историка-исследователя.

Показав, что эти комитеты и советы покрыли территорию страны гутой сетью на губернском, уездном, а самое главное, на сельском уровне, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что это и было организационным оформлением народовластия в России, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) исполнительные комитеты «представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия» Весной 1917 г. деревенские жители очень хорошо знали, как было бы справедливо распорядиться конкретными участками земли и сельскохозяйственных

 $^{^{10}}$ Γ ерасименко Γ .А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 8.

угодий, поэтому «постановления сельских сходов, резолюции уездных, губернских и всероссийских собраний и съездов крестьяне рассматривали как закон» 12 . Если это не народовластие, то что тогда оно?

Однако активная деятельность всех этих органов народовластия по революционному переустройству общества чаще всего шла вразрез с намерениями правительства в области осуществления аграрной политики, т.е. натыкалась на то, что в современной либеральной исследовательской литературе и публицистике принято отождествлять с «демократией». Уже 9 марта с ростом самовольных захватов земли, поджогов и других посягательств на права частных собственников Временное правительство постановило, что при подавлении крестьянских восстаний должно применяться оружие. В марте—мае войска посылались в двадцать уездов для охраны помещичьих имений от посягавших на их земли крестьян.

Причем это противостояние – «демократия против народовластия» – доходило до самых глубинных узлов сложившейся революционной политической системы. Г.А. Герасименко пишет об этом так: «Судя по материалам того времени, с первых же дней революции в деревнях установилась практика всесословных выборов.

Ясно, что такой принцип избрания приводил к тому, что первоначально в комитетах оказывались представители всех слоев сельского населения.

Однако это продолжалось недолго. По мере того, как проходило опьянение от революции, спадало праздничное настроение и нужно было приступать к практической деятельности, крестьяне принимались за чистку комитетов. Их переизбирали прежде всего потому, что политика всесословных комитетов не отвечала интересам крестьян-общинников. Уже в марте 1917 года из комитетов стали выводить старшин и старост, учителей и агрономов, фабрикантов и помещиков. Процесс очищения комитетов от нежелательных для крестьян элементов усилился в начале апреля, когда в связи с Пасхой сотни и тысячи солдат прибывали домой в краткосрочный отпуск и тем самым увеличивали радикальное крыло в деревне» ¹³.

Становится лучше понятно, что за люди съехались в мае в качестве представителей уездов и волостей страны, а также воюющих на германском фронте подразделений в Петроград на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и что за проекты главной резолюции Съезда привезли они в виде тех самых 242 наказов с мест, что лягут потом в основу ленинского декрета «О земле». Понятно и недоумение этих людей, почему Съезд, который, по их разумению, только и был полномочен творить законы в России, никак не может принять соответствующее постановление, почему эсеровское руководство Съезда во главе с Н.Д. Авксентьевым столь упорно и изощренно этому сопротивляется¹⁴.

Разочарованные трехнедельным «переливанием из пустого в порожнее», делегаты разъехались по домам творить законы и претворять их в жизнь самостоятельно, не оглядываясь на «демократию». «В сентябре—октябре, — читаем в книге "Народ и власть", — крестьянские выступления происходили в подавляющем большинстве губерний. Как и прежде, основной удар крестьяне наносили по помещичьим имениям. По неполным данным, только в сентябре крестьяне разгромили 958 имений (в мае таких случаев было 152, июне — 112, июле — 327, августе — 440). В споре крестьян с помещиками власти использовали последний аргумент — вооруженную силу, подкрепленную пулеметами и пушками» 15.

В специальной литературе можно достаточно подробно почитать, как развивались эти события, как осуществлялось тогда народовластие. Но от такого чтения может возникнуть вопрос: так, может быть, это и был главный событийный ряд Русской революции? Может

 $^{^{11}}$ См.: *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. М., 1992. С. 4, 298.

¹² *Герасименко Г.А.* Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 94.

¹³ *Герасименко Г.А.* Народ и власть... С. 40–41.

¹⁴ См.: *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 102; *Марченя П.П.* Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа // Научный диалог. Сер.: Общественные науки. 2013. № 12. С. 108–124.

 $^{^{15}}$ *Герасименко Г.А.* Народ и власть... С. 237.

быть, происходившее в городах, о чем так любят писать прогрессивно мыслящие историки революции, было лишь производным от этого масштабного переустройства общества, которое вершил сам крестьянский народ, представлявший собою подавляющее большинство населения вчерашней империи?

Вспомним, что писал об этом В.П. Данилов: «Революционный напор сдерживался лишь сельскохозяйственными работами. Даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тысячи официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков. Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием полевых работ – в конце августа—сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений <...> Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского декрета "О земле", включавшего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне 1918 года они были бы реализованы крестьянской революцией по всей России» 16.

В другой своей работе В.П. Данилов подчеркивал, что в самом начале XX в. так называемыми «аграрными беспорядками» (когда порядок в эти беспорядки вносили еще не комитеты, а традиционные общинные органы самоуправления) в стране «начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г. <...> Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. <...> Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни» 17.

В 2017 г. читающая общественность нашей страны отмечала столетие революции большим количеством конференций, симпозиумов и других подобных мероприятий. По моим наблюдениям, тема крестьянского характера тех бурных событий если и звучала, то как-то робко, тонула в общем потоке самых разнообразных взглядов и концептуальных подходов. В результате и устоялся (надеюсь, на время) упомянутый выше странноватый паллиатив: «Великая российская революция 1917 года», в которой следует усматривать два этапа: Февраль и Октябрь.

В шестом номере журнала «Российская история» за 2018 г. была опубликована статья В.П. Булдакова «Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы "юбилейного бума"». Авторитетный историк-аграрник В.В. Кондрашин был настолько возмущен тем, что в статье нет ни слова о новейшей литературе по крестьянской составляющей революционных событий 1917 г., по аграрному вопросу как важнейшему вопросу Русской революции ХХ в., что он обратился с эмоциональным, но весьма аргументированным открытым письмом к главному редактору, которое было опубликовано на сайте журнала. «Складывается впечатление, – пишет Кондрашин, – что крестьянству и вообще народу не место в высокоинтеллектуальной историографии российской революции. По крайней мере, так выглядит со стороны статья ведущего специалиста по данной проблеме в России».

В 2020 г. ситуация с письмом в редакцию почти повторилась. На этот раз законное возмущение В.В. Кондрашина вызвала статья М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?», опубликованная в пятом номере журнала. Бог, мол, с ней, с этой статьей, если бы она называлась, скажем, «Некоторые итоги столетнего изучения промышленности, торговли и других сфер экономики СССР в годы нэпа» или как-то в этом духе. Но любой историк скажет, что в статье со столь помпезным названием полностью обойти молчанием крестьянское сельское хозяйство страны, это как у Крылова в басне «Любопытный»: «Слона-то я и не приметил». Я сказал «почти повторилась», т.к. на этот раз главному научному сотруд-

 $^{^{16}}$ Данилов В.П. Не смей! Всё наше! Крестьянская революция в России. 1902—1922 годы // Россия. 1997. Июль. С. 18.

 $^{^{17}}$ Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 314, 319.

нику Института российской истории РАН, руководителю Центра экономической истории твердо дали понять: появление такого письма на сайте «Российской истории» неуместно¹⁸.

В заключение приведем еще один аргумент в пользу злободневности обращения к научному наследию Г.А. Герасименко. В 1985 г. у Григория Алексеевича в издательстве Саратовского университета была опубликована великолепная монография «Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики». Та романтизация столыпинской реформы и образа самого реформатора, под знаком которой наша историография развивается последние три десятка лет, оказалась возможна только при условии полного забвения этого текста, в котором приводится множество потрясающих документальных свидетельств умонастроений громадного большинства крестьян-общинников. Книга созвучна тому, что об этом пишет Дж. Пэллот¹⁹, но, пожалуй, написана более жестко и прямолинейно. Как сказано в аннотации, «автор выясняет причины неприятия крестьянами реформы Столыпина, показывает методы и формы борьбы крестьян против земельного переустройства и прослеживает динамику этой борьбы с момента издания указа 9 ноября 1906 г. и до провала реформы»²⁰.

Литература

Бабашкин В.В. О пользе консерватизма, или Чему обязаны? // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 195–200.

Бабашкин В.В. Русская революция в контексте крестьяноведения // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97–107.

Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного бума» // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26.

 Γ ерасименко Γ .A. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 342 с.

 Γ ерасименко Γ .А. Народ и власть (1917 год). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.

Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 341 с.

Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. М.: НИКА, 1992. 349 с.

Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 310–321.

Данилов В.П. Не смей! Всё наше! Крестьянская революция в России. 1902—1922 годы // Россия. 1997. № 7. С. 15—20.

История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. М.: Просвещение, 2017. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. 175 с.

Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор, 2016. 136 с.

Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» (Российская история. 2020. № 5. С. 3–14) // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М.: ИРИ РАН, 1996. 236 с.

Марченя П.П. Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа // Научный диалог. Сер.: Общественные науки. 2013. № 12. С. 108–124.

¹⁸ В редакции журнала «Крестьяноведение» сочли это нелепостью, и было принято решение опубликовать Письмо на страницах журнала. – См.: *Кондрашин В.В.* Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» (Российская история. 2020. № 5. С. 3–14) // Крестьяноведение. 2021. № 1. С. 180–184.

¹⁹ См.: Пэллот Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172–187.

 $^{^{20}}$ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 2.

Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3-14

Пэллот Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172—187.

Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–38.

References

Babashkin, V.V. (2014). Russkaya revolutsiya v kontekste krestyanovedeniya [Russian Revolution in the Context of Peasant Studies]. In *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 97–107.

Babashkin, V.V. (2019). O pol'ze konservatizma, ili Chemu obyazany? [On the Benefits of Conservatism, or To What do we Owe...?]. In *Krestyanovedeniye*. Vol. 4. No. 3, pp. 195–200.

Danilov, V.P. (1992). Agrarnaya reforma i agrarnyye revolutsii v Rossii [Agrarian Reform and Agrarian Revolutions in Russia]. In *Velikiy neznakomets. Krestyane i fermery v sovremennom mire*. Moscow, pp. 310–321.

Danilov, V.P. (1997). Ne smey! Vse nashe! Krestyanskaya revolutsiya v Rossii. 1902–1922 [Don't you Dare! Everything is Ours! The Peasant Revolution in Russia. 1902–1922]. In *Russia*. No. 7, pp. 15–20.

Gerasimenko, G., Obichkin, O., Popov, B. (1988). Nepodsudna tol'ko pravda [Only Truth is Not Subject to Trial]. In *Pravda*. February, 15.

Gerasimenko, G.A. (1974). *Nizovyye krestyanskiye organizatsii v 1917 – pervoy polovine 1918 godov: na materialakh Nizhnego Povolzhya* [Grassroots Peasant Organizations in 1917 – the First Half of 1918: on the Materials of the Lower Volga Region]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 341 p.

Gerasimenko, G.A. (1985). *Bor'ba krestyan protiv stolypinskoy agrarnoy politiki* [The Struggle of Peasants Against the Stolypin Agrarian Policy]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 342 p.

Gerasimenko, G.A. (1992). *Pervyy akt narodovlastiya v Rossii: Obshchestvennyye ispolnitelnyye komitety* [The First Act of Democracy in Russia: Public Executive Committees]. Moscow, NIKA. 349 p.

Gerasimenko, G.A. (1995). *Narod i vlast (1917 god)* [People and Power (1917)]. Moscow, Voskresenie. 288 p.

Kabytov, P.S. (2016). *Zhizn' i tvorchestvo professora Grigoriya Alekseevicha Gerasimenko* [The Life and Work of Professor Grigoriy Alekseevich Gerasimenko]. Saratov, Tekhno-Dekor. 136 p.

Kondrashin, V.V. (2021). Otklik na statyu M.Yu. Mukhina "Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit itogi?" (Rossiyskaya istoriya. 2020. No. 5, pp. 3–14). [Response to the Article by M.Yu. Mukhin "One Hundred Years of Studying the NEP. Is that Time to Sum up?"]. In *Krestyanovedeniye*. Vol. 6. No. 1, pp. 180–184.

Lavrov, V.M. (1996). "*Krest'yanskiy parlament*" *Rossii (Vserossiyskie s'ezdy krestyanskikh deputatov v 1917–1918 godakh)* ["The Peasant Parliament" of Russia (All-Russian Congresses of Soviets of Peasant Deputies in 1917–1918)]. Moscow, IRI RAN. 236 p.

Marchenya, P.P. (2013). Sotsyalisty-revolyutsionery v Rossii 1917 goda: neo-narodniki bez naroda [Socialists-Revolutionaries in Russia in 1917: Neo-Populists Without People]. In *Nauchnyy dialog*. No. 12 (24): Social Sciences, pp. 108–124.

Mukhin, M.Yu. (2020). Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit' itogi? [One Hundred Years of Studying the NEP. Is that Time to Sum up?]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–14.

Pallot, J. (2004). Razrushyla li obshchinu stolypinskaya reforma [Whether the Stolypin Reform Destroyed the Peasant Community]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 1, pp. 172–187.

Shanin, T. (1998). Ideya progressa [The Idea of Progress]. In *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 33–38.

Torkunov, A.V. (Ed.), Gorinov, M.M., Danilov, A.A., Morukov, M.Yu., et al. (2017). *Istoriya Rossii. 10 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsiy: v 3 ch. Ch. 1* [History of Russia. 10th Grade. Studies for General Education. Organizations]. Moscow, Prosveshchenie. 175 p.

Статья поступила в редакцию 07.04.2021 г.

Е.А. Игнатьева*

E.A. Ignat'eva*

Институт уполномоченных в сибирской деревне периода «Великого перелома»: роль, функции, значение

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-2 УДК 94(571.1)«1929/30»

Выходные данные для цитирования:

Игнатьева Е.А. Институт уполномоченных в сибирской деревне периода «Великого перелома»: роль, функции, значение // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 17–26. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-02.pdf

The Institution of Commissioners in the Siberian Village of the Period of "Great Break": Role, Function, Significance

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-2

How to cite:

Ignat'eva E.A. The Institution of Commissioners in the Siberian Village of the Period of "Great Break": Role, Function, Significance // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 17–26. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-02.pdf

Abstract. The paper deals with questions of the activity of the institution of commissioners during "total collectivization" of agricultural sector. In the beginning of the "Great socialist transformation" a wave of numerous commissioners who were executors of directives fled into the village and supervisors of the activities of the local authorities' activities as well. They performed the most important functions vital to the stability of the system. Commissioners were its "expendable" and continuously replenished and reproduced human resource at the same time. The widespread and application of this institution are indicative of the overburdening of the institutional system power which functioned in emergencies. The scholar investigates the institution within the framework of the structural-functional approach. This approach makes it possible to analyse the activity of the commissioners in the institutional system, to define their functions and role, and to determine the efficacy of their work in the village. The sources are archival documents of the Executive Committee in the Siberian region (krai) and Novosibirsk region (okrug), West-Siberian regional court, Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, OGPU authorized representative in the Siberian region (krai) and West-Siberian region (krai). The study establishes the functions and powers of the commissioners, the nature of their relationship with the local authorities and the society, the effectiveness of their work in the village, the place, role and importance of the institution in the Bolshevik's system.

Keywords: "Great Break"; total collectivization; Commissioners; Twenty-five-thousander; social conflict; Siberia.

The article has been received by the editor on 27.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности института уполномоченных в процессе сплошной коллективизации деревни. С началом социалистической реконструкции в деревню хлынула «волна» многочисленных уполномоченных, которые были как исполнителями директив, так и одновременно контролерами деятельности местных аппаратных работников. Уполномоченный выполнял важнейший функционал, жизненно необходимый для устойчивости системы, являлся ее «расходным» и одновременно постоянно пополнявшимся и воспроизводившимся кадровым ресурсом. Широкое распространение и применение данного института свидетельствует о перенагрузке институциональной системы

^{*} **Игнатьева Евгения Андреевна,** магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

Ignat'eva Evgeniya Andreevna, master's student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

власти, функционировании последней в чрезвычайных условиях. Автор исследует данный институт в рамках структурно-функционального подхода, который позволяет проанализировать деятельность уполномоченных в институциональной системе, определить их функции и роль, результативность работы в деревне. Источниковую базу исследования составляют постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственная документация Сибкрайисполкома и Новосибирского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю / Западно-Сибирскому краю. В ходе исследования установлены функции и полномочия уполномоченных, характер их взаимоотношений с местным аппаратом власти и населением, эффективность их работы в деревне, место, роль и значение института в системе большевистской власти.

Ключевые слова: СССР; Сибирь; «Великий перелом»; «сплошная коллективизация»; уполномоченные; двадцатипятитысячники; социальный конфликт.

Конец 1920-х годов в СССР ознаменовался переходом к доктрине построения «социализма в отдельно взятой стране». Пропаганда формировала представления о советской стране как осажденной враждебным капиталистическим окружением крепости, решающим условием выживания для которой становились форсированные и масштабные преобразования экономики. Новый курс развития СССР заключался в стремительной модернизации, предусматривавшей практически одновременное решение трех основных задач: индустриализации промышленности и транспорта, коллективизации сельского хозяйства и наращивания кадрового потенциала на основе повышения профессионального и культурного уровня населения, прежде всего, путем ликвидации его неграмотности.

Для реализации преобразований «сверху», к тому же, в исключительно короткий период, элиты используют два основных инструмента: чрезвычайность и мобилизацию. Соответствующий опыт имелся — Советская власть формировалась как чрезвычайная (революционного типа) власть, поэтому для большевиков данный подход не был в новинку.

Сталинская «революция сверху» демонстрирует процесс перехода чрезвычайных мер в «чрезвычайщину». Политика чрезвычайных мер в определенных ситуациях является единственно возможной, состояние же «чрезвычайщины» вызывается стремлением конкретного режима любой ценой удержать власть. Главными критериями перехода этой границы, очевидно, выступают: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа»¹.

Применение инструментов мобилизации и чрезвычайности оказалось настолько распространенным, что формировало и закрепляло соответствующие институты, призванные обеспечить решение возникавшей в ходе «социалистических преобразований» проблемы перенагрузки управленческой системы. Последняя с рубежа 1929 г. работала по принципу проведения в деревне перманентных мобилизационных кампаний, вовлекая в них значительный потенциал не только профессионально подготовленных управленцев в осуществлении знакомых для них функций, но и нередко весьма далеких от аграрной сферы специалистов, профсоюзных, комсомольских и других функционеров.

Одним из таковых и массовым по масштабам выступал институт уполномоченных, который в исследуемый период приобретал наднормативный и чрезвычайный характер, становился постоянной переменной институциональной системы сталинского режима. Как кадровая составляющая мобилизационных кампаний он нес в себе такие черты, как непрерывность, экстраординарность, конфронтационность, ресурсозатратность.

 $^{^1}$ Бордюгов Г.А. Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

Уполномоченные выполняли функцию «латания дыр» в институциональной системе, контролировали выполнение «генеральной линии», были не только «руками», но и «глазами и ушами» системы. С помощью данного института большевики осуществляли оперативный надзор над деревней «сверху» путем направления/командирования на различные сроки (от одной до нескольких недель²) «посланца» на нижестоящий уровень (центр – край – округ – район), наделенного полномочиями проверки хода реализации конкретных, касавшихся деревни, директив власти. Уполномоченные направлялись по партийной (в том числе и ВЛКСМ), государственной (от исполнительных комитетов) и хозяйственной (ведомственной) линиям, от силовых структур (ОГПУ) и общественных организаций (ВЦСПС)³.

Институт уполномоченных является объектом нашего исследования, предметом – деятельность уполномоченных, их функции, социальное поведение. Хронологические рамки исследования – вторая половина 1929 г. и 1930 г., период наиболее экстремальных и радикальных кампаний «Великого перелома» в деревне. Территориальные рамки исследования охватывают Сибирский край, с лета 1930 г. – Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края.

В качестве источниковой базы выступают постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственная документация Сибкрайисполкома, Новосибрского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому / Западно-Сибирскому краю.

Для исследования институциональной системы советской власти данного периода наиболее адекватным выступает структурно-функциональный подход, где концептуальное значение имеет работа Р.К. Мертона «Социальная теория и социальная структура» Данный подход позволяет анализировать влияние социальной и культурной структур на деятельность отдельных индивидуумов, объяснять те или иные поведенческие паттерны последних, причины и формы возникновения девиантного поведения, обратного воздействия личностного, а также группового и массового поведения на социоструктурную динамику. Помимо этого, для данного исследования большое значение имеет теория того же автора о природе и причинах возникновения непреднамеренных последствий преднамеренного социального действия, т.е. исследования механизмов и факторов, вызывавших отклонение фактических результатов от намеченных целей .

Институциональное исполнение мероприятий «революции сверху» обычно оказывается на периферии исследовательского внимания. В качестве исключения можно назвать работы И.В. Павловой⁶, Н.П. Коржихиной⁷, Т.И. Морозовой⁸. Авторы изучают институциональную систему в целом, анализируют функции и полномочия институтов союзного или краевого масштабов. Однако один из ключевых институтов для реализации мероприятий «революции сверху» – институт уполномоченных – остается недостаточно исследован.

Сталинская система нуждалась в механизмах, которые бы подкрепляли, контролировали друг друга в ходе осуществления перманентных хозяйственно-политических кампаний.

² В редких случаях мобилизация длилась до нескольких лет (например, в случае двадцатипятитысячников).

³ *Игнатьева Е.А.* Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. Новосибирск, 2020. С. 125–126.

⁴ *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

⁵ *Мертон Р.К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал, 2009. № 2. С. 5–17.

⁶ Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993.

 $^{^{7}}$ Коржихина Т.П. Политическая система в СССР в 20–30-е годы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е годы. М., 1991. С. 6–17; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991). М., 1994.

⁸ *Морозова Т.И.* Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48; *Морозова Т.И.* Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б): численность и кадровый состав // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Вып. 1: История. С. 103–108.

Особенно остро встал вопрос с начавшейся осенью 1929 г. социалистической реконструкцией сельского хозяйства. «Коллективизирующаяся» деревня испытала на себе всю мощь и мобилизационный потенциала вертикали власти, органичной частью которого выступал институт уполномоченных. Оценить масштабность этого действия позволяют слова секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г., где он подвел промежуточные итоги работы института уполномоченных за период с осени 1927 г.: «Мы направили в деревню по различным командировкам минимум четверть миллиона человек» Уменно институту уполномоченных отводилась одна из ключевых ролей в ходе реализации радикальных аграрных преобразований.

С конца 1920-х гг. в деревню хлынула буквально «волна» многочисленных уполномоченных. Выработать единую классификацию для этого множества не представляется возможным. Нами предложено несколько вариантов систематизации. Первый – по критерию функционального значения кампании / конкретных мероприятий, на которую уполномоченный был мобилизован. Это могли быть кампании по «ликвидации кулачества как класса», хлебозаготовкам, самообложению, очередному «займу» индустриализации и т.д. Второй способ классификации – по административной принадлежности, т.е. принадлежности к тому или иному институту власти или общественной организации. Так, в делопроизводстве партийных и советских органов упоминаются уполномоченные Сибирского крайисполкома, окрисполкомов, райисполкомов (РИКов), уполномоченные по «партлинии» (от ЦК ВКП(б) до райкома), уполномоченные ПП ОГПУ. Третий способ классификации – срок работы уполномоченных. Кампании / мероприятия могли быть срочными (уполномоченные по хлебозаготовкам, посевной кампании и т.д.) и бессрочными (двадцатипятитысячники). Четвертый критерий классификации – качество кампании / мероприятий по степени принуждения. Так, наиболее «мягкими» оказывались кампании по самообложению и «займу» индустриализации. Таким образом, жесткой и единой «табели о рангах» для уполномоченных установить нельзя. Более того, многочисленные командированные действовали, пересекаясь друг с другом на одной территории.

Множество уполномоченных, направлявшихся в деревню, полномочия и функции которых не были четко определены, становились причиной организационного хаоса в деревне, по крайней мере, на начальной фазе сплошной коллективизации. Только в конце февраля и начале марта в сибирскую деревню было направлено свыше 10 тысяч городских работников¹⁰. Однако количество направляемых уполномоченных еще не означало качество «помощи». Так, на совещании в крайкоме партии 30 января 1930 г. заместитель председателя правления Сибкрайколхозсоюза Харламов, описывая работу уполномоченных по организации колхозов, называл последних «гастролерами»: «Мы бестолково сейчас ведем работу <...> мы имеем сейчас очень много гастролерства. У нас из Москвы много гастролеров приехало, мы из края посылаем, вы из округов, а в среднем 40 человек на район. У нас 20—25 сельсоветов в каждом районе. Значит, мы имеем сейчас в районе по два приехавших человека на сельсовет, т.е. на две-три деревни. Это можно гору своротить, если мы скажем: сядьте и не смейте гастролировать. Группа в 3 человека в 1½—2 месяца работы должна дать нам законченные, хорошо организованные один-два колхоза»¹¹.

Такое «гастролерство» существенным образом осложняло работу как самих уполномоченных, так и местного аппарата управления. Хаос в институциональную систему вносился «дублированием» полномочий «вертикалей» власти, их межведомственной конкуренцией. Так, 23 февраля 1930 г. в донесении председателю Новосибирского окрисполкома И.Г. Зайцеву работника райисполкома Кротова описывается ситуация, когда командированные на одну кампанию уполномоченные вынуждены выполнять мероприятия другой кампании: «Очень сильно отвлекает нас работа по выселению [кулаков] ІІ категории. Сейчас в районе, в связи с этой работой, сидит 9 ч[еловек] особо уполномоченных, которые

⁹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 67.

¹⁰ Коллективизация сибирской деревни, январь-май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 241.

¹¹ Там же. С. 124.

оторваны от работы по ссыпке семян <...> Получено распоряжение по линии ОГПУ прекратить всякие действия впредь до особого распоряжения. Это окончательно нас поставило в неведомое положение. Всех расшевелили. Все о себе узнали. Теперь приходится оставить "до особо распоряжения", а когда оно будет, чорт знает. Боимся разбегутся или еще что, мы и не решаемся отозвать уполномоченных по проведению этой работы, значит, люди сидят в районе, ничего не делая 12».

Не менее жестко охарактеризовал ситуацию с функциями уполномоченных на совещании в крайкоме партии 30 января 1930 г. заведующий крайземуправлением Н.П. Ялухин, отвечавший за организацию весенней посевной кампании, проводившейся в те же самые, что и создание колхозов, сроки. Он акцентировал внимание на том, что здравая идея создать, подготовить и разослать на места уполномоченных помимо собственно специалистов агрономов и зоотехников, работавших на местах, на деле превратилась в фарс: «Эта кампания у нас провалена, и поэтому в силу отсутствия внимания к этой кампании мы получили не те кадры, которые нам нужны были для того, чтобы руководить кампанией в сельсоветах. Это нас ударило другим концом. Больше того, сейчас в районах имеются сотни людей и в целом ряде округов уже тысячи командированных в район людей, но очень мало сделано для того, чтобы организовать этих людей, для того, чтобы расставить эти силы соответственно их удельному весу <...> Инструктор ЦК в одном селе встретил 18 человек, командированным по отдельным вопросам посевной кампании и совершенно организационно в селе не связанным. Это безобразие, которое надо устранить. Я думаю, что вследствие этого наша живая помощь оказывается не всегда действенной. Мы имеем распыление наших и без того недостаточно живых сил» 13 .

Некоторую долю информации о должностных обязанностях уполномоченных имеется в документах организаций, направивших их в деревню. В инструкциях доминировала целевая составляющая, в то время как выбор средств для достижения последней оставался за самим уполномоченным. Так, в инструкции, написанной, по-видимому, в декабре 1928 г. работникам, командированным в деревню, заведующим отделом по работе в деревне Сибкрайкома ВКП(б) Комаровым не был прописан ряд «очевидных вопросов», а список программы их работы обозначен как «примерный» Однако с реализацией поставленных перед командированными целей возникали проблемы.

Уполномоченные оказывались в эпицентре развернувшейся в деревне «квазигражданской войны» 15. Конфронтация с крестьянством принимала различные формы — от словесных перебранок до физического насилия и убийств. Так, 28 февраля 1930 г. в деревне Ново-Троицкой Татарского района Барабинского округа «на общее собрание членов колхоза явились не состоящие в колхозе середняки и часть бедняков (количество неизвестно), вооруженные железными ломами. Явившиеся требовали закрытия колхоза и роспуска собрания, угрожая уполномоченному РИКа — Мамаеву: "Мы тебя разорвем за то, что ты организовал коллектив". При попытке членов колхоза покинуть собрание ворвавшиеся закрыли двери, никого не выпуская из помещения, успели уйти задним ходом только Упол[номоченный] РИКа и пред[седатель] колхоза "Ленинградский рабочий". С оставшимися членами колхоза ворвавшиеся открыли свое собрание» 16.

Данная ситуация, а особенно – дискурс угроз, типичны для деревни исследуемого периода и показательна в смысле отношений крестьян и приезжих. Угрозы жизни и здоровью уполномоченного, убийства и самоубийства последних стали непреднамеренным результатом насильственной «смычки» города и деревни, происходивших в первой половине 1930 г. Определенное распространение среди мобилизованных в деревню получил

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 846. Л. 80.

¹³ Коллективизация сибирской деревни... С. 131.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3282. Л. 20–24.

¹⁵ *Виола Л*. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 279.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 96.

другой поведенческий паттерн, имеющий скорее девиантную коннотацию, — алкоголизм уполномоченных. В донесениях сотрудников ПП ОГПУ по Сибирскому краю упоминания о таком способе «ухода от реальности» встречаются регулярно.

Выявившаяся высокая степень насилия в деревне не является следствием тех или иных характеристик российского крестьянства. Социалистическая реконструкция деревни перевернула жизнь последней, уничтожила традиционный уклад, превратила огромную часть населения страны в зависимых от государства сельских пролетариев. Такие производившиеся насильственным путем трансформации приводили к депривации сельского населения, социальной эксклюзии и маргинализации его части (зажиточного крестьянства), росту фрустрации. Агрессивная политика власти в деревне вызывала естественный протест последней. Однако на этот протест представители власти отвечали еще более радикальными действиями. Так деревня оказывалась втянута в перманентный «круговорот насилия».

Действительно, методы уполномоченных по реализации большевистских планов в деревне доходили до невероятной жестокости. Так, уполномоченный РИК по «сплошной коллективизации» в дер. Камышинска [неразборчиво. – Е. И.] Чумышского района Барнаульского округа член ВЛКСМ Киселев «разыграл процесс заседания», после чего «вынес приговор» одной из крестьянок, отказавшейся вступать в колхоз: «Трибунал именем РСФСР, рассмотрев дело Шатиловой Феклы, приговорил к высшей мере наказания – расстрелять». По прочтении приговора, оставив Шатилову и ее сестру Гончарову Марию, 17 лет, всех арестованных крестьян освободил. Шатиловой Киселевым было предложено: «Ты приговорена к расстрелу, я тебя освобождаю на один сутки с тем условием, если в течение одной минуты обежишь 80 дворов и сагитируешь крестьян вступить в коллектив»»¹⁷. Насилие, тем самым, становилось «обыденной» формой взаимодействия между командированными и сельским миром.

Постулируемый властью тезис о «незнании» истинного положения «наверху» и массовом произволе на местах являлся лишь политическим маневром. Донесения о злоупотреблениях и «перегибах» (читай: реальном насилии — $E.\ U.$) доходили до Москвы. Часть этих эпизодов сохранилась в делопроизводстве Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР). Так, в выдержке «из информационных писем мобилизованных ЦК ВКП (б) товарищей на усиление хлебозаготовок» направленный в Сибирь Иголкин сообщает: «Уполномоченные часто делали ошибки, делая преимущественно административный нажим, выражающийся в производстве обысков, угроз описать имущество даже у середняков». Далее он описывал и более радикальные способы работы уполномоченных в деревне: «Наблюдаются угрозы со стороны уполномоченных, а иногда хулиганские выходки. Например, в селе Безголосово Алейского района Барнаульского округа уполномоченный РИКа и секретари сельсовета избили середняка и кулака, заставляли стукаться головами, били плетками и т.д. Вот эти извращения еще больше озлобляют крестьянство и доходит до того, что нас, работников по хлебозаготовкам в деревне не только не пускают на квартиры, но иногда не дают ни куска хлеба» 18 .

Сложившаяся практика — мобилизация одних кадров для надзора за другими, ниже стоявшими по иерархии (вертикальный контроль), являлась неотъемлемой характеристикой партийно-государственной институциональной системы. Отчасти это рождалось из нормативной и здравой необходимости надзора за проверкой исполнения директив (хотя для этого существовали специальные органы в виде аппаратов ЦКК-РКИ). Однако в мобилизационной природе партийного государства с его изменчивой нормативностью и чрезвычайностью появление такого постоянно действующего, но весьма текучего института уполномоченных обусловливалось тем, что в его функционале переплетались две разнонаправленные задачи — уполномоченные были как исполнителями директив, так и контролерами деятельности местных аппаратных работников.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 26–27.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3377. Л. 182, 179.

Лояльное отношение к произволу уполномоченных объясняется восприятием эффективности их работы. В докладной записке ПП ОГПУ «О проведении кампании по самообложению Новосибирского округа» от 20 января 1929 г. напрямую указано, что там, где цифры плана не могли быть реализованы местными силами, ситуацию исправляли уполномоченные («там, где самообложение проведено менее 25 % – РИК посылает уполномоченных для проведения 25 %»¹⁹). Угрозы, манипуляции, насилие, различные ухищрения с процедурой голосования сельсовета при имитации легальности мероприятий («приписывание» присутствующих для кворума, например) и прочие специфические «методы» работы уполномоченных — все это объясняется отнюдь не их личностными характеристиками. Институциональная система в данный период могла функционировать только при условии применения чрезвычайных и мобилизационных мер. Так, упоминаемый ранее заведующие Сибкрайземуправлением Н.П. Ялухин прямо называл действия, реализуемые под руководством партийных органов в деревне, диктатурой²⁰.

Отметим, что выполнить возложенные на него задачи уполномоченный был обязан «под личную ответственность», которая могла измеряться ценой собственной жизни. Единственным критерием качества его работы считалось выполнение директивы. В источниках содержатся упоминания о наличии у уполномоченных оружия, которое они регулярно использовали. Совокупность этих факторов приводила к массовым злоупотреблениям и произволу со стороны командированных. Так, по районам Новосибирского округа среди лиц, привлеченных в марте 1930 г. к уголовной и партийной ответственности за «перегибы» в ходе «массовой коллективизации» уполномоченные составляли до 10 %²¹.

Р. Мертон отмечает, что недостаточность координации между постулируемыми культурой целями и институциональными способами их достижения ведет к аномии. Когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели, расходится с координированным институционным значением средств, набор запрещенных приемов становится обычным делом. Большевистское руководство «закрывало глаза» на многочисленные акты произвола, пока этот произвол способствовал достижению желаемых планов. Таким образом, система власти оказывала определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, сообразующегося с общепринятыми правилами²².

На уполномоченных была возложена не только миссия по выполнению задач партии, но и по контролю местного партийного и советского аппарата управления. Уполномоченные, направляемые в роли ревизоров, представляли в своих донесениях более откровенную, хоть и неприятную большевистскому руководству картину по ряду вопросов. В таких документах становятся очевидны провалы (и их следствия) аграрных кампаний большевиков, прежде всего коллективизации, абсолютная некомпетентность местных партийных и советских руководителей, ожесточение населения («здесь нельзя было обобществлять все вплоть до продовольствия это огромная ошибка чревата последствиями»²³).

От функций института перейдем к анализу его места в системе управления. Институт уполномоченных являлся эффективным и весьма скоростным лифтом социальной мобильности. В случае успешного / неуспешного выполнения задач уполномоченных ожидали преференции / санкции. Результатом для уполномоченного становился либо карьерный рост, либо его слом.

Рассмотрим пример вертикальной восходящей мобильности на примере уполномоченного Новосибирского окрисполкома по «высылке кулаков» Машинистова. Уполномоченный выступал здесь одной из ключевых фигур в кампании по «ликвидации кулачества», поскольку

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13. Л. 334.

²⁰ Коллективизация сибирской деревни... С. 130.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 607–611.

²² *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

²³ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846. Л. 87.

организовывал отправку «кулацких семей» из мест их прежнего проживания. Он проверял и утверждал списки выселяемых, сопровождал последних до пункта назначения, занимался управлением во вновь создаваемых поселках. В каждом таком поселке (100–125 хозяйств) назначался уполномоченный, который подчинялся тройке, а права и обязанности уполномоченных, комитетов (троек) и взаимоотношения их с РИКами определялись особой инструкцией, разработанной окрисполкомом. Так как работа уполномоченных в данном случае носила совершенно экстремальный, непривычный характер, то была для последних серьезным испытанием «на прочность».

Так, сопровождая первые подводы в необжитые таежные районы соседнего с Новосибирским Томского округа, 10 марта 1930 г. Машинистов в своей телефонограмме сообщал из Пихтовки в Новосибирский окрисполком: «Дорога разбита до крайности, движение обозов идет при огромнейших трудностях. Подвозчики и конвоиры прибывают без личного продовольствия. Вчера часть Чулымских подводчиков отказались от своих лошадей и дальше следовать. Дабы не допустить разложения, ямщики арестованы <...>. Есть опасение, что до полного разрушения дороги не сумеем перебросить грузы <...> по пути разбрасывается инвентарь, вещи, лошади и даже мука»²⁴. Машинистов, успешно справившийся с возложенной на него задачей высылки «кулаков», после завершения кампании был назначен секретарем окрисполкома²⁵.

Однако часть уполномоченных не справлялась с возложенными на них задачами, что становилось причиной обратного движения по социальной лестнице. Так, на примере массовой кадровой мобилизации уполномоченных-двадцатипятитысячников мы видим, что к весне 1931 г. на работе в Западной Сибири осталось не более 61,5 % от их изначального состава²⁶.

Реальная жизнь деревни 1929—1930 гг. была отлична от рисуемой большевистской пропагандой картины — деревня оказалась погружена в инспирированную сверху социальную войну («классовая борьба» на советском «новоязе»), полное «погружение» в которую таило угрозу в отношении лояльности большевистской власти. Опыт соучастника трагедии советский деревни мог приводить к внутриличностным конфликтам. Отдельные агенты власти становились ренегатами по отношению к большевистскому режиму, публично отказываясь от выполнения возложенной на них миссии.

Институт уполномоченных в большевистской системе власти имел спорную легитимность, особенно в восприятии его крестьянством. Во-первых, командированные для сельского мира являлись «чужими». Причем, эта дихотомия носила не только социальный характер: город в целом для деревни представлялся в образе «паразита», поглощающего ее блага, но не дающего взаимен ничего, кроме новых «комиссаров». Во-вторых, сами уполномоченные оценивали свою позицию в иерархии власти выше, чем представители мест. Причем, чем выше была инстанция, инициировавшая их отправку на места, тем отчетливее выражалась данная тенденция. Так, ленинградцы-двадцатипятитысячники были убеждены, что находятся вне сферы компетенции местной и даже краевой власти и подотчетны лишь ЦК, что «развязывало» им руки. Однако представители местного аппарата не всегда признавали и не всегда считались с такой самоидентификацией командированных уполномоченных. А легитимность – это, в первую очередь, признание.

С точки зрения объективных причин, институт уполномоченных в исследуемый нами период приобретал характер «чрезвычайщины». Практика буквального «штурма» деревни не могла привести к ожидаемым конструктивным последствиям. Неопределенные функции уполномоченных, временный характер работы, их широкие полномочия приводили к тому, что уполномоченные как местным населением, так и частью местной власти воспринимались как «зло», вторгающееся в повседневную жизнь сельского социума.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 21а. Л. 153.

²⁵ Там же. Л. 86 об.

²⁶ *Троценко Н.Д.* Двадцатипятитысячники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) Новосибирск, 2013. С. 171.

Любой институт нуждается в легитимности не меньше, чем отдельный политик. Недостаток легитимности власти уполномоченных во время работы на селе усугублял деструктивность реализации планов социалистической реконструкции деревни. Уполномоченные, не будучи частью традиционного крестьянского мира, не обладали не только моральным авторитетом, но и материальными, финансовыми и другими видами ресурсов, необходимыми для позитивных преобразований аграрного уклада, которого ожидала деревня от города/власти. Такое положение предопределило высокую степень конфронтации в отношениях между приезжими и местным населением. Вместо укрепления легитимности власти большевиков в деревне, чрезвычайная практика применения данного института, свидетельствующая о перенагрузке/дестабилизации институциональной системы, на деле приводила к деструктивным последствиям. Институт уполномоченных являлся не более чем прагматичным инструментом для реализации амбициозных планов большевиков в деревне, «расходным» и одновременно постоянно пополнявшимся и воспроизводившимся кадровым ресурсом, используемым по мере необходимости.

Литература

Бордюгов Г.А. Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930—1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62—72.

Виола Π . Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.

Игнатьева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2020. С. 125–126.

Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г.: сб. док-тов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2009. 488 с.

Коржихина Т.П. Политическая система в СССР в 20–30-е годы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е годы. М., 1991. С. 6–17.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991). М.: РГГУ, 1995. 418 с.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал, 2009. № 2. С. 5–17.

Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966 С. 299–313.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48.

Морозова Т.И. Сибирский краевой комитет $PK\Pi(\delta) - BK\Pi(\delta)$: численность и кадровый состав // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 103–108.

Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 230 с.

Троценко Н.Д. Двадцатипятитысячники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 135–201.

References

Bordyugov, G.A. (2011). Politika chrezvychaynykh mer v resheniyakh Politbyuro TsK VKP(b) mezhdu "revolyutsiey sverkhu" i bol'shim terrorom. 1930–1936 gg. [The Emergency Policies in Decisions of the Communist Central Committee Politburo between "Revolution From Above" and the Great Terror, 1930–1936]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 62–72.

Ignat'eva, E.A. (2020). Upolnomochennye kak institut sotsial'no-politicheskoy mobilizatsii v Sibiri v nachale 1930 g. [Commissioners as an Institution of Social and Political Mobilization in Siberia at the Beginning of 1930]. In *Istoriya: Materialy 58-i Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii 10–13 aprelya 2020 g.* Novosibirsk, pp. 125–126.

Il'inykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2009). *Kollektivizatsiya sibirskoy derevni (yanvar' – may 1930 g.*) [Collectivization of the Siberian Village (January-May 1930)]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN. 488 p.

Korzhikhina, T.P. (1991). Politicheskaya sistema v SSSR v 20–30-e gody [Political System in the USSR in the 1920s–1930s]. In *Politicheskiye sistemy SSSR i stran Vostochnoy Evropy. 20–60-e gody*. Moscow. 253 p.

Korzhikhina, T.P. (1995). *Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya (noyabr' 1917 – dekabr' 1991)* [The Soviet State and its Institutions (November 1917 – December 1991)]. Moscow, RGGU. 418 p.

Merton, R.K. (1966). Sotsial'naya struktura i anomiya [Social Structure and Anomie]. In *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuaznyye teorii*). Moscow, pp. 299–313.

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST: Khranitel. 873 p.

Merton, R.K. (2009). *Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya* [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Morozova, T.I. (2013). Byuro Sibirskogo krayevogo komiteta RKP(b)–VKP(b): kompetentsiya, sostav, formy i metody deyatelnosti (mai 1924 – avgust 1930 g.) [Bureau of the Siberian Regional Committee of the RKPB – VKPB (Sibkraikom): Competence, Structure, Forms and Methods of Activities (May, 1924 – August, 1930)]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 45–48.

Morozova, T.I. (2013). Sibirskiy kraevoy komitet RKP(b) – VKP(b): Chislennost' i Kadrovyy sostav [The Sibirskiy Krayevoy Komitet of RCP(b) – AUCP(b): Numerical Strength and Membership (May 1924 – august 1930)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. Vol. 12. No. 1: Istoriya, pp. 103–108.

Pavlova, I.V. (1993). *Stalinizm: stanovleniye mekhanizma vlasti* [Stalinism: The Formation of the Machine of Power]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 230 p.

Trotsenko, N.D. (2013). Dvadtsatipyatitysyachniki v Sibiri (1929–1933 gg.) [Twenty-Five-Thousanders in Siberia]. In *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)*. Novosibirsk, pp. 135–201.

Viola, L. (2010). *Krestyanskiy bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krestyanskogo soprotivleniya* [Peasant rebels under Stalin: collectivization a. the culture of peasant resistance]. Moscow, ROSSPEN. 366 p.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020 г.

А.А. Кожаева*

A.A. Kozhaeva*

Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири)

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-3 УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928—1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 27—37. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-03.pdf

Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the "Deprived" for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia)

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-3

How to cite:

Kozhaeva A.A. Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the "Deprived" for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 27–37. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-03.pdf

Abstract. The article is devoted to the study of the escape to the cities as a tactic of the struggle of the "deprived" for the restoration of rights. Based on the analysis of petitions for the restoration of the voting rights of the "deprived" in the Iskitim and Maslyaninsky districts of Western Siberia, the behavioral practices of the "deprived" in the process of forced migration to cities are reconstructed. The discriminatory policy of the Soviet leadership in the Siberian countryside in the late 1920s and the first half of the 1930s led to the outflow of rural population to large cities, as well as to the destruction of social structure of Siberia with peasants being the dominant group in the population. Organized recruitment did not produce significant results due to a number of reasons as opposed to spontaneous migration. At the same time, forced migration was considered by the "deprived" as a way to avoid the economic difficulties associated with running their own economy, as well as to escape from further repression (confiscation of property and expulsion). The "deprived" used various strategies wen specifying cities in their petitions, but in most cases the very fact that they worked at a factory in the city was considered by the discriminated as proof of loyalty to the Soviet government. Besides, the children of the "deprived" used the fact of moving to the city as proof of a break with their family. The retreat to the cities was one of the tactics of the struggle of the "deprived" for the restoration of their rights. The evaluation of the effectiveness of this tactic showed that the "deprived" achieved their goal in most cases only when a significant evidence base was attached to the petitions.

Keywords: "deprived"; peasantry; migrations; discrimination; escape to the cities; marginality; Siberia.

The article has been received by the editor on 26.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению отхода в города как тактики борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах. На основе анализа ходатайств о восстановлении в избирательных правах лишенцев Искитимского и Маслянинского районов Западной Сибири реконструированы поведенческие практики лишенцев в процессе вынужденной

^{*} **Кожаева Альбина Алексеевна,** студент бакалавриата, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Kozhaeva Albina Alekseevna, undergraduate student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

миграции в города. Дискриминационная политика советского руководства в сибирской деревне в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов привела к оттоку сельского населения в крупные города, а также к трансформации социальной структуры Сибири с преобладающим числом крестьян в составе населения. Организованный набор (вербовка), противопоставляемый стихийной миграции, не принес значительных результатов из-за ряда причин. В то же самое время вынужденная миграция рассматривалась лишенцами как способ избежать экономических трудностей, связанных с ведением собственного хозяйства, а также с бегством от дальнейших репрессий (конфискации имущества и высылки). Стратегии лишенцев при указании городов в своих ходатайствах были различны, однако в большинстве случаев факт работы на производствах города рассматривался дискриминированными как доказательство лояльности и преданности советской власти, кроме того дети лишенцев использовали факт переезда в город как доказательство разрыва с семьей. Таким образом, отход в города являлся одной из тактик борьбы лишенцев за восстановление в правах. Оценка результативности указанной тактики показала, что лишенцы добивались поставленной цели в большинстве случаев только при приложении к ходатайствам значительной доказательной базы в виде справок, ударнических и расчетных книжек и пр.

Ключевые слова: лишенцы; крестьянство; миграции населения; дискриминация; отход в города; маргинальность; Сибирь.

65 статья Конституции РСФСР 1918 г. определила семь категорий лиц, которые лишались избирательных прав («кулачество», священнослужители, торговцы и пр.). На протяжении 1920-х гг. данная процедура ужесточалась. В 1925 г. в Инструкции о выборах городских и сельских советов была закреплена новая категория лишенцев – члены семей лиц, лишенных избирательных прав. Указанная дискриминационная мера не ограничивалась рамками исключительно правовой сферы, поскольку политика, нацеленная на дискредитацию «классового врага», расширяла круг сопутствовавших этому ограничений (выселение из коммунального жилья, лишение карточного снабжения, потеря работы, запрет на застройку, исключение из образовательных учреждений и пр.). Своего апогея дискриминационная кампания достигла к началу 1930 г., когда для сельских лишенцев их статус становился реальным основанием для включения в депортационные списки. Единственным легальным способом для лишенцев, желающих избавиться от социального клейма, являлись «письма во власть», ходатайства с целью обжалования решений избирательной комиссии.

В конце 1980-х гг. в условиях пересмотра прежней классовой методологии, феномен «лишенчества» как самой массовой правовой дискриминации в раннесоветском обществе стал предметом специальных исторических и правовых исследований¹. При значительном количестве публикаций по данной тематике ощутим недостаток работ, посвященных тактикам поведения лиц из оказавшейся в маргинальном статусе категории населения при попытках добиться восстановления в избирательных правах. Одной из такого рода тактик становился отход сельских лишенцев в города и на несельскохозяйственные производства в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. для того, чтобы получить необходимый для лишенцев трудовой стаж и статус лояльного к власти гражданина.

Сибирь с XVIII в. представляла собой аграрную территорию с преобладающим числом крестьян в социальной структуре населения. В конце XIX — начале XX в. происходил процесс значительного увеличения числа крестьянства в Сибири за счет переселения из центральных регионов страны. С 1917 по 1929 г. численность сельского населения в Сибири

¹ См.: Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; *Тихонов В.И.*, *Тяжельникова В.С.*, *Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

увеличилась больше, чем в целом по СССР (на $23\,\%$ и $11\,\%$ соответственно 2), число крестьянских хозяйств к $1928\,$ г. достигло показателя $1\,465,6\,$ тыс. 3

В результате реализации государственной политики в деревне в конце 1920-х — начале 1930-х гг. произошло радикальное разрушение ранее сложившейся социальной и территориальной структуры населения региона. В 1929 г. численность лишенцев в Сибирском крае достигла 4,4 % от взрослого населения региона⁴. Документация следующих лет не позволяет представить достоверную информацию о числе лишенцев в регионе, еще сложнее определить их количество в более мелких административно-территориальный единицах — районах, городах и сельских советах. Последнее связано, прежде всего, с качеством делопроизводства. Различного рода дискриминации и репрессии в отношении сельских жителей, а также экспроприационные «перегибы» влекли за собой массовое беженство, частью которого становился и стихийный, а не только добровольный, отход крестьян в крупные города и на стройки.

Трудовые миграционные процессы, связанные с отходом крестьян в города в конце 1920-х — начале 1930-х гг., являются сложной темой, поскольку сами по себе они не представляют однородное явление. Отход в города вызывался разными обстоятельствами и причинами, а также осуществлялся в разных формах: организованных, принудительных, добровольных, вынужденных, стихийных. Здесь действовали и пересекались одновременно разнонаправленные тенденции, когда интересы и мотивы власти входили в противоречие с мотивами и интересами тех или иных групп крестьянства.

Столкнувшись в начале первой пятилетки с нехваткой рабочих рук в базовых отраслях производства, государство, считавшее себя монополистом на рынке труда, сделало естественную ставку на организованный набор, т.е. привлечение рабочей силы через вербовщиков в селе. Однако данная мера не приносила значительных результатов, что обусловливалось рядом причин. Если рассматривать «низовой» уровень, то здесь явно играло роль нежелание трудоспособных крестьян бросать собственное хозяйство, особенно во время посева. Так, председатель правления «Востуголь» Я.К. Абрамов в своем письме в Запсибкрайисполком в мае 1931 г. объяснял провал кампании с вербовкой рабочей силы для шахт по Знаменскому району тем обстоятельством, что «ввиду посевной кампании рабсилы совершенно нет»⁵.

Другая же сторона данного процесса состояла в том, что ситуация на производстве не привлекала крестьян. По информации, переданной президиуму окрисполкома заведующим Минусинской окружной инспекцией труда, нежелание сельской бедноты и батрачества поступать на работу в «Лестресте» объяснялось: 1) низкой заработной платой при «существующей дороговизне на продукты»; 2) отсутствием спецодежды; 3) грубым отношением со стороны администрации⁶. В других документах незначительный набор рабочей силы связывался с отсутствием содействия со стороны сельских советов и колхозов в выделении рабочих рук («колхозы под разными предлогами уклоняются [от] выполнения нарядов Сибтруда»), со слабой разъяснительной работой со стороны сельских советов, рабочих комитетов, ячеек ВЛКСМ о задачах индустриализации, а также с «безответственной» работой вербовщиков⁷.

Самой распространенной формой отхода в города становился так называемый самотек. С одной стороны, государство было заинтересовано в том, чтобы крестьяне (прежде всего, колхозники) шли работать на производство в города и рабочие псоелки, с другой стороны,

 $^{^2}$ Ильиных В.А. Крестьянство в послеоктябрьский период // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 206.

 $^{^3}$ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41.

⁴ Корни или щепки... С. 49.

⁵ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Новосибирск, 2019. Вып. 2: (1929–1931 гг.). С. 466.

⁶ Там же. С. 380.

⁷ Там же. С. 393, 437.

власти старались не допустить стихийной и неорганизованной миграции. С этой целью 17 марта 1933 г. СНК СССР принимает специальное постановление, которое, с одной стороны, подтверждало льготы для отходников, принятые 30 июня 1931 г. (освобождение от денежных отчислений в фонд колхозов, льготы по здравоохранению, выделение продовольственных пайков и пр.), но, с другой стороны, акцентировало внимание на том, что данными льготами могут пользоваться только те отходники, которые «ушли в отход на основе специального, зарегистрированного в правлении колхоза, договора с хозорганами» 9.

Однако для части неколхозного населения сибирских сел отход в города виделся единственным способом найти заработок, а в 1930-е гг. экономические стимулы переплетались с жизнесохранением – стремлением убежать от репрессий. Важно отметить, что такой вынужденный и связанный с выживанием отход был для сельских лишенцев намного более мотивированным, чтобы осесть, закрепиться на производстве, нежели у завербованных госорганами колхозников.

Цель нашей работы состоит в реконструкции поведенческих практик лишенцев в процессе вынужденной миграции в города. Кроме того, предполагается, что данная дискриминационная практика повлияла на процесс трансформации сложившейся за длительный период времени социальной структуры Сибири, представленной преимущественно крестьянами. Указанную цель предполагается достичь путем определения причин оттока дискриминированной части сельского населения в города, а также с помощью выявления основных форм данной поведенческой практики.

Источниковой базой исследования являются хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области ходатайства лишенцев двух районов Новосибирского округа Западно-Сибирского (Сибирского края): Маслянинского (Никоновского) и Искитимского (Бердского). Исследовательская выборка составляет 17,1 % (170 лишенцев) от общего количества личных дел лишенцев в фонде Маслянинского района (Р-449), а также 16,7 % (132 лишенца) от общего количества личных дел лишенцев в фонде Искитимского района (Р-447).

Выбор указанных территориальных единиц объясняется рядом причин. Прежде всего, это социальный состав указанных районов. С одной стороны, они представляют собой типичные сельскохозяйственные районы с преобладанием аграрного сектора экономики, что нашло отражение в структуре их населения, представленного в основном крестьянами. Особенно это проявляется в Маслянинском районе, хотя и там присутствовал промышленный сектор в виде Егорьевских золотых приисков. С другой стороны, в 1930-е гг., из-за политики государства в деревне и индустриализации региона, существенно расширяется прослойка рабочих, занятых на производстве и шахтах. В связи с этим особое значение имеет Искитимский район, где располагался образованный еще в 1911 г., но быстро развивавшийся в годы первой пятилетки Чернореченский цементный завод.

Лишение избирательных прав ставило сельских жителей в затруднительное положение, поскольку, с одной стороны, они не могли продолжать развитие своего индивидуального хозяйства из-за страха дальнейших дискриминаций (высылка, ссылка, изъятие имущества и пр.), а с другой стороны, теряли возможность войти во вновь созданные коллективные хозяйства, поскольку это было закреплено на законодательном уровне. Последнее впервые было узаконено в постановлении ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г., где указывалось, что «всем гражданам Союза ССР, занимающимся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами и пользующимся правом избирать в Советы, предоставляется право образовывать кооперативные объединения (товарищества, артели и коммуны)»¹⁰. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 октября 1930 г. «О недопу-

⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» // Библиотека нормативноправовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3738.htm (дата обращения: 19.04.2021).

⁹ C3 CCCP. 1933. № 21. Ct. 116.

¹⁰ Там же. 1925. № 21. Ст. 36.

щении кулаков и лишенцев в кооперацию» подтверждало прежнее постановление, однако устанавливало список лишенцев, которые в качестве исключения могли быть приняты в кооперацию, впрочем, такая возможность была затруднена и не всегда достижима.

Нельзя не согласиться с Д.В. Валуевым, который в своей работе приходит к выводу, что лишенцы зачастую переживали экономические ограничения более тяжело, чем социальные, поскольку речь здесь шла уже о самых насущных вещах – потере источников пропитания и обеспеченного существования» ¹². В табл. 1 представлены мотивации лишенцев Искитимского и Маслянинского районов, которые в отличие от главной цели (восстановление в избирательных правах) различались в каждой конкретной ситуации. По данным таблицы видно, что лишенцы остро реагировали на изменения в их материальном состоянии вследствие правовой дискриминации. Как правило, в рамках экономической мотивации лишенцы приводили такие аргументы, которые показывали бы их бедственное материальное положение: 1) конфискация имущества; 2) потеря рабочих рук глав и членов семьи, взятых на принудительные работы в тыловое ополчение или отправленных в ссылку, места заключения; 3) потеря продовольственных пайков; 4) исключение из колхозов.

Таблица 1 Мотивации лишенцев Искитимского и Маслянинского районов в борьбе за восстановление в правах в 1928–1936 гг.*

	Искитимский район		Маслянинский район	
Мотивация	Кол-во лишенцев	%	Кол-во лишенцев	%
Желание добиться отмены неспра- ведливо принятого решения	45	34	68	39,8
Желание избавиться от тяжелого материального положения	40	30,3	43	25,2
Желание избавиться от «позорного статуса» (моральная сторона)	17	13	25	14,6
Желание избавиться от статуса лишенца для того, чтобы оказать «пользу государству»	11	8,3	19	11,1
Желание освободиться из ссылки/ от службы в тыловом ополчении	10	7,6	3	1,7
Нет данных о мотивации лишенца	9	6,8	13	7,6
Всего	132	100	171	100

^{*} Составлено на основе базы данных автора.

Восстановление в избирательных правах казалось лишенцам способом избежать «гибели» ¹³ и «голодной смерти» ¹⁴. Однако важно отметить, что политический фактор также являлся одной из основных причин массового бегства в города. Так молодые лишенцы, дискриминированные вместе со своими родителями, стремились избавиться от «позорного

 $^{^{11}}$ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Москва, 2000. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 690.

¹² Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений... С. 107.

¹³ Заявление Ермаковой В.М. в краевую избирательную комиссию [не датировано] // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38.

 $^{^{14}}$ Заявление Годицкого Ф.Ф. в райисполком от 28 апреля 1932 г. // Там же. Д. 160. Л. 18.

имени родителей»¹⁵. Х. Кесслер, описывая процесс бегства крестьян в города во время коллективизации, справедливо отмечает: «То, что начиналось как бегство от террора и репрессий переросло в бегство от нищеты и низкого уровня жизни в колхозах»¹⁶. Таким образом, все факты, указанные выше, становились причиной массового бегства лишенцев из села в город. Желая найти работу и «свой угол»¹⁷, избежать репрессий, лишенцы переселялись в ближайшие крупные города. ЗЗ лишенца (25 %) из выборки по Искитимскму району писали о Новосибирске: а) указывали местом жительства этот город, поэтому просили отправлять ответы на свои ходатайства по новосибирским адресам; б) сообщали о работе в столице Западной Сибири; в) о желании уехать в Новосибирск. Один лишенец упоминает также работу в Бийске. Отход в города был достаточно распространенной практикой для жителей Искитимского района во многом благодаря тому, что этому процессу способствовало наличие проходившей по территории района железной дороги.

В то же время среди лишенцев Маслянинского района такая практика не являлась широко распространенной — только 13 лишенцев (7,6 %) выборки привели аргументы, связанные с жизнью в городе. Гораздо чаще дискриминированные указанного района писали о занятости на шахтах и рудниках, в том числе на Егорьевских золотых приисках, находящихся в районе. Однако, в отличие от Искитимского района, лишенцы Маслянинского района упоминали кроме Новосибирска населенные пункты, ныне относящиеся к территории Кемеровской области: Анжеро-Судженск, Кузнецк, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий. Один человек указал работу в городе Таре (современная Омская область), один — в Томске.

Невозможность найти надежный заработок в сельской местности вынуждала лишенцев искать работу в городах и доступных для них производствах. Однако в 1930 г. в рамках начавшейся кампании «ликвидации кулачества» власть приняла несколько важных постановлений, которые потенциально могли бы стать преградой для устройства дискриминированных на предприятия в городах. Политбюро ЦК ВКП (б) 30 января 1930 г. приняло известное Постановление, установившее основные принципы проведения кампании по «ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором отдельно прописывались особые меры «по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов» 18.

В постановлении также акцентировалось внимание на то, что чистка на предприятиях должна носить скорее выборочный характер, «не допуская какой-либо общей кампании чистки на предприятиях и транспорте». Вероятно, такой ограниченный характер чистки предприятий являлся вынужденным в связи с нехваткой рабочих рук на предприятиях, при этом отдельно указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство» 19.

Дальнейшее развитие данная мера получила 3 февраля 1930 г., когда СНК СССР постановил создать специальную комиссию для разработки «срочных мероприятий по очистке промышленных учреждений и транспорта от отдельных кулацких элементов» 10 под председательством наркома труда Н.А. Угланова, в состав которой также должны были войти первый секретарь ВЦСПС А.И. Догадов, заместитель председателя ВСНХ М.Л. Рухимович, заместитель наркома путей сообщения Г.И. Благонравов.

Ш. Фицпатрик называет бегство в города стратегией сопротивления крестьянства сталинскому режиму. При этом она отмечает, что инициатором данной стратегии была сама

 $^{^{15}}$ Заявление Ермаковой В.М. в краевую избирательную комиссию // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38.

¹⁶ *Кесслер X*. Коллективизация и бегство из деревень – социально- экономические показатели, 1929–1939 гг. // Экономическая история.М., 2003. Вып. 9. С. 78.

 $^{^{17}}$ Заявление Кадышевой С.М. в Новосибирский городской совет от 1 февраля 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 306. Л. 9.

¹⁸ Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М, 2005. Кн. 1. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Постановление СНК СССР «Об организации расселения высылаемых в отдаленные местности РСФСР кулаков и кулацких семей и об использовании их как рабочей силы» // Политбюро и крестьянство... С. 8.

власть²¹. Приведенное размышление представляется вполне обоснованным, если учитывать тот факт, что сталинское руководство активно не боролось с отходом крестьян из деревни. Изданные постановления о недопущении «кулаков» на производство, введение паспортной системы не способствовали снижению стихийного бегства крестьян в города. Доля городского населения Сибири с 1926 по 1939 г. увеличилась в 3,8 раза (тогда как по всей стране доля городского населения за это время выросла в 2,1 раза). К 1939 г. доля городского населения Сибири составляла 32,9 %²².

Несмотря на постановления правительства лишенцам все же удавалось попасть на производство, более того указание успешной работы становилось одним из аргументов, которые приводили лишенцы в доказательство лояльности к мероприятиям советской власти (табл. 2).

Таблица 2 Стратегии лишенцев Искитимского и Маслянинского районов при указании городов в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах в 1928–1936 гг.*

Стратегия	Кол-во лишенцев	%
Работа в городе как доказательство преданности и основание для восстановления в правах	20	43,5
Переезд в город (работа в городе) как доказательство разрыва с семьей	17	37
Желание найти работу на производствах города после восстановления в правах	7	15,2
Переезд в город как доказательство связи с трудящимися членами семьи	2	4,3
Всего	46	100

^{*} Составлено на основе базы данных автора.

33 лишенца из двух выборок, переехавшие в города, указывали, что работают на промышленных предприятиях. Для лишенцев указание работы на производствах города являлось важной стратегией, поскольку так они могли показать себя с лучшей стороны (43,5 % лишенцев из выборки использовали данную тактику). Особый интерес представляют языковые конструкции, которыми лишенцы описывали свою работу. Как правило, описывая свою работу на предприятиях Новосибирска, лишенцы отмечали, что выполняли обязанности «добросовестно»²³, «аккуратно»²⁴ и «по-ударному»²⁵, а также ссылались на «трудовой стаж»²⁶, получение «премий»²⁷ и «заинтересованность производством»²⁸.

²¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

²² Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 296.

 $^{^{23}}$ Заявление Княжева В.М. в краевую избирательную комиссию от 14 мая 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6; Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4; Заявление Хабарова Ф.Ф. в райисполком от 6 августа 1935 г. // Там же. Д. 690. Л. 3; Заявление Арестова И.Т. в краевую избирательную комиссию от 20 апреля 1935 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 80. Л. 11.

 $^{^{24}}$ Заявление Княжева В.М. в краевую избирательную комиссию от 14 мая 1934 г. // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.

 $^{^{25}}$ Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4; Заявление Михайлова Е.Н. в райисполком от 29 августа 1934 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 601. Л. 23–24.

 $^{^{26}}$ Заявление Катышева С.М. в райисполком [1933 г.] // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6; Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4.

 $^{^{27}}$ Заявление Селедцова Г.Ф. в райисполком от 25 августа 1934 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 781. Л. 49; Заявление Арестова И.Т. в краевую избирательную комиссию от 20 апреля 1935 г. // Там же. Д. 80. Л. 11.

 $^{^{28}}$ Заявление Крысина М.И. в Новосибирский городской совет от 20 октября 1933 г // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 400. Л. 20.

Места работы лишенцев в Новосибирске были различны. Лишенцев привлекали на строительство крупных объектов, связанных с транспортным сообщением в тресте «Сибстройпуть» наркомата путей сообщения СССР, работали они и на кирпичном заводе, заводе «Сибкомбайн», в управлении строительством краевого исполнительного комитета и т.д.

Важным подкреплением слов лишенцев становились справки с мест работы. В инструкции о выборах городских и сельских советов 1926 г. появилась глава «О порядке восстановления в избирательных правах лиц, лишенных таковых»²⁹, в которой декларировалось право лишенцев на восстановление в правах «при условии, если они в течение не менее пяти лет занимаются производительным и общественно-полезным трудом». Доказательством же работы на производстве для членов избирательных комиссий служили многочисленные справки, ударнические книжки и прочие документы, подтверждающие факты о работе, указанные в ходатайствах лишенцев.

Отсутствие задокументированного подтверждения о работе могло стать одной из основных причин отказа в восстановлении. Е.Н. Михайлов, дискриминированный вместе с отцом в 1930 г., подавал два ходатайства в 1934 г. На первое свое ходатайство, адресованное в райисполком³⁰, автор получил отказ. В заявлении в краевую избирательную комиссию, которое было написано спустя месяц, мужчина поясняет, как ему объяснили причину отказа в восстановлении: «Недостаточное количество было приложено документов, райкомиссия в ходатайстве отказала»³¹.

Однако не всем удавалось благополучно уехать в город, поскольку главным препятствием для этого становилось их социально-правовое положение. Поэтому часть лишенцев (15,2 %) использовали стратегию обращения к своему будущему. Они писали, что «лешенцем дальше существовать нельзя» 12, поскольку это мешает найти работу, следовательно, восстановление в правах, по мнению авторов таких ходатайств, помогло бы им трудоустроиться в городах.

Рассматривая бегство в города среди колхозной молодежи, Шейла Фицпатрик приходит к следующему заключению: «Для колхозной жизни в 30-е гг. симптоматично стремление молодежи уехать, так как только за пределами деревни ей мог выпасть шанс пробиться в жизни. <...> Напротив, родители, по-видимому, были всецело согласны с тем, что уехать из деревни – самое лучшее, что могут сделать их дети, особенно сыновья»³³. Важно отметить, что указанный тезис вполне соотносится не только с представителями колхозного уклада, поскольку данная тенденция также отмечается среди лишенцев. Молодежь, подвергшаяся дискриминации вместе с главой семьи, стараясь избавиться от статуса лишенца, уезжала в города, тем самым показывая свою материальную независимость от прежней семьи. Важно отметить, что подобная практика часто приводила к удовлетворительному результату – восстановлению в избирательных правах. Братья К.И. Бархатов 34 и Л.И. Бархатов 35 были лишены избирательных прав за совместную с отцом «религиозную службу». В своих ходатайствах мужчины пишут о том, что потеряли связь с отцом, а доказательством этого выступает их «самостоятельная работа» на производствах Новосибирска с 1930 по 1935 г. Кроме того, каждый из просителей приложил к своему заявлению большое количество справок с работы, а также расчетные книжки. К.И. Бархатов был восстановлен в избирательных правах 2 сентября 1935 г. Искитимский райисполком указал следующее основание для восстановления: «Принимая во внимание, что Бархатов лишен как иждивенец, занимается общественно-полезным трудом»³⁶. Его брат Л.И. Бархатов был восстановлен в избирательных правах на том же основании 19 октября 1935 г.³⁷

²⁹ Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1926. № 75. Ст. 577.

³⁰ Заявление Михайлова Е.Н. в райисполком от 29 августа 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 601. Л. 23–24.

 $^{^{31}}$ Заявление Михайлова Е.Н. в краевую избирательную комиссию от 17 сентября 1934 г. // Там же. Л. 17.

³² Заявление Ковнера А.А. в райисполком от 10 августа 1935 г. // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 345. Л. 3–5.

³³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне... С. 21.

³⁴ Заявление Бархатова К.И. в райисполком от 26 августа 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 41. Л. 9.

 $^{^{35}}$ Заявление Бархатова Л.И. в райисполком от 15 сентября 1935 г. // Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Там же.

Но существовали примеры и обратной практики, когда родители-лишенцы стремились отобразить в своих ходатайствах переезд в город на иждивение своих трудящихся детей. Такая линия поведения преследовала две цели: с одной стороны, материальную, связанную с потерей заинтересованности в развитии собственного хозяйства, с другой – доказательную, поскольку, по мнению лишенцев, это могло бы показать их собственную заинтересованность в труде своих детей. Однако, как видно из табл. 2, данная практика была достаточно редкой (4,3 %). Кроме того, такие действия потенциально создавали опасность для дискриминации трудящихся детей. Так, В.И. Дягилев был лишен избирательных прав, несмотря на наличие раздельного акта со своей семьей, поскольку его мать, Е.Е. Дягилева³⁸, переехала к нему в Новосибирск. В своем ходатайстве он пишет, что из-за статуса лишенца его, невзирая на профессиональные заслуги, сняли с курсов десятников (бригадиров)³⁹.

Отчетливо прослеживается, что отход в города для лишенцев выполнял сразу две функции: социальной практики и тактики в борьбе за восстановление в правах. И если оценить результативность использования последней, то она достигала цели только в тех случаях, когда лишенец прилагал к ходатайству достаточную, с точки зрения избиркомов, доказательную базу в виде справок, ударнических и расчетных книжек и прочих документов. Из выборки Искитимского района восстановления в правах добились 18 лишенцев (13,6 %), из которых 10 писали о переезде в города на производство. В Маслянинском районе ситуация оказалась несколько хуже, поскольку из 18 восстановленных лишенцев (10,5 %) только четверо писали о переезде в город. При этом нельзя не учитывать тот факт, что 12 лишенцев из Искитимского и 6 из Маслянинского районов, используя ту же самую тактику, получили отказ. На решение комиссии в таком случае могли повлиять и другие факторы: характеристики лишенца от односельчан, доказательная база сельского совета (справки-свидетельства от наемных работников), а также в целом политическая ситуация в СССР. Кроме того, необходимо отметить, что часть ходатайств лишенцев, переехавших в город (шести из Искитимского и трех из Маслянинского районов), остались без ответа. Отсутствие реакции органов на поданные ходатайства могло быть вызвано либо нежеланием избиркомов пересматривать ранее вынесенные решения, либо низким качеством местного делопроизводства.

Проследить дальнейшую судьбу лишенцев, переехавших на работу в город, не представляется возможным, однако логично предположить, что большинство из них не вернулись к занятию сельским трудом. В итоге и «снизу» и «сверху» происходил процесс «доликвидации» «лишенческих» крестьянских хозяйств, оказавшихся заброшенными, поскольку лишенцы либо уходили из села в города, либо переставали заниматься сельским трудом.

«Лишенчество», сопровождавшее проводившуюся как в целом по стране, так и непосредственно в рассматриваемом регионе форсированную этатизацию аграрной сферы, в итоге становилась одним из факторов, приводивших к непредсказуемым и нежелательным для власти результатам: сельское хозяйство в Западной Сибири накануне войны оказалось в глубочайшем кризисе. Государство, ставившее целью развитие сельского хозяйства, своими действиями разрушало человеческий потенциал тех, кто мог бы результативно трудиться в аграрной сфере. В.А. Ильиных справедливо отмечает, что «к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири с момента начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано» ⁴⁰. Отход в города стал одной из форм исчезновения крестьянства не только как основной производственной силы Сибири, но и как самого массового социального слоя региона.

³⁸ Заявление Дягилевой Е. Е. в Тальменский сельский совет от 11 марта 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 218. Л. 14–15.

³⁹ Заявление Дягилева В.И. в краевую избирательную комиссию от 5 апреля $1935 \, \text{г.} // \, \text{Там}$ же. Л. 2–3.

 $^{^{40}}$ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х - 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 37.

Литература

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918—1938 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600—628.

Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–75.

Ильиных В.А. Крестьянство в послеоктябрьский период // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 206–207.

Кесслер X. Коллективизация и бегство из деревень — социально-экономические показатели, 1929-1939 гг. // Экономическая история. Вып. 9. М., 2003. С. 77-79.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917—1937 гг. / под ред. Н.Я. Гущина. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / Т.М. Бадалян, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. 188 с.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1998. 256 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

Badalyan, T.M., Il'inykh, V.A., Karpunina, I.B., Melent'eva, A.P. (2001). *Ocherki istorii krestyanskogo dvora i semyi v Zapadnoy Sibiri. Konets 1920-kh – 1980-e gody.* [Essays on the History of the Peasant Household and Family in Western Siberia. Late 1920s–1980s]. Novosibirsk, IDMI. 188 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya*. *Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Fitzpatrik, Sh. (2001). Stalinskie krestiane. Sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya [Stalin Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30-ies: Village]. Moscow, ROSSPEN. 421 p.

Gushchin, N.Ya. (Eds.). (1983). *Krestyanstvo Sibiri v period stroitelstva sotsializma*. 1917–1937 *gg*. [The Peasantry of Siberia During the Construction of Socialism. 1917–1937]. Novosibirsk, Nauka, 389 p.

Il'inykh, V.A. (1999). Krestyanskoye khozyaystvo v Sibiri (konets 1890-kh – nachalo 1940-kh godov): tendentsii i etapy razvitiya [Peasant Economy in Siberia (Late 1890s – Early 1940s): Trends and Stages of Development]. In *Krestyanskaya semya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya*. Novosibirsk, pp. 33–75.

Il'inykh, V.A. (2009). Krest'yanstvo v posleoktyabr'skiy period [The Peasantry in the Post-October Period]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* Ed. V.A. Lamin. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 206–207.

Kessler, H. (2003). Kollektivizatsiya i begstvo iz dereven – sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli, 1929–1939 gg. [Collectivization and Rural Flight – Socio-Economic Indicators, 1929–1939]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. *Obozrenie*. Moscow. Vol. 9, pp. 77–79.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Lamin, V.A. (Ed.). (2009). *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri:* v 3 t. [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 Vol.]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2. 808 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov, 256 p.

Valuev, D.V. (2012). Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti) [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021 г.

В.Б. Лапердин*

Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-4 УДК 94(571.1)«1930/1940»

Выходные данные для цитирования:

Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-04.pdf

V.B. Laperdin*

Group Conflicts in the Collective Farm Society of West Siberian Region in the 1930s

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-4

How to cite:

Laperdin V.B. Group Conflicts in the Collective Farm Society of West Siberian Region in the 1930s // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 38–52. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-04.pdf

Abstract. The author examines group conflicts in the collective farm society of West Siberian region in the 1930s. Peasant groups united on similar grounds (informal and closely family ties, similar attitude to state policy, socio-economic status before collectivization, etc.), finding themselves in the same collective farm society, entered into various, sometimes conflicting, relationships. Their emergence iwas the result of decomposition of peasant communities and high social mobility in new collective farm societies. Disintegration of traditional communal structures that promoted solidarity and unity of village population led to increasing conflicts in Soviet collective farms, which often took on group forms. Moving up the collective farm hierarchy, as well as defending an already acquired position, was facilitated with the support of the group. Opportunities for social mobility were determined not only by loyalty to the state, but also by belonging to an informal group. The higher position of a group in the collective farm society, the more chances its members had to take the desired positions. State indirectly participated in life of intra-collective farm groupings, being represented by cells of CPSU(b), rural activists, chairmen of collective farms and party organizers sent by party organizations, who also created groups around themselves. They not only realized their own, interests, out also interest of the state. Aggravation of group conflicts could lead both to deterioration in economic condition of collective farm economy and to its complete collapse. Nevertheless, the author of the article is not inclined to absolutize conflicts in collective farm environment, which were only one of the many aspects of relations. Groups coexisted peacefully, not showing themselves in confrontation, so information about them was not reflected in the sources. Collective farm societies could act as a single whole if common interests were affected. First of all, this referred to the fulfillment of state requirements, which were heavy burden on the shoulders of peasants.

Keywords: peasantry; agrarian policy of the state; collectivization; collective farms; collective farm society; social mobility; Siberia.

The article has been received by the editor on 29.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е гг. Крестьянские группы, объединенные по схожим признакам (неформальные и близкородственные связи, общее отношение к государственной политике, социально-экономическое положение до коллективизации и т.д.), оказавшись в

^{*} Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru Laperdin Vyacheslav Borisovich, Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

одном колхозном коллективе, вступали в разнообразные, в том числе конфликтные, отношения. Их возникновение обуславливается разложением крестьянской общины и высокой социальной мобильностью в пришедшем ей на смену новом колхозном социуме. Распад традиционных общинных структур, способствовавших солидарности и единству населения деревни, привел к росту конфликтности в советском селе, зачастую принимавшем групповые формы. Продвижение вверх по колхозной иерархии, как и отстаивание уже приобретенного положения, облегчалось при поддержке группы. Возможности социального роста определялись не только лояльностью к государству, но и принадлежностью к неформальной группе. Чем выше положение группы в коллективе, тем больше шансов у ее членов занять желаемые должности. Государство опосредованно участвовало в жизни внутриколхозных группировок, будучи представлено ячейками ВКП(б), сельским активом, присланными партийными организациями председателями колхозов и парторгами, также создававшими вокруг себя группы. Они не только преследовали свои собственные, но и отстаивали государственные интересы. Обострение групповых конфликтов могло привести как к ухудшению экономического состояния коллективного хозяйства, так и к полнейшему его развалу. Тем не менее, автор статьи не склонен абсолютизировать конфликты в колхозной среде, являвшиеся только одним из аспектов отношений. Группы мирно сосуществовали, не проявляя себя в противоборстве, поэтому сведения о них не отражались в источниках. Колхозные коллективы могли выступать в качестве единого целого, если затрагивались общие интересы. В первую очередь это относилось к выполнению государственных обязательств, тяжким бременем ложившихся на плечи крестьян.

Ключевые слова: крестьянство; аграрная политика государства; коллективизация; колхозы; колхозный социум; социальная мобильность; Сибирь.

Проблема социальной мобильности и иерархии в колхозном социуме, пришедшем в 1930-е гг. на смену крестьянской общине, а также особенности социальных отношений в абсолютно новой для российской деревни колхозной среде после «великого перелома» уже длительное время привлекают внимание исследователей. В советской историографии, как и в современной, многие исследователи склонны выделять в колхозном социуме отдельные социально-профессиональные группы. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось как на общесоюзных¹, так и региональных материалах, в том числе сибирских². В 1990-е гг. Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин³ задали историографическую традицию, при которой социально-профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности». Первостепенным стало изучение ее причин, в частности аграрной политики государства. Любое расслоение в колхозной среде при таком подходе стиралось, основной целью выступало раскрытие отношений между властью и крестьянством. Впоследствии внимание многих исследователей было приковано к данной проблеме именно в такой ее формулировке. Однако имеются вполне удачные попытки осуществить ревизию советской концепции. Ш. Фицпатрик⁴ выделила отдельные профессиональные группы, складывавшиеся в колхозах с началом коллективизации. Принципиально новой в ее исследовании стала оценка колхозного руководства, как привилегированной группы, боровшейся за улучшение своего положения. М.А. Безнин и

¹ Арутонян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

² Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975; Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

³ Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды. М., 2011. Ч. 1; Ч. 2; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Т.М. Димони⁵ дали совершенно новую интерпретацию дифференциации колхозного социума, представив профессиональные группы в виде отдельных социальных классов, обладавших собственным самосознанием. Эта концепция, несмотря на критику, нашла своих последователей. Так, Л.В. Изюмова⁶ исследуя колхозное крестьянство Европейского Севера России, использует данную методологию. М.Н. Глумная⁷ проанализировала основные тенденции изменения управленческого аппарата колхозов. В ее работе изучается только часть колхозного социума (в первую очередь члены правления), находившаяся на верху иерархии. Управленческий персонал, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М.А. Безнин и Т.М. Димони.

В перечисленных выше работах в той или иной степени затрагивается вопрос социальной мобильности и возможности перехода с одной ступени колхозной иерархии на другую. Если в советских работах основное внимание уделялось позитивным изменениям и представившимся для крестьян возможностям социального роста, то историографическая традиция, основанная на работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, рассматривает в первую очередь негативные изменения: раскулачивание, чистки, репрессии. Впрочем, в современной историографии сохраняется интерес к вопросу формирования колхозной иерархии и способу улучшения социального статуса. Об этом говорится в работах М.А. Безнина, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой, М.Н. Глумной. Намного более сложная картина представлена Ш. Фицпатрик. Она показывает как позитивные, так и негативные последствия передвижения по социальной лестнице в колхозной системе. Социальную мобильность колхозного крестьянства исследовал В.А. Ильиных⁸. Он говорит не только о вертикальной мобильности – изменении места в социальной структуре, движении как вверх по ней, так и вниз, но и о горизонтальной мобильности – переходе с одной позиции на другую при сохранении социального статуса (вступление в колхоз не всегда являлось потерей статуса или его повышением).

Методологической основой исследования послужила работа Ш. Фицпатрик⁹, в одной из глав которой рассматриваются групповые отношения в колхозном социуме. Их возникновение она усматривает во внутрисельских раздорах. Если в той или иной степени семейные или этнические конфликты были распространены во все времена, то предшествующие 1930-м гг. события усилили раскол деревенского общества. Коллективизация и раскулачивание, последствия эпохи Гражданской войны и даже столыпинских реформ, привели к возникновению групповых конфликтов. Они стали возможны не только по причине политического, социального, экономического и культурного разделения советской деревни, но и банальной борьбы за власть в колхозах. И если во времена общины руководящий пост не был связан со значительными привилегиями, то новая социально-профессиональная градация предполагала их. Распад традиционных общинных структур, способствовавших солидарности и единству населения деревни, привел к росту конфликтности (агрессии) в советском селе, зачастую принимавшем групповые формы¹⁰.

Групповые отношения широко изучаются в социальной психологии и конфликтологии. Считается аксиомой, что крупные коллективы могут разделяться на неформальные или же формально оформленные группы, между которыми складываются самые разнообразные отношения, в том числе и конкурентные. С этой точки зрения, групповые конфликты в колхозных коллективах следует считать естественным явлением. Но возникновение в весьма специфичном историческом контексте 1930-х гг. обусловило ряд их особенностей.

http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-04.pdf

 $^{^{5}}$ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.

 $^{^6}$ Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда, 2010.

 $^{^7}$ Глумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х -1930-е гг.). Вологда, 2011.

⁸ Ильиных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1.

⁹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне...

¹⁰ Там же. С. 275–276.

По нашему мнению, увеличение числа групповых конфликтов происходило не только по причине роста агрессии в сельской среде, но и из-за высокой социальной мобильности. Новая колхозная иерархия хотя и получила внешнее оформление, однако внутренне оставалась весьма неустойчивой, что выразилось в высокой текучести руководящих кадров. Это открывало широкие перспективы для желающих повысить свое социальное положение. Борьба за власть в колхозных коллективах происходила не только между отдельными индивидами, но и между поддерживающими их группами.

Цель статьи – на основе документов по Западно-Сибирскому краю показать роль и значение групповых отношений в колхозном социуме.

Социально-экономическая дифференциация крестьянства, характерная для сельской общины, стала одной из причин возникновения групповых отношений в колхозах в период коллективизации. Крестьяне, даже после вступления в колхоз, идентифицировали себя как батраков, бедняков и середняков, объединялись и отстаивали интересы своей имущественной группы. Начальник политотдела Топкинской МТС Б. Майберг в 1934 г. докладывал в Западно-Сибирский крайком о конфликтах между беднотой и середняками: «...взятый в свое время вполне правильный курс на середняка в колхозном строительстве в настоящее время, как мне кажется, начинает перерастать в свою противоположность. Середняцкие хоз[яйст]ва, захватив в колхозах "командные высоты", сильно укрепили за собой эти позиции и оттеснили бедноту, не допуская ее к хорошо "оплачиваемым" работам. Я имел беседу на эту тему с некоторыми, наиболее передовыми, председателями. Они признали, что это явление имеет место, что оно "исторически" так сложилось вследствие того, что середняк пришел в колхоз более квалифицированным, грамотным, знающим хоз[яйст]во, умеющим работать и т.д. и т.п.»¹¹.

О столкновениях между колхозниками из различных социально-имущественных групп, говорится в докладной записке 1932 г. уполномоченного Западно-Сибирского крайкома по хлебозаготовкам в Баевском районе: «В колхозе им. КАЛИНИНА <...> наряду с бесхозяйственностью и расхищением хлеба и скота пышно процветала эксплуатация бывшего батрачества и бедноты. Эксплуатация носила явно издевательский и контрреволюционный характер. Бедноту не только ставили на самую тяжелую, грязную и менее оплачиваемую работу, но воровали трудодни, снижали нормы выработки и не оплачивали; пытавшихся протестовать лишали работы и оставляли совсем без хлеба. <...> Вообще лишение работы бедноты в колхозах носит массовый характер, а отсутствие работы, отсутствие трудодней – отсутствие хлеба, отсюда голод и бегство бедноты из колхозов (один из кулацких методов разрушения колхозов и дискредитации коллективизации)» 12.

Притеснение бедняков и батрачества в колхозах со стороны более зажиточных односельчан стало частым сюжетом в крестьянских письмах, адресованных в партийные органы. Более подробно эту проблему описал в своем письме, отправленном в Западно-Сибирский крайком в 1932 г., член колхоза им. Будённого Чебаковского района М.И. Сучков: «...трудящемуся бедняку или батраку жить очень трудно, потому что он всем обездолен, как в трудоднях, так и продуктами, тем более приезжим, вступившим в колхоз, очень часто приходится сидеть голодным[и] и холодным[и] по два, по три и по четыре, и по пять дней, то мелят [и] на мельницах живут, то не хватает хлеба. А друг дружку укоряют, что хорошо тебе жить без хлеба, что вы напасли себе колхозного хлеба. Все управители колхоза кулачки и зажиточные, и все родные и знакомые, все связаны. Малая часть бедноты и батрачества то не смеют ничего сказать, а то причину найдут, обездолят и выжить из колхоза так не так то выморкой выживут из колхоза» ¹³. Группы, состоящие из родственных кланов, являвшихся выходцами из одной социально-экономической среды, упоминались в негативном контексте как в крестьянских письмах, так и в отчетах хозяйственно-политических организаций.

 $^{^{11}}$ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 91.

¹² Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 125.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 272.

Далеко не всегда в ущемленном положении оказывалась беднота. В зависимости от того, как складывались отношения в том или ином колхозе, аутсайдерами рисковали стать середняки. Беднота могла иметь численный перевес и поддерживаться со стороны сельской партийной ячейки. Так, в 1930 г. в колхозе «Память Ленина» Ижморского района произошел конфликт между партийной ячейкой, состоявшей из 10 членов ВКП(б), при поддержке 13 комсомольцев, выступавших на стороне бедноты и середняков, сумевших на время занять главенствующее положение в колхозе. Когда правление повело борьбу с прогулами, (а самыми злостными прогульщиками оказались члены партии), середняков обвинили в принадлежности к кулачеству и вычистили из колхоза. В довершении всего над ними нависла угроза ссылки на спецпоселение¹⁴. В данном случае социальная иерархия внутри колхоза выстраивалась при активном участии бедноты и членов партии, в то время как середняки оказались в ущемленном положении.

Государство опосредованно участвовало в жизни внутриколхозных группировок. Социалистическое строительство в деревне предполагало массовое привлечение крестьянства на сторону большевиков путем расширения численности парторганизаций и комсомола в сельской местности, развития движения ударников и т.д. Как правило, такие группы формировались вокруг «пришлого» парторганизатора или уже созданной партийной ячейки, а в 1930 г. прибывшего из города двадцатипятитысячника. Через подобные группы власти весьма успешно оказывали влияние на колхозные коллективы. Инкорпорированные в колхозную структуру, они отстаивали интересы государства, что вызвало неоднозначную реакцию со стороны остальной части крестьянства и вело к росту напряжения в колхозном социуме.

Отдельно стоит сказать об институте партийных организаторов, функционировавшем в наиболее крупных колхозах края. Парторги подбирались из числа идеологически надежных и проверенных в деле кадров. Как правило, они были либо горожанами, либо приезжали из других сельских районов. Для местных коллективов парторги оказывались чужаками с весьма широкими полномочиями. Их обязанностью было не только ведение партийной работы, но и выявление антисоветских элементов. Иными словами, в функции парторгов входило создание собственных групп с целью поддержки политики государства и разжигание внутриколхозных конфликтов с антисоветски настроенной частью крестьян, а затем устранение наиболее одиозных противников посредством колхозной чистки или привлечения органов госбезопасности. Впрочем, далеко не всегда требовалось применение столь категоричных мер. Так, прибывший в 1936 г. в колхоз «Активист» Крапивинского района парторг Демченко столкнулся с недовольными высказываниями в свой адрес: «Вот прислали нам коммуниста, командовать нами, как было хорошо жить без коммунистов». Собрав вокруг себя партийный актив, Демченко повел борьбу с недовольными его приездом колхозниками, во главе которых стоял заведующий молочно-товарной фермы. Используя свое влияние при решении хозяйственных вопросов, он поставил под особый контроль работу фермы, тем самым нанеся удар по оппозиции 15 .

Однако далеко не всегда подобное инкорпорирование проходило успешно. В 1934 г. партийный организатор колхоза «Новая жизнь» Быстро-Истоцкого района К.Н. Сапрыкин оказался в критической ситуации. После перевода на другое место работы начальника политотдела Южной МТС, в зону деятельности которой входил колхоз, противостоящая Сапрыкину внутриколхозная группа сменила состав всего местного актива, заменив его на враждебных парторгу людей, ранее находившихся на особом учете политотдела. Не сумев создать в качестве противовеса свою собственную группу, Сапрыкин готов был бросить работу и уехать из деревни¹⁶. В данном случае партийному организатору не удалось выполнить возлагаемой на него функции – консолидировать вокруг себя крестьян с целью выявления «антисоветских элементов», которые сами заменили собой сельский актив.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304. Л. 57–58 об.

¹⁵ Там же. Оп. 10. Д. 642. Л. 105.

¹⁶ Там же. Оп. 9. Д. 952. Л. 735–736.

Еще одним «пришлым» для колхозного коллектива мог стать назначенный «сверху» председатель. В 1930-е гг. сформировался слой профессиональных руководителей колхозов, являющийся прообразом будущей социально-профессиональной группы председателей, о которой, в частности, пишут М.А. Безнин и Т.М. Димони¹⁷. Однако в довоенный период их насчитывалось относительно немного в общей массе колхозных управленцев. Их постоянно перебрасывали с места на место в наиболее проблемные колхозы. Выполнив свою роль и наладив производство, они тут же переводились в другое хозяйство. Появление человека со стороны, занимавшего высокое положение в колхозной иерархии и активно проявлявшего себя на новой должности, разрушало систему устоявшихся отношений в коллективе, что могло привести к конфликту. В аналогичной ситуации находились партийные организаторы. Поэтому не удивительно, что, оказавшись в колхозе, двое «чужаков» старались создать собственную группу. Тем более, что их объединяла общая цель – они отстаивали интересы государства, а не нового для себя коллектива. Член ВКП(б) И.Ф. Воротилин, в 1934 г. проживавший в Топкинском районе, пожаловался в Западно-Сибирский крайком на председателя колхоза, назначенного политотделом МТС. Объединившись с парторгом, он «не признавал партийную организацию, работал самостоятельно <...> и приказами» 18 , чем настроил против себя местный актив. Сельским коммунистам не понравился как командный метод руководства, так и отводившаяся им второстепенная роль в жизни колхозного коллектива.

Формально пробольшевистской группой в сельской среде являлись бывшие красные партизаны. Государство считало их идеологически близкой категорией населения, хотя на практике все обстояло намного сложнее. Симпатии партизан могли оказаться как на стороне большевиков, так и антисоветски настроенной части крестьянства. Но, как и в случае с беднотой и батрачеством, государство позиционировало партизан как свою социальную опору в деревне.

Впрочем, мнение первых лиц и идеологов партии не всегда было известно на местах. В начале 1930-х гг. в с. Лаптев-Лог Угловского района бывший красный партизан К.Я. Турлов, ставший кандидатом в члены ВКП(б) и занявший должность председателя колхоза, попробовал заступиться за своего боевого товарища В. Белова, подвергшегося раскулачиванию. Белов имел зажиточное хозяйство, почему и стал объектом нападок со стороны сельской партийной ячейки, несмотря на то, что красные партизаны не подлежали раскулачиванию. Местные партийцы не только сослали Белова в Нарым, но и начали травлю Турлова, «плакавшего за кулака Белова». Естественно, стать членом ВКП(б) он уже не мог, пойдя против мнения партячейки, и его исключили из кандидатов. В отместку Турлов добровольно вышел из колхоза, уведя с собой группу колхозников, состоявшую из бедноты и середняков, а затем вовсе покинул село, уехав «на производство».

Авторитет красных партизан в деревне после окончания Гражданской войны был очень высоким. Многие становились неформальными лидерами, консолидируя вокруг себя группы крестьян. Именно такая группа, сложившаяся в с. Лаптев-Лог, вышла из колхоза вслед за своим председателем. Впрочем, история на этом не закончилась. Белов не доехал до Нарыма. Карательные органы точнее соблюдали предписания центра, чем сельские партийные ячейки, и отправили красного партизана обратно на родину. Вернувшись домой, Белов, имевший не меньший авторитет, чем его товарищ, решил вступить в колхоз. После чего на общем собрании большинством голосов был принят на должность председателя. Однако стать во главе колхоза ему так и не довелось. Партийная ячейка ВКП(б), настроенная против ранее раскулаченного партизана, пользовавшегося большой популярностью у местного населения, не позволила ему занять руководящую должность 19.

 $^{^{17}}$ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930—1980-х годов // Российская история. 2010. № 2. С. 25—43.

¹8 ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 8. Л. 164.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 124–129.

Таким образом, в одном селе столкнулись две группы, являвшиеся опорой советской власти в деревне – члены партии и красные партизаны. У каждой из них нашлись свои сторонники в крестьянской среде, в итоге Лаптев-Лог оказался поделенным на противоборствующие лагеря. Предшествующие этому события – коллективизация и раскулачивание – дали обеим сторонам средства ведения борьбы. Сельские коммунисты старались «окулачить» красных партизан, те же пытались утвердить свою неформальную власть, заняв должность председателя колхоза.

Одна из причин успешной деятельности политотделов МТС в 1933–1934 гг., сумевших административно-репрессивными методами стимулировать колхозное производство, заключается в наличии в коллективных хозяйствах противостоящих крестьянских группировок. Проводя чистку или хозяйственные мероприятия, сотрудники политотделов находили в колхозах поддержку со стороны определенных групп, решавшихся помочь властям. Ими не обязательно были члены партии или местный актив. Колхозники могли просто использовать политотделы в своих интересах, чтобы устранить неугодных им односельчан. В 1933 г. в Карасукском районе политотдел Андреевской МТС распустил ячейку ВКП(б) в селе Саратовке из-за допущенных ее членами многочисленных хозяйственных нарушений в колхозе, о которых донесли местные крестьяне. Заместитель начальника политотдела Воронин следующим образом описывает свое прибытие в Саратовку: «Теперь сибирская деревня ожила. Она встретила решение партии о создании политотделов с большой радостью. По приезду в колхоз представителя политотдела окружает огромная толпа колхозников, ему составляются десятки заявлений с изобличением в воровстве и вредительстве правления и отдельных жуликов. Потом громко и до утра выступают на собраниях. Так было и в с. Саратовке. Деревня колхозная активно взялась за борьбу, чтобы вышибить оттуда вредительские элементы. Саратовские колхозники решили вышибить вредителей, врагов народа по указу от 7 августа²⁰ и вышибли»²¹. За пафосом и явным преувеличением скрывается любопытный момент: колхозники сами обратились за помощью к работнику политотдела. После чего он занял сторону рядовых колхозников, а не ячейки ВКП(б), «вычистив» ее членов из партии и

Даже имея поддержку со стороны членов колхозного коллектива, политотделам не всегда легко удавалось сместить руководящую группу. В артели им. Блюхера Титовского района правление систематически занималось хищениями и продавало хлеб на «черном рынке». В 1934 г. местному политотделу МТС стоило немалых усилий доказать вину руководящей группировки. Один из членов правления, исполнявший обязанности учетчика сева и приемщика хлеба, Загребельный, бросил на бедняцком собрании бомбу. То ли она не взорвалась, а может и вовсе оказалась муляжом – в документе об этом умалчивается, но Загребельного осудили только на три года. По отбытии наказания он вернулся в родное село и вступил в колхоз, быстро сделав карьеру. Маловероятно, что присутствовавшая на том злополучном собрании беднота была рада видеть бомбометателя членом своей артели, да еще и в числе руководящей группы. Как и одного из колхозных бригадиров – Германа, во время колчаковщины, по данным органов госбезопасности, занимавшегося порками односельчан, впоследствии состоявших с ним в одном колхозе. Политотдел Титовской МТС четыре месяца пытался установить причастность правления к экономическим махинациям. Проблема заключалась в том, что артель имени Блюхера находилась на особом счету у райкома партии. Она вела постройку мельницы на собственные средства, затратив уже немалую по тем временам сумму – порядка 100 тыс. руб. Инициатором дела, способствовавшим выявлению нарушений, стал один из колхозных бригадиров, видимо не связанный с руководящей группой. Он сообщил начальнику политотдела МТС о происходивших нарушениях, а тот, в свою очередь, подключил к делу $O\Gamma\Pi Y^{22}$. Таким образом, по причине внут-

 $^{^{20}}$ Речь идет о постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 29об.

²² Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.

ренней вражды между членами коллектива, внешне благонадежная артель оказалась под пристальным вниманием органов госбезопасности.

Порой власти находили противников не среди правления, а в лице не занимавших руководящие посты членов внутриколхозных группировок. В 1934 г. политотдел Грязнухинской МТС отстаивал положение руководящей группы в колхозе «Блюхер», оказавшейся под давлением рядовых колхозников, требовавших выдать им причитающийся за работу хлеб. Однако руководство колхоза было «своим» для политотдела — его только что сменили на более благонадежное. По мнению властей, оно не должно было отвечать за ошибки прежнего начальства при распределении доходов. Связавшись с райотделом ОГПУ, политотдел «вычистил» из колхоза наиболее активных «смутьянов», и оппозиция затихла²³.

Местные власти могли отстаивать кандидатуру «своего» председателя, даже если он был неугоден значительной группе или же всему коллективу в целом. Подобный случай произошел в 1934 г. в колхозе «Единый путь» Легостаевского района. На общем собрании колхозников слушался вопрос о снятии председателя с занимаемой должности за бесхозяйственность и использование служебного положения в личных целях. Хотя коллектив проголосовал против своего руководителя, присутствовавший на собрании директор Гусельниковской MTC не позволил сместить своего протеже. Он «произносит речь такую, что это все пустяки, сегодняшнее собрание заканчивается и переносится с 31-го июня на 4-ое августа. Но вот проходит 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 – нет ни директора МТС, ни собрания колхоза, нет ничего, а пред[седатель] колхоза обратно творит свои безобразия»²⁴. В поисках справедливости, колхозники написали письмо первому секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, после чего крайком переадресовал его Легостаевскому райкому, где оно длительное время лежало без последствий, несмотря на регулярные запросы из Новосибирска. Видимо, районные работники надеялись, что о жалобе рядовых колхозников попросту забудут. Но когда отмалчиваться стало уже невозможно, они прислали заключение о председателе «Единого пути», где частично подтверждали приведенные в письме факты. Недоумение у краевых работников вызвала реакция местного партийного руководства, решившего оставить председателя на занимаемой должности²⁵. Вероятно, у того оказались хорошие связи не только в МТС, но и в районном центре. Погасить конфликт в колхозе секретарь Легостаевского райкома полагал, улучшив массово-политическую работу, по всей видимости, считая, что агитация может сгладить возникшие между членами коллектива противоречия.

Районные власти не только отстаивали государственные интересы, но и выступали в качестве арбитра, разрешая колхозные конфликты. В 1935 г. председатель артели «Луч Алтая» Безруков, в прошлом член ВКП(б), по инициативе райкома был переброшен в другой колхоз на аналогичную должность. Причиной перевода стало недовольство коллектива его многочисленными близкородственными связями и прошлым. Как оказалось, он состоял в добровольческой казачьей части во время Гражданской войны. Но у Безрукова нашлись и свои союзники в колхозе. Сразу после исключения из партии он начал собирать подписи колхозников с целью остаться на прежней должности. Однако это ни к чему не привело – на общем колхозном собрании был избран уже другой председатель²⁶.

Далеко не всегда колхозный актив представлял собой цельную группу. Он мог распасться на отдельные клики, занимавшие сторону той или иной группировки. Призванный в 1930 г. в РККА член партии В.Е. Архипов, сообщал Западно-Сибирскому крайкому о колхозе «Юный ленинец»: «Коммунисты идут не в ногу и разделились на 2-е группы, одна группа за середняков, а другая за бедноту»²⁷.

²³ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 952. Л. 56.

²⁵ Там же. Л. 49–50.

²⁶ Там же. Л. 400–401.

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 1237.

Похожая ситуация сложилась в коммуне им. Воровского Омского района. Член ВКП(б) Р.В. Клец противостоял председателю Туманову. Последний был снят с занимаемой должности, после чего, по словам Клеца, «приближенные Туманова повели бешенную борьбу против меня, стали лить грязь <...> на стороне Туманова оказались 2 кандидата партии, жена Туманова член партии и 4 комсомольца. <...> Та часть партийцев, которая честно хотела выявить истину, была обвинена в примиренчестве, беднота, которая восставала за меня, обзывалась клецовскими подпевалами»²⁸.

Еще больший накал страстей наблюдался в артели «Заветы Ильича» Чистюньского района, где под арестом по подозрению во вредительстве и преднамеренном развале хозяйства оказалось почти в полном составе правление колхоза, в том числе четверо сельских коммунистов. В своих бедах арестованные винили якобы оклеветавшего их односельчанина — члена партии Ф. Изотова. Впоследствии большинство обвиняемых следственные органы освободили, но противостояние в партийной ячейке продолжилось. Сразу же после своего выхода из-под ареста двое членов правления оказались исключены из рядов ВКП(б). Формально, за устроенный ими по освобождении пьяный дебош²⁹.

Порой местный актив в борьбе друг с другом пускал в ход проверенный и весьма распространенный прием — обвинение в сокрытии социального прошлого. Группа кандидатов в партию большевиков из переселенческой коммуны «Искра» просили Западно-Сибирский крайком исключить руководителей хозяйства из состава колхоза и отправить их в ссылку, как имевших в прошлом кулацкие хозяйства. Обратиться в столь высокую инстанцию просители решили, не имея возможности справиться своими силами — противоположную сторону поддерживали родственники из сельской партийной ячейки. Лейтмотивом написания жалобы, видимо, стало отсутствие возможности занять достойное положение в колхозе, правление которого оказалось связано близкородственными отношениями: «Руководствующий аппарат нашей коммуны составляется совершенно из близких родства Уфимовщиных и Васильевых и Борисовщиных (все они родные, хотя фамилия разная) и в данное время господствует это родство в коммуне "Искра", подавляя остальных совершенно темных нацменов "чуваш", только что вступивших»³⁰.

Внутриколхозные конфликты могли не только негативно отражаться на общественном производстве, но и вели к развалу хозяйства и распаду коллектива. На грани такого развала оказался колхоз «Память Ленина» Ижморского района. Конфликт в этой коммуне между беднотой и середняками уже описывался выше. После выхода в марте 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» в хозяйстве из 155 дворов осталось 48, большей частью принадлежавших представителям бедноты и батрачества, и только 14 середнякам. Однако у колхоза до определенного времени сохранялся крепко спаянный коллектив, ядром которого стали 10 членов ВКП(б) и 13 – ВЛКСМ. Несмотря на экономический упадок и задолженность колхоза, не способного существовать без семенных и продовольственных ссуд, сельский актив продолжал жить идеей коллективного хозяйства. Но когда районные власти, обеспокоенные ростом числа коммун, решили перевести «Путь Ленина» на устав артели, радикально настроенные сельские коммунисты стали угрожать выходом. В случае их ухода из хозяйства могла выйти и беднота, и тогда колхоз ждал окончательный развал.

Началась многомесячная борьба между противоборствующими группировками, поразному видевшими будущее колхоза. С одной стороны оказалась беднота, консолидирующаяся вокруг членов ВКП(б) и комсомольцев, с другой – середняки. В итоге последние были смещены с руководящих постов путем «окулачивания». Неизвестно, чем закончилась эта история, возможно, внутренние конфликты еще долгое время сотрясали коллектив «Пути Ленина», тем более что вскоре начался новый виток коллективизации и вышедшие весной крестьяне должны были вернуться и пополнить ряды противостоящих друг другу сторон. Данный случай наглядно демонстрирует, что даже спаянные коллективы,

²⁸ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 4. Д. 3. Л. 1092.

²⁹ Там же. Л. 81–84.

³⁰ Там же. Л. 411–411 об.

поддерживавшие коллективизацию и готовые переносить стоящие на пути к общей цели лишения, могли оказаться на грани развала из-за неспособности своих членов договориться между собой.

Если колхоз «Путь Ленина» Ижморского района удалось сохранить, то созданное в конце 1920-х гг. жителями деревни Медвежья Грива Татарского района товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) распалось на два отдельных хозяйства. Отношения в коллективе изначально оказались неустойчивы. Его членами стали выходцы из 37 различных губерний, прибывшие в Сибирь до революции. По всей видимости, различные культурно-бытовые традиции и обычаи сыграли определенную роль в возникшем конфликте. Ситуация обострялась слабым руководством ТОЗа, больше занимавшегося пьянством, чем хозяйственными проблемами и, в конечном счете, продавшего семенной фонд на рынке. В результате часть крестьян приняла решение выйти из ТОЗа и организовать коммуну. Конфликт из внутреннего приобрел внешний характер. Началась взаимная травля, достигшая апогея при передаче ранее принадлежавшего ТОЗу трактора коммунарам. По данным краевой прокуратуры, «момент передачи трактора сопровождался рядом эксцессов со стороны тоозников, допустивших матерную брань по адресу коммунаров, угрожающие выражения и непристойные жесты (оголение половых органов)»³¹.

Активно проявляющие себя внутриколхозные группы, боровшиеся за власть, стремились наращивать силы, занимая более значимые посты и вербуя новых членов. Сын председателя артели «Красное поле» в 1935 г. женился на дочке кулака-лишенца. С целью скрыть мезальянс тесть был принят в колхоз на заседании, в обход существовавших правил, в присутствии небольшой группы колхозников. Таким образом, он вошел в ряды сторонников председателя, активно заменявшего неугодных ему членов правления на «своих» людей³².

В сельхозартели «Пионер» Топкинского района в январе 1933 г. разбиралось заявление о приеме двух новых членов. Колхозники отрицательно отнеслись к кандидатам на том основании, что они являются детьми кулаков. Однако правление, представлявшее собой единую группу, проигнорировало их мнение. Несогласные покинули заседание со словами: «Если вы принимаете кулаков, так принимайте их сами». В результате артель пополнилась двумя членами³³, обязанными своим новым социальным положением лично руководству колхоза.

Местные партийные работники, наблюдавшие групповые конфликты, были обеспокоены в первую очередь их негативным влиянием на производственные характеристики колхозов и выполнение заготовительных планов. В 1936 г. секретарь Колпашевского райкома следующим образом охарактеризовал колхоз «Пролетарий»: «В колхозе кулацкая агитация ведет к развалу колхоза путем создания группировок в колхозе и разжигания между этими группами ссор, споров, в результате чего ослабляется дисциплина, имеются невыходы на работу, срыв работ, невыполнение распоряжений правления и бригадиров, оклеветание ударников, небрежное и даже воровское отношение к колхозному имуществу, а все это приводит к выходу отдельных колхозников из колхоза. Так, например, в течение 1935 года из колхоза вышло 5 хозяйств» Для решения проблемы секретарь Колпашевского райкома предлагал прислать партийного организатора. Парторги, оказавшись в новом коллективе, активно участвовали во внутренних конфликтах. Однако их интересовало не положение в коллективе, а выполнение колхозом производственных планов, что было столь необходимо местным властям.

В 1936 г. секретарь Асиновского района сообщал о враждующих родственных группировках членов эстонского колхоза «Сядэ». Родственные связи играли большую роль в коллективных хозяйствах, особенно небольших размеров. Аналогичное положение наблюдалось в соседнем колхозе «Червонная зорька», состоявшем, судя по названию, из укра-

³¹ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 2. Д. 253. Л. 231.

³² Там же. Оп. 9. Д. 952. Л. 335.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 522. Л. 53.

³⁴ Там же. Оп. 10. Д. 709. Л. 37.

инцев³⁵. В колхозе имени Будённого того же района эта борьба началась с создания колхоза в 1930 г. Только за первые три года его существования сменилось шесть председателей. За каждым из них стоял родственный клан. По мнению райкома, «все бывшие председатели вокруг себя имеют свой актив, который занимается подсиживанием существующего руководства»³⁶.

Конфликты на основе близко-родственных отношений могли иметь давнюю историю и тянуться годами. Советизация деревни, сопровождавшаяся коллективизацией и раскулачиванием, предоставила родственным кланам новые методы борьбы. Первым «окулачить» противника или изгнать его из колхоза стало заветной целью враждующих групп. Член колхоза «Кзыл-октябрь» Томского района У. Пономарев в своем письме, адресованном в 1931 г. Западно-Сибирской краевой прокуратуре, весьма сумбурно рассказывает о том, как он и его родственники стали жертвой «кулацкой» группировки. События происходили в «нацменовской» деревне, где «никакой работы городские организации не вели и чисто национальное отсталое влияние, узы крови родства, согласно шариата, крайне остры и крепки»³⁷.

В результате противостояния одного из родственников Пономарева, вместе с ним в 1927 г. организовавшим колхоз, раскулачили и отправили в ссылку. Автору чудом удалось избежать подобной участи, но его исключили из колхоза. Впрочем, Пономаревы не остались в долгу. Из-за их действий один из членов враждебного клана покончил жизнь самоубийством: «Очищая колхоз от притясавшихся, я <...> выявил следующее: бывший мулла, впоследствии учитель МУСИН, член нашего колхоза, оказался карателем, лично способствовавшим расстрелу красногвардейцев, их истязаниям при уходе первой советской власти. Систематическая эксплуатация батрачки в крайне грязных формах. Стоял вопрос о лишении его с семьей, состоящей из ХАДЖЕЕВА, АБОНЕЕВЫХ и его, о лишении избирательных прав и ссылке. МУСИН застрелился. Оставшиеся поклялись отомстить и для этой цели использовали классовую борьбу с кулацкими элементами»³⁸. Не находя поддержки среди односельчан, Пономарев обратился в суд с целью своего восстановления в колхозе, без которого он уже не представлял себе полноценной жизни: «Вне колхоза на мне лежит печать чуждости, оторванности, есть нечего, идти некуда»³⁹. Народный суд Томска встал на его сторону, определив вернуть Пономареву членство в колхозе и начать следствие для «привлечения виновных к травле лиц». Чем закончилось дело, неизвестно. Возможно, клановая вражда в колхозе «Кзыл-октябрь» продолжалась еще долгие годы, а список ее жертв пополнился новыми именами.

В ходе коллективизации в одной артели могли оказаться представители различных социально-экономических групп, в том числе ранее раскулаченные крестьяне. Между тем, на начальном этапе коллективизации, в 1930 г., широкое распространение получили колхозы, состоявшие из однородных социальных групп, не желавших принимать в свои ряды «чужаков». Зачастую их основу составляли бедняки и батраки, отвергавшие экономически развитые хозяйства и считавших их кулацкими. Либо колхозы создавали середняки, не принимавшие бедняков и отзывавшиеся о последних как о ленивых и нерадивых работниках. На состоящие из крепких середняков и зажиточных крестьян колхозы власти зачастую нацепляли ярлык «кулацких», подлежащих роспуску.

Такие коллективы представляли собой монолитные группы, основанные хорошо знавшими друг друга односельчанами, имевшими родственные или добрососедские отношения. Вероятность возникновения в них обособленных клик и конфликтов была минимальной. Иногда местные власти, стремясь хорошо отчитаться и увеличить процент коллективизации, сами способствовали их созданию. Из Солонешенского района в 1931 г. в Западно-Сибирский крайком поступила информация об инициативных группах по коллекти-

³⁵ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 10. Д. 709. Л. 56–57.

³⁶ Там же. Л. 53.

³⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 196.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 196 об.

визации: «Организация инициативных групп происходит совершенно неправильно; группы избираются из зажиточно-середняцких, родственно-связанных хозяйств; заранее обречено на карликовое оформление колхоза; при колхозах вербовочные бригады и приемочные комиссии как правило не организованы» В этом сообщении указывается на создание колхоза как закрытой «для других» группы, состоявшей из экономически однородных хозяйств, имевших к тому же родственные связи.

Подобные колхозы были распространенным явлением не только в Солонешенском районе, но в определенной степени оказались характерны для всего края в целом. Однако в дальнейшем местные власти вынуждали такие хозяйства открыть двери для представителей иных экономических групп, в противном случае их ждал либо роспуск, либо принудительное присоединение к другому колхозу. В крупном с. Корнилово Каменского района, состоявшем из 800 хозяйств, летом 1931 г. существовало одновременно 13 колхозов. Секретарь райкома отмечал, что «колхозы создавались карликовые, подчас из родственников и по социальным группировкам» В итоге все они в административном порядке были слиты в один колхоз.

На степень единства колхозного коллектива влияли не только внутренние, но и внешние факторы. Давление извне сплачивало коллективы, члены которых на время откладывали распри. В Спасском районе в 1932 г. местные власти решили поправить материальное положение колхоза «Животновод» за счет экономически крепкого хозяйства «Светлый путь» и организовать из них одну артель. Однако колхозники последнего воспротивились властному произволу, после чего начался затяжной конфликт с поддерживаемым властями «Животноводом». В данном случае произошло столкновение между двумя колхозами, члены которых отстаивали интересы своего хозяйства. Это послужило фактором их сплочения, что объясняет длительный характер конфликта. Даже после проведенной в «Светлом пути» чистки члены артели остались непреклонны в своем нежелании идти на поводу властей и продолжали противиться слиянию. В конечном счете «Светлый путь» был объявлен «лжеколхозом» и распущен. Его имущество отдали «Животноводу», а «лжеколхозникам» позволили вступить в новую артель. Однако накал страстей был настолько сильным, что ни один из них так и не пришел в «Животновод»⁴².

Похожая ситуация сложилась в 1934 г. в колхозе «Бойко-заря» Титовского района. Несмотря на свою «карликовость» – всего 17 дворов, колхозники всячески сопротивлялись слиянию с соседней, экономически сильной артелью. Вопреки возможной выгоде, которую сулило членство в большом хозяйстве, они предпочли жизнь в обособленной сплоченной группе. Примечательно, что деревня, в которой находилась «Бойко-заря», по данным местного политотдела МТС, возникла в 1927 г. и состояла из крестьян, бежавших из больших сел с «налаженным советским аппаратом» ⁴³. Можно предположить, что членов этого колхоза объединяло общее желание держаться подальше как от крупных коллективов, так и от государственных организаций.

Несмотря на изложенный выше материал, не стоит переоценивать вероятность возникновения групповых конфликтов. Разделение по имущественному или какому-либо иному признаку не означало неминуемого столкновения между различными группами крестьян. Они все равно осознавали свою принадлежность к одной общности, обладали одинаковым мировоззрением, а оказавшись в колхозах, вместе ощутили тяжесть государственных заготовок и иных повинностей. В качестве иллюстрации настроения социального примирения в крестьянской среде можно привести случай, произошедший в Сросткинском районе, где в 1931 г. в народном доме с. Усятского была поставлена пьеса с вполне современным и благонадежным для того времени названием «Коммуна победила», но абсолютно антисоветским содержанием, впрочем, выражавшим определенные настроения крестьян. Согласно

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 2. Д. 252. Л. 24 об.

⁴¹ Там же. Д. 305. Л. 49.

⁴² Там же. Л. 224, 268.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 31. Л. 39–40.

документам краевой прокуратуры, по сюжету «активист деревни "Терентьич", осознав преимущества колхозной жизни, организовал из бедняков и батраков артель. Кулак "Титыч" вкупе с попом о[тцом] Ильей всячески старались развалить артель вплоть до подготовки к убийству активиста "Терентьича". Артель организованно и материально окрепла, в течение года пережив нужду. Годовщина была отмечена собранием артели, достижениями ее и заключением вступления там же на собрании в брак членов артели.

Пьеса заканчивается тем, что "Титыч", явившись с повинной, по просьбе был принят в колхоз. "Наша семья милостью сильна, пусть идет. И я так полагаю, – сказал организатор Терентьич, – одна спица колесу бросом не грозит, – расшатается – выбросим, а колесо покатим своим чередом. Входи, Титыч, да угощайся, чем труд свободный позволяет"»⁴⁴.

Вымышленный колхоз не просто обладает однородным социальным составом и высокой степенью сплоченности коллектива, он является преемником упраздненной государством общины, где праздники отмечались всем миром, а браки заключались между односельчанами. Интересно и христианское отношение к главному антагонисту. Ему прощают все прегрешения перед обществом, принимают в свои ряды. Подобное идеалистическое представление возникло не на пустом месте. По всей видимости, колхозный социум в 1930-е гг. хотя и отличался высокой степенью конфликтности, но имел механизмы ее гашения. Так, вопреки заявлению государства об обострении классовой борьбы, были случаи приема ранее раскулаченных крестьян в колхозы, что может указывать как на их авторитет в сельской среде, так и примирение различных имущественных слоев крестьянства.

Изучение групповых отношений расширяет представление о колхозном социуме и присущей ему социальной мобильности. Объединение крестьян в группы происходило, в том числе, с целью достижения более высокого статуса в колхозной иерархии или для его сохранения и защиты от других группировок. Таким образом, большое значение имело не только социальное происхождение или лояльность к власти, но и неформальные отношения, складывавшиеся в коллективе. Даже поддерживаемым райкомами «пришлым» председателям колхозов и парторгам необходимо было найти союзников в колхозной среде. Иначе они рисковали столкнуться с сопротивлением со стороны крестьян и не справлялись с возлагаемыми на них задачами по выполнению государственных обязательств.

Тем более это касается «выдвиженцев» из колхозных коллективов, неизвестных районной администрации и не имеющих поддержки со стороны партийных организаций. Таким людям для занятия высокого положения требовался определенный авторитет среди односельчан и помощь группы, продвигавшей своего кандидата. В дальнейшем, учитывая низкий профессионально-образовательный уровень колхозной администрации и небольшой опыт работы на занимаемых должностях, эти факторы обретали первостепенное значение. Профессиональное несоответствие прощалось «своим» и становилось поводом для смещения конкурентов. Возможности социального роста определялись не только лояльностью к государству, но и принадлежностью к неформальной группе. Чем выше положение группы в коллективе, тем больше шансов занять желаемую должность.

Групповые отношения возникали не всегда с целью получения «хлебного» места. Они являлись способом защиты от доминирующей группы в агрессивной колхозной среде, возможностью отстоять свое, пускай и не главенствующее, положение. В статье приведены многочисленные примеры межгрупповых конфликтов, отраженных в делопроизводственной документации местных органов власти и крестьянских письмах. Но различные крестьянские группы не всегда создавались для противостояния односельчанам. Они могли складываться в процессе неформального общения с самыми разнообразными целями и вступали в разногласия только в определенных ситуациях. Не стоит абсолютизировать конфликты в колхозной среде, являвшиеся только одним из аспектов отношений. Группы мирно сосуществовали, не проявляя себя в противоборстве, поэтому сведения о них не отражались в источниках. Вместе с тем, как показано выше, колхозные коллективы могли выступать в качестве единого целого, если затрагивались общие интересы. В первую очередь это относи-

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 254–255.

лось к выполнению государственных обязательств, тяжким бременем ложившихся на плечи крестьян.

Дальнейшее исследование групповых отношений может быть полезно для работ по истории повседневности. Жизнь советских крестьян протекала не просто в колхозных коллективах, а в группах. Их объединяли близко-родственные связи, отношение к государственной политике (члены ВКП(б), комсомол, сельский актив), общее прошлое, как у красных партизан, красноармейцев или лиц, служивших на стороне антибольшевистских вооруженных формирований. Эти и многие другие основания становились причиной возникновения групповых отношений. Они же оказывали влияние на положение индивида в колхозном социуме, возможности его социальной мобильности, отношение со стороны односельчан. Кроме того, выживать в тяжелых материально-бытовых условиях было проще, объединившись в группы. Так, для того чтобы спрятать от заготовителей колхозный хлеб, требовалась поддержка членов правления, а также рядовых колхозников.

Групповые связи могут быть интересны для работ по политической истории. В колхозном социуме выделялись как прогосударственные, так и антисоветские группы. Если для первых основной целью становилась поддержка аграрной политики большевиков и помощь в проведении советизации деревни, то вторые объединялись в группировки с целью защиты от агрессивно настроенного по отношению к крестьянству государства. Крестьянское сопротивление проявлялось, в т.ч. в групповых формах. Негативное отношение к властям становилось объединяющим фактором и причиной столкновений с пробольшевистскими группировками.

Представленная статья не является завершающим исследованием по данной тематике. В дальнейшем возможно привлечение работ по социальной психологии и конфликтологии, рассматривающих малые группы. И хотя методы социологии значительно отличаются от исторических, общий предмет исследования (групповые отношения) может стать основанием для использования междисциплинарного подхода.

Литература

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 374 с.

Безнин М.А., *Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.

Безнин М.А., *Димони Т.М.* Социальная эволюция верхушки колхозно—совхозных управленцев в России 1930 – 1980-х годов // Российская история. 2010. № 2. С. 25–43.

 Γ лумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда: Легия, 2011. 296 с.

Гущин Н.Я., *Кошелева Э.В.*, *Чарушин В.Г.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.

Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.

Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.

Ивницкий H.A. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 350 с.

Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда: ВГПУ, 2010. 176 с.

Ильиных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1 (23). С. 114–128.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н.Я. Гущин, Л.Н. Приходько, А.П. Мелентьева и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

Arutyunyan, Yu.V. (1971). *Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR* [Social Structure of the Rural Population of the USSR]. Moscow, Mysl. 374 p.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2010). Sotsial'naya evolyutsiya verkhushki kolkhozno–sovkhoznykh upravlentsev v Rossii 1930–1980-kh godov [Social Evolution of the Top Collective-Farm Managers in Russia in the 1930s–1980s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 25–43.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2014). *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [Agrarian System of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand. 608 p.

Danilov, V.P. (2011). *Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannyye trudy*: v 2 ch. [The History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 863 p.

Danilov, V.P. (2011). *Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy*: v 2 ch. [The History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 831 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Stalinskie krest'yane: sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: a Village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p.

Glumnaya, M.N. (2011). Stanovleniye i razvitiy *upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropeyskogo Severa Rossii* (konets 1920-kh–1930-e gg.) [Formation and Development of the Administrative Apparatus of Collective Farms in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)]. Vologda. 296 p.

Gushchin, N.Ya., Kosheleva, E.V., Charushin, V.G. (1975). *Krest'yanstvo Zapadnoy Sibiri v dovoyennyye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Years (1935–1941)]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otdeleniye. 288 p.

Gushchin, N.Ya., Prihod'ko, L.N., Melent'eva, A.P. *et al.* (1985). *Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The Peasantry of Siberia in the Period of Strengthening and Development of Socialism]. Novosibirsk, Science. 398 p.

Il'inykh, V.A. (2021). Sotsial'naya mobil'nost kolkhoznogo krest'yanstva v 1930-e gg. [Social Mobility of the Collective-Farm Peasantry in the 1930s.]. In *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki. No. 1 (23), pp. 114–128.

Ivnitskiy, N.A. (2000). *Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive Policy of Soviet State in Rural (1928–1933)]. Moscow, In-t ros. istorii RAN. 350 p.

Izyumova, L.V. (2010). *Stratifikatsiya kolkhoznoy derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropeyskogo Severa Rossii)* [Stratification of the Collective Farm Village in the 1930s and 1960s (Based on the Materials of the European North of Russia)]. Vologda, VGPU. 176 p.

Zelenin, I.E. (2006). *Stalinskaya "revolyutsiya sverkhu" posle "velikogo pereloma"*, 1930–1939: *politika, osushchestvleniye, rezultaty* [Stalin's "Revolution From Above" After the "Great Turning Point", 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

Статья поступила в редакцию 29.05.2021 г.

С.В. Шарапов*

S.V. Sharapov*

Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-5 УДК 9(47)«1942»

Выходные данные для цитирования:

Шарапов С.В. Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 53–66. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-05.pdf

Production and Procurement of Grain in the Novosibirsk Region in 1942**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-5

How to cite:

Sharapov S.V. Production and Procurement of Grain in the Novosibirsk Region in 1942 // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 53–66. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-05.pdf

Abstract. State grain procurement policy of the war years remains a poorly understood aspect of the functioning of Soviet economy in the "hard times of the forties". Grain campaign 1942/1943 coincided with a turning point in the course of the war, bloody battles for Stalingrad. Tension on the fronts was transferred to the rear. Using the example of the Novosibirsk region, the author analyzes methods of grain procurement in the context of the high requirements of political center for the volume of products coming from the region. The task of increasing grain yields turned out to be unbearable, and the excessive load on able-bodied rural population led to the neglect of elementary agrotechnical rules. As a result, the grain yield in 1942 turned out to be extremely low, and the actual yield was more than two times lower than the official yield calculated according to the "biological" method. However, state authorities were suspicious of the actual yield and harvest data, believing that collective farm peasantry was inclined to underestimate the volume of products in order to meet their own needs. This led to a sharp tilt towards command-administrative methods of grain procurement, accompanied by repression against the "saboteurs" and "plunders" of grain. However, the actual volumes of the 1942 harvest became an objective economic constraint that did not even allow them to come close to fulfilling the planned targets.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state; agriculture; grain procurements; Great Patriotic War; Siberia.

The article has been received by the editor on 19.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Хлебозаготовки остаются малоизученным аспектом функционирования советской экономики военного периода. Кампания 1942/1943 г. совпала с переломным этапом в ходе войны, кровопролитными боями за Сталинград. Напряжение на фронтах передавалось тылу. В статье на примере Новосибирской области проводится анализ методов заготовок зерна в условиях ужесточения требований политического Центра к объемам поступавшей из регионов продукции. Задача повышения урожайности оказалась непосильной, а чрезмерная нагрузка на трудоспособное население деревни привела к пренебрежению элементарными агротехническими правилами. В итоге полученный урожай зерновых в 1942 г. оказался чрезвычайно низким, причем фактическая урожайность была более чем в два раза ниже официальной, исчисленной по «биологическому» методу. Однако к данным о количестве собранного и намолотого хлеба, поступавшим от колхозов, государство относилось с подозрением, полагая, что колхозное крестьянство склонно занижать

^{*} **Шарапов Сергей Валерьевич,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sharapov Sergey Valerievich, Candidate in Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

 $^{^{**}}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020. Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

объемы произведенной продукции ради удовлетворения собственных потребностей. Это привело к резкому крену в сторону командно-административных методов ведения кампании, сопровождаемых репрессиями против «саботажников» и «расхитителей» зерна. При этом реальные объемы урожая 1942 г. стали объективным экономическим ограничителем, не позволившим даже приблизиться к выполнению плановых показателей.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; сельское хозяйство; хлебозаготовки; Великая Отечественная война; Сибирь.

Введение. С недавнего времени региональный аспект государственной хлебозаготовительной политики 1920–1940-х гг. стал предметом пристального изучения сибирских историков. Если довоенный период к настоящему времени уже получил подробное научное описание¹, то хлебозаготовки в Сибири в 1940-е гг. изучены недостаточно². В данной статье анализируется кампания 1942/43 г. в одном из основных хлебопроизводящих регионов Западной Сибири – Новосибирской области.

Изучение хода хлебозаготовок на региональном уровне вскрывает специфику взаимодействия между местным партийно-государственным руководством и непосредственными сельхозпроизводителями в решении одной из важнейших хозяйственно-политических задач снабжении зерном воюющего государства. В условиях военного времени, когда продукция изымалась без оглядки на ущерб, наносимый производителям, для региональных властей важно было выработать соответствующие экстремальному характеру ситуации коммуникативные и управленческие практики, которые бы обеспечивали стабильный приток зерна на заготовительные пункты. Ценными источниками для изучения данной проблемы оказались выявленные в Государственном архиве Новосибирской области стенограммы заседаний бюро областного комитета ВКП(б), которые раскрывают условия и обоснования принимавшихся управленческих решений. На наш взгляд, для того чтобы выявить особенности хлебозаготовительной кампании 1942/43 г., следует реконструировать весь цикл производства зерновых урожая 1942 г., в т.ч. проанализировать посевную и уборочную кампании.

В 1943 г. из состава Новосибирской области выделилась Кемеровская область, соответственно, план хлебосдачи из урожая 1942 г. был разделен между двумя регионами. С целью сохранения территориальных рамок исследования сведения о выполнении плана и завершении кампании приводятся в рамках границ Новосибирской области до 1943 г.

Весенняя посевная кампания. На фоне успехов Красной армии в начале 1942 г. (Московская, Калужская, Керченско-Феодосийская, Демянская наступательные операции) советская пресса обнадежила население скорым окончательным переломом в ходе боевых действий. В феврале 1942 г. на страницах советских газет была напечатана статья М.И. Калинина, преисполненная ожиданиями близкой победы над врагом: «Город за городом, район за районом освобождаются от ига немецко-фашистских захватчиков. Близок час, когда все наши оккупированные немцами республики снова вернутся в свою родную семью. Каждый день увеличивается число украинских населенных пунктов, возвращаемых Родине. Все ближе и ближе к нашим наступающим частям границы Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы. Нашим братьям уже недолго осталось страдать под ярмом розенбергов, кохов и прочих проходимцев»³.

¹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020; *Рынков В.М.* Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002 С. 157–176; и др.

² Шарапов С.В. Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 176–187 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf (дата обращения: 10.05.2021); Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5. С. 155–174.

³ Советская Сибирь. 1942. 7 февр.

Перед советской экономикой в целом и ее аграрным сектором в частности ставились общие задачи поддержать фронтовые успехи наращиванием объемов выпускаемой продукции. От сельского хозяйства, которое испытывало острый дефицит тягловой и рабочей силы, требовалось расширение посевных площадей, повышение урожайности зерновых и технических культур, увеличение производства мяса, масла, сахара, хлопка, льна, риса, табака и другой продукции⁴. При отсутствии иных экономических оснований для роста сельского хозяйства власти рассчитывали на увеличение производительности труда за счет его эффективной организации и патриотического подъема. «Работать по-военному, не покладая рук» – таков был призыв, с которым официальная пропаганда обращалась к труженикам села. Непосредственная же «массово-политическая» работа и административный контроль за ходом выполнения сельскохозяйственных планов возлагались на местное руководство. Для его укрепления осенью 1941 г. были вновь созданы политотделы машиннотракторных станций (МТС) и совхозов. Их цели, как указывалось в соответствующем постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), заключались в «повышении политической работы» и «внедрении дисциплины и порядка» на МТС, в совхозах и колхозах⁵.

Для Новосибирской области уже в ноябре 1941 г. были установлены задания по расширению посевных площадей на следующий год. Так, в 1942 г. посевы зерновых культур должны были вырасти на 200 тыс. га, а технических культур на 48 тыс. га⁶. Указания были даны на фоне дефицита семенного материала в колхозах области. Так, на 1 ноября 1941 г. семян зерновых было засыпано всего лишь около 30 % от плана на 1942 год⁷.

20 января 1942 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) регионы были предупреждены о том, что в связи с большими расходами зерна отпуск семенных ссуд производится не будет⁸. На местах должны были изыскивать ресурсы для посевной кампании собственными силами. Руководство Новосибирской области принимало экстренные меры по мобилизации зерна из всех возможных источников. Колхозам было поручено выкупать зерно, находившееся в личной собственности членов артелей, направлять колхозников на сбор зерна с неубранных колосьев урожая прошлого года, появившихся из-под растаявшего снега, и т.д.

Однако главным источником обеспечения ресурсами на посевную кампанию для нуждающихся колхозов и районов стала организованная обкомом и облисполкомом кампания межрайонной семенной взаимопомощи. Районы, не испытывавшие недостатка в семенах, в соответствии с разверстанным 2 февраля 1942 г. планом должны были передать излишки на пункты Заготзерно для дальнейшего распределения. При этом областное руководство закрывало глаза на неизбежный негативный эффект командно-административного подхода к решению семенной проблемы. Было очевидно, что принудительное перераспределение семенного материала снизит заинтересованность наиболее производительных колхозов в увеличении продукции (зачем производить больше, если излишки все равно будут изъяты в помощь менее успешным соседям?). Более того, обком ВКП(б) прямо ориентировал районы на то, что семена для взаимопомощи следует изыскивать любыми способами, в т.ч. «запуская руку» в продовольственные и фуражные фонды артелей, сокращая нормы высева и т.д.

Вполне предсказуемо кампания семенной взаимопомощи наталкивалась на нежелание районов (в большинстве случаев вызванное отсутствием излишков) оказывать помощь соседям. Во время заседания бюро обкома 10 марта 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин с тревогой сообщал о том, что в районах «чувствуется определенное сопротивление, чувствуется нежелание районных работников несколько побеспокоить себя дополнительными трудностями» Сопротивление на местах надлежало сломить. В тот же день происходило обсуж-

⁴ Правда. 1942. 2 янв.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 7. С. 260.

⁶ Советская Сибирь. 1942. 10 янв.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 231.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 151.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 565. Л. 167.

дение ходатайств Тегульдетского и Таштагольского районов об освобождении их от оказания помощи другим районам. Ходатайства были отклонены, а поведение районных властей расценено как «антигосударственное».

Задача сломить сопротивление районов решалась, в т.ч., путем отдачи под суд отдельных руководителей, срывавших поставки семян для взаимопомощи. Показателен пример Кемеровского района. Председатель райисполкома Бадулин – старый, опытный работник, а сам район уже долгое время был в числе лидеров по урожайности зерновых (де-факто именно Бадулин вел дела, поскольку первый секретарь райкома был недавно назначен и не имел практического опыта). Однако вместо запланированных 15 тыс. ц семян по взаимопомощи район сдал всего 2 тыс. Бюро обкома ВКП(б) пришло к заключению, что район имел все возможности сдать требуемое количество зерна, но его руководители пошли на поводу «мелко-собственнических настроений» 10. В результате Бадулин был показательно снят с должности и отправлен под суд, а М.В. Кулагин на заседании бюро обкома объяснил столь жесткое решение тем, что «нужно воспитывать таких старых работников, нужно их приучать к дисциплине, особенно же в военное время, а Бадулин об этом совсем забыл» 11. Данный случай характеризует политику областного руководства в отношении районных властей. Важно было принудить последних к реализации, в первую очередь, государственных интересов, даже если они противоречили локальным хозяйственным интересам района. В этой связи допустимо было пожертвовать опытным хозяйственником на посту председателя райисполкома ради укрепления «государственной дисциплины» среди других ответственных работников.

Несмотря на все принимавшиеся меры семян в области по-прежнему не хватало. 12 мая 1941 г. Новосибирский обком решил войти с ходатайством в ЦК ВКП(б) об отпуске семенной ссуды для колхозов области¹². Однако 19 мая во время телефонного звонка секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев сообщил М.В. Кулагину об отказе¹³. Позднее, 29 мая, обком предпринял еще одну попытку, ходатайствуя о выдаче ссуды размером в 80 тыс. ц. На этот раз решение было положительным, хотя запрос и не был удовлетворен в полном объеме. Колхозам Новосибирской области было отпущено для весеннего сева 60 тыс. ц зерна в порядке обмена на мясо¹⁴.

В результате принятых мер посевы зерновых культур в 1942 г. действительно выросли на запланированные 200 тыс. га (в 1941 г. посевная площадь по всем категориям хозяйств составляла 2 863,9 тыс. га, в 1942 г. – 3 055,8 тыс. га ¹⁵). Однако это расширение имело свою специфику. Во-первых, оно происходило в основном за счет увеличения посевов озимых (на чем настаивало правительство, рассчитывая, что рост озимого клина будет способствовать равномерному распределению трудовой нагрузки на людей и технику в течение года). Во-вторых, значительно изменились пропорции различных зерновых культур в структуре посевов. Так, по сравнению с 1941 г. резко возросли посевы проса (на 72,3 %) и гречихи (на 79,4 %), в то время как посевы пшеницы сократились на 6,4 %, а ячменя на 23,3 % ¹⁶. В-третьих, расширение посевных площадей происходило в основном не за счет распашки целинных земель, а через уплотнение посевов на уже введенной в оборот пашне ¹⁷. Это, в свою очередь, вело к резкому сокращению земель, отводившихся под пары, и, как следствие, к срыву намеченных севооборотов, нарушениям правильной системы ротации культур.

Посевы проводились зачастую некондиционными семенами. На пренебрежение агротехникой и семеноводством во время весенней посевной кампании обращал внимание в личной записке на имя М.В. Кулагина агроном-директор Томской льняной опытной станции

¹0 Там же. Д. 572. Л. 71.

¹¹ Там же. Л. 73.

¹² Там же. Д. 601. Л. 6.

¹³ Там же. Д. 604. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 612. Л. 43.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 872. Л. 38.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 640. Л. 9.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

В.А. Стенин: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению, не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат — обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посевы ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах — «Имени Ворошилова», «Заветы Ленина», «Ударник» — 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепахивались под рожь» ¹⁸.

Кампания расширения посевных площадей обернулась к тому же распылением тягловых и трудовых ресурсов. Вместе с ростом посевной, а соответственно и уборочной площади, росла нагрузка на трудоспособное население деревни, которое стремительно сокращалось в ходе мобилизаций в армию и на промышленное производство. Если в 1941 г. в колхозах области числилось 403,3 тыс. трудоспособных человек, то к 1942 г. их количество сократилось до 320 тыс., а к 1943 г. – до 288 тыс. (не считая детей и подростков). При этом нагрузка на одного трудоспособного выросла с 4,9 га в 1941 г. до 7,2 га в 1943 г. Следует учитывать, что приведенные данные были рассчитаны исходя из списочного состава трудоспособного населения. Фактическая же нагрузка была значительно выше. В отдельных районах (Черепановском, Купинском, Чистоозерном и др.) она превышала 15 га на человека значительно изменился и качественный состав трудоспособного населения, которое теперь состояло главным образом из женщин, имевших детей и личное хозяйство, а также незначительного количества мужчин, негодных к военной службе. Частично проблема нехватки рабочей силы решалась путем временной мобилизации на сельскохозяйственные работы незанятого городского населения, которое также в основном состояло из женщин-домохозяек.

Ситуация усугублялась увеличением доли ручного труда в связи с сокращением возможностей МТС. Вследствие острой нехватки механизаторских кадров и низкого качества ремонта машин, план тракторных работ по Новосибирской области за 1942 г. был выполнен только на 56,3 %, а план комбайновой уборки на 49,4 %²⁰. Заметная изношенность машин, нехватка запасных частей для их ремонта, низкая квалификация и неопытность механизаторских кадров привели к тому, что часть тракторов совершенно выбыла из строя, а та часть, которая участвовала в полевых работах, давала низкую выработку. Так, выработка на один пятнадцатисильный трактор в 1940 г. составила 359,7 га, а в 1942 г. всего лишь 223 га. Кроме того, резко сократились резервы живой тягловой силы. Если на начало 1940 г. в колхозах области насчитывалось 171,37 тыс. голов рабочих лошадей, то на 1 июля 1943 г. их осталось только 93,4 тыс.²¹

Нехватка машин, людей, живого тягла при возросшем объеме сельскохозяйственных работ привели к ухудшению качества обработки почвы, несвоевременному выполнению основных сельскохозяйственных работ и срыву агротехнических мероприятий значительной частью колхозов. О негативных последствиях кампании по расширению посевных площадей говорилось в отчете Новосибирского обкома ВКП(б) о работе за военный период: «Доведя к 1943 г. посевные площади до максимальных размеров, в то же время обком допустил упрощенчество и грубейшие нарушения основных правил агротехники, в результате чего за все эти годы планы вспашки паров и подъема зяби, вывозки удобрений и снегозадержания не выполнялись, снижено качество и допущено растягивание сроков посевных работ; были нарушены, а также не осваивались введенные севообороты»²².

¹⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

¹9 Там же. Оп. 7. Д. 304. Л. 66 об. − 67.

²⁰ Там же. Л. 57.

²¹ Там же. Л. 140.

²² Сельское хозяйство в Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 307.

Уборочная кампания. Уборка хлеба в 1942 г. началась в условиях дождливой погоды, при значительно сократившемся количестве комбайнов, нехватке горючего и лошадей, недостатке опытных кадров. Областное руководство, заинтересованное в увеличении сбора урожая, вынуждало колхозы вести косовицу недозревших хлебов (чтобы не оставить нескошенные площади под снегом при наступлении ранних заморозков). Собранное в таких условиях зерно требовало тщательной очистки и просушки, что ложилось дополнительными трудозатратами на плечи колхозников. Проблему при этом представляла слабая экономическая заинтересованность колхозников в артельном труде. На протяжении уже нескольких лет колхозный трудодень обесценивался. Так, в 1940 г. в Новосибирской области колхозник в среднем получал 0,8 кг хлеба на трудодень, в 1941 г. – 1,1 кг, в 1942 г – 0,4 кг 23 (для сравнения, в 1938 г. оплата трудодня составляла в среднем 3,3 кг 24). Попытки стимулировать трудовую активность путем введения дополнительной оплаты за отдельные виды или надбавок за высокую урожайность не возымели результата. В условиях резко сократившихся фондов, которые можно было пустить на оплату труда, надбавки оказывались мизерными.

Во время войны, однако, от сельских тружеников требовалась максимальная самоотдача. Одним из основных инструментов неэкономического стимулирования труда была «массовополитическая», разъяснительная работа среди колхозников. Значение пропаганды для хозяйственно-политических кампаний военного времени возросло. Перед началом уборочной кампании партийные и комсомольские силы в деревне должны были быть расставлены с таким расчетом, чтобы в каждой полеводческой бригаде и при каждом комбайновом агрегате находился агитатор²⁵.

Однако, несмотря на все усилия пропаганды, совместить индивидуальные интересы крестьян-колхозников с государственными интересами на неэкономической основе оказывалось затруднительно. Во время обсуждения на заседании бюро обкома ВКП(б) положения дел в Коченевском районе 8 августа 1942 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом А.Б. Озирский докладывал: «Вместо того, чтобы убирать колхозное сено, колхозники в первую очередь бросились убирать свое собственное сено и под различными предлогами <...> стараются пораньше уйти с поля, идут косить сено для себя и стараются приходить позже на работу, чтобы покосить сено для своей коровы. Мне кажется, что на это надо серьезно посмотреть. Именно это обстоятельство, что у нас дело запущено, бывает потому, что колхозники свои личные интересы ставят выше интересов общественного производства» 26.

Многочисленные распоряжения, исходившие от обкома и облисполкома, давались в расчете на мобилизацию всех возможных ресурсов на районном уровне. Поскольку рассчитывать на полноценную работу комбайнов во время уборки и обмолота не приходилось, перед колхозами ставилась задача готовить живое тягло, ремонтировать простейшие и конноуборочные машины. М.В. Кулагин на заседании бюро обкома ВКП(б) 21 июля говорил о необходимости «поднять ярость колхозов и районов», чтобы «колхозники знали, что они будут работать с первого дня уборки, не взирая ни на какие условия»²⁷. Однако темпы ремонта простейших машин оставляли желать лучшего. По состоянию на 20 июля 1942 г. план ремонта сноповязалок был выполнен на 19,9 %, жаток – на 32, молотилок – на 32, зерноочистительных машин – на 27 %²⁸.

Решения областных властей, предполагавшие переброску рабочей силы в порядке «штурмовщины» на тот или иной фронт работ, создавали дополнительную путаницу на местах. 12 июня обкомом и облисполкомом было издано постановление, в котором вполне справедливо отмечалось, что затяжка весеннего сева в 1942 г., среди прочего, была вызвана

²³ Там же. С. 310

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

²⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 625. Л. 5–6.

²⁶ Там же. Д. 629. Л. 57об.

²⁷ Там же. Д. 625. Л. 120.

²⁸ Там же. Д. 627. Л. 50.

отсутствием подготовленных земель. Чтобы избежать повторения ошибки устанавливались пятидневные задания по вспашке пара и ранней зяби по районам²⁹. Однако в тот же день было принято другое постановление, предписывавшее направить все без исключения трудовые ресурсы на сеноуборку и силосование кормов для скота³⁰. Очевидно, что последнее постановление делало невыполнимым первое. С началом же уборочной кампании областное руководство распорядилось переключить все трудоспособное население деревни на косовицу хлебов, даже в тех районах, где сеноуборка не была завершена³¹. Постановления безапелляционно требовали «аврального» подхода к выполнению ставившихся задач, лишая районное руководство гибкости в распределении трудовых ресурсов. 13 августа 1942 г. во время обсуждения хода уборки зерновых в Шегарском районе состоялся показательный диалог между М.В. Кулагиным и начальником политотдела Баткатской МТС Зайковым, который вынужден был давать объяснения недостаточным темпам косовицы:

«Зайков: Почти все колхозы у нас занимались кроме уборки еще и сенокосом, т.к. не кончили убирать сено. <...> Мы не могли бросить неубранным сено.

Кулагин: Надо было и сено стоговать и хлеб убирать.

Зайков: Мы так и делали.

Кулагин: Вы опять не понимаете: надо было обеспечить полным ходом уборку урожая, а все остальное время посвятить стогованию сена. У вас главная ошибка в том, что вы распылили силы, а хлеб стоит неубранным и осыпается. В то же время можно было полным ходом вести уборку сена и за счет высокой производительности иметь силы для сеноуборки»³².

Вина за недостаточную мобилизацию колхозников на «трудовой подвиг» непосредственно возлагалась на низовое управленческое звено: райкомы, райисполкомы, политотделы. Так, например, начальник политотдела Прокопьевской МТС объяснял на заседании бюро 15 сентября обкома провал уборочной кампании тем, «что мы не сумели своих работников, которые работают на комбайнах и тракторах в колхозах, заставить так работать, чтобы они прилагали сверхчеловеческие усилия, а не рассчитывали таким образом – насколько способны, настолько и уберем»³³.

Централизованное администрирование сельскохозяйственных работ путем издания многочисленных постановлений, предписывавших сроки и объемы выполнения работ, распределение людей и техники наталкивалось на бессилие районных властей мобилизовать необходимые ресурсы и пассивное сопротивление самих колхозников. В условиях угрозы срыва уборочной кампании областное руководство настаивало на применении принудительных мер для привлечения колхозников к артельному труду. На заседании бюро обкома ВКП(б) 15 сентября М.В. Кулагин дал следующую установку присутствовавшим районным руководителями: «Надо резко изменить отношение партийных организаций к вопросу участия колхозников и колхозниц на работе; надо покончить с этой слюнтявой линией уговаривания. Колхозники и колхозницы должны работать на своем участке не покладая рук. <...> Если комбайны не работают, пусть колхозники выходят со своей семьей, работают день и ночь, но хлеб должен быть убран»³⁴.

Разумеется, при такой постановке дела значительная роль в укреплении трудовой дисциплины колхозников отводилась органам НКВД, прокуратуры и суда, которые критиковались за недостаток «целеустремленности, боевитости и оперативности» ³⁵. Следственные и судебные органы должны были активизировать борьбу с «саботажниками» и «лодырями», не вырабатывавшими обязательного минимума трудодней. Как показывают данные, приведенные в докладной записке управления НКВД по Новосибирской области, с августа 1942 г.

 $^{^{29}}$ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 613. Л. 12–13.

³⁰ Там же. Л. 13–21.

³¹ Там же. Д. 632. Л. 3–15.

³² Там же. Д. 631. Л. 69 об.

³³ Там же. Д. 637. Л. 170 об.

³⁴ Там же. Л. 176.

³⁵ Там же. Д. 639. Л. 117.

количество арестов за «антисоветскую» деятельность в деревне и уголовные преступления в сельском хозяйстве возрастало с каждым месяцем (табл. 1).

Таблица 1 Динамика арестов за «антисоветскую» деятельность и уголовные преступления в сельском хозяйстве в Новосибирской области за август–ноябрь 1942 г., чел.*

Аресты	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Всего
За «антисоветскую» деятельность	66	96	88	109	319
За уголовные преступления	238	328	331	465	1 362

Составлено по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 344–357 об.

Несмотря на растянувшиеся сроки уборки, по данным на 15 октября 1942 г. план колхозами был выполнен на 99 %, причем комбайнами было убрано всего 25,6 % от уборочной площади³⁶. Нарушения элементарных агротехнических правил в итоге негативно сказалось на урожайности зерновых. По официальным данным биологическая урожайность зерновых составила в 1942 г. 8,6 ц/га (по сравнению с 10,5 ц/га в 1941 г. и 8,9 ц/га в 1940 г.)³⁷. Следует при этом иметь в виду, что «биологический» метод определения урожайности не учитывал потери зерна во время уборки и обмолота, которые резко возросли во время войны (в связи с несоблюдением сроков уборки, нехваткой машин и топлива). По данным, приведенным в докладной записке, составленной В.А. Стениным, фактическая урожайность зерновых в Новосибирской области составила в 1942 г. 4,1 ц/га (по сравнению с 7,0 ц/га в 1941 г. и 6,3 ц/га в 1940 г.)³⁸. Аналогичные данные об урожайности (4,1 ц/га), однако только для колхозов области, приводит в своей монографии Ю.В. Арутюнян³⁹. Таким образом есть все основания полагать, что реальные объемы собранного урожая были более чем в два раза ниже официальных оценок, рассчитанных на основе биологической урожайности.

Хлебозаготовительная кампания. При чрезвычайно низкой фактической урожайности хлебозаготовительный план 1942/43 г. для Новосибирской области превышал планы двух предыдущих лет. Область должна была сдать государству 1 108,992 тыс. т зерна (920,753 тыс. т в 1941/42 г. и 1 079,868 тыс. т в 1940/41 г. ⁴⁰). В 1941 г. государство предоставило Новосибирской области относительную «передышку», несмотря на начавшуюся войну. Временное послабление было вызвано жестким социально-экономическим кризисом, в котором оказалось сельское хозяйство региона на рубеже 1940–1941 гг. в результате засухи и завышенного налогово-податного обложения ⁴¹. С 1942 г. нажим на область вновь резко усилился. Помимо привычных видов заготовок (обязательные поставки, натуроплата за работы МТС и др.) с 1942 г. колхозы были обязаны сдавать часть зерна, определяемую исходя из количества гектаров пашни, закрепленной за ними, в специально созданный хлебный фонд Красной армии.

С самого начала кампании темпы сдачи зерна отставали от плановых (табл. 2). На 25 сентября 1942 г. процент выполнения годового задания составил только 15,1 % (для

^{*}В число уголовных преступлений в сельском хозяйстве включались: срыв сельскохозяйственных работ, растранжиривание, хищение, умышленные потери и порча зерна, порча и поломка сельскохозяйственных машин, варварское отношение к живой тягловой силе.

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 220.

³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 304. Л. 142.

³⁸ Там же. Оп. 9. Д. 204. 176 об.

³⁹ *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 430.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

⁴¹ Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 1. С. 81–88.

сравнения, в 1941 г. на ту же дату план был выполнен на 35,4 %)⁴². Окончательно положение дел приобрело угрожающий характер в ноябре 1942 г. К 20 ноября план хлебозаготовок по области был выполнен на 39,7 %. Причем первые четыре пятидневки месяца показали замедление темпов хлебосдачи: первая пятидневка дала прирост в выполнении плана на 2,2 %, вторая пятидневка — на 2, третья пятидневка — на 1,4, четвертая пятидневка — на 1,7 %⁴³. Районы, как правило, объясняли столь низкие темпы затянувшимся обмолотом хлебов (вследствие нехватки техники, топлива и рабочих рук), а также отсутствием в достаточном количестве транспорта для вывозки уже обмолоченного зерна на заготовительные пункты.

Таблица 2 Итоги хлебозаготовок в Новосибирской области в 1942/1943 г. по видам и секторам *

Виды и сектора заготовок	20.09.1942	15.11.1942	15.12.1942	20.01.1943	1.07.1943				
Заготовлено зерна, тыс. т									
Плановые заготовки	137,133	428,796	_	651,727	665,405				
Обязательные поставки	80,934	170,827	215,544	247,747	250,254				
Натуроплата	25,127	158,427	205,798	244,652	251,531				
Возврат ссуд колхозами	2,178	5,831	6,683	7,256	7,256				
Хлебосдача совхозов	17,379	51,957	_	77,658	79,001				
Возврат ссуд совхозами	0,049	0,131	_	0,163	0,163				
Хлебный фонд РККА	11,466	38,362	57,445	73,939	76,855				
Выполнение годового плана, %**									
Плановые заготовки	12,4	38,5	_	58,5	59,7				
Обязательные поставки	21,6	45,5	57,4	66,0	66,7				
Натуроплата	5,0	31,4	40,8	48,5	49,9				
Возврат ссуд колхозами	34,3	91,7	105,1	114,2	114,2				
Хлебосдача совхозов	16,1	46,4	_	67,9	69,0				
Возврат ссуд совхозами	60,0	160,0	_	200,0	200,0				
Хлебный фонд РККА	10,0	33,4	50,1	64,5	67,0				

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 865а. Л. 7; Д. 871. Л. 104; Д. 872. Л. 15, 35, 212; Д. 977 Л. 181, 183, 185, 187, 189, 193, 211.

Областное руководство не удовлетворялось подобными объяснениями. Так, на заседании бюро обкома 11 ноября 1942 г. уполномоченный наркомата заготовок по Новосибирской области Н. Блинов пришел к выводу, что «основной и главной причиной» снижения темпов

^{*} В таблице приведены оперативные данные Наркомата заготовок СССР.

 $^{^{**}}$ Показатели выполнения плана рассчитаны от действующего на указанную дату варианта годового заготовительного задания.

⁴² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 640. Л. 4.

⁴³ Там же. Д. 653. Л. 3.

хлебосдачи являлось нежелание крестьян сдавать зерно: «В отдельных районах, колхозах явный саботаж сдачи хлеба государству. Причем этот саботаж прикрывается оговорками, что хлеб сырой, нет достаточного транспорта для вывозки, нет намолоченного хлеба. <...> Все это привело к тому, что если сейчас не принять решительных мер и не сломить саботаж в сдаче хлеба государству, хлеб уйдет, потому что хлеб тащат направо и налево» 44. Столь радикальное объяснение, из которого следовало, что в области наличествовали целые районы-«саботажники», было уклончиво расценено обкомом как некорректное. Так, М.В. Кулагин предложил иначе определить причины отставания: «Прежде всего, насколько будет правильным вывод, что у нас в Новосибирской области хлеб сдавать не хотят, это вывод, который сделал Блинов. Если такой вывод мы сделаем, то мы придем к неправильному решению. Это значит — голое администрирование, административный произвол, это путь многочисленных репрессий и забвения массово-политической работы. <...> Это неправильно. <...> Мы должны вывод совершенно другой сделать, что в колхозах хлеб есть, колхозники и колхозницы, и руководители колхозов хлеб государству сдавать хотят и его не сдают только потому, что еще до сего времени не организованы хлебозаготовки» 45.

Однако сама государственная хлебозаготовительная политика косвенным образом подталкивала колхозное крестьянство на путь расхищения зерна. В начале октября 1942 г. в Новосибирский обком поступила телеграмма от СНК СССР и ЦК ВКП(б), в которой ход заготовок зерна в области был расценен как неудовлетворительный: на 1 октября колхозы и совхозы сдали на 4,5 млн пудов меньше, чем в 1941 г. Телеграмма ориентировала местные власти на ужесточение контроля над проводившейся кампанией: «Лиц, оказывающих под различными предлогами сопротивление сдаче хлеба государству и плетущихся в хвосте антигосударственных настроений со стороны отдельных колхозов и колхозников, нежелающих сдавать хлеб государству, предавать суду по законам военного времени, снимать с постов и понижать в должности» 46. Кроме того, предписывалось запретить колхозам создание каких бы то ни было фондов, кроме семенных, до выполнения плана обязательных поставок, натуроплаты за работы МТС и возврата семенных ссуд⁴⁷. При этом продолжало действовать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 августа 1940 г., следуя которому, до выполнения хлебозаготовительного плана колхоз имел право расходовать на внутриколхозные нужды не более 15 % от сданного государству зерна⁴⁸. В условиях низкой урожайности и завышенных планов это приводило не к усилению темпов хлебосдачи, а, напротив, к росту хищений зерна: колхозники, убеждавшиеся в невыполнимости планов, а значит, в невозможности формирования колхозных продовольственных и фуражных фондов, оказывались перед соблазном, нарушая закон, изыскивать возможности для удержания части зерна для внутреннего потребления.

Областные власти, разумеется, осознавали опасность того, что зерно придерживается в колхозах и не вывозится на заготовительные пункты. В колхозах, по данным управления НКВД по Новосибирской области, имели широкое распространение различные способы утайки зерна от заготовителей: укрытие необмолоченного зерна в соломе или под видом отходов, выдача зерна на трудодни по «черной» ведомости с последующим ее уничтожением, переавансирование колхозников против установленных норм, умышленная порча зерна для того, чтобы его не приняли на заготовительные пункты, засыпка зерна с общих посевов под видом семян и т.д. 49

Контроль и организация обмолота и вывоза хлеба, таким образом, становилась первостепенной по важности задачей, стоявшей перед всей структурой управления сельским хозяйством области. Однако районные власти, уполномоченные, направлявшиеся из

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 648. Л. 79.

⁴⁵ Там же. Л. 90–90 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 211.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 130.

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 352–353.

городов, политотделы, комсомольские организации, сами колхозы оказались не способны переломить замедление, возникшее в темпе кампании. На заседании бюро обкома 17 ноября 1942 г. М.В. Кулагин с разочарованием констатировал, что ни одна из принимавшихся мер не привела к положительным переменам: «С 1 ноября темпы хлебосдачи резко снизились, настолько резко снизились, что считать это каким-либо обычным упущением, недостатками в руководстве сельских райкомов делом хлебозаготовок уже стало нельзя и если бы мы дали такую оценку, это было бы неправильно» Кулагин указывал на «недопустимое благодушие» и «успокоенность», которыми оказались захвачены все задействованные в заготовках ответственные работники: «В некоторых районах уже начали поговаривать о том, что план хлебозаготовок в этом году не реален для выполнения и поэтому, в связи с этим, не следует ли уже вместо борьбы за хлеб посмотреть – где, чего можно списать, где вместо хлеба можно сдать мясо» 51.

Требовались чрезвычайные меры, принятие которых не заставило себя ждать. С целью борьбы с «благодушием» и «успокоенностью» на места были командированы сроком на 10 дней 15 бригад, состоявших из работников аппарата обкома с включением в них представителей облпрокуратуры и НКВД. Бригады направлялись в наиболее хлебные районы, «чтобы помочь районным организациям сломить саботаж <...> и переключить работу райкомов и всей организации в этой группе районов только на задачу хлебозаготовок» ⁵². Одновременно во все районы области было разослано закрытое письмо секретарям райкомов с предписаниями во что бы то ни стало выполнить план хлебосдачи, сдавать все намолоченное зерно немедленно на заготовительные пункты, разоблачить и ликвидировать все «способы обмана государства, оттяжки хлебосдачи, разбазаривания и расхищения хлеба» ⁵³.

Как показывает динамика хлебозаготовок, в ноябре—декабре 1942 г. перелом в темпы сдачи зерна так и не наступил (табл. 2). По всей видимости, объемы укрываемого от сдачи хлеба были не столь значительны, а действительная проблема заключалось в катастрофически низкой урожайности зерновых по области. Однако и политический центр предпочитал закрывать глаза на объективные, экономические причины провала кампании, возлагая вину на региональные власти и «вредителей» на местах. 23 ноября 1942 г. было принято специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о плохом руководстве хлебозаготовками Алтайским крайисполкомом и крайкомом ВКП(б). Основной причиной неудовлетворительного хода кампании были объявлены «политические колебания» краевых властей и отсутствие решительной борьбы с саботажем: «В условиях отечественной войны злейшими врагами родины, советского народа и партии являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане, организующие обман государства и провал выполнения плана хлебозаготовок в угоду фашистам» ⁵⁴. К ним следовало «применять суровые репрессии — исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагеря» ⁵⁵.

Несмотря на то, что постановление было адресовано властям конкретного региона, оно явно имело показательный, демонстративный характер, поскольку предназначалось к рассылке всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик⁵⁶ с очевидной целью «встряхнуть» регионалов, предупредив их о высокой ответственности и поставив перед угрозой репрессий.

Вслед за принятием специального постановления по Алтайскому краю, в декабре 1942 г. в Западную Сибирь выехал секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев (в конце 1943 г. он будет назначен народным комиссаром земледелия СССР). Цель его поездки — исправить ошибки местных властей и ускорить ход хлебозаготови-

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 88.

 $^{^{51}}$ Там же.

 $^{^{52}}$ Там же. Л. 88 об.

⁵³ Там же. Л. 85–86 об.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 58.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 59.

тельной кампании. Составленные по единому шаблону выступления А.А. Андреева в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях на совещаниях региональных комитетов партии при участии секретарей райкомов, начальников политотделов МТС и директоров совхозов весьма красноречиво свидетельствовали о непоколебимой убежденности в том, что хлеб, необходимый для выполнения планов, в регионах имелся.

В доказательство А.А. Андреев апеллировал к официальным оценкам видов на урожай. Основанные на них расчеты позволяли предположить, что в хозяйствах остается достаточное количество хлеба. Тот факт, что при определении видовой урожайности не учитывались потери зерна во время уборки и обмолота, которые возросли в военное время, полностью игнорировался. Тем не менее, региональным властям было вменено во время хлебозаготовительной кампании опираться исключительно на оценку видовой урожайности, не обращая внимания на любые иные данные. 6 декабря 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), запрещавшее ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах. Такие сведения маркировались как искажающие действительную картину урожайности⁵⁷.

От Новосибирской области на совещании 10 декабря 1942 г. А.А. Андреев требовал покончить с «настроениями занижения урожая» и перестать «руководствоваться результатами намолота»: «Устанавливать урожайность – прерогатива государства, только оно может установить действительную урожайность хлебов. На каком основании вы оказались доверчивы к данным, которые исходят от колхоза? На каком основании оказались в недоверии к данным установленной видовой оценки урожая перед началом уборки и больше верите рваческим данным, составленным для обмана государства, данным, определяемым намолотом хлебов с малоурожайных участков. Это и вскрывает вашу неправильную ориентировку, вашу ориентацию на колхозы, а не на государство. Поверив данным о намолоте, вы связали себя по рукам и ногам. Кто поверил этим данным, тот конченый человек. Такой человек не может проводить хлебозаготовки»⁵⁸.

В результате вмешательства представителя политического центра методы ведения хлебозаготовок в области ужесточились. О переменах в отношении к колхозам докладывал заведующий сельхозотделом обкома В. Остаплюк: «До приезда Андрея Андреевича и до последних указаний обкома партии <...> было такое положение, что в основном занимались уговариванием, массово-политической разъяснительной работой: приезжаем в колхоз и ставим перед ним вопрос, что фронт требует, ты обязан перед государством, вези хлеб. <...> После 10-го декабря несколько иной тон почувствовался в разговорах с секретарями райкомов, председателями райисполкомов и другими руководящими районными работниками, чувствуется, что народ стал сейчас более твердо, стал сейчас понимать, как нужно брать хлеб, стали сейчас заниматься хлебом более твердо»⁵⁹.

Главная роль в реализации установки «брать хлеб» возлагалась на уполномоченных, посылаемых в деревню областными, районными и городскими партоорганизациями. Уполномоченные должны были проводить ревизию колхозных амбаров, полей и скирд на предмет выявления укрываемого или необмолоченного зерна, а затем организовывать его вывоз на заготовительные пункты. Однако и вмешательство представителя политического Центра не привело к положительным изменениям в динамике хлебозаготовок. М.В. Кулагин с разочарованием констатировал, что перелома в ходе кампании добиться не удалось: «Что произошло у нас, и у областных работников, и у руководящих районных работников, и у руководящих сельских работников после совещания, после тех указаний, которые сделал Андрей Андреевич: для вида, для формы делают все для того, чтобы выполнять эти указания, перестали высказывать открыто невозможность, нереальность выполнения плана хлебозаготовок, а чтобы хлеб брать, как раз этого перелома еще не произошло ни у областных уполномоченных, ни у районных руководящих работников, ни у сельских руко-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

⁵⁸ Там же. Л. 146–147.

 $^{^{59}}$ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 112 об.

водящих работников. <...> Теплится и у тех, и у других, и у третьих еще внутри, в сознании надежда — а может быть государство, страна как-нибудь обойдутся в этом году с меньшим количеством хлеба, нежели нам установлено сдать» ⁶⁰. В итоге темпы прироста выполнения хлебозаготовительного плана с конца января 1943 г. сошли к минимуму, а процент его выполнения к 1 июля 1943 г. составил 59,7 %. Результаты кампании в других регионах Западной Сибири (Алтайский край выполнил план на 49,0 %, Омская область на 43,1 % ⁶¹) свидетельствуют о схожей ситуации.

Заключение. Низкий урожай зерновых, полученный в Новосибирской области в 1942 г., накладывал объективные ограничения на возможности выполнения государственного хлебозаготовительного плана. Политическое руководство сознательно закрывало глаза на экономические затруднения, испытываемые сельхозпроизводителями, вынуждая областные власти ориентироваться исключительно на официальные оценки видовой урожайности, дававшие искаженную картину наличия хлеба в хозяйствах. Поэтому вина за провал кампании возлагалась, главным образом, на самих производителей, якобы не желавших сдавать хлеб. Здесь в очередной раз проявилось свойственное советской власти недоверие к колхозному крестьянству, которое с точки зрения государства хваталось за любую возможность, чтобы придержать зерно и растратить его на собственные нужды. Однако это недоверие имело под собой и политический расчет. Перенос вины на колхозы «развязывал заготовителям, легитимируя административный «произвол» руки» крестьянства.

Литература

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 459 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Ильиных В.А., *Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН. 2020. 507 с.

Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 157–176.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 1. С. 81–88.

Шарапов С.В. Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 176—187 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. Т. 51. № 5. С. 155–174.

References

Arutyunyan, U.V. (1970). *Sovetskoye krestyanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 459 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoye oblozheniye sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 167 p.

⁶⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. 119 об. − 120.

⁶¹ *Шарапов С.В.* Хлебозаготовки в Западной Сибири... С. 161.

Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. (2012). *Selskoye khozyaystvo v Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the 20th Century: Development Problems and Crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Rynkov, V.M. (2002). Metody i rezul'taty provedeniya khlebozagotovitel'noy kampanii 1940–1941 godov v Novosibirskoy oblasti [Methods and Results of the Grain Collection Campaign of 1940–1941 in the Novosibirsk Region] In V.I. Shishkin (Ed.). *Sibir v XVII–XX vekah: problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.:* mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, pp. 157–176.

Sharapov, S.V. (2020). Sel'skoye khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny [The State of Agriculture in Novosibirsk and Altai Regions on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects] In *Gumanitarniye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88. DOI: 10.15372/HSS20210111

Sharapov, S.V. (2020). Uborochnaya i khlebozagotovitel'naya kampanii v Novosibirskoy oblasti v 1941 godu [Harvesting and Grain Collection in Novosibirsk Region in 1941]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (11), pp. 176–187. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf (date of access: 30.06.2021).

Sharapov, S.V. (2021). Khlebozagotovki v Sibiri v gody Velikov Otechestvennov voyny: plany i rezul'taty [Grain Procurement in Western Siberia During the Great Patriotic War: Plans and Results] In *EKO*. Vol. 51, No. 5, pp. 155–174

Статья поступила в редакцию 19.05.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

О.Н. Аргунов*

O.N. Argunov*

Хлебозаготовки 1946 года в Курской области: можно ли было избежать голода?

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-6 УДК 94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:

Аргунов О.Н. Хлебозаготовки 1946 года в Курской области: можно ли было избежать голода? // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 67–77. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-06.pdf

Grain Collection in 1946 in the Kursk Region: Was it Possible to Prevent Starvation?

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-6

How to cite:

Argunov O.N. Grain Collection in 1946 in the Kursk Region: Was it Possible to Prevent Starvation? // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 67–77. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-06.pdf

Abstract. The research of the causes of the starvation in 1946–1947 occupies a special place in Russian historiography. In recent years historians have been placing more and more attention on the regional component of this issue, pointing out two key factors which led to the disaster: a largescale drought in most grain-producing areas of the country and the grain collection campaign organized by the state in 1946, which withdrew almost all of the harvested grain from the village, including seed material. Being based on the analysis of a wide regional documentary base, this work investigates the sequence, scale, and methods of grain confiscation by the government. As well as in the previous years, the campaign of 1946 was of a directive, planned nature, which had the force of law, and various methods were used to perform it, primarily of an administrative nature. The data of the Kursk region illustrates that even despite the rigor and significance of the achievement of grain gathering goals, the collective farms could not handle the obligations imposed on them owing to the fact that they collected significantly less grain than it was expected from them to procure. At the same time, a substantial part of the grain was "returned" to the collective farms by means of the government food accommodation – "Stalin's Aid", which enables to postpone the peak of starvation by several months, limiting it to February, March and April of 1947. The archival research led to conclusion that the chief reason for the hunger of 1946–1947 in the Kursk region was the unfavorable natural and climatic conditions that did not allow harvesting from the personal plots of collective farmers, which served them as the main source of food. According to these empirical data the author concludes that there was no possibility to avoid the starvation of 1946–1947 in the Kursk collective farms even it the grain collection campaign had not been started at all. Consequently, the assumption about the artificial man-provoked nature of the starvation of 1946–1947, which was put forward in Russian historiography back in the 1990s and which still remains a predominant perspective, is not substantiated when applied to the historical realities of the post-war Kursk region.

Keywords: agricultural policy; collective farm; starvation; collection of grain for State; Kursk region.

The article has been received by the editor on 19.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование вопроса причин голода 1946–1947 гг. в отечественной историографии занимает особое место. В последние годы исследователи все больше обращают внимание на региональный компонент данной проблемы, выделяя при этом два ключевых

Argunov Oleg Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, State Archive of the Kursk Region, Kursk, Russia, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

^{*} **Аргунов Олег Николаевич,** кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, Курск, Россия, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

фактора катастрофы: масштабную засуху в большинстве зернопроизводящих районов страны и хлебозаготовительную кампанию 1946 г., изъявшую из деревни практически все собранное зерно, включая семенной материал. На основе широкой региональной документальной базы в данной работе проанализирован ход, масштабы и методы изъятия зерна государством. Как и в предыдущие годы, в 1946 г. хлебозаготовительная кампания носила директивный, плановый характер, имевший силу закона, а для ее выполнения привлекались различные методы, в первую очередь административного характера. Материалы Курской области показывают, что несмотря на всю обязательность хлебозаготовительных заданий, колхозы не смогли справиться с возложенными на них обязательствами из-за того, что собрали значительно меньше хлеба, чем было запланировано заготовить. В то же время, существенная часть зерна была «возвращена» в колхозы через правительственную продовольственную ссуду – «Сталинскую помощь», которая позволила отодвинуть пик голода на несколько месяцев, ограничив его февралем, мартом и апрелем 1947 г. В ходе изучения архивных источников было установлено, что главной причиной голода 1946–1947 гг. в Курской области были неблагоприятные природно-климатические условия, которые не позволили собрать урожай с приусадебных участков колхозников, служивших им основным источником продуктов питания. На основании этих эмпирических данных сделан вывод о том, что голода 1946–1947 гг. в курских колхозах было невозможно избежать, даже если бы хлебозаготовки были полностью отменены. В связи с этим тезис о рукотворности голода 1946–1947 гг., озвученный в отечественной историографии еще в 1990-е гг. и доминирующий в ней до сих пор, применительно к историческим реалиям послевоенной Курской области не обоснован.

Ключевые слова: аграрная политика; колхозы; голод; хлебозаготовки; Курская область.

Проблема изучения хлебозаготовительных кампаний в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период уже давно находится в актуальном поле российской исторической науки. Формы и методы, с помощью которых государством осуществлялись заготовки хлебопродуктов, неоднократно подвергались анализу. Результаты данных исследований зачастую являются спорными и неоднозначными, однако уже наличие самой дискуссии по этому вопросу говорит о его серьезном значении в контексте современного историографического осмысления проблемы.

По мнению ряда историков, хлебозаготовительные кампании военного периода и первых послевоенных лет осуществлялись с помощью «применения чрезвычайных мер организационного и правового характера»¹. Данный тезис в целом разделяется большинством исследователей, но при этом имеет определенную региональную специфику, которая отражает особенности положения конкретного региона нашей страны.

Анализ региональной историографии показывает, что практически во всех регионах СССР хлебозаготовительные задания на 1946 г., несмотря на засуху и общую разруху в сельском хозяйстве, были значительно выше, чем в довоенные годы, и в течение кампании неоднократно повышались. Так, в Горьковской области в 1946 г. план заготовок зерна был на 21 169,0 т выше, чем в 1940 г. При этом советское правительство дважды (летом и осенью) увеличивало планы. В итоге, как отмечает И.Ю. Моисеева, у колхозов области было изъято 86,6 % собранного урожая, то есть практически все². Похожая картина была на Кубани, где были заготовлены 64,9 млн пудов зерна из завышенных 82,9 млн плановых показателей³. Аналогичная картина наблюдалась и в регионах Сибири. Например, Новоси-

¹ *Мотревич В.П.* Организация заготовок сельскохозяйственной продукции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 2. С. 102.

² Лосева И.В. Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39. С. 120; Моисеева И.Ю. Социально-экономические взаимоотношения государства и крестьянства в 1946–1952 гг. (по материалам Горьковской области): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 15–16.

бирская область выполнила заготовительное задание только на 88,6 %⁴, но при этом отдала в закрома родины практически весь собранный урожай.

В этой связи крупнейший отечественный исследователь голода 1946—1947 гг. В.Ф. Зима, проанализировав общесоюзные данные по хлебозаготовкам 1946 г., пришел к выводу, что именно хлебозаготовки («продразверстка») стали главной причиной голодовки⁵. Исходя из этого Вениамин Федорович полагает, что голод имел рукотворный, целенаправленный характер. Однако данный тезис не был разделен рядом историков-аграрников (В.В. Кондрашин⁶, И.М. Волков⁷), которые также обращались к изучению данного вопроса. Большинство исследователей заостряют внимание на совокупности объективных и субъективных причин голода, говоря о том, что голод 1946—1947 гг. не возник одномоментно.

Кризис сельскохозяйственного производства стал наблюдаться во многих регионах СССР уже в годы Великой Отечественной войны. И данный аспект был характерен не только для регионов, оказавшихся в оккупации или прифронтовой зоне⁸ (Курская область не стала исключением, чему посвящена одна из наших работ⁹), но и для тыловых районов страны¹⁰.

Однако не до конца изученный региональный аспект данной проблематики оставляет широкое поле для размышлений. Влияние отдельных объективных и субъективных факторов на развитие аграрной отрасли Курской области в послевоенные годы все еще остается недостаточно изученным. И в этой связи рассмотрение проблемы хлебозаготовок в контексте создания предпосылок для голода является весьма актуальным.

Хлебозаготовки в СССР в рамках функционирования колхозно-совхозной системы как в довоенные и военные, так и в послевоенные годы были одним из ключевых механизмов перекачивания ресурсов из деревни в город для осуществления индустриализации. В систему хлебозаготовок в качестве основных способов получения хлеба входили обязательные поставки зерна государству колхозами и взимаемая с них же натуроплата за работу МТС. На их долю приходилось более 70 % от всего заготавливаемого в деревне зерна. В условиях 1946 г. это было особенно важно: правительство планировало создать такой запас зерна, чтобы уже в начале 1947 г. отменить карточную систему, тем самым показав преимущества социалистической модели экономического развития¹¹. Однако в планы вмешалась природа: на территориях практически всех зернопроизводящих районов нашей страны произошли какие-либо природно-климатические катаклизмы, в значительной степени погубившие урожай. Курскую область настигла крупнейшая за весь ХХ в. засуха, которая в совокупности с малоснежной зимой 1945/1946 г. поставила сельское хозяйство региона на грань катастрофы¹². То, что голода не миновать, областное руководство поняло еще до начала уборки урожая и, соответственно, до начала проведения хлебозаготовительной кампании.

³ Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. С. 17–18.

⁴ *Ильиных В.А.* Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историкоэкономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 62.

 $^{^{5}}$ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020. С. 55.

⁶ Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII– XX веках: история и современность. Оренбург, 2007. С. 298–312.

⁷ Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.

⁸ Кондрашин В.В. Голод 1946–1947 гг. в России и Украине: общее и особенное // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1. С. 130–137.

⁹ *Аргунов О.Н.* В преддверии голода: сельское население Курской области в 1943–1945 гг. // Истоки и уроки Великой Победы. Курск, 2020. С. 12–16.

¹⁰ Туман-Никифорова И.О., Чеберяк Н.В. Снабжение населения Красноярского края продуктами питания (1946–1947 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 11. С. 220–221; Корнилов Г.Е. Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2014. С. 395.

¹¹ Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. ... С. 60.

¹² *Аргунов О.Н.* Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

Еще более очевидной картина была для районных партийно-государственных властей, которые всеми правдами и неправдами пытались сохранить хлеб на местах еще до начала уборки. Так, 7 июля 1946 г. на очередном заседании бюро обкома ВКП(б) обсуждались предложения по планам хлебозаготовок, представленные райисполкомами в Курский облисполком. Серьезной критике подверглись планы председателей Большесолдатского и Томаровского райисполкомов – А.Р. Бельченко и П.Е. Кирьякова, которые оказались ниже в три и пять раз соответственно по сравнению с аналогичными предложениями райкомов. Эти предложения были расценены как антигосударственные, и постановлением Курского обкома ВКП(б) за «обман государства» А.Р. Бельченко был снят с работы, а П.Е. Кирьякову объявили строгий выговор¹³. Впрочем, реальное положение в данных районах было действительно близким к катастрофическому.

Так, в Большесолдатском районе из 12 122,0 га, засеянных озимыми зерновыми культурами, 4 000,0 га имели хороший вид на урожай (ориентировочно 7,0–8,0 ц/га), 5 618,0 га были в удовлетворительном состоянии (урожайность ожидалась на уровне 3,0 ц/га (это примерно равнялось норме высева того периода времени), а на площади 2 538,0 га урожайность ожидалась ниже нормы высева — около 1,0 ц/га. Исходя из этих данных, в районе реально могли собрать только чуть больше зерна, чем посеяли. При этом следует учитывать, что, во-первых, урожайность яровых зерновых всегда меньше, чем озимых, а в условиях засушливой весны 1946 г. они пострадали еще и сильнее озимых, а, во-вторых, под урожай 1947 г. в районе планировалось засеять 12,0 тыс. га озимыми, для чего требовался практически весь собранный урожай 14. В совокупности эти факторы создавали все условия для голода.

Между тем, уже 10 июля 1946 г. на основании совместного Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1946 г. бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполком принимают совместное Постановление «О годовом плане заготовок хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из урожая 1946 года», согласно которому годовой план сдачи зерна по области составил 123 545,0 т. Колхозы должны были сдать по обязательным поставкам 78 627 т хлеба, задание по сбору натуроплаты МТС составило 32 787 т, и 5 575 т зерна планировалось получить в счет возврата натуральных ссуд. В то же время колхозам предоставлялась скидка по обязательным поставкам зерна из урожая 1946 г. в размере 117 055 т. Одновременно списывались недоимки прошлых лет: по обязательным поставкам — 94 602 т, по сдаче в хлебный фонд Красной Армии — 42 013 т., по натуроплате МТС — 25 015 т, а также списывались задолженности по поставкам с колхозников, рабочих, служащих и единоличников в размере 6 697 т хлеба.

Однако наиболее интересным является третий пункт данного постановления. Воспроизведем его дословно: «З. Отсрочить равными долями до урожаев 1947 и 1948 годов сдачу колхозами государству зерна: по обязательным поставкам из урожая 1946 года — 131 422 тонн и по возврату зерновых ссуд до урожая 1947 года — 24 571 тонну и до урожая 1948 года — 20 197 тонн» 15. Найти разъяснений к данному пункту в изученных нами исторических источниках нам не удалось, однако есть все основания предположить, что под рассрочкой в поставках зерна имеется в виду возврат беспроцентной зерновой ссуды («Сталинская помощь»), которая будет распределяться среди колхозников, начиная с августа 1946 г.

Несмотря на то, что сроки поставок зерна вышеуказанным постановлением не оговаривались, общеизвестно, что они были достаточно жестки, а за их выполнением пристально следили на всех уровнях партийно-государственного руководства региона. Невыполнение хлебозаготовок грозило серьезными санкциями для председателей колхозов и руководителей районных организаций и органов власти. Тем не менее, колхозы, колхозники и

 $^{^{13}}$ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 33. Л. 4–5.

¹⁴ Там же. Д. 34. Л. 33.

¹⁵ Там же. Д. 33. Л. 18.

единоличники, а также подсобные предприятия районов совсем не стремились «расставаться» с собранным небольшим урожаем. Например, на XII сессии Микояновского районного Совета депутатов трудящихся отмечалось, что на 10 августа 1946 г. план хлебозаготовок по району колхозами был выполнен только на 35,0 %, колхозниками и единоличниками на 2, подсобными хозяйства на 10 % 16.

Для усиления темпов заготовок по отдельным районам партийно-государственные руководители организовывали так называемые «красные обозы» как ответ на выделение «Сталинской помощи» колхозникам. Например, в Хомутовском районе часть колхозов откликнулась на призыв организации форсированных хлебозаготовок: только за 10 августа было заготовлено $3\,014$ ц из дневного плана в $4\,000$ ц 17 . Но в целом по области такая практика не прижилась: у большинства сельхозартелей не было возможностей не только поставить хлеб, но и организовать его перевозку до пунктов сдачи.

В некоторых колхозах председатели нарочно затягивали обмолот хлеба, чтобы дольше не рассчитываться с государством. Так поступили председатели колхозов «Правда», «Большевик», «Красный пахарь», имени Кирова Грайворонского района, где к концу сентября больше половины урожая стояло в необмолоченных скирдах, а план хлебопоставок был выполнен не более чем на $60\,\%^{18}$.

Многие руководители колхозов шли на должностные преступления, сознательно занижая урожайность зерновых во вверенных им хозяйствах. Наиболее массовыми такие случаи были в Солнцевском районе: в колхозе имени Сталина урожайность была занижена с реальных 3,8 ц/га до 1,3 ц/га, в колхозе «Борец» до 0,8 ц/га вместо 2,5 ц/га¹⁹. Делалось это из расчета возможного снижения плана заготовок. Но никаких дополнительных мер по сокращению хлебозаготовок руководством области не принималось.

Ряд руководителей колхозов, чтобы хоть как-то сохранить зерно в своих хозяйствах, практически сразу после уборки и обмолота озимых культур стали его высаживать, гарантируя тем самым получение урожая в следующем году, и только потом приступали к выполнению заданий по заготовкам хлеба. Однако такая практика шла в разрез с официальной позицией государства и партии. Тем не менее многие председатели колхозов на свой страх и риск шли на этот шаг. Так, из пятидесяти колхозов Большеполянского района на 10 сентября 1946 г. семь колхозов вообще не приступили к выполнению хлебозаготовок, а в девяти план был выполнен менее чем на 5 %. В колхозе «Красная дача» план хлебозаготовок был выполнен только на 20 %, в то время как план сева озимых колхоз выполнил на 120 %²⁰.

Кроме того, к концу сентября 1946 г. большинство колхозов полностью исчерпали свои резервы, сдав абсолютно все зерно государству, но так и не выполнив плановых показателей заготовок. Так, в Солнцевском районе после 15 сентября практически полностью прекратилась хлебосдача, при этом район остался должен 767 т или 32 % от планового задания. Бюро Курского обкома ВКП(б) видело в этом исключительно вину партийно-государственного руководства района в лице секретаря райкома Г.И. Кадыкова и председателя райисполкома М.А. Тараканова, которые не смогли правильно организовать хлебозаготовительную кампанию, а не недород хлебов²¹. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в соседнем Мантуровском районе²².

После этого в районы начали активно высылать проверяющих, которые стали устанавливать, что в колхозах у колхозников и единоличников имеются «излишки» хлеба: чаще всего ими оказывались запасы семенного зерна. Результаты проверки Большетроицкого района 10 октября 1946 г. обсуждались на заседании бюро Курского обкома ВКП(б). Было установлено, что колхозы района имели 732 ц зерна и 1 300 ц отходов, которые необ-

 $^{^{16}}$ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. П-71. Оп. 1. Д 153. Л. 71.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.

¹⁹ ГАОПИКО. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 458. Л. 145.

²⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 46. Л. 29.

²¹ Там же. Л. 198.

²² Там же. Л. 201–202.

ходимо сдать государству, но этого не делалось. Председатель райисполкома П.Е. Селин так оправдывал свою позицию: «Когда было дано указание немедленно взять хлеб с индивидуальных хозяйств, начали брать хлеб, потом тов. Малахов дал указание своим агентам, что можно заменять молоком, тогда хлеб перестали сдавать, а сдавали молоко. Последнюю пятидневку совсем ничего не сдавали. Сейчас разбираемся с каждым колхозом. Хлеб, имеющийся в отходах, надо подработать. 713 центнеров зерна имеются в колхозах, которые рассчитались с государством и сдали сверх плана. Пошлем еще актив проверить и взять все, что есть – с семенных участков и т.д.». Как мы видим, в Большетроицком районе фактически изымали все имеющееся зерно не только у колхозов, но и у колхозников и единоличников, забирая даже семенной материал. Тем не менее позиция обкома была довольно жесткой. Ее на том же заседании озвучил секретарь обкома ВКП(б) Н.В. Голубев: «Саботажников надо искать в райкоме и райисполкоме. Вы не хотите сдавать хлеб, вы приехали с намерением доказать, что вы не будете хлеб сдавать. У вас есть в колхозах, которые рассчитались с государством, 700 центнеров зерна, отходов полторы тысячи, 90 тонн хлеба за колхозниками, за подсобными хозяйствами 135 центнеров. Почему хлеб не сдаете? Почему такая беспечность к интересам государства, вы на кого там работаете? <...> 20 числа пригласим вас снова на бюро обкома и оценим вашу работу за эти 10 дней. Проверим все эти факты, которые здесь выявляются. Саботажников надо искать в райисполкоме и райкоме, отсюда надо начинать расчищать в районе, тогда дело пойдет в районе»²³. После этих заявлений проверки в районах еще больше усилились, в отдельных случаях в них стали участвовать районные прокуратуры. В том же Большетроицком районе за 11 дней проверок (с 10 по 20 октября) было выявлено пять случаев саботажа хлебозаготовок со стороны руководителей колхозов. Массово стали заводиться уголовные дела²⁴.

Однако и такие драконовские меры не могли выправить ситуации: хлеба в районах практически не осталось, а выявляемые многочисленными проверками «излишки» продовольственного зерна сохранялись колхозами на семена²⁵. Но были и районы, власти которых принуждали сдавать даже семенной материал. Так, на 26 ноября 1946 г. Кореневский район на 99 % выполнил план хлебозаготовок за счет изъятия практически всего зерна не только у колхозов, но и у населения²⁶.

23 октября 1946 г. состоялось очередное заседание бюро обкома ВКП(б), где вопрос стоял еще жестче. На этот раз разгромной критике об отсутствии заинтересованности заготовить больше зерна были подвергнуты руководители Беловского, Беленихинского, Большетроицкого, Микояновского районов. По настоянию председателя Курского облисполкома В.В. Волчкова было принято постановление о завершении хлебозаготовительной кампании в районах области к 1 ноября 27 . Это оказалось весьма оптимистичным решением, учитывая, что на 25 октября область выполнила хлебопоставки только на 83,9%, а колхозники и единоличники рассчитались с обязательствами лишь на 59,4% 28 . В итоге и с этим заданием область не справилась, да и не могла справиться по ряду объективных причин, указанных выше.

Помимо заготовок хлеба в колхозах, государство проводило хлебозакупки у населения. В условиях, когда было понятно, что голода не избежать, а руководство региона смогло «выбить» у центра продовольственную ссуду для населения²⁹, заготовки зерна в хозяйствах колхозников и единоличников выглядят наиболее абсурдными. Тем не менее, они занимали

²³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 48. Л. 111–112.

²⁴ Там же. Л. 230.

²⁵ Там же. Л. 347–350.

²⁶ Там же. Ф. П-74. Оп. 1. Д. 266. Л. 213–214.

²⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 48. Л. 172–177.

²⁸ Там же. Д. 50. Л. 215.

²⁹ См. подробнее: *Аргунов О.Н.* Распределение продовольственной помощи в колхозах Курской области в 1946 г. (по документальным источникам курских архивов) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: мат-лы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989); Ижевск, 7–8 ноября 2019 г. Ижевск, 2019. С. 381–388.

важное место в хлебозаготовительной кампании, и планы заготовок были весьма внушительными. Например, колхозники и единоличники Беловского района должны были сдать государству свыше 1 312,6 ц хлеба. Но уже с самого начала осуществления заготовительных мероприятий планы хлебосдачи (поставок и закупок) по индивидуальному сектору были сорваны. Так, в Беличанском и Гирьянском сельсоветах того же района на 5 сентября 1946 г. план хлебозаготовок был выполнен только на 1,3 и 0,7 % соответственно³⁰. Объяснялось это тем, что сдавать колхозникам и единоличникам было практически нечего. Такая же картина была и в соседнем Суджанском районе, где из 5 184 хозяйств колхозников сдали хлеб только 1 220, выполнив при этом хлебопоставки всего на 23 %, заготовив 244 ц зерна из запланированных 1 060 ц³¹.

На хранении в Госархиве общественно-политической истории Курской области имеется докладная записка уполномоченного Министерства заготовок СССР по Курской области И. Куликова от 14 сентября 1946 г. «О ходе хлебозаготовок по Сажновскому району»³², адресованная секретарю обкома ВКП(б) П.И. Доронину и заместителю председателя облисполкома А.С. Некрасову, в которой указывается, что в ходе проверки хлебозаготовительной кампании в вышеуказанном районе, на 10 сентября план хлебозаготовок колхозами был выполнен на 67,9 % (было не допоставлено 245 т), колхозниками и единоличниками на 74,1 % (не хватало 21,0 т). Причины невыполнения планового задания указывались следующие. Во-первых, была неправильно распределена скидка по хлебопоставкам между колхозами. Так, колхозы «Красноармеец», «Серп и молот», имени Сталина и другие полностью исчерпали свои ресурсы и остались еще должны государству более 700 ц зерна, а у сельхозартелей «Новый путь», «Объединение», «Политотделец» оставались излишки, которые могли перекрыть вышеуказанную недостачу. Во-вторых, местные МТС (Сажновская и Шляховская) не справились с запланированными объемами работ. Комбайнами убрали 83,7 % от общей площади зерновых культур. В итоге было сорвано получение хлеба по натуроплате. Многие колхозы убрали и обмолотили значительные площади вручную или конными молотилками. Исходя из анализа данной записки, мы видим, что заготовительные органы любой ценой пытались выполнить план хлебозаготовок, невзирая на реальные возможности районов в целом и отдельных колхозов в частности.

В целом же работа тракторно-комбайного парка МТС на уборке урожая 1946 г. была крайне неудовлетворительной, о чем неоднократно отмечалось в различных докладных записках. Многочисленные проверки работы комбайнов и молотилок МТС устанавливали, что руководством машинно-тракторных станций данная работа по большей своей части была пущена на самотек. Бригадирами не разрабатывались перспективные маршрутные графики, не обследовались предполагаемые для уборки поля, не согласовывались с колхозами условия работы. Вследствие этого планы не выполнялись, а рабочая техника простаивала. Так, в двадцатых числах июля 1946 г. была организована комплексная проверка работы одиннадцати бригад МТС в Белгородском, Беловском, Новооскольском, Рыльском, Корочанском и других районах области. Было установлено, что все 11 комбайновых бригад за один день работы смогли убрать только 367 га, что составляло лишь 11 % от установленного государственным заданием плана. Средняя выработка на один комбайн составила только лишь 6,1 га. Простои составили 63 комбайно-часа при общей выработке всеми бригадами 136 комбайно-часов за день, что говорит о серьезных простоях техники, из которых большая часть вызывалась техническими неисправностями. Комбайнерами допускались значительные потери зерна, которые достигали 41 % к общему объему намолоченного урожая, что было настоящей катастрофой в условиях значительного недорода³³.

Данный тезис подтверждают и документы районных органов власти. Так, за первую неделю уборки (10–16 июля 1946 г.) в Большетроицком районе комбайнами трех МТС

³⁰ ГАОПИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 722. Л. 6, 50.

³¹ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 451. Л. 19.

³² Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 322–323.

³³ Там же. Д. 37. Л. 20–22.

района были убраны только 273 га, что составило всего 12 % от общего объема убранных площадей³⁴. Похожая обстановка наблюдалась и в Новооскольском районе, где темпы комбайновой уборки были значительно ниже ручной уборки. Еще хуже работали механические молотилки, которые из плана намолотить 3 500 т зерна за период уборки за первый месяц смогли намолотить только 650 т или 18,0 % от плана³⁵.

Вполне естественно, что такое удручающее состояние механизированной уборки урожая в колхозах отражалось и на объемах натуральной оплаты, которая как по отдельным районам, так и по области в целом была значительно ниже плановых заданий. Но были и районы, которые практически полностью рассчитались по натуральным поставкам. Среди них можно назвать Большесолдатский, где из плана 3 798 ц было сдано 3 598 ц или 94,7 % ³⁶. Однако подобные показатели достигались исключительно за счет дополнительного нажима на колхозы и изъятия всего имевшегося зерна, вплоть до семенного материала.

В целом как по области, так и по отдельным районам, несмотря на все усилия властей, применение различных методов административного воздействия так и не привело к выполнению планов по хлебозаготовкам. Решением XVIII сессии Сажновского районного Совета депутатов трудящихся от 30 декабря 1946 г. отмечалось, что районом план хлебопоставок был выполнен только на 85 %. Причина называлась следующая: «[Районный] упол[номоченный] мин[истерства] заг[отовок], сельские Советы и колхозы не приняли надлежащих мер к лицам, злостно уклоняющимся от выполнения государственных поставок»³⁷. И это при том, что из 48-и колхозов района 27 перевыполнили плановые хлебозаготовки. По имеющимся сведениям, невыполнение хлебозаготовок в Сажновском районе произошло во многом за счет срыва уборочных работ МТС и недополучением ими натуроплаты³⁸. В Щигровском районе обстановка была еще сложнее: колхозы на 1 ноября 1946 г. выполнили хлебопоставки только на 53 %, но более «успешно» шли заготовки в индивидуальном секторе, где заготовили 73,0 % от плана³⁹.

Однако невыполнение плана было обусловлено и другим, более значимым фактором: как уже было указано выше, общий план хлебозаготовок в 1946 г. составил 1 235 450 ц, а курские аграрии смогли собрать урожай лишь в 1 199 000 μ^{40} по всем категориям хозяйств, что было почти в 8 раз меньше, чем в 1945 г., который был не самым урожайным. Поэтому план хлебозаготовок 1946 г. был априори невыполним.

Но вернемся к проблеме, вынесенной в заголовок настоящей работы: можно ли было избежать голода? Здесь стоит обратиться к вопросу об источниках доходов и продуктов питания у курских колхозников. Отмечу, что из имевшихся в Курской области в 1946 г. 4 938 колхозов⁴¹ смогли обеспечить выдачу зерна на трудодни только 967 и то в мизерных количествах (не более 16 кг на одного члена колхозной семьи в среднем). В шести районах региона выдача на трудодни вообще не производилась⁴². На несколько месяцев облегчила положение курских колхозников правительственная продовольственная ссуда в размере 4 040 000,0 пудов, отодвинув начало массовой голодовки на начало 1947 г.⁴³

В то же время на совещании первых секретарей райкомов ВКП(б) Курской области, прошедшем 29 июня 1946 г., в своем докладе⁴⁴ первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин отмечал, что в 1945 г. на трудодни в курских колхозах было выдано меньше,

³⁴ ГАБО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 62. Л. 196.

³⁵ Там же. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 40. Л. 183.

³⁶ ГАОПИКО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 448. Л. 89–90.

³⁷ ГАБО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 133. Л. 19.

³⁸ Там же. Д. 169. Л. 1.

³⁹ ГАОПИКО. Ф. П-110. Оп. 1. Д. 576. Л. 1.

⁴⁰ Государственный архив Курской области. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 6, 102.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1. Л. 72.

⁴² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 22, 28.

⁴³ См: *Аргунов О.Н.* Борьба с голодом в курских колхозах в 1946–1947 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Воронеж. 2020.

⁴⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–22.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

чем советское правительство отпустило области в качестве продовольственной ссуды: «Я должен вам сказать по секрету, что в прошлом году мы выдали на трудодни до 4-х миллионов пудов, а в этом году мы имеем возможность выдать 4 040 000 пудов хлеба благодаря помощи товарища СТАЛИНА», – заключил первый секретарь обкома партии в прениях по докладу. То есть, при примерно одинаковых объемах оплаты труда колхозников и их материальной поддержке в 1945 и 1946 гг. соответственно, в 1945 г. хоть и наблюдались локальные голодовки на отдельных территориях региона, но массового голода не было. Объясняется данный факт достаточно просто: основным источником продуктов питания колхозников являлись личные приусадебные хозяйства, а вовсе не материальное обеспечение трудодней. А они пострадали от засухи не меньше, чем колхозные поля. Вдобавок ко всему, хлеб, выращенный на огородах колхозников, также активно изымался государством в качестве обязательных хлебопоставок.

Таким образом, можно заключить, что голод в Курской области в 1946–1947 гг. был неизбежен, а значительная часть заготовленного зерна в регионе была возвращена колхозникам в виде продовольственной ссуды. Однако при этом нельзя не отметить достаточно жестких методов изъятия хлеба у колхозов и крестьян, которые роднят хлебозаготовительную кампанию 1946 г. с аналогичными в 1930-е гг., которые во многом привели страну к масштабному голоду.

Литература

Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/ <u>044-007.pdf</u> (дата обращения: 11.05.2021).

Аргунов О.Н. Распределение продовольственной помощи в колхозах Курской области в 1946 г. (по документальным источникам курских архивов) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: мат-лы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989); Ижевск, 7–8 ноября 2019 г. Ижевск, 2019. С. 381–388.

Аргунов О.Н. Борьба с голодом в курских колхозах в 1946–1947 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X-XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 198–205.

Аргунов О.Н. В преддверии голода: сельское население Курской области в 1943–1945 гг. // Истоки и уроки Великой Победы: сб. науч. ст. участников Всерос науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Курск, 22 мая 2020 г. Курск, 2020. С. 12-16.

Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов: Приволжская книжная палата, 2020. 400 с.

Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 57-65.

Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: история и современность. Оренбург, 2007. С. 298–312.

Кондрашин В.В. Голод 1946–1947 гг. в России и Украине: общее и особенное // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1. С. 130–137.

Корнилов Γ .Е. Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X-XXI вв. М., 2014. С. 394-405.

Лосева И.В. Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39. С. 120–123.

Моисеева И.Ю. Социально-экономические взаимоотношения государства и крестьянства в 1946—1952 гг. (По материалам Горьковской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2000. 25 с.

Мотревич В.П. Организация заготовок сельскохозяйственной продукции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 2. С. 92–103.

Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 26 с.

Туман-Никифорова И.О., Чеберяк Н.В. Снабжение населения Красноярского края продуктами питания (1946–1947 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 11. С. 219–223.

References

Argunov, O.N. (2016). Sotsial'no-khozyaystvennaya zhizn' kurskoy derevni v poslevoennyy period. Problema goloda [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-War Period. Famine Problem]. In *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf (date of accesses: 11.05.2021).

Argunov, O.N. (2019). Raspredeleniye prodovol'stvennoy pomoshchi v kolkhozakh Kurskoy oblasti v 1946 g. (po dokumentalnym istochnikam kurskikh arkhivov) [Distribution of Food aid in the Collective Farms of the Kursk Region in 1946 (According to Documentary Sources of the Kursk Archives)]. In *Aktual'nyye problemy regional'noy istorii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istoricheskoy dinamike: mat-ly I Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Aleksandrova (1919–2010) i 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Sukhanova (1934–1989*). Izhevsk, pp. 381–388.

Argunov, O.N. (2020). Bor'ba s golodom v kurskikh kolkhozakh v 1946–1947 gg. [Struggle Against Famine in 1946–1947]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy. 2020 god. Sotsial'niyy mir derevni X–XXI vv.: zemel'nyye sobstvenniki / zzemlevladeltsy i zemledeltsy.* Voronezh, pp. 198–205.

Argunov, O.N. (2020). V preddverii goloda: selskoe naselenie Kurskoy oblasti v 1943–1945 gg. [On the Eve of Famine: the Rural Population of the Kursk Rregion in 1943–1945]. In *Istoki i uroki Velikoy Pobedy: Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 75-letiyu pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne.* Kursk, pp. 12–16.

Il'inykh, V.A. (2013). Khlebozagotovitel'naya zagotovitelnaya kampaniya 1946 g. v Novosibirskoy oblasti [Grain-Procurement Campaign in 1946 in the Novosibirsk Region]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*. Irkutsk, pp. 57–65.

Kondrashin, V.V. (2007). Tri sovetskikh goloda [Three Soviet Famines]. In Agrarnoye razvitiye *i prodovol'stvennaya politika Rossii v XVIII–XX vekakh: istoriya i sovremennost*. Orenburg, pp. 298–312.

Kondrashin, V.V. (2012). Golod 1946–1947 gg. v Rossii i Ukraine: obshcheye i osobennoye [Famine 1946–1947 in Russia and Ukraine: General and Special]. In *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1 (4), pp. 130–137.

Kornilov, G.E. (2014). Zagotovki sel'skokhozyaystvennoy produktsii v ural'skoy derevne v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny [Harvesting of Agricultural Products in the Ural Village During the Great Patriotic War]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. Moscow, pp. 394–405.

Loseva, I.V. (2009). Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya 1946–1947 godov v Gorkovskoy oblasti [The Food Supply Crisis of 1946–1947 in the Gorky Region]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 39 (175), pp. 120–123.

Moiseeva, I.YU. (2000). Sotsialno-ekonomicheskiye vzaimootnosheniya gosudarstva i krestyanstva v 1946–1952 gg. (Po materialam Gorkovskoy oblasti) [Socio-Economic Relations Between the State and the Peasantry in 1946–1952. (Based on the Materials From the Gorky Region)], Cand. Hist. Ssci. Diss. Abstract. Nizhniy Novgorod. 25 p.

Motrevich, V.P. (2009). Organizatsiya zagotovok sel'skokhozyaystvennoy produktsii na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organization of Procurement of Agricultural Products in the Urals During the Great Patriotic War]. In *Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. No. 2 (7), pp. 92–103.

Strugova, M.R. (2007). Sotsial'nyye protsessy v poslevoyennom sovetskom obshchestve (1945–1953 gg.): na primere Krasnodarskogo kraya [Social Processes in Post-War Soviet Society (1945–1953): Case Study of Krasnodar Territory]. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstract. Krasnodar. 26 p.

Tuman-Nikiforova, I.O., Cheberyak, N.V. (2012). Snabzhenie naseleniya Krasnoyarskogo kraya produktami pitaniya (1946–1947 gg.) [Supplying the Population of the Krasnoyarsk Territory With Food Products (1946–1947)]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 11, pp. 219–223.

Volkov, I.M. (1991). Zasuha, golod 1946–1947 gg. [Drought, famine 1946–1947]. In *Istoriya SSSR*. No. 4, pp. 3–19.

Zima, V.F. (2020). Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdeniye i posledstviya [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and Consequences]. Saratov, Privolzhskaya knizhnaya palata. 400 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2021 г.

O.A. Cyxoва*

O.A. Sukhova*

Советская деревня во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов: мобилизационный менеджмент и практики социальной интеракции**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-7 УДК 9(47)084.5

Выходные данные для цитирования:

Сухова О.А. Советская деревня во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: мобилизационный менеджмент и практики социальной интеракции // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 78—87. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-07.pdf

Soviet Village in the Second Half of the 1940s – Early 1950s: Mobilization Management and Social Interaction Practices**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-7

How to cite:

Sukhova O.A. Soviet Village in the Second Half of the 1940s – Early 1950s: Mobilization Management and Social Interaction Practices // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 78–87. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-07.pdf

Abstract. The relevance of the problem under consideration is determined by the need to develop a concept of studying the history of the collective farm peasantry of the USSR after the war when the new challenges of the time were faced. The aim of the study is a systematic analysis of the mechanisms and practices of socio-political interaction in the Soviet village in the context of implementation of mobilization model of agrarian development. The methodological bases were theoretical innovations of the system and synergetic approaches, sociology and the history of everyday life. Based on a broad source base, the author reconstructs the main channels of social interaction, communication in the system of interaction between government and society, decision-making bodies and the collective farm peasantry, identifies trends and specifics of assimilation, interpretation and adaptation to the incentives from administrative bodies. The levels of translation of managerial decisions were recorded: region – district authorities – rural administration – population of the Soviet village. As a determining factor in the post-war agrarian development of the USSR, the article considers the contradiction between the strengthening of the investment basis of the mobilization model, the tasks of optimizing resources for economic recovery and the sharp impoverishment of the collective farm village during the Great Patriotic War. The situation at that time brought to life a complex model of crisis management: the declaration of restoration of principles of social justice and the "standards" of the Stalinist neonep, guarantees of compliance with the collective farm legislation, caring for the needs of the village. At the same time, the range of application of non-economic coercion and administrative incentives and control in general was preserved and even strengthened. The result of deformation of the balanced model of socio-political interaction was the replication of similar practices of social adaptation. A sharp increase in appeals and complaints, labor absenteeism, excessive land use norms, natural redistribution of collective farm products, fictitious accrual of workdays, division of yards, theft of state and collective farm property are considered the responses of the collective farm village.

Keywords: The peasantry; the collective farm system; the transformation of the mobilization model; the practice of everyday economic life.

^{*} **Сухова Ольга Александровна,** доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, e-mail: suhhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: suhhov747@yandex.ru

^{**} Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00125) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг »

The work was carried out with the financial support of the RFBR (project No. 18-09-00125) "Economics and Practice of social Interaction in the Soviet Village in the Context of the Mobilization Economy of the USSR in the 1930s – Early 1950s".

The article has been received by the editor on 10.03.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется необходимостью разработки концепции изучения истории колхозного крестьянства СССР в условиях окончания войны и столкновения с новыми вызовами современности. Цель исследования системный анализ механизмов и практик социально-политического взаимодействия в советской деревне в контексте реализации мобилизационной модели аграрного развития. Методологическими основами выступили теоретические новации системного и синергетического подходов, социологии и истории повседневности. Опираясь на широкую источниковую базу, автор осуществляет реконструкцию основных каналов социальной интеракции, коммуникаций в системе взаимодействия власти и общества, директивных органов и колхозного крестьянства, выявляет тренды и специфику усвоения, интерпретации и адаптации к стимулам административного порядка. Зафиксированы уровни трансляции управленческих решений: регион – районные власти – сельская администрация – население советской деревни. В качестве определяющего фактора послевоенного аграрного развития СССР в статье рассматривается противоречие между укреплением инвестиционного начала мобилизационной модели, задачами оптимизации ресурсов для восстановления экономики и резким оскудением колхозной деревни в годы Великой Отечественной войны. Сложившаяся ситуация вызвала к жизни сложную модель кризисного менеджмента: декларация восстановления принципов социальной справедливости и «эталонов» сталинского неонэпа, гарантий соблюдения колхозного законодательства, проявления заботы о нуждах деревни. Одновременно сохраняется и даже усиливается спектр применения внеэкономического принуждения и административного стимулирования и контроля в целом. Результатом деформации сбалансированной модели социально-политического взаимодействия становится тиражирование аналогичных практик социальной адаптации. В числе ответных реакций колхозной деревни помимо резкого роста обращений и жалоб рассматривается трудовой абсентеизм, превышение норм землепользования, натуральное перераспределение продуктов колхозного производства, фиктивное начисление трудодней, разделение дворов, хищение государственного и колхозного имущества и пр.

Ключевые слова: крестьянство; колхозная система; трансформация мобилизационной модели; практики хозяйственной повседневности.

Одним из актуальнейших вопросов современности является осмысление способов и механизмов выхода общества как сложной системы из состояния социокультурного кризиса. В середине 1940-х гг., несмотря на победоносный исход войны и рождение сверхдержавы, Советский Союз столкнулся с рядом острейших вызовов для экономической и социальнополитической стабильности под воздействием разрушительных последствий военного конфликта, с одной стороны, и незавершенности модернизационных процессов, с другой. Наиболее драматичная ситуация сложилась в советской деревне, где проживало свыше половины населения СССР.

Сегодня в отечественной историографии присутствуют все условия для разработки общей аналитической модели истории советского крестьянства в послевоенный период. Трудами двух поколений исследователей сформирована предметная область проблемы, накоплен колоссальный эмпирический материал, началось изучение региональной специфики¹. В этом

¹ История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 – конец 1950-х гг.; *Волков И.М.* Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х − 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; *Попов В.П.* Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60; *Надыкин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; *Хасянов О.Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства

контексте весьма продуктивным началом может выступить концепция изучения советской деревни в системе социальной интеракции, как активного равновесного элемента социальнополитического взаимодействия в условиях трансформации мобилизационной экономики.

Как известно, официальный канон перехода от войны и чрезвычайных методов управления к миру и тренду на восстановление предполагал не просто достижение довоенного уровня производства, но и перспективы развития индустриальной и процветающей деревни. Все наличные проблемы были отнесены к трудностям военного времени, добиться же решения тактических задач в деле увеличения посевных площадей, урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства предстояло путем механизации и электрификации колхозного производства². Вместе с тем, среди реальных факторов экономического прорыва сложно отыскать что-либо помимо морального и политического укрепления колхозов³.

Действительно, на 1 января 1946 г. численность трудоспособных колхозников сократилась до 67,5 % от уровня 1940 г., посевная площадь в 1946 г. составила 71 %, на 23,5 % снизилось общее количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения или 152,4 млн ц в целом в 1940 г. до 0,74 ц или 48,7 млн ц в 1945 г. (чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили по 0,4 ц на душу населения или 110 г в день)⁴.

По подсчетам Л.Н. Ульянова, в 1945 г. валовая продукция сельского хозяйства составила $60\,\%$ от уровня $1940\,$ г., в том числе производство зерна уменьшилось более чем в 2 раза, мяса — в 1,8 раза, молока — почти в 1,3 раза 5 . В годы войны колхозы почти полностью лишились автомобильного транспорта. К $1946\,$ г. в распоряжении сельхозартелей насчитывалось всего 5,2 тыс. грузовых автомашин (в $1941\,$ г. — $106,7\,$ тыс.). Поголовье лошадей к середине $1945\,$ г. сократилось до $44\,\%$ от довоенного уровня. В освобожденных областях десятки колхозов вообще остались без лошадей. Как отмечает И.М. Волков, к концу $1945\,$ г. в Брянской области действовал $71\,$ безлошадный колхоз, в Новгородской — 120, Смоленской — 28, Калужской — $23^6.$

Столь существенный упадок общественного хозяйства колхозной деревни вызвал к жизни определенную трансформацию мобилизационной модели. Условиями ее стабилизации (укрепления) и возрождения инвестиционной направленности становятся очищение системы до «эталонов» сталинского неонэпа и восстановление гарантий соблюдения колхозного законодательства, проявление демонстративной заботы о нуждах деревни и борьба с практически тотальным бесправием советского крестьянства. Оборотной стороной медали выступало ужесточение административного начала. Такая глубоко противоречивая конструкция была рассчитана на действие механизмов компенсационного порядка, чем и обеспечивалось ее равновесие в условиях сохранения кризисного вектора развития.

В этом отношении показателен анализ партийных директив второй половины 1940-х гг. Преамбулы документов построены на фиксации вопиющих нарушений советского законодательства, что, казалось бы, должно было поставить под сомнение существование всей колхозной системы: с одной стороны, тексты воспроизводят чудовищно деформированную систему управления материальными и людскими ресурсами колхозов, а с другой – столь же уродливые практики социальной адаптации.

Частота и интенсивность обращений партийного руководства к проблемам сельского хозяйства в рассматриваемый период косвенно свидетельствуют о наличии системного сбоя

http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-07.pdf

периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М., 2018; *Хисамутдинова Р.Р.* Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: 1940 – март 1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004; и др.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 8. С. 12.

³ История советского крестьянства... С. 25, 38.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 542. Л. 4–5.

⁵ *Ульянов Л.Н.* Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 27.

⁶ История советского крестьянства... С. 30.

и проявлений кризиса управленческой модели. Это, в частности, относится к Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г., продублированному в решениях февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) 7 .

В традициях политического руководства наиболее одиозные управленческие практики были отнесены к разряду «извращений» политики партии и правительства и осуждены как противо-колхозные и противогосударственные. Среди выявленных нарушений Устава встречаем неправильное расходование трудодней вследствие расширения штатов административного и управленческого персонала, «растаскивание» колхозной собственности, злоупотребления со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушение принципа выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников. Постановлением отменялось решение 1942 г., разрешавшее временно производить посевы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних. Все «захваченные» земли предстояло вернуть в распоряжение сельскохозяйственных артелей. Складывалась парадоксальная ситуация: работники партийных и советских органов, действовавшие ранее в правовом поле, теперь были огульно причислены к врагам колхозного строя и нарушителям закона.

Подобная парадоксальность принимаемых решений является свидетельством запоздалой административной реакцией на очередной голод, охвативший хлебопроизводящие районы СССР и вновь отбросивший колхозную деревню на грань выживания. Показательна также приверженность советской политической системы традиционным инструментам, уже неоднократно проверенным и отвергнутым либо из-за низкой степени своей эффективности, либо по причине временного и чрезвычайного характера. Так, исключительно для реализации Постановления Совета Министров и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. при правительстве СССР было создано специальное ведомство – Совет по делам колхозов во главе с А.А. Андреевым. Функционал Совета был ограничен ликвидацией нарушений Устава сельскохозяйственной артели, а следовательно, заведомо локализован во времени. В то же время на региональных представителей Совета, получивших правовой статус «контролеров от центра, не зависимых от местных властей», возлагались ни много ни мало обязанности «разрешения вопросов колхозного строительства»⁸.

В канонах привычной риторики советского руководства призывы проникнуться «всей полнотой ответственности за состояние и развитие колхозов» были подкреплены административным основанием — введением в МТС должности заместителя директора по политической части⁹. Впрочем, логика бюрократических рокировок может иметь логическое объяснение: произвольная деформация управленческих структур, поиск и наказание врагов народа, ответственных за извращения партийной линии, служили механизмом перераспределения ответственности и обеспечивали сохранение и воспроизводство мобилизационной модели без каких-либо существенных изменений.

На этом фоне решение пленума о сохранении на послевоенное время повышенного в 1942 г. обязательного минимума выработки трудодней трудоспособными колхозниками уже не выглядело избыточным и чрезвычайным 10 . В дальнейшем в соответствии с этим решением пленума ЦК ВКП(б) были приняты постановления Совета Министров СССР о продлении действия повышенного обязательного минимума трудодней на 1949 и 1950 гг. 11

Региональная пресса широко информировала население о функционале и месте пребывания представителя, что спровоцировало очередную волну обращений во власть. Жалобы на нарушения Устава и неустроенность крестьянской жизни, проекты реформирования колхозов в массовом порядке стали поступать и в адрес региональных представителей, и на

⁷ КПСС в резолюциях... С. 55–61; 98–145.

⁸ Там же. С. 61, 75.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2.

имя председателя Совета по делам колхозов СССР А.А. Андреева. Пик «жалобной кампании» пришелся на 1947 г., в дальнейшем количество обращений сокращается¹².

Спектр обращений далеко не исчерпывается жалобами на нарушение Устава: здесь доля официально допустимой критики не превышала 30 %. Важно также отметить и значительную результативность социальной интеракции. По сведениям, поступившим в Совет в ходе проверки жалоб, за 1947–1950 гг. было привлечено к ответственности 9 635 чел. (осуждено 1 070 чел.), возвращено колхозам земли – 64 282 га, лошадей – 748, коров и другого скота – 3 497 голов и т.д. 13

Анализировал обращения колхозников специальный отдел Совета по проверке соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Первичная обработка корреспонденции заключалась в систематизации и группировке вопросов по содержательной компоненте. Так, в сводке отдела по письмам, поступившим с 15 января по 15 февраля 1947 г., были выделены следующие позиции: организация и оплата труда; землепользование; приусадебный участок; общественная собственность колхоза; скот личного пользования; денежные расчеты; административно-управленческий персонал; внутриколхозная демократия¹⁴.

С учетом условий произвольной выборки вопросов в подобных сводках мы сможем обнаружить не только описание частных случаев управленческих решений, но и фиксацию практик системного характера, отражавших базовые противоречия мобилизационной стратегии. В частности, колхозник Г.В. Кошелев из с. Елховка Тоцкого района Чкаловской области в своем письме от 4 февраля 1947 г. высказался за введение гарантированной натуральной оплаты в колхозах, обратившись в Совет с вопросом о том, на каком уровне – местном или союзном можно принять такое решение 15. Озабоченность колхозников вызывали и ограничения в свободе передвижения: «Могут ли меня и мою семью задержать в колхозе, если мы уходим в отходничество?» 16. В сфере крестьянских предпочтений присутствовало и право на отдых: «Можно ли практиковать предоставление отпусков в колхозе с сохранением трудодня?» 17

В числе факторов административной встряски колхозной системы следует отметить глухое, пассивное, но от этого не менее действенное сопротивление со стороны сельского социума. Предложенные инструменты были необходимым условием для сохранения и укрепления мобилизационной модели. В условиях перехода от войны к миру антитезой чрезвычайным методам принуждения и интенсификации труда в крестьянском сознании становится идея «роспуска колхозов» Как и прежде, инструментом освобождения в крестьянском сознании выступали внешние акторы, в частности, апелляция к решению конференции в Сан-Франциско¹⁹.

Главенствующую роль в числе практик обыденного сопротивления сохранял трудовой абсентеизм (в официальной трактовке – «неудовлетворительное использование труда колхозников и слабая трудовая дисциплина во многих колхозах»²⁰). Более того, в условиях окончания войны и ожидания роспуска колхозов трудовая активность сельского населения существенно снижается²¹. В 1948 г. в целом из 54 областей, краев и республик в 29 субъектах число и процент не выполнивших минимума колхозников уменьшился, а в 24 областях, республиках и краях произошло увеличение числа не выработавших обязательный минимум трудодней: в

¹² Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства... С. 148, 174, 177.

¹³ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993. С. 65.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 669. Л. 113–126.

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 124.

¹⁷ Там же. Л. 125.

¹⁸ Загороднев Д.В. Повседневная жизнь российской деревни в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (по материалам Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 401.

¹⁹ Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства... С. 146–147.

²⁰ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 721. Л. 9.

²¹ *Хасянов О.Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства ... С. 148–149.

областях Поволжья, Урала, в ряде областей Сибири и др. Наиболее значительно выросли показатели в Саратовской (с 12,5 до 18,5 %) и Куйбышевской (с 15,5 до 20,6 %) областях, а также в Чувашской АССР (с 16,4 до 21,2 %) 22 . В 1949 г. в группе регионов, где процент лиц, не выполнявших минимума трудодней, составлял от 20 до 30 %, насчитывалось 11 областей и республик СССР 23 . К началу 1950-х гг. происходит некоторое снижение злополучного показателя. Однако окончательно решить эту проблему не удалось 24 .

В официальных документах неэффективность мер внеэкономического принуждения объяснялась низким уровнем применяемости уголовного наказания. Так, по данным Министерства юстиции СССР, в 1946 г. за невыполнение минимума было осуждено 190,7 тыс. из 4,3 млн чел., не выработавших минимума, в 1947 г. – 137 тыс. из 3,8 млн чел., в 1948 г. – 117,5 тыс. из 3,4 млн чел., за 9 месяцев 1949 г. – 109 тыс. колхозников из 3,3 млн чел. При этом из общего количества осужденных до 78–85 % составляли женщины, а основной причиной их низкой трудовой дисциплины являлось отсутствие яслей 5. Занятость в домашнем хозяйстве определяла и более низкую среднюю выработку трудодней женщинами-колхозницами. В 1949 г. в среднем по СССР этот показатель составлял 197 трудодней, по 8 областям и республикам он оставался ниже отметки в 150 трудодней. Например, в Пензенской области средняя выработка трудодней женщинами-колхозницами достигала 149 трудодней, самой низкой в стране была трудовая активность женщинколхозниц в Литовской ССР – 111 трудодней.

Практика уклонения от трудовых обязанностей тиражировалась в зависимости от хозяйственного положения артели. Проверки, проведенные представителями Совета по делам колхозов в 1951 г., показали, что наиболее значительный процент колхозников, не выработавших минимума трудодней, фиксировался в хозяйствах с низкой стоимостью трудодня. В этом случае наложение взыскания в виде отчисления в пользу колхоза 25 % стоимости трудодней от заработка осужденных явно не имело существенного значения²⁷.

Трудовой абсентеизм в большей степени проявляли молодежь и пожилые колхозники. Так, по данным сводных годовых отчетов колхозов, в 1950 г. из общего числа 48 126,5 тыс. чел. не выработали ни одного трудодня 7 487,4 тыс. (6,6 %) взрослых колхозников и подростков, из которых 140,1 тыс. (1,4 %) трудоспособных мужчин, 396,8 тыс. (2,1 %) трудоспособных женщин, 2 245,2 тыс. (33,9 %) подростков от 12 до 16 лет и 3 739, 5 тыс. (38,9 %) престарелых и нетрудоспособных²⁸. Распространенной причиной уклонения от работы в колхозном производстве выступала занятость глав семейств на административных должностях, в кустарном производстве и т.д.²⁹

Нарушения Устава, выявленные и кропотливо запротоколированные в ходе инспекторских проверок, отражают всю палитру форм (практик) обыденного сопротивления и адаптации советского крестьянства к мобилизационной стратегии. Так, помимо перечисленного, административному ограничению внутреннего потребления в этот период было противопоставлено авансирование труда колхозников без учета выработанных ими трудодней³⁰.

Весной 1952 г. проверки по фактам нарушений Устава сельскохозяйственной артели были проведены в 273 колхозах Свердловской области. В колхозах девяти районов были выявлены факты захвата земли у 33 колхозных дворов, в колхозах одиннадцати районов — 61 случай обмена общественных коров и телок на менее продуктивный скот членов и не членов колхоза, в колхозах двух районов — шесть случаев незаконной продажи и «эксплоатации» лошадей, в колхозах четырнадцати районов — растрат, недостач и хищений общественных продуктов и

²² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 721. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 2677. Л. 12.

²⁵ Там же. Д. 1709. Л. 6, 8.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Там же. Д. 1709. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 83.

²⁹ Там же. Л. 78.

³⁰ Там же. Д. 2677. Л. 12.

денег в общей сложности на сумму 140,7 тыс. руб., в колхозах четырех районов – пять случаев устройства коллективных вечеров и выдачи колхозникам денежных премий, всего на сумму 17 тыс. руб., в колхозах девяти районов — 32 случая завышенной оплаты труда бригадиров, заведующих ферм и рядовых колхозников и содержания за счет трудодней колхозов лиц, не имевших отношения к колхозному производству 31 .

В ходе проверки землепользования во всех колхозах в 20 областях, краях и республиках (в т.ч. Узбекской ССР, Туркменской ССР, Карело-Финской ССР, Татарской АССР, Мордовской АССР, Краснодарском крае, Ростовской, Крымской, Грозненской, Куйбышевской, Саратовской, Ленинградской, Воронежской, Орловской, Пензенской, Свердловской, Горьковской, Калужской, Смоленской и Ярославской областях), проведенной в 1946 г., было выявлено 3 295 тыс. случаев незаконного захвата колхозных земель в целях расширения приусадебных участков общей площадью 450,2 тыс. га. Особенно больших размеров захват колхозных земель под приусадебные участки имел место в районах Украины, Кубани, Средней Азии и Поволжья, в том числе в колхозах Краснодарского края было выявлено 44,5 тыс. случаев, в Куйбышевской области — 72,9 тыс. случаев³².

Предметом особого беспокойства «директивных организаций» было прямое распределение продуктовых запасов колхозов (в делопроизводственной документации маркировалось как «хищение»). Так, в Читинской области ввиду того, что «основное количество продуктов роздано преимущественно колхозникам и отдельным лицам по запискам председателей колхозов», в начале 1952 г. региональное руководство предложило районным организациям «утвердить на общих собраниях колхозников среднерыночные цены на продукты и потребовать от колхозников уплатить разницу в цене или возвратить колхозу продукты натурой, а от частных лиц потребовать немедленно рассчитаться натурой или также уплатить деньгами по среднерыночной цене за взятые продукты»³³.

Проверка 179 колхозов Чувашской АССР показала, насколько привычным и обыденным делом к этому времени стала бесплатная выдача или продажа по заниженным ценам скота и продуктов питания из колхозов: коров, овец и коз, поросят и птицы, зерна, картофеля, овощей, мяса и масла, молока, яиц, меда и т.д. Значительную часть «расхищенного имущества», согласно справке о проделанной работе, удалось вернуть ³⁴. Думается, что колхозная деревня к началу 1950-х гг. выработала целостную и весьма эффективную систему адаптационных практик, позволявших перестраивать мобилизационную модель в свою пользу. И сельская администрация в этом вопросе действовала чаще всего по согласованию с членами артели.

Еще одним способом вживания в заданные рамки колхозной повседневности, адаптации системы к нуждам крестьянской семьи стал фиктивный раздел колхозных дворов. В 1948 г. партийное руководство, сославшись на сообщения прокуроров Мордовской, Кабардинской АССР, Саратовской, Новосибирской, Калужской, Псковской, Курской, Великолукской, Минской, Бобруйской и других областей, зафиксировало массовое проникновение в колхозы «рваческих элементов», которые «в целях раздувания своего личного хозяйства» выделяют членов своей семьи в отдельное хозяйство и получают из колхоза дополнительные приусадебные участки и возможность содержать скот в количестве, превышающем нормы, установленные Уставом сельскохозяйственной артели³⁵. Как показала проверка, решение о разделе колхозного двора принимали сельские советы, народные суды, правления колхозов. По данным прокуратуры, в Саратовской области в 14 сельсоветах было установлено 103 случая фиктивных разделов колхозных дворов. В Псковской области выявлено 99 фиктивных разделов, в Великолукской области — 218. Случаи фиктивных разделов были зафиксированы в Воронежской, Горьковской, Тамбовской и ряде других областей³⁶.

³¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1191. Л. 205–204.

³² Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 117. Л. 3.

³³ Там же. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1191. Л. 128.

³⁴ Там же. Л. 120.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 38. Л. 75.

³⁶ Там же. Л. 76.

С другой стороны, кризис аграрного производства в СССР в годы военных действий вызвал к жизни частичную либерализацию экономической политики. Тогда явственно проявился гибридный характер мобилизационной модели, изменился и общий тон констатирующей части делопроизводственной документации: «В военное время усилился спрос на сельскохозяйственную продукцию. Война потребовала значительного повышения товарности колхозов»³⁷. В продолжение компенсационной поддержки 19 апреля 1948 г. Совет министров СССР принимает Постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», требовавшее ликвидировать обезличивание использования колхозных земель, уравниловку в оплате труда, укрепить бригадную и звеньевую системы организации труда, строго соблюдать принцип закрепления за полеводческими бригадами участков, применять сдельную оплату труда, усилить материальную заинтересованность председателей колхозов, бригадиров и заведующих животноводческими фермами³⁸. Одновременно постановление констатировало сохранение «устаревших заниженных норм выработки и завышенных расценок работ в трудоднях», что не позволяло учесть «достигнутого роста производительности труда колхозников». В связи с этим колхозам, в которых был достигнут более высокий уровень производительности труда, рекомендовали «повышать нормы выработки»³⁹.

Тем самым власти допускали использование рыночных механизмов в строго дозированном порядке, пресекая появление неконтролируемой динамики. В этом отношении показательна борьба за ликвидацию «извращений в организации труда в колхозах», развернувшаяся после публикации редакционной статьи в газете «Правда» 19 февраля 1950 г. Теперь извращением партийной линии была объявлена звеньевая организация труда как основное препятствие для механизации сельскохозяйственного производства. Непоследовательность принимаемых решений была столь очевидна, что спустя три месяца министрам союзных и автономных республик, начальникам краевых и областных управлений было направлено специальное циркулярное письмо министра сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктова, разъяснявшее существо момента. Впредь посевы зерновых культур, за исключением тех случаев, когда механизация затруднена, должны были закрепляться непосредственно за производственными бригадами, а не за звеньями. Упреждая появление нежелательной тенденции, министр категорически заявлял: «Не могут ни при каких условиях создаваться в колхозах обособленные звенья, не входящие в состав производственных бригад; не допускается закрепление за звеньями земельных участков на длительный срок, сельскохозяйственных машин, рабочего скота и других средств производства» 40. Фактически разъяснение министра полностью дезавуировало принятое двумя годами ранее Постановление Совет Министров СССР от 19 апреля 1948 г., более того, вызвало дискуссию об отмене всех постановлений по дополнительной оплате труда колхозников, начиная с 1940 г., предусматривавших закрепление посевов зерновых культур за звеньями⁴¹.

Непоследовательность и кричащая алогичность принимаемых решений, на наш взгляд, отражают не столько априори кризисный характер мобилизационной стратегии, сколько специфику менеджмента в условиях незавершенности цивилизационных процессов и масштабности задач по концентрации ресурсов в этом направлении. Допуская вариативность путей модернизации, укажем на специфику административной канвы формирования советской модерности. На первый взгляд, мы имеем дело с непосредственным возрождением архаичных (традиционных) практик стимулирования хозяйственной активности населения, построенных на принципах внеэкономического принуждения. Но это не отражает существа проблемы. Эффективность мобилизационного менеджмента следует оценивать и в контексте управляемого процесса предельно возможного роста социальной конфликтности в

³⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 135. Л. 70.

³8 Там же. Д. 557. Л. 1−18.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Д. 1055. Л. 76.

⁴¹ Там же. Л. 78, 81.

целях ускорения ломки, разрушения традиционной ментальности, усвоения ценностей современного общества через переживание кризиса, через отрицание.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

В свою очередь, административный произвол, социальная дискриминация, сохранение трудовой и гужевой повинностей, рост натурального и денежного налогообложения в колхозной деревне провоцировали формирование адаптационных социальных практик, деформирующих официально утвержденную модель социальной интеракции, но при этом обеспечивавших сохранение жизнеспособности крестьянского двора, компенсировавших негативное воздействие мобилизационных инструментов. К числу подобных практик хозяйственной повседневности следует отнести: трудовой абсентеизм, превышение действовавших норм землепользования в личном хозяйстве, натуральное перераспределение продуктов колхозного производства, фиктивное начисление трудодней, разделение дворов, хищение государственного и колхозного имущества и пр.

Административная реакция в этом случае приобретала форму разовых мобилизационных кампаний, апеллируя главным образом к угрозе применения репрессий, а также к сохранению и воспроизводству определенных установок массового сознания, поведенческих стереотипов, закрепленных в культуре повседневности в течение длительного периода бытования мобилизационной экономики. Основной задачей мероприятий «по борьбе с извращениями» политики директивных органов выступала административная встряска и перезапуск системы, носившей вынужденный, а следовательно, темпорально ограниченный характер.

Литература

Волков И.М. Деревня СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х - 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115—124.

Загороднев Д.В. Повседневная жизнь российской деревни в первые послевоенные годы (1945—1953 гг.) (по материалам Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 400—402.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. 265 с.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1988. Т 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. 395 с.

 $\it Hadькин T$, $\it Д$. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.

Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60.

Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945- март 1953). М.: Прометей, 1993.203 с.

Ульянов Л.Н. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 26–38.

Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.

Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: 1940 – март 1953 гг.: дис. . . . д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 729 с.

References

Khasyanov, O.R. (2018). *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma*. 1945–1953 gg.: na materialakh Kuybyshevskoy i Ul'yanovskoy oblastey [Everyday life of the Soviet Peasantry During the Late Stalinist Period. 1945–1953: Based on the Materials From the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 359 p.

Khisamutdinova, R.R. (2004). *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushch-estvleniye na Urale:* 1940 – mart 1953 gg. [Agrarian Policy of the Soviet State and its Implementation in the Urals: 1940 – March 1953]. Dr. hist. sci. diss. Orenburg. 729 p.

Nadkin, T.D. (2010). *Stalinskaya agrarnaya politika i krest'yanstvo Mordovii* [Stalin's Agrarian Policy and the Peasantry of Mordovia]. Moscow, ROSSPEN. 311 p.

Popov, V.P. (1992). Golod i gosudarstvennaya politika [Famine and State Policy (1946–1947)]. In *Otechestvennyye arkhivy*. No. 6, pp. 37–60.

Popov, V.P. (1993). *Rossiyskaya derevnya posle voyny (iyun 1945 – mart 1953)* [Russian Village After the War (June 1945 – March 1953)]. Moscow, Prometey. 203 p.

Ulyanov, L.N. (1976). Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo Sibiri k kontsu Velikoy Otechestvennoy voyny [Agriculture and Peasantry of Siberia by the end of the Great Patriotic War]. In *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 26–38.

Volkov, I.M. (Ed.). (1988). *Istoriya sovetskogo krestyanstva* [History of the Soviet Peasantry]: v 5 t. Vol. 4: *Krestyanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva*, 1945–*konets 50-h godov* [The Peasantry in the Years of Consolidation and Development of Socialist Society, 1945 – the End of the 50s]. Moscow, Nauka. 395 p.

Volkov, I.M. (2000). Derevnya SSSR v 1945–1953 godakh v noveyshikh issledovaniyakh istorikov (konets 1980-kh – 1990-e gody) [The Village of the USSR in 1945–1953 in the Latest Research of Historians (Late 1980s – 1990s)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 115–124.

Zagorodnev, D.V. (2011). Povsednevnaya zhizn' rossiyskoy derevni v pervyye poslevoennyye gody (1945–1953 gg.) (po materialam Penzenskoy oblasti) [Everyday Life of the Russian Village in the First Post-War Years (1945–1953) (Based on the Materials From the Penza Region)]. In *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnyye nauki.* No. 23, pp. 400–402.

Zima, V.F. (1996). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdeniye i posledstviya* [Famine in the USSR in 1946–1947: Origins and Consequences]. Moscow, IRI RAN. 265 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

E.E. Temnikova*

Е.Е. Темникова*

Development of Virgin and Fallow Lands: Some Results of the Study

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-8

Освоение целинных и залежных земель: некоторые итоги изучени

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-8 УДК 94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:

Темникова Е.Е. Освоение целинных и залежных земель: некоторые итоги изучения // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 88–97. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-08.pdf

How to cite:

Temnikova E.E. Development of Virgin and Fallow Lands: Some Results of the Study // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 88–97. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-08.pdf

Abstract. Issues of agrarian development of Russia in the 20th century have always attracted the attention of researchers. Now a huge number of articles, monographic works have been published, which reflect the main stages in the study of the history of agriculture. Much attention in the writings is paid to the study of the history of agrarian policy and agrarian transformations, which relate to N.S. Khrushchev era of leadership. The article attempts to highlight some of the results of the development of virgin lands. The study of the virgin land campaign actually begins in the late 1950s and continues to the present. There are still some controversial assessments and a number of controversial issues. However, the material accumulated to date, reflected in the works of historians, serves as the basis for further comprehension of the topic. The development of the policy of virgin and fallow lands is of undoubted relevance due to the fact that up to the present time in historical science there are contradictory and sometimes ambiguous assessments on a wide range of issues.

Keywords: agrarian policy; N.S. Khrushchev; virgin campaign; historiography.

The article has been received by the editor on 01.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Вопросы аграрного развития России в XX в. всегда привлекали внимание исследователей. Издано огромное количество статей, монографических трудов, которые отражают основные этапы изучения истории сельского хозяйства. Большое внимание в трудах уделяется изучению истории аграрной политики и аграрных преобразований, которые относятся к периоду руководства страной Н.С. Хрущева. В статье предпринята попытка осветить некоторые итоги освоения целины. Изучение целинной кампании начинается фактически с конца 1950-х гг. и продолжается по настоящее время. До сих пор сохранились спорные оценки, существует ряд дискуссионных проблем. Однако накопленный к настоящему моменту материал, отраженный в трудах историков, служит основой для дальнейшего осмысления темы. Освоение политики целинных и залежных земель представляет несомненную актуальность в связи с тем, что по настоящее время в исторической науке сохраняются противоречивые и порой неоднозначные оценки по широкому кругу вопросов.

Ключевые слова: аграрная политика; Н.С. Хрущев; целинная кампания; историография.

^{*} Темникова Елена Евгеньевна, магистрант, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, e-mail: E.Temnikova16@yandex.ru Temnikova Elena Evgenievna, graduate student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenova-Tian-Shansky, Lipetsk, Russia, e-mail: E.Temnikova16@yandex.ru

Освоение целинных и залежных земель является крупномасштабным проектом советской эпохи. За десятилетия, которые прошли с начала кампании, была сформирована обширная историография, накоплены значительный объем материала, интересные наблюдения, позиции, оценки. При этом по настоящее время в аграрной истории сохраняются неоднозначные оценки по широкому кругу вопросов. До сих пор продолжаются дискуссии о целесообразности, экономической эффективности и последствиях освоения целины.

Изучение проблем целинной кампании началось по следам событий в середине 1950-х гг¹. Освоение целинных земель на востоке СССР анализировалось в экономических и исторических работах. В ряде публикаций целинная эпопея рассматривается как полоса сплошных успехов в развитии сельского хозяйства. Особое место занимала апологетика в адрес Н.С. Хрущева. Подобные оценки, получая все большее распространение в советской историографии, способствовали углублению неверного представления об аграрной истории хрущевского периода.

В середине 1960-х гг. в свет стали выходить работы, которые содержали критический заряд, направленный против волюнтаризма и субъективизма отстраненного от власти Хрущева. Заметный след в историографии целинного вопроса оставили книги экономиста П.А. Игнатовского. По его мнению, «наибольшие результаты в развитии сельского хозяйства нашей страны принесло пятилетие 1954—1958 гг. <...> В это же время были осуществлены дополнительные капитальные вложения в сельское хозяйство и отрасли промышленности, поставляющие машины колхозам и совхозам»². Однако уже с 1959 г. начинается снижение темпов роста зернового производства, так как «были в основном исчерпаны возможности вовлечения в хозяйственный оборот огромных массивов целинных и залежных земель»³.

В то же время мнения исследователей второй половины 1960–1980-х гг. сохранили преемственность с предыдущим этапом – прежде всего с точки зрения ориентации на уже имеющиеся партийные оценки целины. Вместе с тем появляются критические оценки деятельности Н.С. Хрущева. При этом имя бывшего Первого секретаря ЦК КПСС фактически исчезает со страниц исторической литературы.

Авторитетный историк-аграрник В.П. Данилов обращает внимание на самую проблемную нишу в вопросе изучения целинной кампании – фактическое отсутствие работ, направленных на осмысление эффективности освоения целинных и залежных земель⁴. Анализируя причины трудностей в сельском хозяйстве хрущевского периода, Данилов приходит к выводу о том, что эти явления были порождены не столько климатическими условиями, сколько ошибками руководства.

В данный период появляются первые работы, которые затрагивали проблему развития целинных и старопахотных регионов. Так, М.Л. Богденко отметил, что для обеспечения районов освоения целины необходимой техникой правительство было вынуждено на первых порах ограничить поставки сельскохозяйственных машин в другие регионы⁵.

Дальнейшее отражение проблема «целина – старопахотные районы» нашла в работе советского партийного деятеля С.П. Трапезникова. Он обратил внимание на то, что «в погоне за расширением посевных площадей практически очень мало делалось для решения центральной задачи – поднятия культуры земледелия, повышения плодородия почвы и увеличения на этой основе урожайности сельскохозяйственных культур»⁶. Таким образом,

¹ См.: *Анисимов Н.И.* Освоение целинных и залежных земель – крупный резерв увеличения производства зерна. М., 1954; *Молотов В.С.* Содружество рабочих и крестьян в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Алма-Ата, 1955; и др.

² Игн*атовский П.А. С*оциально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 21.

³ Там же. С. 50.

 $^{^4}$ Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946—1970 гг. (очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.). М., 1972.

⁵ Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958 гг. М., 1972. С. 120.

⁶ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 2. С. 553.

по мнению автора, в трудном положении оказались старопахотные хозяйства, так как им перестали уделять внимание.

Определенным итогом в изучении истории целинной кампании в литературе 1960-х — 1970-х гг. стала монография В.И. Куликова, которая сконцентрировала основные тезисы советской литературы, отражавшие политические установки правящей партии по принципиальным вопросам аграрной политики. Рассмотрев вопрос сельскохозяйственного развития, автор приходит к выводу: «Курс на массовое освоение целины был прямым продолжением аграрной политики в новых конкретно-исторических условиях, логическим продолжением деятельности партии по вовлечению в оборот целинных земель в течение всех лет Советской власти» Обращает внимание Куликов и на отдельные проявления «волюнтаризма»: «С конца 50-х годов покорителям целины стали навязываться (прежде всего, в области агротехники) волюнтаристские рекомендации, не учитывавшие специфических условий земледелия этих районов, что привело к распространению шаблонного подхода в обработке почвы» В

Дальнейшее развитие темы произошло после выхода в свет знаменитой «Целины» Л.И. Брежнева⁹, сюжеты которой предопределили последующее развитие аграрных исследований. Указывая на безответственность, профессиональную безграмотность и неорганизованность, Л.И. Брежнев стремился показать героизм людей, для которых «целина стала подлинной школой интернационального воспитания, в которой представители всех народов нашей страны объединили мудрый опыт земледельцев, трудовые навыки, решимость победить» ¹⁰.

В ряде работ появляется идея о сочетании интенсивного и экстенсивного путей развития сельского хозяйства СССР. Так, по мнению В.С. Долгова, решение задачи ускорения темпов развития хозяйства требовало огромных капиталовложений, а также резкого увеличения производства минеральных удобрений и новой техники. Однако были нужны срочные меры, поэтому выбор пал на освоение целины¹¹. Подобного мнения придерживалась П.Н. Шарова, которая на статистических материалах за период 1954–1958 гг. проследила значительное увеличение производства зерна с 7 до 8,7 ц/га. Это было обусловлено не только расширением посевных площадей, но и ростом урожайности зерновых культур¹².

Целинная кампания и ее итоги отражены в фундаментальном многотомном исследовании «История советского крестьянства»¹³. Придерживаясь идеологической линии, авторы четвертого тома издания считали курс на массовое освоение целинных земель логическим продолжением ленинской политики на максимальное использование всех земельных ресурсов страны. Особое внимание в работе уделялось огромной роли трудовой деятельности крестьянства в развитии сельского хозяйства. По их мнению, благодаря труду колхозников, земледелие развивалось не только вширь, но и вглубь. Несмотря на то, что уровень интенсификации был еще невысоким, и земледелие в основном развивалось с помощью экстенсивным мер, все же роль интенсивных факторов становилась все более заметной.

Подводя общие итоги советской историографии проблемы, можно отметить, что при оценке целинной кампании акценты делались на очевидных успехах. Традиционно внимание исследователей было сосредоточено на сюжетах, которые связаны с развитием трудового потенциала первоцелинников. Освоение целины рассматривалось не только как проявление курса на укрепление и дальнейшее развитие сельского хозяйства, но и как закономерный этап в реализации аграрной политики КПСС.

В 1990-е гг. начался новый этап в изучении целинной кампании. Во многом это связано с открытием партийных архивов. Особенностью постсоветской историографии является

 $^{^{7}}$ Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978. С. 89.

⁸ Там же. С. 155–156.

⁹ *Брежнев Л.И.* Целина. М., 1981.

¹⁰ *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974. Т. 4. С. 440.

 $^{^{11}}$ Долгов В.С. Колхозный строй в СССР в 50-е годы // Исторические записки. М., 1984. Т. 111. С. 4–65.

 $^{^{12}}$ Шарова П.Н. Колхозы РСФСР в 1953—1958 гг. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110. С. 295—311.

¹³ История советского крестьянства. М., 1988. Т 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов.

формирование методологического плюрализма. Происходит смена идеологических и политических установок, что позволило поднять ряд принципиально значимых вопросов. Все больше распространяется критический подход к осмыслению целинной эпопеи. Позиции историков-аграрников расходятся в вопросах экономической эффективности и целесообразности проведения кампании по освоению целинных и залежных земель.

Академик А.А. Никонов позитивно оценил реформы Н.С. Хрущева. По его мнению, целинная политика стала «всенародным делом» А.А. Никонов уутверждал, что целина позволила в короткий срок получить значительную прибавку зерна, огромные пространства стали включаться в хозяйственный оборот. Это позволило ему прийти к выводу, что «решение об освоении целинных земель не было ошибкой» 15.

Аналогичную позицию занял историк-аграрник И.Е. Зеленин, который считал, что освоение целинных и залежных земель способствовало развитию восточных районов страны, а также «сыграло важную роль в решении зерновой проблемы, в развитии производственных сил на Востоке страны, где была создана крупнейшая база по производству зерна, а затем и продуктов животноводства» ¹⁶. Автор отметил, что к началу 1960-х гг. зерновая проблема фактически была решена в первую очередь за счет политики освоения целинных и залежных земель. В то же время Зеленин обратил внимание и на недостатки в руководстве «целинным проектом», которые не позволили достичь более стабильных результатов.

Противоположного мнения придерживается Г.И. Шмелев, считающий, что «печальным уроком 50–60-х годов в области аграрной политики, примером неоправдавшихся надежд по развитию сельского хозяйства и аграрных отношений стала целинная эпопея» ¹⁷. Автор полагает, что марш-бросок на целину отвлек значительные ресурсы от укрепления сельского хозяйства в других районах страны.

Критический подход к оценке аграрной политики Н.С. Хрущева преобладает в работе В.Л. Дрындина, который акцентирует внимание на том, что освоение целины является спецификой российской истории. Однако «большой просчет хрущевского руководства в том, что освоение целинных и залежных земель было превращено в волюнтаристскую, нереальную программу» 18. Автор уверен, что необходимо было ограничить масштабы освоения земель на востоке страны и уделить внимание старопахотным районам.

Интересные суждения содержатся в работах В.А. Шестакова. Историк уверен, что целина означала поворот в бюджетной политике государства в пользу села и сельского хозяйства. Мотивом для реализации целинного проекта послужил ряд обстоятельств, главным из которых, по мнению Шестакова, являлась развертывавшаяся гонка вооружений, требовавшая создания стратегических производственных резервов. Именно этим обстоятельством «диктовалось наступление в духе традиционного большевизма на целину» ¹⁹.

Акцентируя внимание на решении зерновой проблемы, Р.Г. Пихоя приходит к выводу, что «проведение этой [целинной – E.T.] кампании имело несомненное народное значение. Прежде всего, она реально способствовала увеличению производства зерна» В то же время автор уделяет внимание проблемам, возникшим в ходе целинной кампании, в том числе отсутствию зернохранилищ, дефициту механизаторских кадров, дороговизне целинного хлеба.

Проблема освоения целинных и залежных земель занимает значительное место в работах В.Н. Томилина 21 . Автор рассматривает кампанию по освоению целины сквозь призму аграрной политики государства в целом. При этом на первый план выходит вопрос об

 16 Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 240.

 $^{^{14}}$ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 308.

¹⁵ Там же. С. 312.

 $^{^{17}}$ Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 209.

¹⁸ Дрындин В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер Российской Федерации (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. С. 27. ¹⁹ Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 114.

²⁰ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007. С. 288.

эффективности использования материально-технических и финансовых ресурсов, выделяемых правительством на развитие сельского хозяйства. Исследователь отмечает несомненные достижения в развитии зернового хозяйства целинных районов: «За 1954–1958 гг. валовые сборы зерна в СССР в среднем за год составили 110 313 тыс. т, превысив соответствующие показатели предшествующего пятилетия (80 948 тыс. т) в 1,4 раза»²².

Отмечая несомненные достижения, В.Н. Томилин весьма критично относится к итогам целинной кампании, так как «введение в хозяйственный оборот десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащенности <...> старопахотных районов»²³.

В книге Н.Л. Рогалиной освоение целины рассматривается как одна из сверхпрограмм Н.С. Хрущева. Вслед за другими исследователями Рогалина обращает внимание на массовый и стремительный процесс освоения целинных земель. Автор уверен, что «увеличение поступлений зерна за счет расширения посевов в восточных районах Союза должно было, по замыслу партийного лидера, снять чрезмерную нагрузку <...> со старопахотных земель»²⁴. Однако это отозвалось понижением общего уровня технической оснащенности сельского хозяйства старопахотных районов.

Критический подход доминирует в работах С.Н. Андреенкова, который отмечает рост валовых сборов зерна с началом освоения целинных и залежных земель. Однако из-за нехватки элеваторов и складских помещений тонны зерна приходилось хранить под открытым небом, что способствовало его быстрой порче. К тому же нехватка трудовых и технических резервов приводила к выводу из сельхозоборота значительной части пахотных угодий²⁵. В целом вклад целинной кампании в укрепление экономического потенциала страны и благосостояния граждан оказался весомым, но все же не столь значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось. Связанное с массовым освоением целинных и залежных земель распыление выделенных на развитие сельского хозяйства финансовых ресурсов привело к тому, что ни целинные, ни старопахотные регионы не располагали достаточными средствами для строительства новых и модернизации существующих объектов инфраструктуры зернового хозяйства, что способствовало понижению качества производимого зерна. Негативные явления в зерновом хозяйстве целины проявились не в начале 1960-х гг., а практически с самого начала кампании по ее освоению. Решение зерновой проблемы в середине 1950-х гг. если и произошло, то только с точки зрения увеличения количества заготавливаемого зерна, а не его качества 26 .

О.М. Вербицкая, изучая целинную эпопею²⁷, указывает на массовый характер освоенческой политики, когда в районы освоения поехали сотни тысяч колхозников, трактористов, а также городских рабочих. Вместе с людьми на целину потекли материальные и финансовые

²¹ Томилин В.Н. Сельское хозяйство Черноземного центра России в период хрущевской целинной кампании // Запад и Восток: История и перспективы развития. Рязань, 2019. С. 72–78; Томилин В.Н. Агрокультура колхозов Черноземного центра России в период хрущевского реформаторства // Вестник Оренбургского педагогического университета. 2019. № 4. С. 179–189; Томилин В.Н. Укрупнение колхозов Российской Федерации и их преобразование в совхозы в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Проблемы аграрной истории России. Липецк, 2020. С. 127–134; Томилин В.Н. Колхозы СССР в новых экономических условиях конца 1950-х — начала 1960-х годов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 194–207; и др.

 $^{^{22}}$ Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 85.

²³ Там же. С. 86.

 $^{^{24}}$ Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 152.

 $^{^{25}}$ Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. 2011. Вып. 5. С. 102.

²⁶ Андреенков С.Н. Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 191 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

²⁷ Вербицкая О.М. Целинный проект Н.С. Хрущева: взгляд из XXI века // Русский исторический сборник. М., 2013. Вып. V. С. 175–196.

ресурсы. Однако, как оказалось, этого было мало. Сложно не согласиться с автором в том, что с самого начала политика по освоению целинных земель превратилась в правительственную кампанию, которая была начата на пустом месте. Никакой предварительной подготовки на местах не было. Фактически отсутствовали дороги, жилье, зернохранилища. Существовали проблемы и в организации труда первоцелинников. Подводя итоги целинной эпопеи, историк отмечает ограниченность и кратковременность целинного эффекта. Но главный вывод О.М. Вербицкой сводится к признанию того, что целина была успешным проектом, она стала всенародным делом, на время сняв остроту зерновой проблемы.

Не обходит стороной целинную кампанию в своих трудах и уральский историк Г.Е. Корнилов²⁸. Именно нехватка зерна, а также сложная международная обстановка, по его мнению, заставили правительство приступить к расширению посевных площадей. Однако многочисленные ошибки, высокая цена, затраченная на хлеб, и преждевременность проводимых действий, не позволили решить зерновую проблему. Автор уверен, что экстенсивный путь развития сельского хозяйства СССР был исчерпан, и уже с 1963 г. стране впервые пришлось прибегнуть к закупке зерна за рубежом.

Новосибирский историк-аграрник В.А. Ильиных справедливо считает, что «непосредственным следствием целинной кампании стало существенное увеличение роли зернового хозяйства Сибири»²⁹. При этом автор отмечает нарастание трудностей в ходе целинной кампании, которые выразились в нарушении агротехники. В результате началось снижение плодородия почв и, как следствие, произошло сокращение урожайности и ухудшение качества хлеба.

Особое внимание привлекает позиция В.В. Наухацкого³⁰, который указывает на противоречивый характер целинной эпопеи, описывает недостатки проекта. Оценивая кампанию с исторической дистанции, автор уверен, что ее стратегические цели были достигнуты — в решении зерновой проблемы был сделан большой шаг. В.В. Наухацкий также отмечает, что освоение целины не только не тормозило процесс интенсификации, но и напротив — подготовило почву для его дальнейшего развития.

В исследованиях Е.В. Пахомовой³¹ целинный проект рассматривается как повседневность «целинного мира». Она считает, что основной предпосылкой для распашки целины «стало наличие на востоке страны внушительных по площади, слабозаселенных и практически неосвоенных в хозяйственно-экономическом отношении земельных массивов». Правительственная программа устремила на новые земли массовые переселенческие потоки, превратившие целину в «кузницу дружбы народов». В итоге место покорения целинных и залежных земель стало пристанищем для различных категорий людей: комсомольцев, молодежи, демобилизованных военнослужащих, выходцев из детских домов. Именно они и стали формировать уникальный «целинный мир».

А.И. Шевельков, занимаясь изучением деревни Нечерноземной полосы, указывает на гибельные последствия целинной кампания для огромного края, ставшего колыбелью российской государственности. По мнению автора, в связи с освоением целинных и залежных земель большая часть финансирования и материально-технических ресурсов, предназначенных для сельского хозяйства страны, уходили именно в районы распашки новых земель. Возникла парадоксальная ситуация, когда партийные руководители рекомендовали колхозам и совхозам нечерноземной зоны «широко внедрять в производство пере-

 $^{^{28}}$ Корнилов Г.Е. Динамика и интенсивность аграрного перехода: региональное измерение // Отечественная история: взгляд из XXI века. Екатеринбург, 2015. С. 24.

²⁹ *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 238.

³⁰ *Наухацкий В.В.* Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов-на-Дону, 2018.

 $^{^{31}}$ Пахомова Е.В. Целинный фронтир: особенности освоения целины в Оренбуржье // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19. № 3 С. 627.

довые приемы агротехники, улучшать использование тракторного парка, осваивать правильные севообороты» при отсутствии для этого какой-либо возможности³².

А.И. Шевельков уверен, что Н.С. Хрущев имел представление о положении дел в сельском хозяйстве страны. Но за время его руководства так и не было принято отдельного постановления о подъеме и дальнейшем развитии нечерноземной деревни. Одна из причин такого положения — отсутствие ресурсов, которые преимущественно были брошены на целину.

Таким образом, историки проделали большую работу по изучению политики освоения целинных и залежных земель. В развитии историографии проблемы можно выделить два этапа: советский и современный. В советской историографии, охватывающей период с середины 1950-х до начала 1990-х гг., целинная кампания рассматривалась как героическая страница истории советского народа. Большое внимание уделялось изучению роли партии и комсомольской молодежи в распашке новых земель.

Новейшая литература содержит более критический подход к изучению аграрной политики Н.С. Хрущева. Большое внимание уделяется разработке целинного проекта, его научно-техническому обеспечению, влиянию данной кампании на развитие аграрного сектора народного хозяйства в целом. В настоящее время особую остроту приобретает изучение повседневности, кадрового обеспечения, а также формирования целинного мира на новой территории.

Литература

Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. 2011. Вып. 5. С. 95–102.

Андреенков С.Н. Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 188–197 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

Анисимов Н.И. Освоение целинных и залежных земель – крупный резерв увеличения производства зерна. М.: Госполитиздат, 1954. 80 с.

Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958 гг. М.: Наука, 1972. 376 с.

Вербицкая О.М. Целинный проект Н.С. Хрущева: взгляд из XXI века // Русский исторический сборник. М., 2013. Вып. V. С. 175–196.

Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946-1970 гг. (очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 гг.). М., 1972. С. 10-40.

Долгов В.С. Колхозный строй в СССР в 50-е годы // Исторические записки. М.: Наука, 1984. Т. 111. С. 4–65.

Дрындин В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер Российской Федерации (1953—1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 52 с.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 304 с.

Игнатовский Π .A. Социально-экономические изменения в советской деревне. М.: Наука, 1966. 391 с.

Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 214–252.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1988. Т 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. 395 с.

 $^{^{32}}$ Шевельков А.И. K итогам аграрной политики Н.С. Хрущева в нечерноземной зоне РСФСР // Проблемы аграрной истории России. Липецк, 2020. С. 145.

Корнилов Г.Е. Динамика и интенсивность аграрного перехода: региональное измерение // Отечественная история: взгляд из XXI века. Екатеринбург, 2015. С. 10–53.

Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М.: Мысль, 1978. 253 с.

Молотов В.С. Содружество рабочих и крестьян в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Алма-Ата: Казгосиздат, 1955. 36 с.

Наухацкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. 143 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

Пахомова Е.В. Целинный фронтир: особенности освоения целины в Оренбуржье // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19. № 3 С. 625–640.

 $\Pi ихоя P.\Gamma$. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985. М.: АСТ, 2007. 716 с.

Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.

Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.

Томилин В.Н. Агрокультура колхозов Черноземного центра России в период хрущевского реформаторства // Вестник Оренбургского педагогического университета: электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 179–189.

Томилин В.Н. Сельское хозяйство Черноземного центра России в период хрущевской целинной кампании // Запад и Восток: История и перспективы развития: сб. ст. 30-й Юбилейной Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 апреля 2019 г. Рязань, 2019. С. 72–78.

Томилин В.Н. Колхозы СССР в новых экономических условиях конца 1950-х – начала 1960-х годов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 194–207.

Томилин В.Н. Укрупнение колхозов Российской Федерации и их преобразование в совхозы в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Проблемы аграрной истории России: мат-лы III Всерос. науч. конф., посв. 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 г. Липецк, 2020. С. 127–134.

Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 645 c.

Шарова П.Н. Колхозы РСФСР в 1953–1958 гг. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110. С. 295–311.

Шевельков А.И. К итогам аграрной политики Н.С. Хрущева в нечерноземной зоне РСФСР // Проблемы аграрной истории России: мат-лы III Всерос. науч. конф., посв. 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 г. Липецк, 2020. С. 143–150.

Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106–119.

Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000.254 с.

References

Andreenkov, S.N. (2011). "Tselinnyy proekt" 1954 goda: predposylki, razrabotka i realizatsiya v Sibiri ["Virgin Land Project" 1954: Prerequisites, Development and Implementation in Siberia]. In *Istoricheskiy ezhegodnik*. Iss. 5, pp. 95–102 RL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf (date of accesses: 25.03.2021).

Andreenkov, S.N. (2020). Kachestvennyye kharakteristiki zernovykh resursov RSFSR vo vtoroy polovine 1950-kh godov (dokladnyye zapiski ministra khleboproduktov RSFSR v CK KPSS) [Qualitative Characteristics of Grain Resources of the RSFSR in the Second Half of 1950s (Notes

of the Minister of Grain Products of the RSFSR to the Central Committee of CPSU)]. In Historical Courier. No. 3 (11), pp. 188–197.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Anisimov, N.I. (1954). Osvoyenie tselinnykh i zalezhnykh zemel' – krupnyy rezerv uvelicheniya proizvodstva zerna [The Development of Virgin and Fallow Lands is a Large Reserve for Increasing Grain Production]. Moscow, Gospolitizdat. 80 p.

Bogdenko, M.L. (1972). Sovkhozy SSSR. 1951-1958 gg. [State Farms of the USSR. 1951-1958]. Moscow, Nauka. 376 p.

Verbitskaya, O.M. (2013). Tselinnyy proekt N.S. Khrushcheva: vzglyad iz XXI veka [The Virgin Project of N.S. Khrushchev: a View From the 21th Century]. In Russkiy istoricheskiy sbornik. Iss. V, pp. 175–196.

Dolgov, V.S. (1984). Kolkhoznyy stroy v SSSR v 50-e gody [Collective Farm System in the USSR in the 50s]. In *Istoricheskiye zapiski*. Vol. III. Moscow, Nauka, pp. 4–65.

Danilov, V.P. (1972). Problemy istorii sovetskoy derevni v 1946–1970 gg. (ocherk istoriografii) [Problems of History of the Soviet Village in 1946–1970. (Essay on Historiography)]. In *Razvitiye* selskogo khozyaystva SSSR v poslevoyennyye gody (1946–1970 gg.). Moscow, pp.10–40.

Dryndin, V.L. (2004). Popytki reformirovaniya agrarnoy i promyshlennoy sfer Rossiyskoy Federatsii (1953–1964 gq.) v kontekste spetsifiki otechestvennoy istorii [Attempts to Reform the Agrarian and Industrial Spheres of the Russian Federation (1953–1964) in the Context of Specifics of Russian History], Dr. Hist. Sci. Diss. Abstract. Orenburg. 52 p.

Zelenin, I.E. (2001). Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i selskoe khozyaystvo [Agrarian Policy of N.S. Khrushchev and Agriculture]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 304 p.

Ignatovskiy, P.A. (1966). Sotsial'no-ekonomicheskiye izmeneniya v sovetskoy derevne [Socio-Economic Changes in the Soviet Countryside]. Moscow, Nauka. 391 p.

Il'inykh, V.A. (2015). Selskoe khozyaystvo Sibiri v XX v.: dinamika otraslevoy struktury [Agriculture of Siberia in the 20th Century: Dynamics of the Sectoral Structure]. In Sibirskaya derevnya: problemy istorii. Sb. nauch. tr. Iss. 3. Novosibirsk, pp. 214–252.

Volkov, I.M. (Ed.). (1988). *Istoriya sovetskogo krestyanstva* [History of the Soviet Peasantry]: v 5 t. Vol. 4: Krestyanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva, 1945konets 50-h godov [The Peasantry in the Years of Consolidation and Development of Socialist Society, 1945 – the End of the 50s]. Moscow, Nauka. 395 p.

Kornilov, G.E. (2015). Dinamika i intensivnost' agrarnogo perekhoda: regional'noye izmereniye [Dynamics and Intensity of the Agrarian Transition: Regional Dimension]. In Otechestvennaya istoriya: vzqlyad iz XXI veka. Ekaterinburg, pp. 10–53.

Kulikov, V.I. (1978). Istoricheskiy opyt osvoeniya tselinnykh zemel' [Historical Experience in the Development of Virgin Lands]. Moscow, Mysl. 253 p.

Molotov, V.S. (1955). Sodruzhestvo rabochikh i krestyan v borbe za osvoyenie tselinnykh i zalezhnykh zemel' [Commonwealth of Workers and Peasants in the Struggle for the Development of Virgin and Fallow Lands]. Alma-Ata, Kazgosizdat. 36 p.

Naukhatskiy, V.V. (2018). Tselinnaya kampaniya N.S. Khrushcheva: razmyshleniya o diskussionnykh voprosakh istoriografii [The Virgin Campaign of N.S. Khrushchev: Reflections on Controversial Issues of Historiography]. Rostov-on-Don, Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks RGEU (RINH). 143 p.

Nikonov, A.A. (1995). Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII-XX vv.) [Spiral of Centuries-Old Drama: Agrarian Science and Politics of Russia (18th–20th Centuries)]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven. 574 p.

Pakhomova, E.V. (2020). Tselinniy frontir: osobennosti osvoyeniya tseliny v Orenburzh'e [The Virgin Frontier: Features of the Development of Virgin Lands in the Orenburg Region]. In Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoruya Rossii. Vol. 19, No. 3, pp.

Pikhoya, R.G. (2007). Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny. 1945-1985 [Moscow. Kremlin. Power. Forty Years After the War. 1945–1985.]. Moscow, AST. 716 p.

Rogalina, N.L. (2010). Vlast i agrarnyye reformy v Rossii XX veka [Power and Agrarian Reforms in Russia of 20th Century]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven'. 256 p.

Tomilin, V.N. (2009). Kampaniya po osvoeniyu tselinnykh i zalezhnykh zemel' v 1954–1959 gg. [Campaign For the Development of Virgin and Fallow Lands in 1954–1959]. In Voprosy istorii. No. 9, pp. 81–93.

Tomilin, V.N. (2019). Sel'skoe khozyaystvo Chernozemnogo tsentra Rossii v period khrushchevskoy tselinnoy kampanii [Agriculture of the Chernozem Center of Russia During the Khrushchev Virgin Campaign]. In Zapad i Vostok: Istoriya i perspektivy razvitiya. Sbornik statey 30-y Yubileynoy Mezhdunarodnoy nauch.-praktich. Konf., 18–19 aprelya 2019 goda. Ryazan, pp. 72–78.

Tomilin, V.N. (2019). Agrokul'tura kolkhozov Chernozemnogo tsentra Rossii v period khrushchevskogo reformatorstva [Agricultural Culture of Collective Farms in the Chernozem Center of Russia During the Khrushchev Reform]. In Vestnik Orenburgskogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal. No. 4 (32), pp. 179–189.

Tomilin, V.N. (2020). Kolkhozy SSSR v novykh ekonomicheskikh usloviyakh kontsa 1950-kh – nachala 1960-kh godov [Collective Farms of the USSR in the New Economic Conditions of the Late 1950s – Early 1960s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 1, pp. 194–207.

Tomilin, V.N. (2020) Ukrupneniye kolkhozov Rossiyskov Federatsii i ikh preobrazovaniye v sovkhozy v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [Consolidation of Collective Farms in the Russian Federation and Their Transformation Into State Farms in the Late 1950s – Early 1960s]. In Problemy agrarnoy istorii Rossii: mat-ly Tretey Vseros. nauch. konf., posvyashchennoy 90-letiyu professora V.M. Vazhinskogo (1930–2010): Lipetsk, 24 aprelya 2020 goda. Lipetsk, pp. 127–134.

Trapeznikov, S.P. (1976). Leninizm i agrarno-krestyanskiy vopros [Leninism and the Agrarian-Peasant Question]. Vol. 2. Moscow, Mysl. 645 p.

Sharova, P.N. (1984). Kolkhozy RSFSR v 1953–1958 gg. [Collective Farms of the RSFSR in 1953–1958]. In *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 110. Moscow, pp. 295–311.

Shevel'kov, A.I. (2020). K itogam agrarnov politiki N.S. Khrushcheva v nechernozemnov zone RSFSR [To the Results of the Agrarian Policy of N.S. Khrushchev in the Non-Chernozem Zone of the RSFSR]. In Problemy agrarnoy istorii Rossii: materialy Tretey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu professora V.M. Vazhinskogo (1930–2010). Lipeck, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, pp. 143–150.

Shestakov, V.A. (2006). Politika N.S. Khrushcheva v agrarnov sfere: preemstvennost' i novatsii [The policy of N.S. Khrushchev in the Agricultural Sector: Continuity and Innovation]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 106–119.

Shmelev, G.I. (2000). Agrarnaya politika i agrarnyye otnosheniya v Rossii v XX veke [Agrarian Policy and Agrarian Relations in Russia in the 20th Century]. Moscow, Nauka. 254 p.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

V.N. Tomilin*

В.Н. Томилин*

Repair and Technical Stations and Collective Farms

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-9

How to cite:

Tomilin V.N. Repair and Technical Stations and Collective Farms // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 98–108. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-09.pdf

Ремонтно-технические станции и колхозы

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-9 УДК 94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:

Томилин В.Н. Ремонтно-технические станции и колхозы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 98–108. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ ISTKURIER-2021-4-09.pdf

Abstract. The article examines the results of the reform of N.S. Khrushchev's 1958 reform, that resulted in the machine and tractor stations (MTS) reorganization into repair and technical stations (RTS), and agricultural machinery was sold to collective farms. The author shows that during this transformation, the repair base of the country's agriculture was undermined due to the transfer of 577 repair enterprises to the local councils of the national economy and the sale of 512 MTS workshops to other organizations. As a result, RTS and their departments were able to carry out about half of tractor repairs potentially reguired. An erroneous assessment of the direct consequences of the reform by the government led to the reduction in the production of agricultural machinery at the turn of the 1950s–1960s, and to the deterioration of the material and technical supply of collective farms. The reform of 1958 turned out to be extremely painful for the specialists and machine operators of the MTS, many of them did not want to go to collective farms and left the village. The shortage of engineers and technicians and machine operators in the collective farms was aggravated by the weakness of their infrastructure and the deplorable financial situation. The study reflects the unequal nature of interaction between RTS and collective farms. As a result of the government's pricing policy and the cost of purchasing MTS equipment, most of the collective farms turned out to be financially insolvent, they did not have the opportunity for dynamic development and higher wages. An attempt to improve the situation in the collective farms was their consolidation and transformation into state farms. The article shows the failure of reformers in finding a mechanism for effective interaction between RTS and collective farms, which led to the next reorganization and liquidation of RTS.

Keywords: agricultural policy of the Soviet state; collective farms; MTS; repair and technical stations; N.S. Khrushchev.

The article has been received by the editor on 01.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты реформы Н.С. Хрущева 1958 г., в результате которой машинно-тракторные станции (МТС) были реорганизованы в ремонтно-технические станции (РТС), а сельскохозяйственная техника продана колхозам. Автором показано, что в ходе преобразования была подорвана ремонтная база сельского хозяйства страны из-за передачи местным советам народного хозяйства 577 ремонтных предприятий и продажи прочим организациям 512 мастерских МТС. В итоге РТС и их отделения имели возможность осуществить примерно половину условных ремонтов тракторов от их потребности. Ошибочная оценка прямых последствий реформы правительством привело к сокращению производства сельхозтехники на рубеже 1950–1960-х гг. и ухудшению матери-

^{*} Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, e-mail: tomilin58@mail.ru Tomilin Viktor Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenova-Tian-Shansky, Lipetsk, Russia, e-mail: tomilin58@mail.ru

ально-технического снабжения колхозов. Реформа 1958 г. оказалась крайне болезненной для специалистов и механизаторов МТС, многие из них не захотели переходить в колхозы и покинули деревню. Дефицит инженерно-технических и механизаторских кадров в колхозах усугублялся слабостью их инфраструктуры и плачевным финансовым положением. В исследовании отражен неравноправный характер взаимодействия РТС и колхозов. В результате ценовой политики правительства и затрат на покупку техники МТС большинство колхозов оказалось финансово несостоятельным, без возможности динамичного развития и повышения оплаты труда работников. Попыткой оздоровить положение в колхозах стало их укрупнение и преобразование в совхозы. В статье показана неудача реформаторов в поиске механизма эффективного взаимодействия между РТС и колхозами, что обусловило очередную реорганизацию и ликвидацию РТС.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства; колхозы; МТС; ремонтнотехнические станции; Н.С. Хрущев.

31 марта 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», который радикально менял жизнь колхозной деревни. Теперь вся сложная сельскохозяйственная техника МТС подлежала продаже колхозам, а сами МТС реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). В Законе был определен круг основных задач РТС: ремонт и обслуживание сельскохозяйственной техники, ее продажа, оказание помощи колхозам по внедрению в производство новой техники и др. Деятельность РТС предписывалось осуществлять на основе хозяйственного расчета¹.

Основные положения Закона «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» получили развитие в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г.² На первый план вышли вопросы, связанные с оценкой и продажей государственной техники колхозам, созданием условий для бесперебойной работы колхозов³.

Реорганизация МТС означала продажу сельскохозяйственной техники колхозам и создание на существующей материально-технической базе ремонтно-технических станций. Однако далеко не все МТС были реорганизованы в РТС. В 1957 г. в стране насчитывалось 7 903 МТС. На их базе к концу 1959 г. было образовано 3 532 РТС⁴. Ремонтная база сельского хозяйства страны была серьезно ослаблена из-за передачи совнархозам 577 ремонтных предприятий (302 ремонтных заводов, 138 межрайонных мастерских капитального ремонта, 137 типовых мастерских МТС), продажи и передачи прочим организациям 512 мастерских МТС⁵.

В результате сельское хозяйство лишилось значительной части производственной инфраструктуры. Хорошо оборудованные заводы и межрайонные мастерские капитального ремонта были переданы совнархозам и другим несельскохозяйственным организациям. Ремонтные мастерские и оборудование МТС передавались совхозам, колхозам, промышленным предприятиям. В Черноземном центре России в 1957 г. функционировало 540 МТС,

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 138–140.

² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 23.01.2021).

³ *Томилин В.Н.* Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2020. Вып. 26. С. 244.

⁴ Сельское хозяйство СССР: стат. сб.. М., 1960. С. 41.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 446. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.

которые имели в своем составе 577 ремонтных мастерских 6 . После проведения реформы их осталось 214, т.е. уменьшилось в 2,5 раза 7 .

Приобретаемая колхозами техника имела большой износ, ей требовался постоянный восстановительный ремонт. Указанное противоречие разработчики реформы не только не приняли во внимание, но и сузили ремонтную базу сельского хозяйства. В начале 1960-х гг. потребность сельского хозяйства оценивалась в 5 160 тыс. условных ремонтов, а мощности ремонтной базы составляли 2 700 тыс. условных ремонтов, или 52 % от потребности⁸.

Реорганизация МТС привела не только к сокращению материально-технической базы сельского хозяйства, но и к оттоку трудовых ресурсов. Колхозы не могли обеспечить организацию и оплату труда на уровне МТС, создать достойные жилищно-бытовые условия для специалистов сельского хозяйства и механизаторов. Они покидали деревню. Особенно остро стоял вопрос с закреплением кадров специалистов с высшим и средним сельскохозяйственным образованием. В 1958 г. в колхозы РСФСР было направлено 19,5 тыс. выпускников вузов и техникумов. Из МТС в сельхозартели перешли 4,8 тыс. специалистов. Всего колхозы получили 24,3 тыс. специалистов. Но их утечка перекрывала поступление. С 15 мая 1958 г. по 15 мая 1959 г. численность специалистов сельского хозяйства в колхозах республики сократилась на 26 тыс. чел.

В исторической науке нет однозначной оценки реформы 1958 г. И.Е. Зеленин дает критическую характеристику реорганизации МТС. По его мнению, одна из самых прогрессивных реформ Хрущева – реорганизация МТС из-за предельно сжатых сроков ее осуществления «привела к крайне негативным последствиям» ¹⁰.

В.В. Наухацкий и Ю.П. Денисов видят положительные результаты реорганизации МТС в том, что экономически сильные хозяйства стали использовать приобретенную технику более производительно, чем МТС¹¹. С этим утверждением нельзя не согласиться. Но при этом следует заметить, что нагрузка на сельскохозяйственную технику в МТС и, тем более, в колхозах намного превосходила нормативную. Повышение выработки трактора, комбайна и иного агрегата, выход ее за агротехнические нормы весьма условно можно считать достижением. Специфика сельскохозяйственного производства состоит как раз в том, что использование машин в нем носит ярко выраженный сезонный характер, большую часть года они могут простаивать. Главное требование агротехники — оптимальные сроки выполнения работ. При этом далеко не везде колхозы сумели поднять производительность техники, чаще всего наблюдалась прямо противоположная ситуация. В колхозах Кировской области в начале 1960-х гг. сельхозтехника использовалась хуже, чем в МТС: выработка на трактор упала на 7–45 условных га¹².

Проблему альтернатив реформы 1958 г. затрагивает С.Н. Андреенков. По резонному мнению исследователя, в новых экономических и политических условиях не могли оставаться неизменными отношения между колхозами и МТС. Однако попытка превратить МТС в сервисные организации при самостоятельных сельхозартелях в силу функциональной специфики этих структур была обречена на неуспех. Ученый справедливо полагает, что

 $^{^6}$ *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 392.

⁷ Сельское хозяйство СССР... С. 644–645.

⁸ РГАЭ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 338. Л. 25.

⁹ *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. С. 106.

 $^{^{10}}$ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Отечественная история. 2000. № 1. С. 87.

¹¹ *Наухацкий В.В., Денисов Ю.П.* Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов-на-Дону, 2009. С. 66.

¹² Коньшев Д.Н. Ликвидация машинно-тракторных станций в 1958 г. как аспект аграрной политики государства (на примере Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 475.

более перспективным мог бы стать путь создания соцхозов и госкоопхозов на основе слияния MTC и колхозов¹³.

Ремонт техники в мастерских РТС для колхозов был очень дорогим. Колхозные председатели в таких условиях пытались сэкономить и производить ремонт сельскохозяйственной техники своими силами. Следует учесть еще и то обстоятельство, что колхозы приобрели у МТС всю технику в рабочем состоянии и надеялись эксплуатировать ее без излишних затрат на ремонт. Отсюда прослеживается явное нежелание части колхозов сотрудничать с РТС. «Мне было дано задание заключить договора с колхозами на ремонт тракторов, – отмечал в своем выступлении на сессии Елецкого районного Совета Липецкой области заведующий Хитровским отделением РТС депутат Швырев. – Был я в колхозе «Путь к коммунизму», товарищ Голев заявил, что поставят к нам на ремонт только два трактора, а остальные будут ремонтировать в колхозе. Колхоз имени Горького тоже большинство тракторов собирается сам ремонтировать»¹⁴.

В колхозах не было единого мнения по вопросу сотрудничества с РТС. Если председатели руководствовались узко экономическими соображениями, то специалисты и механизаторы хорошо понимали невозможность проведения качественного ремонта в колхозной мастерской. Механик колхоза «Искра» Елецкого района Липецкой области Чудинов говорил о необходимости сотрудничества с РТС: «У нас пока ремонт не начинался (на конец октября 1958 г. – В. Т.) и даже договора с РТС на ремонт нет. А сельхозинвентарь у нас в основном освободился. <...> Я считаю, что капитальный и средний ремонт надо делать в РТС, а текущий ремонт – в колхозе» 15 .

В колхозах старались сберечь каждую копейку, большинство из них имели долги перед государством. Кроме того, с лета 1958 г. на 10 % повышались государственные оптовые цены на новую сельскохозяйственную технику и запчасти к ней, что означало увеличение их стоимости в годовом выражении на 1,1 млрд руб. Отменялись для колхозов льготные условия продажи минеральных удобрений, стоимость которых вырастала на 384 млн руб., цена бензина выросла на 74 %. Правительство изначально предполагало, что дополнительные расходы колхозов будут компенсированы новыми закупочными ценами. Однако в ожидании высокого урожая в сентябре 1958 г. закупочные цены на зерновые культуры, семена подсолнечника, сахарную свеклу и картофель были понижены в среднем на 12 %16.

Расценки на ремонтные работы, приобретение новой техники, запчастей, минеральных удобрений и материалов для колхозов были слишком высокими. В РСФСР на 1 января 1959 г. дебиторская задолженность и долги клиентов РТС составили 638,4 млн руб. Государство ограничивало выделение средств на компенсацию убытков ¹⁷.

Реформа 1958 г. проводилась в сжатые сроки. Многие вопросы взаимодействия РТС и колхозов не были решены. Одним из таких «узких мест» стало приобретение колхозами минеральных удобрений. Колхозы их приобретали через РТС. Но ни те, ни другие не имели возможности для их хранения и транспортировки. На собрании Липецкого областного партактива 8–9 января 1960 г. приводились вопиющие факты. В Липецкой области минеральные удобрения, поступившие в 1959–1960 гг., по несколько месяцев лежали на железнодорожных станциях. На станцию «Чугун» поступили минеральные удобрения в объеме свыше 500 т стоимостью 135 тыс. руб. Председатели колхозов распорядились вывезти удобрения с разгрузочной площадки станции и в нескольких метрах свалить под откос. Тем самым они хотели избежать штрафных санкций со стороны железной дороги за

 $^{^{13}}$ Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири... С. 109; Андреенков С.Н. Трансформация колхозной системы в середине 1950-х — начале 1960-х гг. в Сибири // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 г.: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 508.

 $^{^{14}}$ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 265. Л. 173.

¹⁵ *Томилин В.Н.* Укрупнение колхозов Российской Федерации и их преобразование в совхозы в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Проблемы аграрной истории России. Липецк, 2020. С. 131.

¹⁶ Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири... С. 106.

¹⁷ Там же. С. 108–109.

несоблюдение сроков отгрузки. Так было и в других районах области. Всего в начале 1960 г. на станциях Юго-Восточной железной дороги в Липецкой области скопилось более 4 тыс. т минеральных удобрений стоимостью более 1 млн руб. Лежали удобрения под открытым небом 5-6 месяцев 18 .

Проблема доставки и хранения минеральных удобрений в сельском хозяйстве на рубеже 1950–1960-х гг. остро стояла не в каком-либо отдельном регионе, она прибрела масштаб всесоюзного бедствия. Из-за порчи минеральных удобрений обесценивался труд многих тысяч людей, занятых их производством, впустую тратились государственные средства, а главное – важнейший ресурс повышения плодородия почвы использовался не в полной мере. Вопрос доставки, хранения и применения минеральных удобрений приобретал значение эффективности внедрения интенсивных технологий.

В тезисах к выступлению на январском (1961 г.) пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев вынужден был уделить внимание рассматриваемому вопросу, так как «в ряде районов имеет место прямо-таки преступное отношение к удобрениям». На станциях Калининской железной дороги лежало 100 тыс. т минеральных удобрений, доставленных за последние 3–4 года. На станции Семлево в Смоленской области скопилось 1 375 т удобрений для совхоза «Алферовский», часть их пришла в негодность. В Московской области на станции Дровнино почти два года лежало 60 вагонов удобрений, в Псковской области на станции Невель-І – более двух тыс. т, в Калужской области на станции Кудринская – 42 вагона удобрений¹⁹.

Реформа 1958 г. была призвана открыть новые перспективы и стимулы для развития колхозного строя. В действительности все оказалась гораздо сложнее. Во многих районах страны колхозы, равно как и РТС, не могли нормально хозяйствовать в условиях новой экономической реальности. Так, на начало 1961 г. в Брянской области только 76 хозяйств из 375, или 20 %, имели удовлетворительные финансовые показатели, а 168, или 45 %, были «не в состоянии рассчитаться по долговым обязательствам в ближайшие два года даже при условии успешного выполнения своих производственных и финансовых планов»²⁰.

Трудные времена переживало сельское хозяйство северо-западных районов России. В результате реорганизации МТС в Ленинградской области осталось 25 ремонтно-технических станций с пятью отделениями и 10 специализированных станций, которые обслуживали 381 колхоз, 106 совхозов и 29 лесхозов. За год работы в условиях хозяйственного расчета хороших экономических показателей и безубыточности добились лишь некоторые предприятия, имевшие объем работ от 20 до 28 млн руб. Таких РТС на всю Ленинградскую область было три: Кипенская, Сиверская и Лужская²¹.

Парадокс данной ситуации состоит в том, что в деятельности РТС на первый план вышла продажа новой техники, запасных частей, нефтепродуктов, удобрений, ядохимикатов и других товаров производственного назначения. При проведении реформы 1958 г. сложилась крайне противоречивая обстановка с заказом и производством сельскохозяйственной техники: МТС в качестве основного заказчика перестали существовать, ремонтно-техническим станциям тракторы, комбайны и прочая сельскохозяйственная техника были не нужны по определению, а долговое бремя колхозов после покупки техники МТС только усугубилось и многим не на что было заказывать новую технику. Данное положение на какое-то время стало восприниматься правительством как воплощение в жизнь тезиса Н.С. Хрущева о более эффективном использовании колхозами имеющейся сельхозтехники и ее достаточности²².

¹⁸ Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 11. Д. 11. Л. 11–12.

¹⁹ *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4. С. 254.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 340. Л. 61.

²¹ Томилин В.Н. Колхозы СССР в новых экономических условиях конца 1950-х – начала 1960-х годов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 201.

²² Томилин В.Н. Эксплуатация машин как фактор эффективности агротехнологий в СССР (1960–1970-е гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X-XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 219–232.

Однако это не соответствовало действительности. Более того, проблема нехватки сельскохозяйственной техники еще сильнее обострилась. В предшествующие годы ее основной поток направлялся в районы освоения целины. В 1959 г. производство тракторов сократилось по сравнению с предшествующим годом на 6,2 тыс. единиц²³.

В 1959 г. масштабы поставок тракторов сельскому хозяйству резко снизились против 1958 г. (на 13,2 тыс. штук) и оказались на 4 тыс. штук меньше уровня 1957 г. В конечном итоге все это отрицательно отразилось на темпах роста технической вооруженности сельского хозяйства во многих районах страны. В ряде важнейших земледельческих районах страны за время реформаторства Н.С. Хрущева нагрузки на трактор были очень высоки, они не только не снизились по сравнению с 1953 г., но и выросли к концу 1950-х гг.

В СССР в 1953–1960 гг. нагрузка посевных площадей на один физический трактор снизилась с 211 до 186 га. За средними значениями скрывается огромный разброс показателей по союзным республикам. Союзные показатели «тянула вниз» Россия. В самой большой республике СССР в 1950-е гг. нагрузка посевных площадей в расчете на один трактор не только не снизилась, но даже выросла – с 208 до 214 га. По ряду традиционных земледельческих районов (Черноземному центру России, Уралу и Поволжью) показатели ухудшились еще в большей степени. Особенно следует выделить положение в районах Поволжья, где нагрузка на трактор выросла с 221 га посевных площадей до 279, т.е. на 26 %²⁴.

В 1953—1960 гг. материально-техническая база сельского хозяйства России ослабла, и республика по этому показателю оказалась на последнем месте в СССР. Конечно, сельское хозяйство закавказских и среднеазиатских республик имело ярко выраженную природно-климатическую специфику, но и Украина, по сравнению с РСФСР, была значительно лучше обеспечена машинами.

Материально-техническая база колхозов и совхозов СССР за 1950-е гг. улучшилась незначительно, да и то не везде. Тракторов в сельском хозяйстве страны было недостаточно. Для сравнения: нагрузка пашни на один трактор в Канаде составляла 78 га, в США — 41, в Англии — 16. Таким образом, для того чтобы выйти на уровень технической вооруженности сельского хозяйства передовых стран, следовало увеличить число тракторов и других машин в колхозах и совхозах РСФСР в несколько раз. Несвоевременное проведение сельскохозяйственных работ стало главным тормозом на пути повышения урожайности и валовых сборов всех культур. По оценке специалистов, для завершения комплексной механизации при условии проведения сельскохозяйственных работ в оптимальные агротехнические сроки²⁵ следовало увеличить парк тракторов в сельском хозяйстве примерно в 2,5 раза и довести до 2 416 тыс. штук, тогда как на начало 1959 г. он насчитывал 1 001 тыс.²⁶

Во второй половине 1950-х гг. сельскохозяйственное машиностроение резко сократило производство зерновых комбайнов — со 167,5 тыс. единиц в 1957 г. до 51,3 тыс. в 1959 г. Сокращение производства было вызвано прекращением выпуска комбайнов сибирскими заводами, а также перепрофилированием Тульского, Запорожского и других заводов. В результате нагрузка уборочных площадей на зерновой комбайн снижалась медленно, оставалась очень высокой, что вело к растянутым срокам уборки, к потерям и снижению качества зерна²⁷. Кампания по распашке целинных и залежных земель обусловила соответствующее перераспределение сельскохозяйственной техники. Поэтому нагрузка на зерноуборочный комбайн в начале 1960-х гг. в целом по стране оставалась недопустимо высокой и составляла 210 га, что было более чем в три раза выше соответствующего показателя США²⁸.

²³ РГАЭ. Ф. 446. Оп. 5. Д. 1. Л. 4, 5, 14.

 $^{^{24}}$ Там же. Л. 11, 16, 17.

 $^{^{25}}$ Оптимальные агротехнические сроки проведения основных полевых работ по оценке специалистов Министерства сельского хозяйства СССР: сев -6 дней, уборка зерновых -8-9, вспашка зяби -20, сено-кошение -12, уборка кукурузы -12 и т.д. (Там же. Л. 6).

²⁶ Там же. Л. 6–8.

²⁷ Там же. Л. 11.

²⁸ Там же.

Н.С. Хрущев со временем осознал ошибочность подхода к оценке имеющихся материально-технических ресурсов сельского хозяйства, вынужден был признать их ограниченность. «Нельзя звать к высокой производительности труда и рубить кукурузу топорами (Аплодисменты.)», – заявил Первый секретарь ЦК КПСС на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК²⁹.

Вину за создавшееся положение Н.С. Хрущев возложил на руководящих работников Госплана, Госэкономсовета и совнархозов. «Иные руководители считают, – возмущенно говорил он, – что в сельском хозяйстве все вопросы механизации решены и теперь можно даже кое-что взять от промышленности сельскохозяйственного машиностроения для других отраслей хозяйства. Это очень опасные настроения, и их надо осудить. Пленум ЦК должен призвать всю партию и народ не ослаблять, а быстро наращивать материально-техническую помощь сельскому хозяйству. Как можно почивать на лаврах, <...> если большая часть кукурузы на зерно убирается вручную, если не механизирована уборка сахарной свеклы, картофеля, крайне мало механизмов для погрузочных и разгрузочных работ!»³⁰.

В начале 1960-х гг. в СССР обострилась продовольственная проблема, дефицит продуктов питания мог дестабилизировать общественно-политическое положение, негативно сказаться на выполнении семилетнего плана. На мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев «снял розовые очки» и говорил без прикрас об истинном положении в деревне. Если несколькими годами ранее он повторял мысль о неэффективном использовании сельскохозяйственной техники, то теперь тональность выступлений резко меняется. Оказывается, машин и механизмов в колхозах и совхозах остро не хватает, для удовлетворения потребности необходимо удвоить их выпуск. «Это трудная задача, – указывал Н.С. Хрущев. – Мы ее, конечно, не решим в один год или даже в два-три года. Но взяться за осуществление этой задачи надо немедленно». Была поставлена задача: расширить мощности существующих заводов тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, а также еще построить не менее трех крупных заводов. Обращаясь к товарищам по партии, Н.С. Хрущев произнес пророческие слова: «Нельзя шутить с сельским хозяйством. Можно подорвать всю экономику, если вовремя не заметить и не преодолеть отставание сельского хозяйства»³¹. К сожалению, с этой задачей партия так и не справилась ни при Н.С. Хрущеве, ни при его преемниках.

Принимаемые на рубеже 1950-х - 1960-х гг. решения партии и правительства, по замечанию В.В. и К.В. Милосердовых, стали вариантом негативной трансформации. Нарушался порядок планирования, усилился неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью, возродилось вмешательство аппарата партийно-государственного управления в дела колхозов и совхозов³².

Продажа сельскохозяйственной техники и прочих материалов колхозам и совхозам возлагалась на РТС, перед ними открывался широчайший простор для проявления корпоративного эгоизма. Торговля позволяла сформировать «базис благополучия» вновь созданной структуры. Именно торговля как направление в работе РТС вызывала сильное возмущение среди председателей колхозов и директоров совхозов, а также районного партийно-хозяйственного руководства. Это был редкий случай, когда районные власти не боялись пойти на открытый конфликт с областной структурой.

12 марта 1960 г. на имя начальника управления сельского хозяйства Липецкой области М.П. Калганова поступило письмо секретаря Краснинского райкома партии Н.Д. Новикова с обвинениями фактически в мошеннической деятельности. Копию письма получил первый секретарь обкома партии К.П. Жуков. Суть дела заключалась в следующем. В 1959 г. Краснинская РТС должна была продать колхозам транзитом (т.е. обеспечить документальное сопровождение грузов) сельскохозяйственную технику и материалы на сумму 2 млн 153 тыс. руб. В этом случае со стороны РТС осуществлялась наценка в размере 0,5 % от

²⁹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 6. С. 424.

³⁰ Там же. С. 425.

³¹ Там же. С. 426–427.

³² Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX век. М., 2002. С. 154, 159.

общей стоимости грузов. Краснинская РТС оформила по указанной схеме лишь незначительную часть товаров – только на сумму 260 тыс. руб. Но при этом перевыполнила план «продажи» техники со складов на сумму 1 млн 111 тыс. руб. с наценкой в 13 %³³.

За оформление документов с колхозов была взята сумма, превышающая законную в несколько десятков (!) раз. Следует отметить продуманный и организованный характер изъятия денег у колхозов со стороны государственной структуры. «Повинно в этом областное управление сельского хозяйства, — указывает секретарь райкома партии Н.Д. Новиков, — которое для того чтобы поднять финансовое состояние РТС направило почти всю технику в адрес РТС, а не непосредственно транзитом в колхозы»³⁴.

Еще более «ловкая» схема корпоративного обогащения была реализована при отпуске колхозам горюче-смазочных материалов. В частности, нефтебаза Краснинской РТС и государственная Лутошкинская нефтебаза оказались расположены на расстоянии 50 м друг от друга. По порядку, установленному вышестоящим руководством, колхозы могли приобрести ГСМ только через РТС, которая выдавала колхозам доверенность на получение груза с нефтебазы. По существу, только за одну подпись директора РТС колхозы платили 13 % стоимости ГСМ в качестве накладных расходов. Всего таким путем колхозы района переплатили РТС 136 тыс. руб. Райком партии просил начальника областного управления сельского хозяйства М.П. Калганова дать указание «вернуть колхозам незаконно полученные РТС с колхозов за проданную технику и горючее деньги в сумме 372 тыс. руб.»³⁵.

Поскольку копия письма ушла в адрес первого секретаря Липецкого обкома партии К.П. Жукова, то проигнорировать его было нельзя. «Обиженный» начальник областного управления сельского хозяйства М.П. Калганов направил ответ секретарю обкома партии, а копию – в Краснинский райком. Ответ прояснял ситуацию. Оказывается, сложилась общая практика, когда областное управление сельского хозяйства направляло технику и прочие грузы сельскохозяйственного назначения по районам в адрес РТС, где они далее распределялись по колхозам. Проданная техника колхозам со складов РТС имела наценку, установленную постановлением правительства СССР, и не могла быть переоформлена как транзитная торговля. Также было отклонено обвинение в том, что колхозы получали горючее непосредственно с баз «Нефтесбыта», а не с базы РТС. Требование райкома партии о возврате колхозам Краснинского района 372 тыс. руб. областное управление сельского хозяйство сочло несостоятельным³⁶.

Изучение сложившегося положения приводит к парадоксальному выводу: управление сельского хозяйства Липецкой области действовало строго в рамках отведенных полномочий. С апреля 1959 г. Совет Министров СССР установил механизм торговли запасными частями, узлами и агрегатами к автомобилям и тракторам, автотракторным электрооборудованием и изделиями для ремонта этих машин, а также запасными частями и узлами к сельскохозяйственным машинам. РТС приобретали их в порядке оптовой закупки с торговых баз глававтотрактороснабсбытов при Госпланах и с баз главсельснабов Министерств сельского хозяйства союзных республик для последующей розничной продажи потребителям в сельской местности³⁷.

При таких обстоятельствах сложилось противоречие между «законом и благодатью»: по форме РТС действовали в отведенных рамках правительственных постановлений, а по сути – обирали колхозы самым грубым образом. С весны 1960 г. решением правительства РТС были лишены права продавать колхозам и совхозам сельскохозяйственную технику, запчасти, нефтепродукты, удобрения, средства защиты растений и другую продукцию

³³ ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 50.

 $^{^{34}}$ Там же.

³⁵ Там же. Л. 50–51.

 $^{^{36}}$ Там же. Л. 55.

³⁷ Постановление Совета Министров СССР от 23 апреля 1959 г. «Об установлении единой системы торговли запасными частями, узлами и агрегатами к автомобилям, тракторам и сельскохозяйственным машинам, а также автотракторным электрооборудованием и изделиями для ремонта этих машин [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/ (дата обращения: 07.02.2021).

производственного назначения. Все колхозы и совхозы были переведены на снабжение горюче-смазочными материалами непосредственно с баз «Нефтесбыта», а сельскохозяйственной техникой – с магазинов «Главторгмаша», минуя РТС³⁸.

Положение по продаже колхозам сельскохозяйственной техники, запасных частей, горючего и прочих материалов, которое сложилось в Липецкой области, не было особенным в стране. Эту тему Н.С. Хрущев затронул в своем выступлении на январском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС. Учитывая опыт работы РТС, глава правительства требовал не повторять прежних ошибок: «Организуя работу нового объединения³⁹, нам не следует создавать бюрократические надстройки, вроде оптовых баз и т.д. Поставка машин должна идти по принципу: завод – контора – колхоз, совхоз»⁴⁰.

Во взаимодействии производственной структуры РТС с колхозами за короткий промежуток времени выявилось столько противоречий, что уже в начале 1961 г. принимается партийно-правительственное постановление о ее реструктуризации. Материально-техническая база предприятий РТС выводилась из ведения Министерства сельского хозяйства СССР и передавалась вновь формируемому Всесоюзному объединению Совета Министров СССР по продаже сельскохозяйственной техники, запасных частей, минеральных удобрений и других материально-технических средств, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах («Союзсельхозтехника»)»⁴¹.

Таким образом, реформа 1958 г. по реорганизации МТС и перестройке взаимоотношений государства и колхозов оказалась весьма болезненной и сопровождалась системными сбоями. Попытка создать качественно иную инфраструктуру по сервисному обслуживанию колхозов посредством РТС на основе полного хозрасчета оказалась безуспешной. Само решение выстроить взаимовыгодные отношения между колхозами и РТС было лишено внутренней логики, так как РТС получили монопольное право на поставку колхозам сельхозтехники, запчастей, горюче-смазочных материалов, минеральных удобрений, средств защиты растений и многое другое. Власть по-прежнему была нацелена на максимально возможное перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в казну. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда мобилизационные факторы роста аграрного производства себя полностью исчерпали, а экономические стимулы так и не заработали.

Литература

Андреенков С.Н. Трансформация колхозной системы в середине 1950-х — начале 1960-х гг. в Сибири // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 г.: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 501—509.

Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946—1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.

Конышев Д.Н. Ликвидация машинно-тракторных станций в 1958 г. как аспект аграрной политики государства (на примере Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 471–475.

Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России — XX век. М.: ВО Минсельхоза России, 2002. 544 с.

³⁸ ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 52.

³⁹ Речь идет об объединении «Союзсельхозтехника», созданном в 1961 г. (см. ниже).

⁴⁰ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР... Т. 4. С. 307.

⁴¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1961 г. «Об образовании Всесоюзного объединения Совета Министров СССР по продаже сельскохозяйственной техники, запасных частей, минеральных удобрений и других материально-технических средств, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах («Союзсельхозтехника») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/ (дата обращения: 23.01.2021).

Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов-на-Дону: Ростов. гос. эконом. ун-т «РИНХ», 2009. 250 с.

Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 400 с.

Томилин В.Н. Колхозы СССР в новых экономических условиях конца 1950-х – начала 1960-х годов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 194–207.

Томилин В.Н. Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2020. Вып. 26. С. 243–259.

Томилин В.Н. Реформа 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций и ее влияние на колхозную экономику // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 93–102.

Томилин В.Н. Укрупнение колхозов Российской Федерации и их преобразование в совхозы в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Проблемы аграрной истории России: мат-лы III Всерос. науч. конф, посв. 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 г. Липецк, 2020. С. 127–134.

Томилин В.Н. Эксплуатация машин как фактор эффективности агротехнологий в СССР (1960–1970-е гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 219–232.

References

Andreenkov, S.N. (2012). Transformatsiya kolkhoznoy sistemy v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg. v Sibiri [Transformation of the Collective Farm System in the Mid-1950s – Early 1960s in Siberia]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regionalnogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* Moscow, Bryansk, pp. 501–509.

Andreenkov, S.N. (2016). *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funkcionirovanie i reformirovaniye* [The Collective Farm and State Farm System in Siberia in 1946–1964: Functioning and Reformation]. Novosibirsk, Sibprint. 256 p.

Konyshev, D.N. (2009). Likvidatsiya mashinno-traktornykh stantsiy v 1958 g. kak aspekt agrarnoy politiki gosudarstva (na primere Kirovskoy oblasti) [Liquidation of Machine and Tractor Stations in 1958 as an Aspect of the Agrarian Policy of the State (by the Example of the Kirov Region)]. In *Gosudarstvennaya vlast' i krestyanstvo v kontse XIX – nachale XXI veka: sbornik statey*. Kolomna, pp. 471–475.

Miloserdov, V.V., Miloserdov, K.V. (2002). Agrarnaya politika Rossii – XX vek. [Agrarian Policy of Russia – the 20th Century]. Moscow, VO Minselkhoza Rossii. 544 p.

Naukhatskiy, V.V., Denisov, YU.P. (2009). *Agrarnaya politika i modernizatsiya rossiyskoy derevni vtoroy poloviny XX veka: protivorechiya i tendentsii* [Agrarian Policy and Modernization of the Russian Village of the Second Half of the 20th Century: Contradictions and Trends]. Rostovna-Donu, Rostov. gos. ekonom. un-t "RINH". 250 p.

Tomilin, V.N. (2009). *Nasha krepost'*. *Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoennyy period:* 1946–1958 *gg*. [Our Fortress. Machine and Tractor Sstations of the Chernozem Center of Russia in the Post-War period: 1946–1958]. Moscow, AIRO-XXI. 400 p.

Tomilin, V.N. (2020). Ekspluatatsiya mashin kak faktor effektivnosti agro-tekhnologiy v SSSR (1960–1970-e gg.) [Operation of Machines as a Factor of Efficiency of Agricultural Technologies in the USSR (1960–1970s)]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2020: Sotsialnyy mir derevni X–XXI vv.: zemelnyye sobstvenniki / zemlevladeltsy i zemledeltsy.* Voronezh, pp. 219–232.

Tomilin, V.N. (2020). Kolkhozy SSSR v novykh ekonomicheskikh usloviyakh kontsa 1950-kh – nachala 1960-kh godov [Collective Farms of the USSR in the New Economic Conditions of the Late 1950s – Early 1960s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 1, pp. 194–207.

Tomilin, V.N. (2020). Reforma 1958 g. po reorganizatsii mashinno-traktornykh stantsyy i ee vliyanie na kolkhoznuyu ekonomiku [The 1958 Reform on the Reorganization of Machine and Tractor Stations and its Impact on the Collective Farm Economy]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki.* No. 1, pp. 93–102.

Tomilin, V.N. (2020). Reorganizatsiya kolkhozov SSSR posle reformy 1958 goda [Reorganization of collective farms of the USSR after the 1958 reform]. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. Vyp. 26. Kaliningrad, pp. 243–259.

Tomilin, V.N. (2020). Ukrupneniye kolkhozov Rossiyskoy Federatsii i ikh preobrazovanie v sovkhozy v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [Consolidation of Collective Farms of the Russian Federation and Their Transformation Into State Farms in the Late 1950s – Early 1960s]. In *Problemy agrarnoy istorii Rossii: materialy Tretiey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu professora V.M. Vazhinskogo (1930–2010): Lipetsk, 24 aprelya 2020 goda.* Lipetsk, pp. 127–134.

Zelenin, I.E. (2000). Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaystvo [N.S. Khrushchev's Agrarian Policy and Agriculture]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 76–93.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021 г.

С.Н. Андреенков*

S.N. Andreenkov*

Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-10 УДК 94(47):338.436.33«1960/1964»

Выходные данные для цитирования:

Андреенков С.Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 109—120. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf

State and Collective Farm System in the First Half of the 1960s: Development Problems and Anti-Crisis Recommendations of Scientific Economists**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-10

How to cite:

Andreenkov S.N. State and Collective Farm System in the First Half of the 1960s: Development Problems and Anti-Crisis Recommendations of Scientific Economists // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 109–120. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf

Abstract. The article analyzes a poor studied aspect of the history of agrarian transformations by N.S. Khrushchev: sent to the Central Committee of the CPSU in 1962–1963 proposals of scientific economists to withdraw agriculture from the crisis situation, as well as measures by the country's leadership to implement them. They were the notes by K.P. Obolensky, N.Ya. Itskov, M.Ya. Lemeshey, S.G. Kolesney, who summoned on the supreme power to use the economic levers for rising state and collective farms: to regulate the level of purchase prices, increase the wages of workers, observe the principle of planning "from below", stop the policy of restricting personal subsidiary farms, use scientifically based agricultural technology, accelerate the development of the agriculture material base. It was proposed to improve the situation in state farms, which great part worked unsatisfactory, on the one hand, by rationalizing the activities of enterprises, strengthening its material and technical base, and on the other, by creating a sense of responsibility for their labor results in the workers of state farms, and involvement in production management. It was suggested to rely on collective principles in the farm activities. The latter applied to a much greater extent to collective farms than to state farms. Labor in collective farm production had to be adequately paid so that it would bring the main income for villagers. Although personal subsidiary plots were to continue playing a significant role in the rural population life. At the period under review, the collective farms received tangible material assistance from the state. The persecution cessation of personal subsidiary plots became possible only after N.S. Khrushchev's resignation. Some proposal implementation to increase the level of profitability of collective farms and their workers was not

Keywords: agrarian policy; agriculture; collective farms; state farms; scientific economists; N.S. Khrushchev.

The article has been received by the editor on 19.04.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

^{*} **Андреенков Сергей Николаевич,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Andreenkov sn@mail.ru

Andreenkov Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

 $^{^{**}}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020. Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

Аннотация. В статье анализируется малоизученный аспект истории аграрных преобразования Н.С. Хрущева – направленные в ЦК КПСС в 1962–1963 гг. предложения ученыхэкономистов по выводу сельского хозяйства из кризисной ситуации, а также шаги руководства страны по их реализации. Речь идет о записках К.П. Оболенского, Н.Я. Ицкова, М.Я. Лемешева, С.Г. Колеснева, призвавших верховную власть использовать экономические рычаги подъема совхозов и колхозов: отрегулировать уровень закупочных цен, повысить оплату труда работников, соблюдать принцип планирования «снизу», прекратить политику ограничения личных подсобных хозяйств, использовать научно обоснованную агротехнику, ускорить развитие материальной базы сельского хозяйства. Улучшить ситуацию в совхозах, существенная часть которых работала неудовлетворительно, предлагалось, с одной стороны, путем рационализации деятельности предприятий, укрепления ее материально-технической базы, с другой – с помощью формирования у рабочих совхозов чувства ответственности за результаты своего труда и причастности к управлению производством. Предлагалось опереться на коллективные начала в деятельности хозяйств. Последнее существенно в большей степени относилось к колхозам, чем к совхозам. Труд в колхозном производстве следовало достойно оплачивать, чтобы он приносил селянам основной доход. При этом личные подсобные хозяйства должны были по-прежнему играть весомую роль в жизни сельского населения. В рассматриваемый период колхозы получили от государства ощутимую материальную помощь. Прекращение гонений на личные подсобные хозяйства стало возможным только после отставки Н.С. Хрущева. Реализация некоторых предложений по повышению уровня доходности колхозов и их работников не была до конца продумана.

Ключевые слова: аграрная политика; сельское хозяйство; колхозы; совхозы; ученыеэкономисты; Н.С. Хрущев.

Введение. Аграрная политика государства в период «хрущевского» десятилетия неоднократно освещалась историками¹. Однако в настоящее время в теме еще немало белых пятен. В этом плане интересны малоизученные аспекты аграрной политики верховной власти в первой половине 1960-х гг., когда в сельском хозяйстве превалировали кризисные явления.

На рубеже 1950–1960-х гг. цели аграрной политики государства и средства их степени задавались значительной доктринальными Н.С. Хрущева. В связи с реализацией программы коммунистического строительства продолжилась «совхозизация» сельского хозяйства. Организация большого количества совхозов началась еще в период сплошной коллективизации крестьянства, но этот процесс был остановлен ввиду низкой эффективности большинства вновь сформированных государственных хозяйств. «Совхозизация» возобновилась в 1954 г., при этом госхозы создавались в основном на целинных и залежных землях Казахстана и Сибири для увеличения производства зерна. В 1954–1955 гг. здесь появилось 425 совхозов². После XX съезда партии (1956 г.) совхозы массово организовывали уже на обжитых, в том числе пригородных, территориях на базе отстающих колхозов, старых госхозов и МТС. Вновь учреждаемые предприятия специализировались на производстве мяса, молока, яиц, картофеля и овощей. Наибольшее количество совхозов было организовано в 1957 г. и в 1960–1961 гг. Всего за 1953–1964 гг. в СССР совхозная сеть расширилась на 52 %, в РС Φ СР – на 45 %, в Сибири – в 2,4 раза³.

¹ Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49; Денисов Ю.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Рогалина Н.Л., Конышев Д.Н. К вопросу об оценке аграрного реформирования Н.С. Хрущева // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках. Оренбург, 2006. С. 286–292; Раков А.А. Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 4. С. 162–183; и др.

² Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк (1917–1975 гг.). М., 1976. С. 185.

³ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 43; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 585.

По образцу совхозной организации производства перестраивалась деятельность колхозов. В результате объединения уменьшалось количество хозяйств и увеличивались их размеры. Система управления производством становилась более централизованной. Начался переход к гарантированной денежной оплате труда работников. В 1958–1960 гг. в распоряжение сельхозартелей была передана техника государственных машинно-тракторных станций. По мнению Н.С. Хрущева, эти меры привели к существенному усилению колхозов.

Однако социалистический сектор сельского хозяйства работал недостаточно эффективно. В начале 1960-х гг. многие совхозы не располагали средствами, способными обеспечить быстрое развитие производства. На крупных предприятиях организовать оперативное внутрихозяйственное сообщение и управление подразделениями оказалась крайне сложно. Работники хозяйств быстро теряли связь с результатами своего труда. В колхозах его оплата была существенно ниже, чем в совхозах. Рентабельность последних оставалась невысокой. Объемы производства мясомолочной продукции в социалистическом секторе аграрной экономики были недостаточными для удовлетворения возросших потребностей граждан. Из-за неурожаев на целине (в 1963 г. засуха в юго-западной Сибири и северном Казахстане имела катастрофический характер) снизились валовые сборы и заготовки зерна. Начались его закупки за границей.

Было бы ошибкой полагать, что Н.С. Хрущев не видел этих проблем и не пытался их решить. Антикризисная работа верховной власти началась уже в 1960 г., после того как вскрылась «рязанская афера». Улучшить ситуацию в сельском хозяйстве попытались с помощью проведения административных преобразований: централизации системы закупок сельхозпродукции, подчинения хозяйств специально созданным сельскохозяйственным областным и краевым комитетам партии и территориальным управлениям, переноса в сельскую местность сельскохозяйственных вузов, распространения «чудо-культур» (кукурузы, бобовых, свеклы) и распашки под них паров и посевов трав («вторая целина»), ограничения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения. Но указанные меры нужного ученые-экономисты Н.Я. Ицков, результата давали. Поэтому М.Я. Лемешев, К.П. Оболенский, С.Г. Колеснев в развернутых аналитических записках рекомендовали применить экономические рычаги подъема сельхозпроизводства.

Рекомендации названных экспертов и шаги верховной власти по их реализации – актуальная научно-историческая тема. В историографии она освещена фрагментарно. Рассматриваемые записки экономистов, в настоящий момент хранящиеся в фонде 5 (аппарат ЦК КПСС 1949–1991 гг.) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), были кратко проанализированы И.Е. Зелениным. Но сделано это было без детальной репрезентации их положений и привязки к конкретным шагам Н.С. Хрущева по реализации предложений, сформулированных в этих записках. Проблемы, связанные с их использованием в 1962–1964 гг. как средства для преодоления текущих кризисных тенденций в сельском хозяйстве, ставятся впервые. Результаты реализации рекомендаций экспертов мы рассмотрим с привлечением материалов Сибири – крупного аграрного региона страны.

Предложения использовать материальные стимулы к труду. Важным рычагом подъема экономики колхозов эксперты считали повышение материальной заинтересованности их работников в труде на общественных полях и фермах. Главный вопрос – как обеспечить переход сельхозартелей к сравнительно более высоким совхозным нормативам оплаты труда, если производительность труда колхозников остается низкой? По мнению специалистов Всесоюзного НИИ экономики сельского хозяйства, отображенному в записке в ЦК КПСС от 2 февраля 1962 г. за подписью директора организации К.П. Оболенского, решению проблемы могло способствовать изменение порядка распределения доходов внутри хозяйства. Колхозы смогут передавать в фонд оплаты труда больше средств, если продолжить сокращение объемов подоходного налога. Предлагалось облагать им не валовый, а только чистый доход хозяйства. Экономически слабые колхозы рекомендовалось на время полностью освободить от уплаты налога. Для работников сельхозартелей следовало установить минимум денежной и натуральной оплаты труда.

Пополнить фонд зарплаты можно было также путем изменения порядка формирования общественных фондов непроизводственного назначения (социально-культурные объекты, страховые натуральные и денежные накопления, пенсия и пр.). Создавать их предлагалось по принципу социального страхования рабочих и служащих в размере 4,4 % от фонда оплаты труда. Пенсионное обеспечение должно было развиваться в колхозах путем выделения специальных средств. Но окончательно решить вопрос о пенсиях для колхозников было возможно только с помощью государства. К созданию страхового продовольственного фонда следовало подходить с учетом зональных особенностей. В районах с устойчивым благоприятным для развития сельского хозяйства климатом эти резервы колхозам накапливать не следовало, но их предлагалось формировать в засушливых районах и при этом в увеличенном размере⁴.

6 апреля 1962 г. на имя Н.С. Хрущева была направлена записка экономиста-аграрника, консультанта сельхозотдела ЦК КПСС Н.Я. Ицкова, в которой анализировались важнейшие вопросы развития сельского хозяйства. По мнению автора, повышению оплаты труда в сельхозартелях мешали: отсутствие закона, определяющего долю дохода хозяйства, расходуемую на оплату труда работников; небольшие размеры государственного аванса, из-за которых у колхозов в первой половине года возникал дефицит денежных поступлений; пестрота в оплате государством колхозной продукции (цены на ряд продуктов устанавливались без учета трудовых и материальных издержек). Ввиду недооценки затрат труда колхозников при установлении расценок на колхозную продукцию в северных, северо-западных и центрально-нечерноземных районах страны закупочные цены были необоснованно занижены, в республиках Кавказа и Средней Азии, наоборот, необоснованно завышены. Таким образом, по мнению Н.Я. Ицкова, систему цен необходимо было существенно скорректировать⁵.

Кроме того, Ицков раскритиковал политику государства по отношению к личным подсобным хозяйствам. Он заявил о том, что доля ЛПХ населения в производстве продовольственной продукции до сих пор слишком высока и что для ее снижения потребуется много времени, в частности, превосходство колхозов и совхозов в сборе яиц будет обеспечено только через несколько десятков лет. В связи с этим делался вывод: «Не торопливо ли ставится вопрос о сокращении и даже ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих?». По мнению Н.Я. Ицкова, самообеспечение населения мясом, молоком, яйцами, картофелем и овощами в сложившейся ситуации было необходимым, т.к. социалистический сектор сельского хозяйства удовлетворить все продовольственные потребности граждан пока не мог. Сокращение и ликвидация ЛПХ потребовали бы взять на госснабжение значительную часть населения. Государство к этому явно не готово и будет в силах сделать данный шаг только через 8–10 лет. Ограничение индивидуальных подворий ведет к падению материального благосостояния селян, которые до сих пор остаются самой низкооплачиваемой категорией граждан. Для них нужно издать партийно-правительственное Постановление «О размерах приусадебных участков и нормах скота, находящихся в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих, и их неприкосновен-HOCTИ 6 .

Значимые рекомендации были сформулированы в записке в ЦК КПСС от 23 апреля 1962 г. за подписью М.Я. Лемешева, который на тот момент являлся исполняющим обязанности заведующего сектором экономических проблем сельского хозяйства Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР. В документе, в частности, говорилось о том, что реальные доходы колхозников за два года семилетки выросли на 1,4 % вместо 4,9 % по плану, и что в настоящее время в расчете на одного трудоспособного они равны только 63 % от реальных доходов рабочих и служащих в среднем в народном хозяйстве. При этом 57,5 % денежных и натуральных поступлений в бюджет колхозной семьи – это средства, которые получены в результате ведения ЛПХ. Колхозы не могут сколько-

 $^{^4}$ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 1–7.

⁵ Там же. Л. 63–65.

⁶ Там же. Л. 70–71.

нибудь существенно повысить оплату труда своих работников, т.к. расходуют значительную долю дохода на материально-техническое обеспечение производства.

Цены на ряд промышленных товаров производственного назначения (некоторые виды машин, резину, запчасти) следует понизить. Но главное, необходимо совершенствовать систему заготовительных цен на сельхозпродукцию. По мнению авторов записки, необоснованно заниженными являются расценки на продукты животноводства. Чистый доход колхозов, специализирующихся на их производстве, оказывается крайне низким или отсутствует вовсе, а у растениеводческих хозяйств прибыль сравнительно высокая. Убытки первых приходится покрывать за счет доходов вторых. Из этого следует, что «повышение удельного веса животноводческой продукции в валовом объеме производства повышает удельный вес убыточной части производства. Практически это означает нарушение принципа материального стимулирования производства мяса, молока, яиц, шерсти, т.е. именно тех продуктов, «на производстве которых сосредоточиваются главные силы партии и народа»⁷.

В мае 1962 г. верховная власть утвердила ряд важных экономических мер, призванных оздоровить ситуацию в колхозном секторе аграрной экономики. В соответствии с правительственным постановлением от 17 мая 1962 г. с 1 июня этого года повышались закупочные цены на скот и птицу (+35 %), животное масло (+10 %) и сливки (+5 %). По новым ценам должен был закупаться скот в ЛПХ. Изменились и расценки на совхозную продукцию. Постановление предписало установить сдаточные цены на крупный рогатый скот, свиней, кроликов и птицу, заготавливаемые совхозами и другими государственными сельскохозяйственными предприятиями и организациями, на 10 % ниже вновь утвержденных закупочных цен⁸.

Убытки, которые несло государство в связи с реализацией рассмотренных выше мер, предполагалось компенсировать самым простым и в то же время самым непопулярным способом — за счет подъема розничных цен на мясные продукты в среднем на $30\,\%$, на животное масло — на $25\,\%^9$. При этом в целях уменьшения издержек населения были снижены розничные расценки на сахар-песок, а также на штапельные ткани и изделия из них, что, однако, оказалось слабым утешением для граждан. Подорожание указанных выше товаров в условиях их дефицита вызвало открытое возмущение горожан. Наиболее известная протестная акция — демонстрация рабочих в Новочеркасске, разогнанная милицией 2 июня $1962\,\mathrm{r}$.

Верховная власть пыталась определить социальные последствия повышения розничных цен на мясомолочную продукцию. Исследование, проведенное ЦСУ СССР по распоряжению правительства, показало, что если июне 1962 г. объемы продаж мясных продуктов в магазинной торговле составили 113 % от уровня 1961 г., то в августе — 102 %, молочных — соответственно 104 и 94 %. В семьях рабочих промышленности с июня по сентябрь 1962 г. потребление мяса сократилось на 3 %, молока — на 11 %, а рыбы, яиц, растительного масла, сахара — увеличилось. Денежный доход поднялся на 4 %, расходы на покупку продуктов питания — на 7 %. Объем средств, затраченных на приобретение непродовольственных товаров, остался неизменным. В семьях колхозников показатели доходов и расходов возросли соответственно на 11, 14 и 8 %. Члены сельхозартелей увеличили потребление мяса, сахара, растительного масла. Молока они употребили столько же, сколько в прошлом году¹⁰. Но в целом рост обеспеченности колхозных семей продовольственными продуктами

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 93–94.

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 г. «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» (Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35733#07337012446342126 (дата обращения: 23.03.2020).

 $^{^9}$ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о 31 мая 1962 г. «О некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло» // Правда. 1962. 1 июня.

¹0 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 126–127, 133–134.

замедлился. С января по сентябрь 1962 г. их суточное потребление в калориях было меньше, чем в тот же период 1958 г., на 3 %, в том числе животноводческой продукции — на 6 %¹¹.

Рост закупочных цен на скот и продукты животноводства имел позитивное значение, т.к. денежные поступления от их реализации государству в данный период составляли существенную часть всех доходов колхозов. В 1961 г. в Западной Сибири они достигали в среднем 46 %, в 1962 г. – 61, в 1963 г. – 78 %¹². Положительно на социально-экономическом развитии колхозов отразилось осуществление ряда партийно-правительственных решений, принятых в 1964 г. Благодаря им отчасти были воплощены в жизнь рассмотренные выше предложения экономистов. Особое значение в этом плане имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 марта 1964 г. «О мерах подъема экономики отстающих хозяйств»¹³, которое было принято в соответствии с решениями февральского (1964 г.) пленума ЦК КПСС, утвердившего развернутую и долгосрочную программу интенсификации сельского хозяйства.

В Постановлении от 12 марта 1964 г. отмечалось, что в стране имеется немало экономически слабых колхозов. Главной причиной их отставания назывались низкий уровень руководства, текучесть кадров, недостатки в организации и оплате труда, слабая материальнотехническая база производства. С 1 апреля 1964 г. было предложено установить трактористам отстающих колхозов ежемесячную оплату труда с доплатой до уровня совхозных тарифных ставок. На эти цели выделялся государственный кредит. В 1964 г. 67 колхозов Алтайского края получили по нему 1 млн 581 тыс. руб. Кроме того, в постановлении предусматривалось предоставление льгот по кредитам, списание задолженности за технику и оборудование, приобретенные у МТС, уменьшение подоходного налога на 75 % и другие меры, направленные на повышение материальной заинтересованности колхозников в развитии производства.

15 июля 1964 г. в соответствии с законом Верховного Совета СССР для колхозников была введена новая система пенсий и пособий. Общесоюзный колхозный пенсионный фонд должен был пополняться не только за счет отчислений от доходов хозяйств, но и путем ежегодных ассигнований из госбюджета¹⁵. Таким образом, впервые в истории советской деревни устанавливалась гарантированная государством система социального обеспечения колхозников. Положения закона конкретизировало и дополняло правительственное Постановление от 20 июля 1964 г. «О государственном пенсионном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов» ¹⁶.

В 1964 г. денежные доходы колхозов поднялись. В Западной Сибири в этом году они были больше, чем в 1963 г., на 57,4 %, в Восточной – на 5,6 % (в СССР – на 12,8, в РСФСР – на 14,4 %). В Западной Сибири более быстрыми темпами росла оплата труда работников сельхозартелей: объемы выдачи им денег и продуктов за год увеличились на 39,6 %, плата за один день работы – на 41,9 %. В Восточной Сибири эти показатели стали выше только на 9,7 и 8,5 % соответственно. При этом в западносибирских регионах на 1,6 % уменьшилось количество колхозников, трудившихся в общественном хозяйстве. В Восточной Сибири оно выросло на 1,2 %. В 1964 г. в Сибири в целом каждый работник сельхозартели выдал на 0,4 % меньше человеко-часов, чем в 1963 г. В СССР и РСФСР этот показатель поднялся на 0,4 и 0,8 % соответственно¹⁷.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 137–138.

¹² *Могильницкая К.И.* Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 229.

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1968). М., 1968. Т. 5. С. 451–458.

¹⁴ *Казанцев А.В.* Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 213.

¹⁵ Закон «О пенсиях и пособиях членам колхозов» // Решения партии и правительства... С. 472–478.

¹⁶ Решения партии и правительства... С. 484.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 366. Л. 131, 134–136,

Верховное руководство было недовольно ситуацией в совхозах. В 1963 г. Центр обрушился на государственные хозяйства с критикой за низкие результаты работы. 22 мая бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли Постановление, в котором указывалось, что в 1962 г. совхозы республики не выполнили планы производства и сдачи государству зерна, картофеля, овощей, мяса, шерсти и другой сельхозпродукции, а также по росту производительности труда и снижению себестоимости¹⁸.

13 апреля 1963 г. ЦСУ СССР подготовило статистическую справку «О работе совхозов в 1962 г.» за подписью главы управления В.Н. Старовского с информацией о финансово-экономической деятельности госхозов. Ее показатели оказались неприемлемо низкими. ВНИИ экономики сельского хозяйства было поручено выяснить причины неудовлетворительной работы совхозов и предложить антикризисные меры.

Результатом деятельности ученых стала объемная записка «Итоги развития совхозов за 1953–1962 гг.» от 28 июня 1963 г. за подписью директора института К.П. Оболенского. Согласно документу, причинами низкой рентабельности совхозов являлись: неотрегулированность системы сдаточных цен, слабая специализация и концентрация производства, структурирование посевных площадей и поголовья скота без учета местных условий, чрезмерная пестрота в размерах хозяйства и его подразделений, недостатки в системе внутрихозяйственного планирования и бухгалтерского учета, невнимание к хозяйственному расчету, громоздкость административно-управленческого аппарата, дефицит квалифицированных кадров, несовершенство системы оплаты труда. Недостатки последней состояли в том, что она заинтересовывала руководителей, специалистов и всех работников совхозов в занижении плановых показателей выхода продукции и в завышении плановых затрат труда и материально-технических средств на ее получение²¹.

По мнению авторов документа, решение перечисленных вопросов могло поспособствовать повышению рентабельности совхозов. По каждой из проблем были даны соответствующие обоснованные рекомендации. Систему оплаты труда работников государственных сельхозпредприятий предлагалось усовершенствовать путем включения в нее постоянных нормативов затрат и выхода продукции, базирующихся на средних фактических показателях хозяйства за последние 3 года. Кроме того, в отделениях при исчислении должностного оклада работников предлагалось учитывать стоимость произведенных и потребленных кормов, а при определении суммы премии для управляющих, специалистов и бухгалтеров – результаты работы их отделения, а не хозяйства в целом²².

26 сентября 1963 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР поставили перед органами управления сельским хозяйством республики задачу разработать предложения по совершенствованию системы оплаты труда и усилению материальной заинтересованности работников совхозов в конечных результатах труда. 14 января 1964 г. была подготовлена записка за подписью главы сельхозотдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР В.П. Мыларщикова и ряда других функционеров, а также проект совместного постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем совершенствовании оплаты труда работников совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства» В этих документах предлагалось ввести для работников совхозов дополнительную плату за: превышение достигнутого в предшествующие 3—5 лет среднего уровня производства, получение хозяйством сверхплановой прибыли, увеличение качественных показателей в животноводстве, эффективное применение минеральных удобрений и ядохимикатов, экономию горючего и смазочных материалов при условии выполнения всех агротехниче-

 $^{^{18}}$ Постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 22 мая 1963 г. «Об итогах производственно-финансовой деятельности совхозов Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РСФСР за 1962 г. и мерах по улучшению их работы» // ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 1. Д. 424. Л. 1–4.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. Л. 2–13.

²⁰ Там же. Л. 20–49.

²¹ Там же. Л. 27–41.

²² Там же. Л. 48.

²³ Там же. Оп. 46. Д. 441. Л. 28–33.

ских мероприятий. Правительства союзных республик были обязаны устранить недостатки в планировании сельхозпроизводства и обеспечить доведение плановых заданий до хозяйств на следующий год не позднее четвертого квартала текущего года.

Н.С. Хрущеву пришлось признать, что предоставленное сельхозпредприятиям право самостоятельно определять базовые параметры хозяйственной деятельности грубо попирается местными властями и что его несоблюдение является одной из причин кризисного развития аграрной экономики. В соответствии с решениями февральского (1964 г.) пленума ЦК КПСС 20 марта 1964 г. вышло в свет партийно-правительственное постановление, которое потребовало «осудить как вредную, тормозящую развитие сельского хозяйства практику шаблонного планирования, бесцеремонного навязывания сверху колхозам и совхозам заданий по размерам посевных площадей, их структуре, поголовью скота и другим производственным показателям». При разработке планов развития аграрного производства местные власти были обязаны руководствоваться постановлением партии и правительства от 9 марта 1955 г.²⁴

В 1964 г. развернулась работа по составлению списков нерентабельных хозяйств. Убыточными признали 1/5 всех совхозов. В РСФСР в их число попали 22 % госхозов, в Западной Сибири – почти 19, в Восточной – 21 %. Среди сибирских регионов максимальный удельный вес убыточных совхозов был зафиксирован в Томской области (81%), минимальный – в Алтайском крае $(12\%)^{25}$.

Рекомендации по развитию средств сельскохозяйственного производства. Важнейшим фактором роста рентабельности совхозов и колхозов называлось дальнейшее развитие средств сельскохозяйственного производства. Ученые призывали верховную власть обратить внимание на экологические аспекты земледелия и рациональное использование земельных ресурсов. В записке Н.Я. Ицкова говорилось о расточительном использовании фонда сельхозугодий: «В то время, когда партия и государство сосредоточили свое внимание на распашке целинных и залежных земель в одной части СССР, в другой части СССР шло недопустимое разбазаривание пахотоспособных земель. Процесс сброса земель и перевод части из них в лес, кустарник, болота и т.д. достиг за 9 лет в ряде районов очень больших и опасных размеров»²⁶. Речь шла о территориях по линии Казань-Воронеж-Орел-Гомель. Автор рекомендовал установить для колхозов и совхозов план по вовлечению в сельхозоборот малопродуктивных угодий, обязать их вести земельную шнуровую книгу, а также призвал региональные власти вернуться к составлению и утверждению земельных балансов. Н.Я. Ицков выступил против «безудержного» расширения посевов однолетних кормовых культур, включая однолетние травы, за счет сокращения площадей под зерновыми. В целом не являясь сторонником травополья, ученый, тем не менее, поддержал идею увеличить на малопродуктивных землях, выгонах и пастбищах в целях их окультуривания и освоения объемы выращивания ценных видов многолетних трав, главным образом клевера, люцерны, эспарцета, житняка и других.

Однако главным рычагом повышения продуктивности совхозно-колхозной пашни считалось использование средств агрохимии. В записке М.Я. Лемешева сообщалось о том, что в СССР на 1 га пашни приходилось по 3,6 кг азотных, 3,6 кг калийных и 5 кг фосфатных удобрений, тогда как в США – 12,4, 10, 14,8 кг, в ФРГ – 66,1, 115,4, 72,8 кг соответственно. За три года семилетки план ввода в эксплуатацию мощностей по выпуску удобрений был выполнен только на 44 %. Похожая ситуация сложилась и в производстве гербицидов. М.Я. Лемешев подчеркнул, что «переход от травопольной системы земледелия к пропашной с широким возделыванием интенсивных культур особо настоятельно требует более полного удовлетворения потребностей сельского хозяйства в технике, минеральных удобрениях, химических средствах борьбы с сорняками и вредителями сельского хозяйства»²⁷.

 $^{^{24}}$ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1964 г. «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1964. № 4. Ст. 29.

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 490. Л. 11–13.

²⁶ Там же. Оп. 45. Д. 310. Л. 59.

²⁷ Там же. Л. 88–89, 91.

В целом, согласно записке М.Я. Лемешева, обеспеченность сельского хозяйства СССР материально-техническими средствами и энергией была ниже показателей промышленности. В 1960 г. в аграрном секторе советской экономики стоимость основных фондов производственного назначения в расчете на одного работника оказалась меньше, чем в индустриальном, в 2,8 раза, энерговооруженность труда – в 2,4, электровооруженность – в 56 раз. Поэтому невысоким оставался уровень механизации ряда важнейших производственных процессов. Комплексная механизация животноводства была невозможна без внедрения на фермы электропривода. В полеводстве его использование позволяло облегчить трудоемкие работы на токах и в сушильном хозяйстве, а также способствовало развитию поливного земледелия. Но деревня была по-прежнему крайне слабо электрифицирована, хотя электричество было подведено уже к 96 % совхозов и 61 % колхозов. Сельское хозяйство потребляло только 3 % всей вырабатываемой электроэнергии (промышленность – 65 %). Большая ее часть использовалась хозяйствами для освещения. Тысячи сельхозпредприятий получали электричество от маломощных сельских электростанций. Себестоимость производства этого электротока оставалась высокой²⁶.

Недостаточная вооруженность сельского хозяйства СССР средствами производства констатировалась в записке К.П. Оболенского. Отмечалось, в частности, что в 1958 г. в совхозах на каждого работника приходилось основных фондов на 2 840 руб., на один гектар пашни их было на сумму 212 руб.; в США в сопоставимых ценах (по курсу: 1 доллар равен 1 руб.) стоимость основных средств составила соответственно 10 тыс. и 400 долларов Развитие отечественного аграрного производства сдерживали также использование малопродуктивных кормов и устаревших технологий ухода за скотом, запущенность семенного хозяйства, а также ограниченное применение средств агрохимии²⁹.

Выводы экспертов были учтены при подготовке решений февральского пленума ЦК КПСС 1964 г., на котором было объявлено о том, что генеральным направлением развития сельского хозяйства является его интенсификация. Она предусматривала в качестве основных инструментов подъема отрасли химизацию земледелия и животноводства, развитие мелиорации, а также внедрение комплексной механизации в сочетании с электрификацией производства³⁰.

В 1963–1964 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд решений, закреплявших и оформлявших переход к интенсивным способам хозяйствования. В 1963 г. вышли в свет постановления: «Об увеличении производства яиц и мяса птицы в пригородных зонах крупных городов и промышленных центров» (от 8 января), «О мерах по ускорению электрификации сельского хозяйства» (от 18 января), «Об улучшении обводнения и освоения пастбищ в пустынных, полупустынных и высокогорных районах» (от 23 сентября), «Об улучшении работы Всесоюзного объединения "Союзсельхозтехника" в области внедрения новой техники в сельхозпроизводство» (от 26 сентября)³¹. В 1964 г. после февральского пленума ЦК партии были опубликованы следующие постановления: «О расширении деятельности Всесоюзного объединения "Союзсельхозтехника" в области химизации сельского хозяйства» (от 9 апреля), «О мерах по улучшению изобретательства и рационализации в сельском хозяйстве» (от 30 июня) и «Об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе» (от 3 сентября)³².

Проекты развития совхозов и колхозов после отставки Н.С. Хрущева. 30 октября 1964 г., уже после отставки Н.С. Хрущева, в ЦК КПСС поступили две объемные записки «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства СССР»³³ и «О некоторых вопросах, связанных с проведением экономической политики в области сельского хозяйства»³⁴,

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 84, 86–87.

²⁹ Там же. Д. 313. Л. 30, 34–38.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 399–405.

³¹ Решения партии и правительства... С. 261–267, 281–286, 395–407.

³² Там же. С. 458–460, 468–472, 485–496.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 366. Л. 39–50.

³⁴ Там же. Л. 16–36.

предлагавшие варианты долгосрочной аграрно-экономической стратегии государства. Документы были подписаны соответственно академиком ВАСХНИЛа С.Г. Колесневым и директором ВНИИ экономики сельского хозяйства К.П. Оболенским.

Общим местом в их записках были тезисы о том, что необходимо применять только экономические рычаги воздействия на хозяйства и отходить от административно-бюрократического диктата, субъективизма и волюнтаризма в управлении. Отношения между государством и отраслями народного хозяйства должны основываться на принципах эквивалентного обмена. В связи с этим целесообразно соответствующим образом отрегулировать систему цен на продукцию промышленности, потребляемую сельским хозяйством, и продукцию, производящуюся колхозами и совхозами. Крайне важно использовать в качестве рычага для подъема аграрной экономики принцип материальной заинтересованности. Для этого необходимо повышать уровень оплаты труда селян, в первую очередь колхозников. Ситуация, при которой заработок работника сельхозартели составляет 67 % от заработка труженика совхоза, а их зарплата равняется соответственно 35 и 65 % от зарплаты промышленного рабочего, признавалась неприемлемой. Ученые призывали отказаться в связи с этим от гонений на ЛПХ. Подчеркивалась важность увеличения капиталовложений в сельское хозяйство, развития его материально-технической основы, рационального использования земельного фонда, пополнения кадровой базы колхозов и совхозов талантливыми организаторами производства. Предлагалось оказать экономическую помощь хозяйствам европейской части страны, не забывая при этом про восточные, в том числе целинные районы.

В то же время анализируемые записки отличались друг от друга по ракурсам рассмотрения и предлагавшимся способам решения проблем. С.Г. Колеснев подчеркивал значимость нэповских методов управления сельским хозяйством, адаптированных к текущей реальности. В частности, введенный в 1921 г. продналог являлся для него прообразом вновь установленного твердого пятилетнего планирования производства. Этот посыл дополнялся аргументами в защиту идеи расширения ЛПХ (разумеется, не в ущерб общественному сектору аграрной экономики). По мнению ученого, развитие личного хозяйства позволит селянам получать дополнительный заработок, с пользой для дела проводить свободное время, а также в районах с высокой плотностью населения (в основном западные окраины СССР) трудоустраивать селян, не задействованных в совхозно-колхозном производстве. Предусматривалось также продолжить переселение сельских жителей из трудоизбыточных в трудодефицитные регионы, т.е. из западноевропейской части страны в Сибирь и на Дальний Восток. С.Г. Колеснев выступал за создание в деревнях или близ них пищевых предприятий, на которых могли бы работать селяне, а также за развитие агропромышленной интеграции.

Записка С.Г. Колеснева была направлена в ЦК КПСС почти в тот момент, когда этот орган распорядился прекратить гонения на ЛПХ. Речь идет о Постановлении ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»³⁵. В нем ЦК компартий и правительствам союзных республик было дано поручение рассмотреть и решить указанный вопрос и при этом «не ослаблять борьбы с тунеядством». Министерству финансов и Госбанку СССР предписывалось в месячный срок внести в Совет Министров СССР предложения о порядке предоставления колхозникам, рабочим и служащим кредита на приобретение коров и телок.

В записке К.П. Оболенского заметное место занимала проблема реализации коллективных основ колхозного хозяйства и соответствующего обновления устава сельхозартели. Новый устав следовало принять в 1965 г. Развитие совхозов должно было пойти по пути более активного вовлечения в управление производством рабочих. Рекомендовалось шире использовать зарубежный опыт организации работы предприятий, поднять авторитет отечественной экономической науки, в том числе академической, вернуть прежний функционал и

³⁵ Решения партии и правительства... С 517.

полномочия Министерству сельского хозяйства СССР, применять в управлении отраслью автоматизированные информационно-вычислительные системы.

Заключение. В начале 1960-х гг. Н.С. Хрущев для преодоления очевидных кризисных явлений в аграрном секторе народного хозяйства прибегал, главным образом, к мерам административного порядка, но вынужден был учитывать и рекомендации ученых-экономистов, выступавших за либерализацию совхозно-колхозной системы и ускоренное развитие производительных сил сельского хозяйства.

Настоящей «головной болью» верховной власти стала низкая рентабельность существенно расширившегося совхозного сектора сельского хозяйства. Ученые-экономисты предлагали, с одной стороны, рационализировать деятельность предприятий, укрепить их материально-техническую базу, с другой – сформировать у рабочих совхозов чувство ответственности за результаты своего труда и причастности к управлению производством. Предлагалось опереться на коллективные начала в деятельности хозяйств. Последнее значительно в большей степени относилось к колхозам, чем к совхозам. Труд на колхозных полях и фермах должен был достойно оплачиваться (не хуже, чем на государственных сельхозпредприятиях) и приносить колхозникам основной доход. При этом признавалась важность ведения личных хозяйств. В рассматриваемый период колхозы получили от государства ощутимую материальную помощь. Прекращение гонений на ЛПХ стало возможным только после отставки Н.С. Хрущева.

Реализация некоторых предложений по повышению уровня доходности колхозов и их работников не была до конца продумана. Повышение заготовительных цен на скот, птицу, животное масло и сливки при одновременном понижении розничных расценок на мясомолочные продукты вызвало недовольство городского населения. Но колхозам и колхозникам эти шаги принесли пользу.

Предложения Н.Я. Ицкова, М.Я. Лемешева, К.П. Оболенского, С.Г. Колеснева предвосхитили решения мартовского пленума ЦК КПСС 1964 г., которые принято считать программным основанием брежневской аграрной политики. Очевидно, что экономическая стратегия в сельском хозяйстве второй половины 1960-х – 1980-х гг. базировалась на рекомендациях, которые были сформулированы и стали реализовываться в позднехрущевский период.

Литература

Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк (1917–1975 гг.). М.: Политиздат, 1976. 279 с.

Денисов Ю.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 305 с.

Казанцев А.В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 204–216.

Могильницкая К.И. Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 217–234.

Раков А.А. Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 4. С. 162–183.

Рогалина Н.Л., Конышев Д.Н. К вопросу об оценке аграрного реформирования Н.С. Хрущева // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках: сб. статей. Оренбург, 2006. С. 286–292.

Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.

References

Bogdenko, M.L., Zelenin, I.E. (1976). *Sovkhozy SSSR: kratkiy istoricheskiy ocherk* (1917–1975) [State Farms of the USSR: a Brief Historical Essay]. Moscow, Politizdat. 279 p.

Denisov, Yu.P. (1996). Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva: itogi i uroki [N. S. Khrushchev's Agrarian Policy: Results and Lessons Learned]. In *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 115–122.

Kazantsev, A.V. (1977). *Reorganizatsiya MTS i formirovaniye mekhanizatorskikh kadrov v kolkhozakh Altaya (1958–1965 gg.)* [Reorganization of the MTS and Formation of Personnel of Agricultural Machinery Operators in the Altai Collective Farms (1958–1965)]. In *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, pp. 204–216.

Mogil'nitskaya, K.I. (1977). *Ekonomicheskoye stimulirovaniye kolkhoznogo proizvodstva Zapadnoy Sibiri cherez zagotovitel'nye tseny (1958–1965 gg.)* [Economic Stimulation of Collective Farm Production in Western Siberia Through Purchase Prices (1958–1965)]. In *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, pp. 217–234.

Rakov, A.A. (2020). Prioritety sovetskoy agrarnoy politiki v 1953–1964 gg. i popytki preodoleniya "stalinskikh perekosov" v sel'skom khozyaystve [Priorities of the Soviet Agrarian Policy in 1953–1964 and Attempts to Overcome Stalin's Disbalance in Agriculture]. In *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 4, vol. 48, pp. 162–183.

Rogalina, N.L., Konyshev, D.N. (2006). *K voprosu ob otsenke agrarnogo reformirovaniya N.S. Khrushcheva* [On the Estimation of N.S. Khrushchev's Agrarian reform]. In *Agrarnoye* razvitiye *i prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v XVIII – XX vekakh*. Orenburg, pp. 286–292.

Rusinov, I.V. (1988). *Agrarnaya politika KPSS v 50-e – pervoy polovine 60-kh godov: opyt i uroki* [Agrarian Policy of the CPSU in the 50s – the First Half of the 60s: Experience and Lessons]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 9, pp. 35–49.

Zelenin, I.E. (2001). *Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaystvo* [N.S. Khrushchev's Agrarian Policy and Agriculture]. Moscow, IRI RAN. 305 p.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021 г.

 Γ .Е. Корнилов *

G.E. Kornilov*

Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-11 УДК 994:314.1(470.5)«1923/1934»

Выходные данные для цитирования:

Корнилов Г.Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 121–132. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-11.pdf

Transformation of Demographic Structures Into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-11

How to cite:

Kornilov G.E. Transformation of Demographic Structures Into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 121–132. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-11.pdf

Abstract. The analysis of changes in the demographic situation and, accordingly, the demographic structures of the urban population is carried out within the framework of the Ural region, which existed in 1923-1934. This created area with its center Yekaterinburg/Sverdlovsk as was experimental, during which the search for the optimal combination of industrial and agricultural production was carried out. The administrative boundaries of the territory did not change, which allowed for calculations not to resort to recalculations. The region by the end of its existence had turned into one of the most industrially developed regions of the country, another thing was that at the beginning of 1934, when it was disbanded, statistics did not summarize the demographic state for 1933, only the materials of recounts for the newly formed regions (Sverdlovsk, Chelyabinsk and Ob-Irtysh) were deposited in the archives. The main factor in the transformation of demographic development was the policy of industrialization and collectivization. They gave a powerful boost to the growth of cities and the urban population of the region. The main source of their replenishment was voluntary and forced migration, which led to the fact that most of the citizens were in a post-migration state. The article is based on relatively little-studied sources, such as the urban population census conducted in April 1931, the tax records of 1931, 1932, the trade union census of 1932-1933, the current population census, and the published materials of the population censuses of 1920, 1923, and 1926. The article analyzes the dynamics of the urban population of the Ural region, identifies the stages of its growth, the main factors. The phenomenal growth of citizens has dramatically transformed its demographic structures: it has changed the gender and age composition, family structure, and employment structure of the population. The article notes that in the 1920s there was a demographic transition, but the demographic situation was not stable. Food difficulties and the outbreak of famine in the early 1930s affected demographic development, it coincided with the demographic cycle that began after the disaster of the early 1920s, these two factors were evidence of the demographic crisis and determined the subsequent development of the population.

Keywords: urban population; population censuses; gender, age and family structures; Ural region.

^{*} **Корнилов Геннадий Егорович,** доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: genakorn@mail.ru

Kornilov Gennady Egorovich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: genakorn@mail.ru

^{**} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX – начале XXI вв.: региональный аспект».

The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-09-00032 "Transformation of Demographic Structures of Russian Society in the Late XIX – Early XXI Centuries: a Regional Aspect".

The article has been received by the editor on 19.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Анализ изменений демографической ситуации и демографических структур городского населения проводится в рамках Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг. Эта область (с центром в Екатеринбурге/Свердловске) была создана с целью поиска оптимального сочетания промышленного и сельскохозяйственного производства. Административные границы территории не менялись, что позволило не прибегать к пересчетам данных. К концу своего существования область превратилась в один из промышленно развитых районов страны. В то же время в начале 1934 г., когда она была расформирована, статистики не подвели итоги демографического состояния за 1933 г. В архивах отложились только материалы пересчетов по вновь образованным областям (Свердловской, Челябинской и Обь-Иртышской). Основным фактором трансформации демографического развития была проводимая политика индустриализации и коллективизации. Они дали мощный толчок для роста городов и численности населения края. Основным источником их пополнения стала добровольная и принудительная миграция, которая привела к тому, что большая часть горожан оказалась в постмиграционном состоянии. Статья подготовлена на основе относительно малоизученных источников, таких как перепись городского населения 1931 г., материалы налогового учета 1931, 1932 гг., профсоюзной переписи 1932, 1933 гг., текущего учета населения и опубликованных данных переписей населения 1920, 1923, 1926 гг. Проанализирована динамика численности городского населения Уральской области, выявлены этапы его роста. Феноменальный скачок численности горожан резко трансформировал его демографические структуры: изменил половой, возрастной и семейный состав, занятость населения. В 1920-е гг. наметился демографический переход, но демографическая ситуация была нестабильной. Продовольственные трудности и разразившийся голод в начале 1930-х гг. повлияли на демографическое развитие. Этот период совпал с демографическим циклом, начавшимся после катастрофы начала 1920-х гг. Эти два фактора стали причинами демографического кризиса и определили последующее развитие населения.

Ключевые слова: городское население; переписи населения; половая, возрастная и семейная структуры; Уральская область.

В 1920-е гг. в стране проводились реформы во всех государственных сферах. В 1923 г. началось экономическое районирование, которое было положено в основу административно-территориальной реформы. В качестве экспериментальных экономических регионов созданы Уральская область и Северо-Кавказский край. 12 декабря 1923 г. декретом ВЦИК были определены границы и административное деление Уральской области с центром в Екатеринбурге (с 1924 г. – Свердловск), она существовала до 17 января 1934 г. Опыт районирования показал, что Уральская область оформилась, как единое хозяйственное целое. Она обеспечивала необходимую увязку промышленности с сельским хозяйством. Административно-территориальная реформа проходила последовательно и в сочетании с другими реформами, в первую очередь с нэпом, управлением хозяйством региона.

Огромная по территории Уральская область становилась жизненно важным центром российской горнодобывающей и металлургической промышленности². Это был уникальный экономический эксперимент, ничего подобного никогда ранее в региональной истории не предпринималось. Бурное индустриальное развитие Урала в конце 1920–1930-е гг. потребовало привлечения огромного количества рабочих рук, формирования нового облика городов региона. Индустриализация вызвала в свою очередь бурный процесс урбанизации. Городское население, его состав и образ жизни составляли основу урбанизационных транс-

¹ Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 68–80.

² Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург, 1923. С. 4.

формаций, а также являлись показателем глубины происходивших изменений. В связи с этим трудно согласиться с мнением авторитетного исследователя В.А. Исупова о том, что ускоренная индустриализация стала базой для принципиально нового явления в истории сибирской урбанизации — так называемой «квазиурбанизации»³. Мы полагаем, что это был процесс градообразования, характерный для первого этапа индустриализации, проводившейся в ускоренном варианте, когда решение социокультурных проблем стояло не на первом месте.

Первые работы с анализом демографической ситуации на Урале появились после проведения переписи 1920 г. (их целью была оценка потерь населения в регионе после Гражданской войны), а затем городской переписи 1923 г. Существенное развитие исследований статистики населения произошло после всесоюзной переписи 1926 г.⁴ Молодому Советскому государству необходим был учет трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. На Урале в эти годы работала группа статистиков – В.С. Немчинов (заведующий Уральским областным статуправлением), П.Ф. Неволин, Ф.Н. Лебедев, которые публиковали сборники статистических материалов, проводили анализ демографической ситуации⁵. Ряд их наблюдений сохраняет актуальность и в настоящее время. После долгого перерыва историкодемографические исследования на Урале появляются только в 1990-е гг.⁶ Интенсивное изучение городского населения продолжилось в XXI в.⁷ Наибольших результатов в изучении темы добилась В.А. Журавлева. Она провела комплексное историко-демографическое исследование городского населения Урала в 1920–1930-е гг. и определила региональную специфику. Ей удалось выявить некоторые количественные параметры численности, структуры воспроизводства и миграции населения. Она пришла к выводу, что городское население региона в этот период находилось на этапе демографического перехода, и выделила его специфику – смешение двух его фаз (снижение рождаемости опережало сокращение смертности), прерывание естественного хода демографической транзиции 8 .

Есть сведения о демографической сфере Урала и в немногочисленной зарубежной литературе. С. Коткин, Л. Самуэльсон описывали строящиеся предприятия в Магнитогорске и Челябинске, давая характеристику населения через призму повседневной жизни. Дж. Р. Харрис утверждал, что создание Большого Урала было вызвано его огромным экономическим потенциалом и ростом влияния местной партийно-советской элиты⁹.

На основе анализа исторических источников ставится задача выявить влияние демографических и недемографических факторов на формирование городского населения Уральской области в условиях меняющихся политических условий и социально-экономических отношений. Границы области не менялись, что позволяет не проводить дополнительные расчеты при изучении демографической динамики. В основе статьи относительно малоизученные источники: переписи населения 1920, 1923, 1926 и 1931 гг. Они дают богатый материал для реконструкции демографических процессов в регионе. Сведения о распределении городского населения по полу, возрасту, семейному составу, соотношении самодеятельного и несамодеятельного населения дополнены материалами налогового учета,

³ Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

⁴ *Исупов В.А.* Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. №. 4. С. 3–8.

⁵ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. Екатеринбург, 1923; *Лебедев* Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 140–145.

⁶ Население Урала, XX в.: История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

⁷ Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3. С. 96–100.; *Чащин А.В.* Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5. С. 116–121.

⁸ *Журавлева В.А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2012; *Журавлева В.А.* Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2014; и др.

⁹ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999; Самуэльсон Л. Танкоград: Секреты русского тыла. 1917–1953. М., 2010.

профсоюзной переписи, текущего учета жителей. Полученные данные позволяют проанализировать изменения демографических структур городского сообщества на Урале. Материалы переписи 1931 г. частично публиковались, некоторые из них сохранились в местных государственных архивах Свердловска, Магнитогорска¹⁰.

В Уральской области по переписям 1920, 1923, 1926 и 1931 гг. численность городских населенных пунктов менялась из-за смены определения и критериев: 1920 г. – 183, 1923 г. – 183, в 1926 г. – 160, в 1931 г. – 146. С середины 1920-х гг., несмотря на сокращение количества городских поселений, в регионе шли процессы восстановления и роста численности горожан: в 1920 г. – 1 187 тыс. чел., в 1923 г. – 1 049 тыс., в 1926 г. – 1 337 тыс., в 1930 г. – 2 022,5 тыс., в 1933 г. – 3 167,2 тыс. чел. (табл. 1). С 1926 до 1931 г. прирост числа жителей в городах с населением свыше 20 тыс. чел. составил 415,2 тыс. чел, с населением от 5 до 20 тыс. – 173,4 тыс., в мелких городах с населением ниже 5 тыс. – 14,2 тыс. чел., городановостройки дали 104,6 тыс. чел.

Таблица 1 Группировка городов Уральской области по численности населения в 1920–1933 гг., тыс чел.

Год		Менее 5	5–10	10–20	20–50	50–100	100 и более	Итого
	Число городов	70	34	19	9	3	_	135
1920	в них населения	160,7	252,9	263,1	291,1	219,2	_	1 187
	в %	13,5	21,3	22,2	24,5	18,5	_	100
	Число городов	75	35	15	7	3	П	135
1923	в них населения	178,7	248,7	202,4	198,3	221,2	_	1 049,3
	в %	17,0	23,7	19,3	17,9	21,1	ı	100
	Число городов	70	36	20	9	3	1	139
1926	в них населения	177,1	254,4	291,7	283,6	194,1	136,5	1 337,4
	в %	13,3	19,0	21,8	21,2	14,5	10,2	100
	Число городов	59	39	24	15	6	3	146
1931	в них населения	167,2	284,7	322,0	426,5	360,4	456,5	2 017,5
	в %	8,3	14,1	16,1	21,1	17,8	22,6	100
	Число городов	_	_	102	27	7	5	141
1933	в них населения	-	_	702,5	808,7	487,5	1 168,5	3 167,2
	в %	_	_	22,2	25,5	15,4	36,9	100

Составлено по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С 28–33; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 г. С. 49–50, 52; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. Свердловск, 1928. С. 4, 28–33; Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 304–305; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 195–198.

С 1927 г. начинается период индустриализации Урала, для которого характерен ускоренный социально-экономический переход от традиционного этапа развития к индустриаль-

 $^{^{10}}$ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1812. Оп. 2. Д. 33; 170; Магнитогорский городской архив (МГА). Ф. 99. Оп. 4. Д. 40; Ф. 16. Оп. 1. Д. 7.

ному с преобладанием промышленного производства в экономике. Строительство и пуск промышленных объектов в городских поселениях обусловили бурный рост численности их жителей. Необходимо отметить, что учет 1931 г. регистрировал только постоянное население городов и временно отсутствовавшее (менее месяца), т.е. не учитывал временно проживающих, красноармейцев. В то время как переписи 1920, 1923, 1926 гг. учитывали наличное население, оказавшееся в момент переписи в данном населенном пункте. В быстрорастущих городах обычно наличное население многочисленнее постоянного. Превышение наличного населения над постоянным в переписи 1926 г. для всего городского населения Уральской области составляло, по нашим расчетам, примерно 3 %11.

Данные табл. 1 позволяют выделить региональные особенности формирования городов по людности. В 1920 г. в крупных городах (с населением более 50 тыс. чел.) проживало около 18,5 % населения всей области, в 1926 г. – 24,7, в 1931 г. в них было сосредоточено более 40,5 %. В малых городах с населением менее 15 тыс. чел. в 1920 г. проживало 38 % населения, в 1931 г. – 22 %. В городах с населением в 10–50 тыс. чел. в 1920 г. было 50 %, в 1931 г. – 37 %. В 1920-е гг. шел процесс концентрации населения в наиболее крупных городах с населением более 50 тыс. чел. В начале 1930-х гг. он привел к тому, что в них проживала половина горожан области (на начало 1933 г. – 47,8 %). Процесс формирования городского населения в рамках Уральской области прошел два этапа: 1920–1926 гг. и 1927–1934 гг.

Изменился и состав населения Уральской области. Удельный вес городского населения в общей массе населения поднялся с 16.8% в 1920 г. до 19.7% в 1926 г., 27.0% в 1931 г. и до 36.9% в 1932 г. Уровень урбанизации Урала был существенно выше, чем в РСФСР, где он составил в конце первой пятилетки 25.1%. Доля горожан на Урале достигла 10.3% от городского населения РСФСР.

Вместе с ростом населения Урала подверглись изменениям и его демографические структуры. Наиболее интенсивно они происходили в среде городского населения. В первую очередь существенно деформировалась половая структура. Значительный перевес женской части населения был зафиксирован в начале 1920-х гг., когда войны, голод выбили мужскую часть населения и довели преобладание женщин в 1920 г. до 1 148 на тысячу мужчин. Постепенно началось выравнивание полов. Мужское население росло быстрее женского. В 1920 г. на 1 000 мужчин в городах приходилось 1 188 женщин, в 1923 г. – 1 152, в 1926 г. – 1 135, в 1931 г. – 1 027, к началу 1932 г. – 1 000. 16 апреля 1931 г. Уральское областное управление народно-хозяйственного учета осуществило свою разработку учета населения, выделив четыре группы городов: 1) Свердловск, 2) новостройки, 3) индустриальные центры, 4) неиндустриальные центры. Эти данные зафиксировали сложившиеся структуры населения в указанных группах городов. Так, на 1 000 мужчин в городах-новостройках приходилось 670 женщин, в Свердловске – 983, в индустриальных центрах – 1 029, в не индустриальных – 1 143. В областном центре и на новостройках соотношение полов оказалось зеркально противоположным по отношению к началу 1920-х гг., здесь количество мужчин существенно преобладало, что было обусловлено спецификой промышленного строительства и миграции¹³.

Возрастная структура мужского и женского полов также существенно варьировалась по выделенным группам городских поселений (табл. 2).

С одной стороны, половозрастная структура населения позволяет оценить трудовой потенциал территории, с другой — она оказывает непосредственное влияние на процесс воспроизводства. Данные табл. 2 показывают, что разброс значений доли лиц, как в молодых, так и в пожилых группах оказался огромным. Удельный вес городского населения

¹¹ Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год. Свердловск, 1929. С. 4, 28–33.

¹² Народное хозяйство СССР: стат. справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. 401–402, XXII–XXIII; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 год. Свердловск, 1930. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 281; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

¹³ Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 7.

в трудоспособном возрасте оказался достаточно высоким в начале 1930-х гг. Однако существенно выше он фиксировался в Свердловске и в городах-новостройках (68,7 и 72,7 %), чем в индустриальных и не индустриальных центрах (62,3 и 57,9 %). Группа населения до трудоспособного возраста, наоборот, имела большие показатели в индустриальных и не индустриальных центрах (32,7 и 35,4 %), чем в Свердловске (27,4 %) и новостройках (25,1 %). Подобная ситуация фиксировалась и в группе старше трудоспособного возраста: 5,0 и 6,6 %; 3,9 и 2,2 % от общего числа жителей соответствующих групп городов. Городское население Уральской области отличалось существенным превышением числа детей над численностью лиц пожилого возраста, т.е. являлось «демографически молодым».

Таблица 2 Половозрастная структура городского населения Уральской области в 1931 г., %.

P			Населен	ие в возрасте,	%	
Группы городов	Пол	0–7	8–15	16–59	60 и старше	Итого
	муж.	16,53	9,32	71,32	2,83	100
Свердловск	жен.	18,02	10,92	65,98	5,08	100
	итого	17,26	10,11	68,68	3,95	100
	муж.	20,78	11,46	63,76	4,0	100
Индустриальные центры	Жен.	21,06	12,01	60,89	6,04	100
	итого	20,94	11,75	62,28	5,03	100
	муж.	13,88	6,1	78,42	1,6	100
Новостройки	жен.	21,16	9,08	66,68	3,08	100
	итого	16,81	8,29	72,71	2,19	100
	муж.	23,09	13,65	57,91	5,35	100
Не индустриальные центры	жен.	20,95	13,47	57,92	7,66	100
	итого	21,96	13,52	57,94	6,58	100

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 304–305; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 164–170.

От демографического спада 1914—1920 гг. в регионе особенно пострадали три группы населения: 0–7 лет, в трудоспособном возрасте и в пожилой группе. Дети в возрасте от 8 до 16 лет пострадали меньше. В начале 1930-х гг. эта группа достигла зрелости и пришла на смену ослабленным войной и революцией предшествовавшим поколениям. В то же время отсутствие или численная слабость наиболее высоких старческих возрастов давали пониженную смертность. В итоге наблюдался рост рождаемости. В конце первой пятилетки картина меняется. Вмешался фактор голода 1932—1933 гг., который затронул и городское население (табл. 3). В это время рожденные в 1915—1920 гг. достигли зрелого возраста и начали приходить на смену более многочисленным предшествовавшим поколениям. Начался процесс уменьшения удельного веса групп населения, способных к деторождению. И, как результат, понизилась рождаемость. С другой стороны, к этому времени пополнилась старшая возрастная группа, которая давала высокий коэффициент смертности. Эти демографические процессы наложились на голод и эпидемии в 1931—1934 гг. В итоге темпы прироста населения в Уральской области замедлились, более того, в марте—июле 1932 г., весь 1933 г. и первое

полугодие 1934 г. в городах Урала фиксировался отрицательный естественный прирост¹⁴. Данные таблицы демонстрируют, что наибольшие показатели отрицательного прироста фиксировались в северных городах, где в больших размерах были сосредоточены спецпереселенцы. Падение естественного прироста продолжалось до 1940-х гг., когда на смену ослабленным войной и революцией поколениям пришли более многочисленные поколения, родившиесы после 1924 г. Таким образом, мы фиксируем явление, которое в статистике народонаселения носит название демографических циклов. Первая мировая, последовавшая за ней Гражданская война, голод и эпидемии создали брешь в ряде возрастных групп и породили демографический цикл небывалого до этого времени размаха, последствия которого сказывались на естественном движении населения, его численности и половозрастных структурах.

Таблица 3 Естественное движение в городах Уральской области в 1930–1932 гг.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

	ственное д		этородия	о разпрежо	71 00714611	1 2 1000				
	Среднее население	Родилось	Умерло	В т.ч. до 1 года	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность		
	1930 г.									
Города Урала	2 917 650	79 161	55 132	19 500	27,3	18,9	8,4	246,3		
Свердловск	201 000	6 135	4 997	1 341	30,5	24,9	5,6	218,6		
Челябинск	95 700	3 482	3 567	1 126	36,3	37,3	-1,0	325,2		
Пермь	157 376	5 662	4 462	1 374	36,0	28,3	7,7	242,7		
Магнитогорск	29 900	749	532	172	25,1	17,8	7,3	229,6		
Нижний Тагил	54 568	1 828	1 094	372	33,5	20,0	13,5	203,5		
Надеждинск	43 798	2 033	1 585	614	46,3	36,2	10,1	302,0		
Губаха	9 315	534	317	139	57,3	34,0	23,3	260,3		
			193	31 г.						
Города Урала	2 415 300	86 246	70 614	22 575	35,7	29,2	6,5	261,2		
Свердловск	287 700	9 730	10 058	2 727	31,9	33,0	-1,1	280,2		
Челябинск	95 700	5 580	5 666	1 832	46,3	47,1	-0,8	328,3		
Пермь	206 100	6 601	5738	1 604	33,4	30,0	3,4	243,0		
Магнитогорск	124 200	4 537	5 818	1 151	30,7	38,0	-7,3	253,4		
Нижний Тагил	85 900	2 547	2 270	626	29,7	26,6	3,3	245,8		
Надеждинск	55 900	3 748	2 915	920	53,5	41,6	12,3	245,5		
Губаха	13 600	297	286	128	21,8	21,0	0,8	431,0		

 $^{^{14}}$ Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. С. 427.

1932 г.									
Города Урала	2 917 650	103 580	93 965	28 776	35,3	32,2	3,2	279,6	
Свердловск	407 200	13 650	14 152	4 274	33,4	34,8	-1,4	314,6	
Челябинск	184 000	7 133	8 747	2 519	38,4	47,5	-9,1	356,6	
Пермь	192 500	66 487	6 220	1 706	33,7	32,3	1,4	263,0	
Магнитогорск	160 000	7 015	7 193	2 081	43,8	45,0	-1,2	297,1	
Нижний Тагил	127 050	3338	3 948	1 157	26,1	31,1	-5,0	348,4	
Надеждинск	62 950	2 300	3 170	958	36,0	50,3	-14,3	422,2	
Губаха	17 050	221	734	236	12,3	40,9	-25,1	106,9	

Составлено по: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–15; Д. 170. Л. 57–72, 164–170, 195–198.

Вторым фактором роста населения Уральской области стало переселение. Основываясь на переписи 1926 г., которая содержала вопросы о месте рождения, продолжительности проживания на данной территории, можно выявить местных и неместных уроженцев. По нашим расчетам, каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию в 1914—1925 гг., две трети из них приехали после 1917 г. Состав переселенцев по возрасту и полу отличался от характеристик населения районов вселения. Перепись 1926 г. показала, что в населении Уральской области доли детей (0—14 лет) и пожилых (60 и более), с одной стороны, и лиц трудоспособного возраста (с 15 до 60 лет), с другой, примерно уравновешены (50,7 и 49,3 %), тогда как среди мигрантов удельный вес первых был в три раза меньше, чем вторых (24,7 и 75,3 %)¹⁵. Таким образом, благодаря притоку мигрантов сформировалась достаточно гармоничная возрастная структура. Из данных материалов видно, что мигранты в возрасте 15—49 лет составляли 75,2 %. Это стало стимулирующим фактором для роста брачности и рождаемости. Данные таблицы 3 показывают, что общий коэффициент рождаемости в начале 1930-х гг. сохранялся на высоком уровне, но высоким был и общий коэффициент смертности, особенно младенческой.

Во второй половине 1920-х гг. обостряется потребность в освоении природных ресурсов, что привело к промышленной колонизации. Под этим термином понималось «обеспечение работавших и проектируемых генеральным планом предприятий постоянным составом рабочей силы, создание для рабочих благоприятных условий для жизни, постепенное и прочее освоение земельной территории в районе предприятия» ¹⁶. Размер и темпы колонизационных мероприятий должны были согласовываться с производственными планами предприятий. Миграция рабочей силы на действующие и строящиеся предприятия Урала имела два вида: 1) безвозвратная миграция и 2) миграция сезонная. Безвозвратная миграция включала переселение рабочих из регионов страны с целью постоянной работы на определенном предприятии вместе с имуществом и семьей. За 1926—1929 гг. на предприятия и стройки Урала прибыло около 420 тыс. чел. ¹⁷

С 1930 г. осуществлялись невиданные ранее массовые принудительные перемещения населения, которые вплоть до начала Великой Отечественной войны являлись основным источником пополнения рабочей силы. Первая мощная волна была связана с раскулачиванием. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей (более трети от общего числа раскулаченных по стране). Численность спецпоселенцев на территории Уральской

 $^{^{15}}$ Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 138.

¹⁶ Хозяйство Урала. 1926. № 13/14. С. 170.

¹⁷ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. С. 20–21; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1931. Вып. 1. С. 50–51.

области достигала, по разным оценкам, от 564 до 573 тыс. чел. ¹⁸ По данным В.Н. Земскова, к началу 1934 г. здесь на учете состояло 303 315 спецпереселенцев ¹⁹. В подавляющем большинстве спецпереселенцы (трудпоселенцы) были задействованы на промышленных объектах и рудниках Урала. Исследования В.А. Журавлевой показывают, что подавляющее большинство спецконтингента составляли мужчины; вместе с тем он составлял незначительную часть городского населения Урала, даже на его новостройках ²⁰.

Наибольший прирост городского населения произошел в конце 1920-х – начале 1930-х гг., при этом резкое увеличение связано с масштабным строительством промышленных предприятий. Сельское население, наоборот, из года в год сокращалось, именно оно было источником пополнения горожан. За 1928–1932 гг. в Уральской области было реконструировано 95 промышленных объектов, вновь построено и пущено в эксплуатацию полностью или частично 140 предприятий. В их числе в первую очередь Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный завод, Соликамский химический комбинат, Красноуральский медеплавильный, Березниковский химкомбинат, крупные заводы стройматериалов и лесной промышленности²¹. Резкий рост городского населения происходил за счет механического прироста. Если в 1928 г. темп роста численности горожан составил 4,7%, в 1929 г. -15,1, в 1930 г. -18,3%, то в 1932 г. он остановился и упал до 5 %. Данные налогового учета показывают такую же тенденцию: все население области увеличилось на 4,1 % с июля 1930 г. по июнь 1931 г. включительно, а с июля 1931 г. по январь 1932 г. – на 2,1 %; городское население выросло соответственно на 24,1 и 15,1 %, сельское население сократилось на 2,8 и 3,7 %. Исключение составил лишь областной центр Свердловск, где за первый период рост составил 22,2 % и 32,3 % – за второй 22 .

Перепись 1931 г. зафиксировала и такую специфическую демографическую ситуацию, как увеличение числа проживавших единолично. В 1931 г. из 2 022,5 тыс. чел. городского населения Уральской области проживали в семьях 1 697,8 тыс., а одиночками — 324,7 тыс. чел. Доля одиночек ко всему населению составила 16,1 %. По переписи 1926 г. она составляла — 6,02 %. Таким образом, за истекшее между двумя переписями 4 года и 4 месяца удельный вес одиночек возрос в 2,66 раза. Доля их достаточно сильно колебалась по полу и по выделенным группам городов. Среди мужчин удельный вес одиночек по всем городам был больше, чем среди женщин. Наибольшую долю одиночек давали города-новостройки (49,0 % мужчин и 19,4 % женщин) и Свердловск (20,2 % мужчин и 11,9 % женщин).

В начале 1930-х гг. изменения произошли и в размерах, и в структуре семей. Средний размер семьи в городах Урала понизился с 4,1 чел. в 1923 г. и с 4,06 чел. в декабре 1926 г. до 3,7 чел. в 1931 г. (сокращение на 9,8 %). При этом в Свердловске сокращение было еще больше -3,37 чел., в новостройках -3,49, в других городах уменьшение также фиксировалось: в индустриальных центрах до 3,73, а в не индустриальных - до 3,78 чел. 23

Перепись 1931 г. позволяет осуществить группировку по следующим показателям: мужчины и женщины, проживавшие в семьях, самодеятельное (занятое или экономически активное) и несамодеятельное (незанятое) население. Характеристика экономически активного населения РСФСР представлена в статье В.Б. Жиромской²⁴.

¹⁸ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док-тов. Екатеринбург, 1993. С. 36; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3.

¹⁹ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социс. 1991. № 10. С. 5.

²⁰ Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. . . . д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2016. С. 25.

 $^{^{21}}$ См.: Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 56–83; *Журавлева В.А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг. . . . С. 218–219.

²² Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 282–283, 286–287.

 $^{^{23}}$ Хозяйство Урала в цифрах. 1926 г. Краткий статистический справочник. Год 1-й. Свердловск, 1926. С. 25; Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 290.

²⁴ *Жиромская В.Б.* Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 66–70.

В среднем на городскую семью приходилось 1,38 работавших и 2,32 не работавших. В каждых 100 семьях имелись 138 чел. работавших и 232 — не работавших. Из числа 138 работавших 102 были мужчины и 36 женщины. Из 232 не работавших — 72 мужчины и 160 женщин. Среди не работавших лиц мужского пола в большинстве случаев были дети и старики, в то время как среди не работавших женщин были еще лица в трудоспособном возрасте. Доля не работавших лиц мужского пола в возрасте 15—59 лет составляла 8,25 % — это были в основном учащиеся, больные и инвалиды.

Почти половина женщин в трудоспособном возрасте не работала на производстве, их удельный вес составлял 48,74 % (в Свердловске – 48,78, индустриальных городах – 49,49, в городах новостройках – 52,47, в не индустриальных центрах – 47,2). Их доля на новостройках и в Свердловске была выше, чем в не индустриальных центрах. Скорее всего, это было связано с тем, что женщины были заняты в подсобном хозяйстве, выполняли работу по дому или помогали членам семьи.

Данные переписи 1931 г. позволяют выяснить долю иждивенцев, приходившихся на одного работника. В среднем по всем 146 городским поселениям Уральской области, вошедшим в разработку, нагрузка эта была равна 1,11, т.е. на 100 работников приходилось 111 иждивенцев. По переписи 1926 г. она была больше и составляла 1,37. Работавшее население окружных городов составляло 43,8 %, не работавшее — 56,2 %; в прочих городских поселениях — соответственно, 40,9 и 59,1 %; в Свердловске — 48,8 и 51,2 %. По сравнению с данными 1931 г. снижение доли иждивенцев за четыре года с небольшим составило 0,26 %. При этом по новостройкам она составила 0,66, по Свердловску — 0,8, индустриальным центрам — 1,14, по не индустриальным центрам — 1,36. В целом по области занятое население в городах составляло 47,4 %, а иждивенцы — 52,6 %. В областном центре показатель занятости был еще выше — 55,4 %, в Магнитогорске — 61,7 %, а удельный вес иждивенцев соответственно ниже — в Свердловске 44,6 %, в Магнитогорске — 38,3 %²⁵. Полная занятость трудоспособного населения обеспечивалась поступательным промышленным строительством.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в ходе промышленного освоения региона шел процесс формирования городского населения. Рост городов и городского населения Уральской области привел к кардинальным изменениям не только в численности горожан, но и к необратимым сдвигам в демографических структурах. Основными причинами этих трансформаций выступали недемографические факторы (экономические, социальные и политические условия). Демографическая сфера не была стабильна, об этом свидетельствовали трансформации структур городского населения (в первую очередь половозрастной и семейной). Демографические изменения свидетельствуют, что процесс урбанизации в регионе постепенно запустил демографический переход. Городское население оказалось в авангарде перехода от традиционного типа воспроизводства к современному.

Литература

Баранов Е.Ю., *Корнилов Г.Е.*, *Лабузов В.А.* Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М.: Дашков и К $^{\circ}$, 2009. 632 с.

Жиромская В.Б. Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 66–70.

Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. Центр ЮУрГУ, 2012. 219 с.

Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. . . . д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

 $^{^{25}}$ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год. С. 556, 567, 571; Уральское хозяйство в цифрах в 1931–1932 г. С. 313–314; МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1–12.

Журавлева В.А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.

Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социс. 1991. № 10. С. 3–26.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3–17.

Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург: АМБ, 2003. 93 с.

Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

Исупов В.А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. №. 4. С. 3–8.

Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3. С. 96–100.

Население Урала, XX в.: История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 209 с.

Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург: Уралкнига, 1923. 104 с.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док-тов. / Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург: Наука, Урал. изд. фирма, 1993. 228 с.

Самуэльсон Л. Танкоград: Секреты русского тыла. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 376 с. Чащин А.В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5. С. 116–121.

Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System, Ithaca: Cornell University Press, 1999. 256 p.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization, Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.

References

Baranov, E.Yu., Kornilov, G.E., Labuzov, V.A. (2009). *Agrarnoye razvitiye i prodovolstven-noye obespecheniye naseleniya Urala.* 1928–1934 gg. [Agrarian Development and Food Supply of the Population of the Urals. 1928–1934]. Moscow, Dashkov and K°. 632 p.

Chashchin, A.V. (2010). Gorodskoye naselenie Urala vo vtoroy polovine 1920–1930-h gg. (istoriko-demograficheskiy analiz) [Urban Population of the Urals in the Second Half of the 1920s–1930s (Historical and Demographic Analysis)]. In *Vestnik SamGU*. No. 5, pp. 116–121.

Isupov, V.A. (2012). Istoricheskaya demografiya v Sibiri: problemy istoriografii [Historical Demography in Siberia: Problems of Historiography]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 3–8.

Isupov, V.A. (2018). Urbanizatsiya Zapadnoy Sibiri: vzglyad istorika [The Urbanization of Western Siberia: a Historian's View]. In *ECO*. No. 7, pp. 7–22.

Kuz'min, A.I., Orudzhieva, A.G., Kornilov, G.E. (Eds.). (1996). *Naseleniye Urala, XX v.: Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population of the Urals, 20th Century: The History of Demographic Development]. Yekaterinburg, Yekaterinburg, 209 p.

Lebedev, F. (1927). Naseleniye Urala (Pervye itogi perepisi 1926 g.) [The Population of the Urals (The First Results of the Census of 1926)]. In *Khozyaystvo Urala*. No. 1, pp. 140–145.

Makarova, N.N. (2009). *Demograficheskaya kharakteristika Magnitogorska: analiz prichin smertnosti i rozhdayemosti (1930–1935)* [Demographic Characteristics of Magnitogorsk: Analysis of the Causes of Mortality and Fertility (1930–1935)]. In *Sotsium i vlast'*. No. 3, pp. 96–100.

Nemchinov, V.S. (1923). *Narodnoye hozyaystvo Urala (ego sostoyaniye i razvitiye)* [National Economy of the Urals (its State and Development)]. Yekaterinburg, Uralkniga. 104 p.

Samuelson, L. (2010). *Tankograd: Sekrety russkogo tyla.* 1917–1953 [Tankograd: Secrets of the Russian Rear. 1917–1953]. Moscow: ROSSPEN, 376 p.

Slavko, T.I., Bedel', A.E. (Comp.). (1993). *Raskulachennyye spetspereselentsy na Urale (1930–1936 gg.): sb. dokumentov* [Dekulakized Special Settlers in the Urals (1930–1936)]. Yekaterinburg, Nauka, Ural. izd. firma. 228 p.

Zemskov, V.N. (1990). Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD SSSR) [Spetsposelentsy (According to the Documents of the NKVD of the USSR)]. In *Sotsis*. No. 11, pp. 3–17.

Zemskov, V.N. (1991). "Kulatskaya ssylka" v 30-e gody ["Kulak Exile" in the 30s]. In *Sotsis*. No. 10, pp. 3–26.

Zhiromskaya, V.B. (2018). Demograficheskaya kharakteristika ekonomicheski aktivnogo naseleniya RSFSR v 1920-e gg. – mid-1930th gg. [Demographic Characteristics of the Economically Active Population of the RSFSR in the 1920s – mid 1930s]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 4, pp. 66–70.

Zhuravleva, V.A. (2012). *Gorodskoye naseleniye Urala v 1920–1930-e gg*. [Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]. Chelyabinsk, Izdat. Tsentr YuURGU. 219 p.

Zhuravleva, V.A. (2014). *Istochniki formirovaniya gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg*. [Sources of Formation of the Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]. Chelyabinsk, zdat. Tsentr YuURGU. 242 p.

Zhuravleva, V.A. (2016). *Gorodskoye naseleniye Urala v 1920–1930-e gg.: istoriko-demograficheskiy analiz* [Urban Population of the Urals in the 1920s–1930s]: *avtoref. . . . d-ra istor. nauk.* Yekaterinburg. 36 p.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2003). *Reformy administrativno-territorial'nogo ustroystva vostochnykh rayonov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Reforms of the Administrative-Territorial Structure of the Eastern Regions of Russia (18th–20th Centuries)]. Yekaterinburg, AMB. 93 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

М.А. Семенов*

Распространение малярии в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-12 УДК 94:616.9(571.1)«1941/1945»

Выходные данные для цитирования:

Семенов М.А. Распространение малярии в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 133–141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-12.pdf

M.A. Semenov*

The Spread of Malaria in Western Siberia During the Great Patriotic War

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-12

How to cite:

Semenov M.A. The Spread of Malaria in Western Siberia During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 133–141. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-12.pdf

Abstract. The article examines the dynamics of the incidence of malaria in Western Siberia during the war years. The author considers of the predecessors who studied this problem along with characteristic features of the spread of this disease and the specifics of its course. The information about the means of treating malaria used in the USSR during the war period is presented. The main forms and methods of combating it during the period under study are shown. Their classification into measures aimed at reducing the number of malarial mosquitoes, aimed at reducing the possibility of biting and measures to reduce the number of infected population is proposed. The situation that developed in Western Siberia with the incidence of malaria in the pre-war years is described. Summary data on the spread of malaria in the regions of Western Siberia are presented. The factors that determined the dynamics of morbidity are disclosed. Such factors included the perception by health authorities of malaria as a non-priority infection, and a negative impact on the morbidity of the evacuated population. It is concluded that during the Great Patriotic War, the trend to reduce the spread of malaria, which was formed in the pre-war period, was broken, and there was a temporary return to the tendency to the growth of this infection. The elimination of malaria became an important task for post-war health care.

Keywords: the Great Patriotic War; healthcare; medicine; infections; malaria; Western Siberia.

The article has been received by the editor on 28.06.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуется динамика заболеваемости малярией в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются характерные особенности распространения данного заболевания, специфика его протекания. Представлены сведения о средствах лечения малярии, использовавшихся в СССР в военный период. Показаны основные формы и методы борьбы с заболеванием. Описана обстановка, сложившаяся в Западной Сибири с заболеваемостью малярией в предвоенные годы. Реконструированы меры, направленные на сокращение численности малярийных комаров и возможности укусов, а также на снижение численности зараженного населения. Приведены сводные данные о распространении малярии в регионах Западной Сибири. Раскрыты факторы, определявшие динамику заболеваемости. В их числе восприятие органами здравоохранения малярии как неприоритетной инфекции, негативное влияние на заболеваемость эвакуированного населения. Сделан вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны был сломлен тренд на сокращение распространении малярии, сформировавшийся в предвоенное

of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pihterek@yandex.ru

^{*} Семёнов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pihterek@yandex.ru
Semenov Mikhail Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch

время, и произошел временный возврат к росту указанной инфекции. Ликвидация малярии станет важной задачей для послевоенного здравоохранения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; здравоохранение; медицина; инфекции; малярия; Западная Сибирь.

В условиях коронавирусной пандемии резко возрос интерес к изучению распространения инфекционных заболеваний, эффективности мер, предпринимаемых органами здравоохранения для борьбы с ними. Важность исторического опыта борьбы с инфекциями наконец-то стала осознаваться обществом. Изучение распространения инфекционных заболеваний, активно влияющих на все стороны жизни подверженных им людей, необходимо и для построения более полной научной картины жизни общества в прошлом. Наибольший интерес при этом представляют периоды резкого изменения динамики заболеваемости той или иной болезнью. Одним из таких периодов является время Великой Отечественной войны. Изучение заболеваемости в целом имеет ряд существенных недостатков, вызванных прежде всего различиями в собираемой и анализируемой номенклатуре заболеваний. Избежать этого недостатка помогает сосредоточение на анализе конкретного вида инфекции. Так, одним из наиболее распространенных и опасных заболеваний периода Великой Отечественной войны была малярия, изучению распространения и борьбы с которой и посвящена данная статья.

Изучение заболеваемости в целом и малярией в частности не осталось без внимания исследователей. Бесценный опыт, накопленный военными медиками, нашел свое отражение в многотомном труде «Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹. В 31 томе данного издания содержится раздел, посвященный малярии. Важные статистические данные по динамике инфекционных заболеваний в СССР приводит в своей работе О.В. Бароян². Применительно к периоду Великой Отечественной войны большое значение имеют статьи С.В. Марковой³. Ряд сведений о распространении малярии в Западной Сибири в годы войны содержат работы В.А. Исупова⁴, С.В. Зяблицевой⁵, Т.И. Дунбинской⁶. Данные о характере заболеваемости малярией в Западной Сибири в предшествующий период содержат труды В.С. Познанского⁷, В.А. Зверева и А.А. Бурматова⁸. В то же время специализированных публикаций, посвященных распространению малярии в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, до настоящего времени не было.

Малярия – инфекционное заболевание, вызываемое поступлением в организм человека при укусе зараженным комаром одноклеточных организмов из рода Плазмодиев (*Plasmodium*). В зависимости от вида возбудителя выделяют несколько вариантов заболевания. Так, *P.falciparum* вызывает тропическую малярию, наиболее опасную для человека. *P.vivax* – вызывает трехдневную малярию, наиболее распространенную на территории СССР,

 $^{^{1}}$ Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1955. Т. 31.

² *Бароян О.В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968.

³ *Маркова С.В.* Вспышка малярии в Воронежской области в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 3. С. 116–117; *Маркова С.В.* Предотвращение эпидемии малярии на Воронежском фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 147–150.

⁴ *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

⁵ Зяблицева С.В. Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995.

⁶ Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004.

 $^{^7}$ Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007

⁸ Зверев В.А, Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск, 2019.

а *P.malarie* — четырехдневную⁹. Попав в организм человека, плазмодии вызывают повторяющиеся приступы, характеризующиеся ознобом, повышением температуры до 40–41 °C, потливостью, поражают селезенку и печень человека, приводят к анемии. При тяжелом течении болезни возможен летальный исход.

Для малярии характерно частое возникновение рецидивов: неполное уничтожение плазмодиев в организме человека приводит к тому, что, дождавшись ослабления иммунитета, болезнь вспыхивает вновь. В изучаемый период массовые средства, позволяющие надежно диагностировать полное исчезновение плазмодиев, отсутствовали. Единственным средством, позволяющим добиться полного исцеления больного, было проведение длительного лечения. Так, при тропической малярии считалось необходимым продолжать прием лекарственных средств в течение 12 месяцев, а при трехдневной, как более устойчивой, в течение 30 месяцев. Несмотря на это, в 40 % случаев рецидива болезни избежать не удавалось 10.

Длительные сроки лечения, частые рецидивы привели к необходимости выделения среди числа болеющих малярией отдельного показателя, позволяющего наблюдать за динамикой распространения болезни, — числа свежих случаев заболевания малярией, или «свежей малярии». Недостаточная изученность течения болезни вкупе с выделением категории свежих случаев привели к появлению и другой, антагонистичной статистической категории — «хронической малярии», регулярно встречающейся в медицинских документах первой половины XX в. Во второй половине 1930-х гг. советские исследователи (Б.Н Николаев, Е.М. Тареев, И.А. Кассирский и др.) доказали, что хроническое течение не свойственно для малярии, а категорию болеющих «хронической малярией» составляют либо люди, подверженные ее рецидивам, либо повторно инфицируемые. Тем не менее, многие советские медики в силу привычки, удобства при постановке диагноза продолжали указывать хроническую малярию и в документах времен Великой Отечественной войны.

С точки зрения распространения на территории СССР отдельных видов малярии возможно использовать данные по больным в составе вооруженных сил Советского Союза, приведенные в многотомном труде «Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Несмотря на значительные отличия в организации гражданского и военного здравоохранения, в половозрастной структуре гражданского населения и воинских частей, значимого влияния на подверженность воздействию того или иного вида плазмодиев эти факторы оказать не могли. С другой стороны, определенное влияние имеет территориальный фактор. В зависимости от места ведения боевых действий служившие на фронте солдаты оказывались подвержены в первую очередь эндемическим формам заболевания. Тем не менее, примерную картину распространения на территории СССР различных видов малярии все же дают данные, приведенные в таблице 1.

Исходя из того, что характеристика массива нераспределенных диагнозов совпадает с диагнозами распределенными по клиническим формам, из таблицы можно сделать два важных вывода: 1) основными видами малярии в годы Великой Отечественной войны были трех- и четырехдневная, а тропическая была распространена гораздо реже (по приведенным данным, ее число среди свежих случаев не превышало 25 %); 2) количество больных рецидивами, «хронической малярией» составляло более половины от числа всех болеющих малярией, что еще раз свидетельствует о сложности полного излечения от болезни в этот период.

Лечение малярии производилось рядом лекарственных препаратов. Прежде всего стоит отметить хинин, известный как противомалярийное средство с XVI в. К началу войны мировым центром в производстве хинина были Нидерланды. Сосредоточив производство коры хинного дерева в Голландской Индии, голландцы сумели достичь монополии в производстве данного лекарственного средства. Необходимость закупки лекарств за рубежом, сложное международное положение СССР после революции 1917 г. вызвали серьезный запрос государства на освобождение от хинной зависимости. В СССР начинаются опыты по

⁹ Названия даны по количеству дней, разделяющих приступы заболевания, – 3 дня в первом случае и 4 дня во втором.

¹⁰ Опыт советской военной медицины... С. 146.

выращиванию хинного дерева на Черноморском побережье, но к 1940 г. дальше отдельных опытных посадок дело не зашло¹¹.

Таблица 1 Распределение больных малярией с различными клиническими формами по годам войны (на основании окончательных диагнозов, %)

Клинические формы малярии	За весь период	1941	1942	1943	1944	1945
Без указания клинической формы	48,0	48,2	61,2	50,9	41,5	42,4
Свежая трех- и четырехдневная	15,8	14,1	15,2	15,1	16,5	16,6
Свежая тропическая	2,5	4,4	4,7	2,7	1,4	1,2
Рецидивы трех- и четырехдневной	16,9	17,7	7,3	14,0	22,1	21,4
Прочие сочетания	1,9	4,0	2,5	1,7	1,7	1,2
Хроническая малярия	6,8	6,8	5,9	8,5	6,5	5,9
Прочие диагнозы	8,1	4,8	3,2	7,1	10,3	11,3
Итого	100	100	100	100	100	100

Составлено по: Опыт советской военной медицины... С. 145.

В ходе Второй мировой войны Нидерланды оказались оккупированы гитлеровской Германией, а принадлежащие ей плантации хинного дерева – Японией. Доступ СССР к хинину стал крайне проблематичен. Подобные риски, как отмечалось выше, осознавались руководством СССР, активно пытавшимся предотвратить негативное для страны развитие событий. Крупным успехом в этом направлении стал синтез вещества, обладающего противомалярийным действием, – акрихина. В 1935 г. началось строительство завода «Акрихин» в Подмосковье для производства одноименного препарата. В 1936 г. завод начал выпуск лекарства, а в 1940 г. произвел 65 т акрихина, что покрывало потребности СССР в противомалярийных лекарствах¹². Несмотря на значительные производственные мощности предприятия, война стала серьезным вызовом для производства акрихина. С началом войны вследоккупации значительной территории СССР оказались разорваны многие хозяйственные связи, в том числе необходимые для производства лекарств. А в конце 1941 г. сложилась угроза и непосредственного захвата предприятия немцами, во избежание чего мощности завода «Акрихин» были эвакуированы на Урал. Здесь на его базе был создан Ирбитский химико-фармацевтический завод. Столь бурные перипетии крайне негативно отразились на способности завода к производству лекарств. Даже в 1943 г. завод «Акрихин» при плановом показателе в 24 т сумел произвести в течение года всего 9,7 т¹³. Таким образом, в плане медикаментозного обеспечения противомалярийная работа испытывала в годы Великой Отечественной войны серьезные трудности.

Согласно данным работы «Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в годы войны акрихин применялся для лечения у 68,0 % больных, хинин у 45,7 % (ряд больных одновременно лечили и хинином, и акрихином)¹⁴.

Для того чтобы понять используемые в борьбе с малярией методы, нужно рассмотреть распространение малярии как функционирование динамической паразитарной системы. При подобном рассмотрении ее упрощенно можно представить как цикл, в котором

 $^{^{11}}$ *Катарьян Т.Г.* Культура хинного дерева в СССР // Наука и жизнь. 1940. № 5-6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nehudlit.ru/articles/descr435145.html (дата обращения: 30.06.2021).

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-1562. Оп. 329. Д. 1473. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 2, 19.

¹⁴ Опыт советской военной медицины... С. 157.

зараженный плазмодиями комар¹⁵ инфицирует человека, служащего промежуточным носителем плазмодий, а затем больной малярией человек, в свою очередь, заражает комара из рода *Anopheles* содержащимися в его крови плазмодиями, и комар становится их конечным носителем. Только после заражения от человека комар становится источником опасности для других людей и при укусе распространяет инфекцию дальше.

Стоит отметить, что малярия распространяется почти исключительно трансмиссивным механизмом передачи инфекции (т.е. посредством насекомых, в данном случае комаров из рода Anopheles). В качестве исключения можно назвать геммодиффузный механизм передачи инфекции, при котором кровь зараженного малярией человека переливают здоровому. Но данный путь заражения реализуется достаточно редко. В отсутствии контактного, воздушно-капельного, фекально-орального, полового путей передачи малярии больной не представляет непосредственной угрозы для окружающих.

Исходя из описанной системы распространения малярии, становится очевидным, что уровень инфекционной угрозы зависит от ряда факторов: численности комаров из рода Anopheles; возможности комаров пить кровь человека, чтобы заразиться самим или заразить человека; численности инфицированного населения, определяющего возможность заражения малярийных комаров. В соответствии с этим все методы борьбы с малярией, использовавшиеся в годы Великой Отечественной войны, можно разделить на несколько групп.

К мерам, направленным на сокращение численности комаров, относятся в первую очередь мероприятия по предотвращению их размножения. Так как личинки комаров развиваются прежде всего в мелких, стоячих водах, именно они служили первоочередной целью в противомалярийной работе. Проводились гидротехнические работы: осушение болот, засыпка луж, опыление водоемов и инсектицидами с помощью авиации и наземных средств, «нефтевание» – добавление в водоем керосина, покрывающего поверхность воды пленкой, препятствующей дыханию личинок комаров.

В борьбе с возможностью укуса использовались москитные сетки, пологи. В особенности данные средства применялись в местах проживания малярийных больных. Наконец, лечение от малярии с помощью противомалярийных препаратов (хинина, акрихина) сокращало численность зараженного населения.

Малярия долгие годы была бичом населения Российской империи, а затем и СССР. В первой половине 1930-х гг. заболеваемость ею достигла своего апогея. Рост заболеваемости малярией и увеличившиеся в результате успешной индустриализации возможности государства обусловили начало с середины 1930-х гг. планомерной борьбы с этой болезнью.

Если принять заболеваемость населения СССР в 1934 г. за 100, то в 1935 г. она составила 93,5, в 1936 – 67,5, в 1937 – 66,9, в 1938 – 53,7, в 1939 – 39,4, в 1940 – 32,6 16 . Схожие процессы происходили и в Западной Сибири. Так, данные по заболеваемости в крупнейшей в регионе Новосибирской области в предвоенные годы приведены в таблице 2.

Как видим, за предвоенное пятилетие в Сибири удалось достичь значительного прогресса в борьбе с малярией. Эти успехи возникли благодаря серьезному усилению противомалярийной сети: за 1936—1939 гг. на территории Новосибирской области было создано 20 малярийных станций и 7 малярийных пунктов. Только за 1939 г. было подготовлено 625 хинизаторов и 482 бонификатора 17. Затраты на гидромелиоративные работы по территории Новосибирской области за период 1934—1939 гг. составили 2 076,3 тыс. руб. 18

¹⁵ Не все комары могут служить переносчиками плазмодий. Малярийные комары (комары из рода *Anopheles*) достаточно широко распространены на территории бывшего Советского Союза, в особенности в южных республиках, но встречаются и на остальной территории за исключением районов Крайнего Севера.

¹⁶ Опыт советской военной медицины... С. 135.

¹⁷ Бонификация — оздоровление местности путем сокращения мест возможного выплода кровососущих насекомых, достигающееся расчисткой водоемов, а также уничтожением мелких водоемов, не имеющих хозяйственного значения. Мелкие бонификационные работы выполняют специально подготовленные работники бонификаторы.

¹8 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 8–9, 12.

Таблица 2 Распространение малярии на территории Новосибирской области в 1934–1939 гг. (свежих случаев) *

		Годы							
	1934	1935	1936	1937	1938	1939			
Свежих случаев малярии	138 582	178 942	234 931	90 440	61 748	47 487			
Свежих случаев малярии на 10 тыс. чел.	_	_	646	231	158	111			

Составлено по: Зверев В.А, Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925—1940 годах. Новосибирск, 2019. С. 217, 219.

Очевидно, что при продолжении имеющегося тренда заболеваемость малярией на территории Новосибирской области за следующее пятилетие должна была сократиться до 10–15 тыс. свежих случаев малярии в год в абсолютных цифрах или до 15–20 случаев в расчете на 10 тыс. населения. Но начавшаяся война внесла свои коррективы.

Динамику заболеваемости малярией по территории Западной Сибири описывают таблицы 3 и 4. Как видно из них, предвоенный тренд снижения заболеваемости малярией оказался прерван. С 1942 по 1945 г. количество заболевших малярией увеличивается почти вдвое: с 75,5 до 135,0 тыс. случаев; а количество ежегодных свежих заболеваний возрастает более чем в три раза — с 19,4 до 59,7 тыс. случаев. В 1945 г. на 10 тыс. населения приходится 161,5 случаев общей заболеваемости малярией и 70 случаев свежей заболеваемости.

Таблица 3 Количество случаев малярии в регионах Западной Сибири в 1942–1945 гг.*

Domina	Годы							
Регион	1942	1943	1944	1945				
Алтайский край	46 973	41 818	42 857	40 550				
Кемеровская область	_	14 814	11 464	6 602				
Новосибирская область	21 034	24 360	21 979	26 880				
г. Новосибирск	_	3 568	3 610	3 666				
Омская область	7 533	9 696	21 369	26 904				
Тюменская область	_	_	3 728	13 584				
Томская область	_	_	15 565	16 849				
Итого	75 540	94 256	120 572	135 035				

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 264. Л. 94, 95, 96; Д. 275. Л. 110; Д. 298. Л. 129, 130; Д. 326. Л. 140.

Стоит отметить, что применительно к 1945 г. В.А Исупов, со ссылкой на данные Государственного архива Российской Федерации, приводит несколько иные показатели общей заболеваемости малярией населения Западной Сибири, а именно: 117 073 случаев малярии или 137,1 случая на 10 тыс. населения¹⁹. Несмотря на достаточно серьезное отличие от рассчитанных в таблице 3 данных, очевидно, что на сделанный общий вывод о повышении

^{*} Приведены данные в границах 1939 г.

^{*} Данные приведены в границах соответствующих лет. Кемеровская область выделена из состава Новосибирской области 26 января 1943 г. Тюменская область выделена из состава Омской области 14 августа 1944 г. Томская область выделена из состава Новосибирской области 13 августа 1944 г. 21 августа 1943 г. Новосибирск отнесен к категории городов республиканского подчинения РСФСР с выделением статистики из данных по Новосибирской области.

¹⁹ *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы... С. 153.

заболеваемости малярией в Западной Сибири с 1942 по 1945 г. указанное расхождение не влияет.

Таблица 4 Количество свежих случаев малярии в регионах Западной Сибири в 1942–1945 гг.*

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Da	Годы							
Регион	1942	1943	1944	1945				
Алтайский край	11 217	12 755	16 373	16 589				
Кемеровская область	_	4 222	3 045	2 098				
Новосибирская область	5 743	7 962	8 627	13 450				
г. Новосибирск	_	1 196	1 586	1 838				
Омская область	2 448	4 043	9 401	12 028				
Тюменская область	_	_	1 448	5 638				
Томская область	_	_	6 824	8 039				
Итого	19 408	30 178	47 304	59 680				

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 264. Л. 99, 100, 101; Д. 275. Л. 116; Д. 298. Л. 135, 136; Д. 326. Л. 147.

Слом позитивного тренда предвоенных лет имел в своей основе целый комплекс причин. Прежде всего стоит отметить, что в военных условиях, сопровождавшихся резким ростом инфекционной угрозы со стороны тифозных заболеваний, сокращением возможностей системы государственного здравоохранения, особенно остро встал вопрос о приоритетах стоящих перед службой здоровья. В этой обстановке малярия, больные которой, как указывалось ранее, не представляли непосредственной угрозы для окружающих, а после прохождения острой фазы заболевания могли принимать активное участие в трудовой и общественной деятельности, оказалась на перефирии интересов здравоохранения. Несмотря на бурный рост в Западной Сибири сети санитарно-противоэпидемических учреждений, численности их медицинских кадров, эти процессы фактически не затронули противомалярийные учреждения. Расходы на противомалярийные мероприятия, гидромелиоративные работы были сокращены²⁰. Все это совпало с отмеченными ранее трудностями в лекарственном обеспечении малярийных больных.

Еще одним фактором послужила эвакуация в регион значительного количества людей из европейской части страны, в том числе из районов эндемичных малярий. В 1942 г. из 75,5 тыс. больных малярией только 19,4 болели свежими заболеваниями. Учитывая примерное соотношение больных со свежей формой заболевания к больным с рецидивами малярией как один к одному, можно предположить, что около 35,5 тыс. больных малярией людей прибыло в Западную Сибирь в числе эвакуированных граждан. Рост числа промежуточных носителей почти вдвое повышал степень инфицированности малярийных комаров в регионе, что, в свою очередь, увеличивало угрозу инфицирования здорового населения. Поскольку соответствующего росту угрозы роста противомалярийных мероприятий не проводилось, мощность малярийных очагов в Западной Сибири увеличилась, проявилось все больше свежих случаев заболеваний. Негативный эффект, вызванный прибытием эваку-ированного населения, постепенно сглаживался. К 1945 г. система малярийной заболеваемости вновь приходит к точке равновесия, когда число свежих случаев стало составлять примерно половину от общей заболеваемости (59,7 тыс. случаев свежей заболеваемости от 135,0 тыс. общей).

Таким образом, первая половина 1940-х гг., которая потенциально могла стать временем возможной ликвидации массовой заболеваемости малярией, из-за вызванных войной обстоя-

^{*} Данные приведены в границах соответствующих лет.

²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1473. Л. 19.

тельств стала временного отката назад. В послевоенные годы ликвидация малярии вновь станет одной из важнейших задач советского здравоохранения. Уже к 1952 г. будет ликвидирован массовый характер малярии, а в 1960 г. объявлено о полной ликвидации малярии в СССР.

Литература

Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 304 с.

Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 27 с.

Зверев В.А, Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925—1940 годах. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 278 с.

Зяблицева С.В. Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995. 22 с.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.

Катарьян Т.Г. Культура хинного дерева в СССР // Наука и жизнь. 1940. № 5-6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nehudlit.ru/articles/descr435145.html (дата обращения: 30.06.2021).

Маркова С.В. Вспышка малярии в Воронежской области в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 3. С. 116–117.

Маркова С.В. Предотвращение эпидемии малярии на Воронежском фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 147–150.

Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Медгиз, 1955. Т. 31 / отв. ред. М.С. Вовсин. 316 с.

Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. 307 с.

References

Baroyan, O.V. (1968) *Itogi poluvekovoy borby s infektsiyami v SSSR i nekotoryye aktualnyye voprosy sovremennoy epidemiologii* [Results of the Half-Century Struggle Against Infections in the USSR and Some Topical Issues of Modern Epidemiology]. Moscow, Meditsina. 304 p.

Dunbinskaya, T.I. (2004). *Sotsial'naya adaptatsiya detey na territorii Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: analiz istoricheskogo opyta* [Social Adaptation of Children in the Territory of Western Siberia During the Great Patriotic War: Analysis of Historical Experience]: Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 27 p.

Isupov, V.A. (2008). *Glavnyy resurs Pobedy: lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [The Main Resource of Victory: the Human Potential of Western Siberia During the Second World War (1939–1945)]. Novosibirsk, Sova. 378 p.

Katariyan, T.G. (1940). Kultura khinnogo dereva v SSSR [The Culture of the Cinchona Tree in the USSR]. In *Nauka i Zhizn*. No. 5-6. URL: https://www.nehudlit.ru/articles/descr435145.html (date of access: 30.06.2021).

Markova, S.V. (2015.). Predotvrashchenie epidemii malyarii na Voronezhskom fronte i v tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Prevention of the Malaria Epidemic on the Voronezh Front and in the Rear During the Great Patriotic War]. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. *Seriya*: *Istoriya*. *Politologiya*. *Sotsiologiya*. No. 3, pp. 147–150.

Markova, S.V. (2015.). Vspyshka malyarii v Voronezhskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Outbreak of Malaria in the Voronezh Region During the Great Patri-

otic War]. In Byulleten Natsional'nogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Obshchestvennogo Zdorovya Imeni N.A. Semashko. No. 3, pp. 116–117.

Poznanskiy, V.S. (2007). *Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v.* [Social Cataclysms in Siberia: Famine and Epidemics in the 20–30s of the 20th Century]. Novosibirsk, SO RAN. 307 p.

Vovsin, M.S. (Ed.). (1955). *Opyt sovetskoy voyennoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne* 1941–1945 *gg*. [The Experience of Soviet Military Medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 31. Moscow, Medgiz. 316 p.

Zverev, V.A., Burmatov, A.A. (2019). *Narodonaseleniye Baraby v 1925–1940 godakh* [The Population of Baraba in 1925–1940]. Novosibirsk, NGPU. 278 p.

Zyablitseva, S.V. (1995). *Sotsialno-bytovaya sfera Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Social and Household Sphere of Western Siberia During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 22 p.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021 г.

Ю.В. Рябов, М.В. Сентябова, Е.В. Смирнова* Yu.V. Ryabov, M.V. Sentyabova, E.V. Smirnova*

Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959–1965 годы)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-13 УДК 94:314.14(571.51)«1959/1965»

Выходные данные для цитирования:

Рябов Ю.В., Сентябова М.В., Смирнова Е.В. Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959—1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 142—153. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-13.pdf

Infant and Child Mortality in Krasnoyarsk (1959–1965)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-13

How to cite:

Ryabov Yu.V., Sentyabova M.V., Smirnova E.V. Infant and Child Mortality in Krasnoyarsk (1959–1965) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 142–153. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-13.pdf

Abstract. The article is devoted to the understudied problem of child and infant mortality in Krasnovarsk during the period of Seven-year plan (1959–1965), whose tasks included, among others, considerable rise of living standards of population, which was inseparably linked to the quality of its medical care. Infant and child mortality rates are one of the most important indicators of a society's social well-being. They indicate the degree of a particular society's transition from the traditional demographic order to the industrial one. Throughout the whole period under study infant and child mortality in Krasnovarsk was decreasing rather slowly. Infant mortality had a clear gender differentiation. Boys were dying significantly more often than girls under the age of 1 year. In addition, infant mortality had a pronounced seasonal pattern. It was high in winter and the first half of spring and minimal in summer and early autumn. Among the causes of child and infant mortality in Krasnovarsk during the period under study the first place was occupied by pneumonia – up to 45 % of all cases, the second and the third places – by neonatal diseases and gastrointestinal infections. The high share of pneumonia in the breakdown of child mortality is due to the high prevalence of this disease. Besides, Krasnoyarsk public health system had a number of drawbacks in diagnostics and treatment of pneumonia in children: insufficient hospitalization of the diseased, overload of hospitals with sick children, poor material and technical base and obsolete buildings of somatic hospitals, which led to the spread of infections among the patients. To solve these problems a number of measures were taken in Krasnovarsk from 1959 to 1965. The number of medical stations was increased and the material and technical condition of children hospitals was improved. Work was also carried out to raise the qualification of doctors and medical assistants and to popularize of sanitary-hygienic knowledge among the city population. All of the above measures led to a significant reduction in the spread of pneumonia and a decrease in infant and child mortality.

^{*} **Рябов Юрий Владимирович,** кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: ryabov.yu@gmail.com

Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: m.v._redko@mail.ru

Смирнова Екатерина Владимировна, магистрант, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: ekaterina_hist282@mail.ru

Ryabov Yuriy Vladimirovich, Candidate in Historical Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: ryabov.yu@gmail.com

Sentyabova Maria Viktorovna, Candidate in Historical Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: m.v._redko@mail.ru

Smirnova Yekaterina Vladimirovna, graduate student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: ekaterina_hist282@mail.ru

^{**} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 19-49-240002.

The study was carried out with the financial support of the RFBR, the Government of the Krasnoyarsk Territory and the Regional Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-49-240002.

Keywords: healthcare; morbidity; mortality; children; Eastern Siberia; Krasnoyarsk Krai.

The article has been received by the editor on 01.06.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме детской и младенческой смертности в Красноярске в 1959–1965 гг. (период семилетки). В задачи государства в эти годы входило в том числе значительное повышение уровня жизни населения, который неразрывно связан с качеством его медицинского обслуживания. Уровень младенческой и детской смертности является одним из важнейших показателей социального благополучия общества, характеризующим степень развития перехода конкретного общества от традиционного демографического порядка к индустриальному. На протяжении всего исследуемого периода младенческая и детская смертность в Красноярске снижалась достаточно медленными темпами. Младенческая смертность имела четкую половую дифференциацию – в возрасте до года мальчики умирали значительно чаще, чем девочки. Кроме того, младенческая смертность носила четко выраженный сезонный характер: высокая в зимний и первую половину весеннего периода и минимальная летом и в начале осени. Среди причин детской и младенческой смертности в Красноярске в исследуемый период первое место занимала пневмония – до 45 % всех случаев, на втором и третьем местах шли болезни новорожденных и желудочно-кишечные инфекции. Высокая доля пневмонии в структуре причин детской смертности обусловлена большой распространенностью данного заболевания. Кроме того, система здравоохранения Красноярска имела рад недостатков при диагностике и лечении пневмонии у детей: недостаточная госпитализация заболевших, перегрузка стационаров больными детьми, плохая материально-техническая база и устаревшие здания соматических больниц, что приводило к распространению инфекций среди пациентов. Для решения этих проблем в период с 1959 по 1965 г. в Красноярске был предпринят ряд мер. Было увеличено количество врачебных участков и улучшено материально-техническое состояние детских больниц. Проводилась работа по повышению квалификации врачей и средних медицинских работников, а также по популяризации санитарно-гигиенических знаний среди населения города. Все вышеуказанные меры привели к существенному сокращению распространения пневмонии и снижению уровня младенческой и детской смертности.

Ключевые слова: здравоохранение; заболеваемость; смертность; дети; Восточная Сибирь; Красноярский край.

Уровень младенческой и детской смертности является одним из важнейших показателей социального благополучия общества, характеризующим степень развития перехода конкретного общества от традиционного демографического порядка к индустриальному. Это явление неразрывно связано с такими процессами, как урбанизация и индустриальная модернизация.

Для Восточной Сибири в целом и для Красноярского края в частности вторая половина XX в. оказалась временем стремительных преобразований. Форсированное промышленное освоение региона, начавшееся в середине 1950-х гг., приводило к росту старых и возникновению новых промышленных центров. Демографические процессы, проходившие в городах Сибири в этот период, неизменно привлекают внимание исследователей. Классическими в этом смысле можно назвать труд Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова «Население Сибири»¹, монографии Г.Ф. Куцева² и В.В. Воробьева³, трехтомный сборник «Население России в XX веке»⁴.

¹ *Малинин Е.Д.* Население Сибири. Москва, 1976.

² Куцев Г.Ф. Новые города: социологический очерк на материалах Сибири. Москва, 1982.

³ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск, 1977.

⁴ Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Москва, 2011.

В контексте Красноярска и Красноярского края вопросы динамики численности городского населения исследовали С.А. Рафикова⁵, И.В. Копылов⁶, Н.В. Гонина⁷, Л.Н. Славина⁸. В своих работах эти авторы большое внимание уделяют факторам, влияющим на демографические процессы, таким как уровень развития системы здравоохранения, городское благоустройство и иные социальные аспекты жизни городского населения.

Такое явление как смертность гораздо реже оказывается в фокусе внимания. Так, в более чем подробном труде О.Б. Дашинамжилова вопросам смертности населения уделен один параграф из одиннадцати⁹. В качестве исключения можно назвать работы Я.Н. Бегизардова, посвященные изучению причин и динамики смертности населения Красноярского края¹⁰.

В исторической демографии Восточной Сибири второй половины XX в. вопросы младенческой и детской смертности изучаются либо как один из элементов общей характеристики демографического состояния региона, либо в контексте демографической и социальной политики государственных и региональных властей¹¹.

Большинство современных исследователей признают многовекторность процесса снижения младенческой и детской смертности, выделяя большое количество факторов, влияющее на ход этого процесса: работу в области развития системы здравоохранения и социального обеспечения, степень развития медицинской науки, уровень жизни, выражающийся в доступности сбалансированного питания и комфортных жилищный условий, состояние экологии и внешней среды. Соотношение этих факторов для каждого из регионов СССР было особенным, что превращало демографический транзит в уникальный процесс, ведущий к универсальному результату.

При этом историография младенческой и детской смертности в Восточной Сибири и конкретно в Красноярском крае крайне скудна. В этой сфере нам известны ряд исследований, созданных как на общесоюзном материале¹², так и на материале отдельных регионов Российской Федерации¹³. Количество подобных работ, посвященных Сибири, незначительно¹⁴, что подчеркивает актуальность данного исследования.

⁵ *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 96–100.

⁶ Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 164–173.

⁷ Гонина Н.В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34; Гонина Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х — конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-12.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

⁸ *Копылов И.В.* Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3. С. 149–153.

⁹ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018.

¹⁰ Бегизардов Я.Н. К вопросу о динамике смертности городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов IV регион. молодеж. науч. конф. 22–24 августа 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 238–244; Бегизардов Я.Н. К вопросу об истоках депопуляции в Красноярском крае: 1960-е гг. // Социально-экономическое развитие Красноярского края. 1917—2006 гг.: мат-лы VI Краевед. чтений. Красноярск, 2007. С. 267–273.

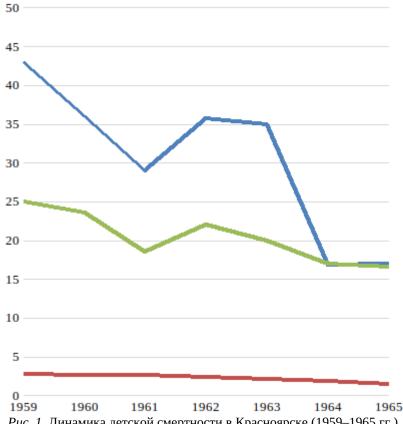
¹¹ Орлова И.В. Охрана материнства и младенчества в Восточной Сибири в 1920-е годы // Альманах сестринского дела. Иркутск, 2015. С. 22–24; Баранцева Н.А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2012. Т. І. С. 109–114. ¹² Саркисов А.С. Младенческая смертность в СССР во второй половине 1930-х годов и ее основные причины // Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения: мат-лы междунар. симп., 15 ноября 2019 г. Москва, 2019. С. 292–298; Фадеев А.В. Борьба с детской смертностью в СССР в 1920–1930-е гг. // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. Москва, 2012. С. 123–125.

¹³ *Безносова Н.П.* Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. // Историческая демография. 2013. № 2. С. 37–40; *Уваров С.Н.* Сравнительная характеристика младенческой смертности у русских, удмуртов и татар Удмуртии в конце 1950-х – 1960-е гг. // Историческая демография. 2017. № 1. С. 51–54. ¹⁴ *Лапердин В.Б.* Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов. IV Всерос. молодеж. науч. конф., 20 августа 2016 г.

Выбранные нами хронологические рамки работы приходится на период семилетки (1959—1965 гг.). В задачи государства в эти годы в том числе входило значительное повышение уровня жизни населения, который неразрывно связан с качеством его медицинского обслуживания. Также в это время произошла замена централизованной отраслевой системы управления народным хозяйством на территориальную, что не могло не повлиять на социальное развитие региона.

Имеющиеся у нас данные позволяют судить о снижении уровня младенческой смертности в Красноярске на протяжении всего исследуемого периода. Если в 1959 г. уровень младенческой смертности находился на уровне 43 ‰, то к 1965 г. он снижается до 17 ‰, что в целом не сильно отличало Красноярск от других регионов Сибири 15. Как проиллюстрировано на рис. 1, детская смертность в указанный период снижалась достаточно медленными темпами.

В абсолютных цифрах показатель еще нагляднее: в $1960 \, \text{г.}$ в Красноярске умер $291 \, \text{ребенок}$, из них $210 \, \text{в}$ возрасте до года, а в $1965 \, \text{г.} - 248 \, \text{и}$ $147 \, \text{соответственно}^{16}$.

Puc.~1. Динамика детской смертности в Красноярске (1959–1965 гг.). Cocmaвлено no: КГА. Ф. P-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 192.

Если обратится к более подробному анализу данных о младенческой смертности, можно заметить достаточно сильную половую дифференциацию в абсолютных показателях. В Красноярске и в целом в городах Красноярского края на первом году жизни мальчики умирали гораздо чаще девочек. Как показано на рис. 2, в отдельные годы разница могла достигать не менее 40 %.

Новосибирск, 2016. С. 238–245; *Афанасова Е.Н.* Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2013. Иркутск, 2013. С. 467–473; *Сентябова М.В.* Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950–1960-х гг. // Иркутский экономический ежегодник. 2121. Иркутск, 2021. С. 388–397.

¹⁵ Красноярский городской архив (КГА). Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 19; *Бурматов А.А.* Население Западной Сибири в 1964–1970 гг.: модернизация или дезорганизация? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2019. Т. 30. С. 62–70.

¹⁶ КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 192.

Еще одной характерной чертой младенческой смертности в Красноярске и в городах Красноярского края была ярко выраженная сезонность. Наибольшее число смертей детей в возрасте до года наблюдалось в зимние месяцы, что хорошо демонстрирует рис. 3. Достаточно высоким уровень смертности оставался в марте и апреле, стабильно снижаясь летом и в начале осени, чтобы снова вырасти к декабрю.

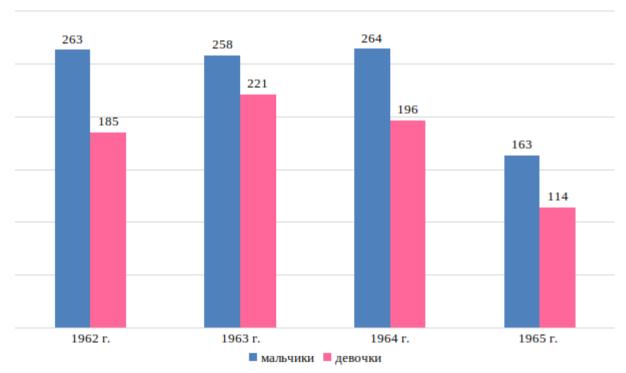

Рис. 2. Половая структура младенческой смертности в городах Красноярского края (1962—1965 гг.). Составлено по: Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 8. Д. 4. Л. 30; Д. 5. Л. 101; Д. 6. Л. 36; Ф. Д. 7. Л. 92.

Вышеупомянутая сезонность, на наш взгляд, была вызвана сочетанием природно-климатических и социально-бытовых факторов. Одной из основных причин младенческой смертности в Красноярке в исследуемый период следует признать респираторные инфекции и заболевания органов дыхания, в том числе занимавшую порядка 45 % в структуре смертности пневмонию в сприжи которой в Сибири были характерны именно для зимних и первых весенних месяцев, когда распространение сезонных респираторных инфекций сочеталось с холодной и ветреной погодой и со слишком низкой температурой в домах и детских учреждениях. Среди причин частой заболеваемости детей были также ослабленность в силу недоношенности и неблагоприятные материально-бытовые условия. Следом за младенческой смертностью от пневмонии шли болезни новорожденных (до 19 % к 1965 г.) и желудочно-кишечные заболевания (до 10 % к 1965 г.).

Высокий уровень младенческой и детской смертности, вызванной именно пневмонией, сопровождался обширной распространенностью данного заболевания. К началу 1960-х гг. в Красноярске простудные заболевания в форме катара верхних дыхательных путей и пневмонии занимали первое место в структуре заболеваемости, составляя около 30 % всех случаев заболеваемости¹⁸.

¹¹ КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 80. Л. 73.

¹8 Там же. Л. 69.

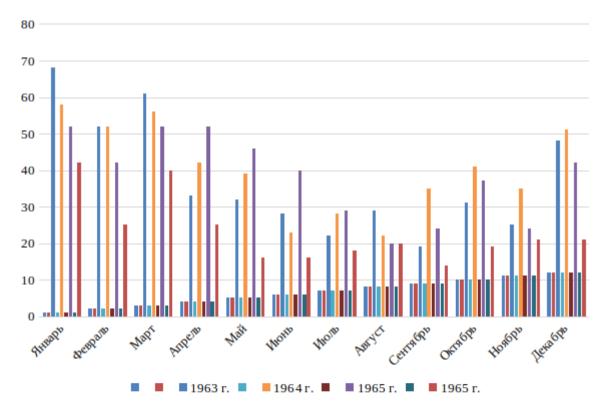

Рис. 3. Распределение младенческой смертности в городах Красноярского края по месяцам (1962–1965 гг.). Составлено по: ГАКК. Ф. Р.-1300. Оп. 8. Д. 4. Л. 30; Д. 5. Л. 101; Д. 6. Л. 36; Д. 7. Л. 92.

Как видно на рис. 4, летальность пневмонии была достаточно высокой, особенно среди детей первого года жизни. При этом высокой являлась также летальность от пневмонии на дому, составившая 20,8 % в 1960 г. и 21 % в 1961 г. ¹⁹ Причиной тому стала госпитализация, проводившаяся зачастую только по жизненным показаниям, т.е. требующим немедленного проведения данного лечебного мероприятия в связи с наличием непосредственной угрозы для жизни больного. Иногда дети умирали на дому, так как их матери в принципе не обращались за медицинской помощью, а диагноз пневмония был установлен уже при вскрытии ²⁰. Хотя летальность от пневмонии в целом снижалась – от 16 случаев на 1 000 в 1959 г. до 10,5 в 1961 г, в результате недостаточной госпитализации заболевших детей в 1965 г. все еще оставался высокий процент смертности от пневмонии на дому – 25 % против 20 % в 1960 г. ²¹

Серьезные недостатки наблюдались в работе по диагностике и лечению пневмонии: нарушение воздушного и других режимных моментов вследствие колоссальной перегрузки стационаров больными детьми и матерями; расположение детских соматических больниц в старых, зачастую непригодных для этого помещениях. Условия таких помещений не давали возможности для применения шлюзовой системы приема детей, что повлекло за собой рецидив заболеваний из-за реинфекции²².

¹⁹ КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 80. Л. 74.

²⁰ Там же. Д. 118. Л. 205.

²¹ Там же. Л. 252; Д. 80. Л. 74.

²² Там же. Д. 118. Л. 204.

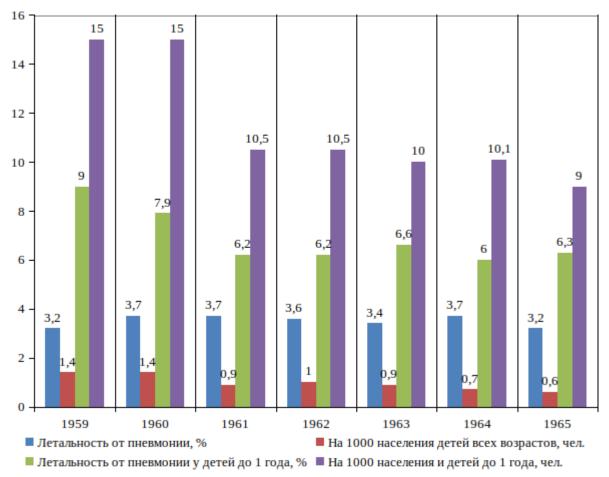

Рис. 4. Динамика детской и младенческой летальности от пневмонии (1959–1965 гг.). Составлено по: КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 201; Д. 80. Л. 74.

Из причин детской и младенческой смертности от пневмонии, не связанных с условиями оказания врачебной помощи, следует отметить несвоевременное обращение в медицинское учреждение. Так, к 1965 г. от пневмонии погибали в основном дети, поздно поступившие в больницу и потому имевшие выраженную кислородную недостаточность, а также дети с тяжелыми сопутствующими заболеваниями. Однако процент пневмонии в структуре смертности по стационарам к 1965 г. все же удалось снизить, что видно на рис. 5.

Рис. 5. Пневмония в структуре смертности по стационарам Красноярска (1960–1965 гг.). *Составлено по:* КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 220.

Помимо этого, большую роль играла диагностика пневмонии. Среди ошибок врачей-педиатров отмечались недостаточное обследование больных детей, не в полной мере назначенное комплексное лечение, игнорирование общего состояния и самочувствия больных детей, а также их бытовых и материальных условий.

Несмотря на все вышеперечисленное, график на рис. 4 демонстрирует устойчивое снижение практически всех показателей, в особенности показателя летальности от пневмонии на 1 000 населения, в т.ч. детей до года, который к 1965 г. снизился в 1,35 раза по сравнению с 1959 г. К 1965 г. снизилась и заболеваемость пневмонией – до 2,6 % (против 4 % в 1962 г.). Отныне пневмония оказалась на четвертом месте в структуре детской заболеваемости²³. Какие же меры были приняты для достижения таких показателей?

В рамках борьбы с заболеваемостью и смертностью от пневмонии проводились следующие мероприятия: санитарно-просветительная работа; индивидуальные беседы с родителями; лекции по вопросам ухода за детьми, вскармливания, закаливания, грамотного использования свежего воздуха и т.п. 24

Все детские поликлиники были оснащены физиотерапевтической аппаратурой, для каждой поликлиники подготовлены врачи-массажисты. По всему городу и отдельным учреждениям регулярно проводились анализы заболеваемости пневмонией, результаты которых заслушивались на аппаратных совещаниях в Городском отделе здравоохранения и на городских совещаниях врачей. В целях повышения качества диагностики, лечения и выхаживания больных пневмонией систематически проводились патологоанатомические конференции и объединенные городские конференции. Были организованы и еженедельные клинические конференции, на которых ставились реферативные доклады по вопросам диагностики, лечения пневмонии, выхаживания больных, также проводились разборы конкретных случаев заболевания²⁵.

В числе прочего, в первой половине 1960-х гг. была проделана значительная работа по повышению знаний врачей и средних медицинских работников. Для детских учреждений были подготовлены средние медработники по различным специальностям. При всех детских объединениях еженедельно работал совет сестер. Значительно вырос деловой и культурный уровень детских врачей города²⁶.

Велась активная работа по повышению уровня санитарной культуры среди населения путем проведения лекций и бесед в поликлиниках, на предприятиях, в школах, детских садах, на участках, также проводилась работа с санитарным активом. За один только 1961 г. было прочитано 1 587 лекций и проведено 31 075 бесед. На участках и в школах были выпущены санитарные бюллетени, стенные газеты, фотомонтажи, в школах организовывались уголки здоровья, доски вопросов и ответов. В ряде детских поликлиниках были организованы комнаты по воспитанию молодой матери, где проводился групповой прием здоровых детей. За 1961 г. было проведено 2 923 школ матерей. Врачи-педиатры принимали активное участие в санитарно-просветительной работе, публикуясь в журнале «Здоровье», выступая по радио и телевидению²⁷.

К 1965 г. все стационары города для лечения пневмонии были обеспечены всем необходимым оборудованием и медикаментами²⁸. Все заболевшие пневмонией дети госпитализировались в детские соматические больницы. В 1965 г. был проведен капитальный ремонт 3-й и 5-й детских больниц; 1-я детская больница была поставлена на капитальную реконструкцию и надстройку. Однако значительная часть детских больниц все еще оставалась в неприспособленных помещениях. Тем не менее, в стационарах, как правило, проводилось правильное и комплексное лечение.

В целом к 1965 г. значительно улучшился процесс лечения и выхаживания больных детей во всех детских больницах. По возрастной структуре в детские больницы госпитализировались преимущественно дети раннего возраста. Всего за 1965 г. было госпитализировано с пневмонией 2 058 детей, из них в возрасте до года – 1 006 или 48 %²⁹.

²³ КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 80. Л. 188.

²⁴ Там же. Д. 80. Л. 74.

²⁵ Там же. Л. 75.

²⁶ Там же. Л. 90.

²⁷ Там же. Л. 100.

²⁸ Там же. Д. 118. Л. 203.

²⁹ Там же. Л. 204.

Вышеуказанные меры позволили в определенной степени предотвратить осложненное течение пневмонии, вызванное несвоевременным обращением за медицинской помощью, – в результате был снижен уровень детской и младенческой госпитализации, что наглядно продемонстрировано на рис. 6.

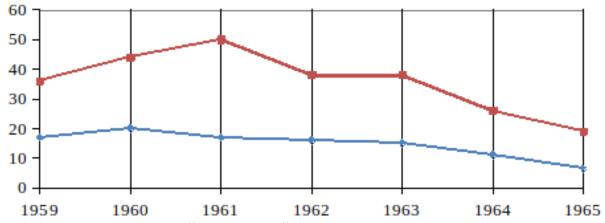

Рис. 6. Динамика детской и младенческой госпитализации в Красноярске (1959–1965 гг.). Составлено по: КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 220; Д. 80. Л. 69.

Годом ранее, в 1964 г. специально для лечения хронических и затяжных форм пневмонии были расширены санаторные койки с 20 до 50 на заезд. Во исполнение приказа Министерства здравоохранения СССР, в целях повышения квалификации врачей по вопросам пневмонии, на обществе детских врачей были даны установочные лекции на 1966 г., при этом врачами-педиатрами были составлены конкретные планы работы³⁰.

Была проведена работа по улучшению материально-технического состояния детских учреждений, прежде всего яслей. Вырос и общий уровень медицинского образования у заведующих детскими яслями — только двое из них не имели медицинского образования, в то время как остальные получили среднее медицинское образование. Во всех детских яслях проводились лекции и беседы с обслуживающим персоналом и родителями. Так, в рамках санитарно-просветительной работы в 1965 г. при детских яслях было прочитано 960 лекций, проведена 3441 беседа, проведено 53 школы матерей с 304 слушателями, а также выпущено 362 санитарных бюллетеня³¹. Количество же врачей-педиатров в Красноярске составило к 1965 г. 45 работников³².

Не последнюю роль в деле борьбы с пневмонией и другими заболеваниями сыграло увеличение числа врачебных участков в Красноярске. Положительную динамику можно наблюдать на рис. 7.

Рис. 7. Количество врачебных участков в Красноярске (1959–1965 г.). Составлено по: КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118. Л. 175.

³⁰ КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 80. Л. 205.

³¹ Там же. Л. 245–246.

³² Там же. Д. 182. Л. 17.

Таким образом, несмотря на не всегда простые условия, системой здравоохранения Красноярска на протяжении шести лет была проделана большая работа по борьбе с детской и младенческой заболеваемость и смертностью. Были проведены оснащение и ремонт детских больниц, повышение уровня высшего и среднего медицинского персонала, а также активная санитарно-просветительная работа с населением. Все это позволило снизить показатели заболеваемости и смертности от пневмонии.

Литература

Афанасова Е.Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2013. Иркутск, 2013. С. 467–473.

Баранцева Н.А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 3 т. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2012. Т. І. С. 109–114.

Бегизардов Я.Н. К вопросу об истоках депопуляции в Красноярском крае: 1960-е гг. // Социально-экономическое развитие Красноярского края. 1917–2006 гг.: мат-лы VI Краевед. чтений. Красноярск, 2007. С. 267–273.

Бегизардов Я.Н. К вопросу о динамике смертности городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов IV регион. молодеж. научн. конф., 22–24 августа 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 238–244.

Безносова Н.П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. // Историческая демография. 2013. № 2. С. 37–40.

Бурматов .А. Население Западной Сибири в 1964–1970 гг.: модернизация или дезорганизация? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2019. Т. 30. С. 62–70.

Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. 160 с.

Гонина Н.В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34.

Гонина Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х — конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-12.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.

Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 164–173 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3. С. 149–153.

Куцев Γ .Ф. Новые города: социологический очерк на материалах Сибири. М.: Мысль, 1982. 269 с.

Лапердин В.Б. Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов IV Всерос. молодеж. научн. конф., 20 августа 2016 г. Новосибирск, 2015. С. 238–245.

Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 166 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3. Кн. 2. 295 с.

Орлова И.В. Охрана материнства и младенчества в Восточной Сибири в 1920-е годы // Альманах сестринского дела. 2015. № 1. С. 22–24.

Рафикова С.А. Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 96–100.

Саркисов А.С. Младенческая смертность в СССР во второй половине 1930-х годов и ее основные причины // Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения: мат-лы междунар. симп., 15 ноября 2019 г. Москва, 2019. С. 292–298.

Сентябова М.В. Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950-х – 1960-х гг. // Иркутский экономический ежегодник. 2021. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 388–397.

Уваров С.Н. Сравнительная характеристика младенческой смертности у русских, удмуртов и татар Удмуртии в конце 1950-х - 1960-е гг. // Историческая демография. 2017. № 1. С. 51-54.

Фадеев А.В. Борьба с детской смертностью в СССР в 1920–1930-е гг. // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2012. № 1. С. 123–125.

References

Afanasova, E.N. (2013). Izmeneniye urovnya mladencheskoy smertnosti v Vostochnoy Sibiri v 1920–1930-kh gg. [The Change of Level of Infantile Mortality in Eastern Siberia in the 1920–1930s]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*. Irkutsk, pp. 467–473.

Barantseva, N.A. (2012). Okhrana materinstva i mladenchestva v Krasnoyarskom krae (1920–1930-e gg.) [Protection of Maternity and Infancy in the Krasnoyarsk Krai (1920s–1930s)]. In *Shestyye Baikalskie mezhdunarodnyye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya*. Irkutsk, pp. 109–114.

Begizardov, Ya.N. (2007). K voprosu ob istokakh depopulyatsii v Krasnoyarskom krae: 1960-e gg. [On the Origins of Depopulation in Krasnoyarsk Krai: 1960s]. In *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Krasnoyarskogo kraya*. 1917–2006 gg.: mat-ly VI Kraeved. chteniy. Krasnoyarsk, pp. 267–273.

Begizardov, Ya.N. (2010). K voprosu o dinamike smertnosti gorodskogo naseleniya Krasno-yarskogo kraya v 1960–1980-e gody [On the Dynamics of Urban Population Mortality in the Krasnoyarsk Krai in the 1960s–1980s]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy*. Novosibirsk, pp. 238–244.

Beznosova, N.P. (2013). Dinamika i razmery mladencheskoy smertnosti v Respublike Komi v 1921–1990 gg. [Dynamics and Dimensions of Infant Mortality in the Komi Republic in 1921–1990s]. In *Istoricheskaya demografiya*. No. 2 (12), pp. 37–40.

Burmatov, A.A. (2019). Naseleniye Zapadnoy Sibiri v 1964 – 1970 gg: modernizatsiya ili dezorganizatsiya? [The Population of Western Siberia in 1964–1970: Modernisation or Disorganisation?]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 30, pp. 62–70.

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoye naseleniye Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoye issledovanie* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: a Historical and Demographic Study]. Novosibirsk. 368 p.

Fadeev, A.V. (2012). Borba s detskoy smertnostiyu v SSSR v 1920–1930-e gg. [Combating Child Mortality in the USSR in the 1920s and 1930s]. In *Rossiyskaya akademiya meditsinskikh nauk. Byulleten Natsionalnogo nauchno-issledovatelskogo instituta obshchestvennogo zdorovya*. No. 1, pp. 123–125.

Gonina, N.V. (2016). Vliyanie migratsionnykh protsessov na formirovaniye gorodskogo naseleniya v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Influence of Migratory Processes on Formation of Urban Population in Krasnoyarsky Krai in 1954–1984]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 28–34.

Gonina, N.V. (2019). Demograficheskiye protsessy v malykh istoricheskikh gorodakh Angaro-Eniseiskogo regiona vo vtoroy polovine 1950-kh – kontse 1970-kh gg. [Demographic Processes in Historic Towns of the Angara-Yenisei Region in 1950s–1970s]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (6).

Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-12.pdf (date of access: 19.06.2020).

Kopylov, I.V. (2020). Vliyanie migratsii na rozhdaemost gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960–1980-e gody [The Impact of Migration on the Birth Rate of the Urban Population of the Krasnovarsk Region in the 1960–1980s]. In Istoricheskiy kurier. No. 4 (12), pp. 164–173 URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf (date of access: 19.06.2020).

Kopylov, I.V., Slavina, L.N. (2014). Demograficheskaya politika v Krasnoyarskom krae v 1960–1980-kh gg. [Demographic Policy in the Krasnoyarsk Krai in 1960–1980-ies]. In Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafieva. No. 3 (29), pp. 149–153.

Kutsev, G.F. (1982). Novyye goroda: sotsiologicheskiy ocherk na materialakh Sibiri [New Cities: a Sociological Essay of Siberia]. Moscow, Mysl'. 269 p.

Laperdin, V.B. (2015). Detskaya smertnost' v Zapadnoy Sibiri v 1946-1950 gg. [Child Mortality in Western Siberia in 1946–1950]. In Aktualnyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Novosibirsk, pp. 238–245.

Malinin, E.D., Ushakov, A.K. (1976). Naselenie Sibiri [Population of Siberia]. Moscow, Statistika.166 p.

Orlova, I.V. (2015). Okhrana materinstva i mladenchestva v Vostochnov Sibiri v 1920-e gody [Maternal and Infant Protection in Eastern Siberia in the 1920s]. In Al'manakh Sestrinskogo Dela. Irkutsk, pp. 22–24.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2011). Naseleniye Rossii v XX veke. Istoricheskiye ocherki [The Population of Russia in the Twentieth Century. Historical Sketches]. Moscow. Vol. 3, No. 2. 295 p.

Rafikova, S.A. (2010). Dinamika, chislennost i razmeshcheniye gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960-e gg. [Dynamics, Number and Distribution of Urban Population of the Krasnovarsk Region in the 1960s]. In Gumanitarnyve *nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 96–100.

Sarkisov, A.S. (2019). Mladencheskaya smertnost' v SSSR vo vtoroy polovine 1930-kh godov i ee osnovnyye prichiny [Infant Mortality in the USSR in the Second Half of the 1930s and its Main Causes]. In Aktualnyye voprosy istorii meditsiny i zdravookhraneniya: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Moscow, pp. 292–298.

Sentyabova, M.V. (2021). Dinamika zabolevaemosti i rabota v sfere detskogo zdravookhraneniya v Krasnoyarske v 1950-kh – 1960-kh gg. [Dynamics of Morbidity and Work in the Field of Children's Health Care in Krasnovarsk in the 1950s-1960s]. In Irkutskiy Ekonomicheskiy Ezhegodnik. Irkutsk, pp. 388–397.

Uvarov, S.N. (2017). Sravnitel'naya kharakteristika mladencheskoy smertnosti u russkikh, udmurtov i tatar Udmurtii v kontse 1950-kh - 1960-e gg. [Comparative Characteristics of Infant Mortality Among Russians, Udmurts, and Tatars in Udmurtia in the late 1950s and 1960s]. In Istoricheskaya Demografiya. No. 1 (19), pp. 51–54

Vorobyev, V.V. (1977). Naselenye Vostochnoy Sibiri: sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya [Population of Eastern Siberia: Current Dynamics and Forecasting Issues] Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-e. 160 p.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

О.Б. Дашинамжилов*

Роль миграций в формировании населения городов Омской области в контексте хозяйственного освоения востока страны в 1960-е годы

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-14 УДК 94:314.15(571.13)"196"

Выходные данные для цитирования:

Дашинамжилов О.Б. Роль миграций в формировании населения городов Омской области в контексте хозяйственного освоения востока страны в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 154—162. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-14.pdf

O.B. Dashinamzhilov*

The Role of Migration in the Formation of Urban Populations of the Omsk Region in the Context of Economic Development of the East of the Country in 1960s

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-14

How to cite:

Dashinamzhilov O.B. The Role of Migration in the Formation of Urban Populations of the Omsk Region in the Context of Economic Development of the East of the Country in 1960s // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 154–162. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-14.pdf

Abstract. The present research is relevant due to the course of implementing the policy aimed at rationalizing the territorial distribution of productive forces and the development of natural resources in the eastern regions, the nature of the migration movement of the population in a number of regions of Siberia has changed. In this regard, it is highly instructive to see how spatial movements in its individual regions have been transformed. While some attention has been paid to migration in Siberia as a whole, there are still many poorly understood aspects of the problem at the regional level. The article considers the scale, trends and territorial directions of migration flows in urban settlements of the Omsk region in the 1960s. The resource base of the research was the All-Union censuses and the materials of the current population registration extracted from the central and regional archives and libraries. The study revealed that spatial movements in the cities of the Omsk region corresponded to the trends characteristic of Russia as a whole. The number of potential rural migrants has decreased, and the volume of intercity flows has increased. The outflow of population from small towns such as Isilkul, Tara, Tyukalinsk and many urban-type settlements has increased. The policy of intensive economic development of the eastern regions in the 1960s practically did not affect the Omsk region, since the main capital investments were initially directed to Kazakhstan and Central Asia. Nevertheless, the cumulative positive balance of migration in cities and towns in the region was high due to the intensive economic development of Omsk at that time.

Keywords: migration; urban population; economy; Siberia; Omsk region.

The article has been received by the editor on 27.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В ходе реализации государственной политики, нацеленной на рационализацию территориального размещения производительных сил и освоение природных ресурсов восточных районов, изменился характер миграционного движения населения в Сибири. В этой связи большой интерес представляет то, каким образом трансформировались пространственные перемещения в ее отдельных регионах. Если миграциям в целом по Сибири уделено определенное внимание, то на региональном уровне по-прежнему суще-

Dashinamzhilov Odon Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Odon@bk.ru

^{*} **Дашинамжилов Одон Борисович,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Odon@bk.ru

ствует множество малоизученных аспектов этой проблемы. В частности, не выявлены особенности миграций в Омской области, недостаточно изучена их взаимосвязь со сложившимися в регионе историческими условиями. В статье рассмотрены масштабы, тенденции и территориальные направления миграционных потоков в городских поселениях Омской области в 1960-е гг. Источниковой базой работы стали Всесоюзные переписи и материалы текущего учета населения, извлеченные из центральных и региональных архивов и библиотек. В результате исследования выявлено, что пространственные перемещения в городах Омской области в общих чертах соответствовали тенденциям, характерным для России в целом. Количество потенциальных сельских мигрантов уменьшилось, возросли объемы межгородских потоков. Вырос отток населения из малых городов, таких как Исилькуль, Тара, Тюкалинск и многих поселков городского типа (пгт). Политика интенсивного хозяйственного освоения восточных районов в 1960-е гг. практически не отразилась на Омской области, так как основные капитальные вложения были направлены первоначально в Казахстан и Среднюю Азию. Тем не менее, совокупное положительное сальдо миграции городов и пгт региона оказалось высоким благодаря интенсивному экономическому развитию Омска в это время.

Ключевые слова: миграции, городское население; экономика; Сибирь; Омская область.

В восточных районах СССР миграция традиционно играла высокую роль. С середины 1950-х гг. советским государством был взят курс на рационализацию территориального размещения производительных сил. Освоение природных ресурсов стало главным фактором, определяющим развитие востока страны. Невысокая плотность местного населения в сочетании с активным индустриальным строительством вызвали высокий спрос на рабочую силу. Именно поэтому большой интерес представляет вопрос о том, каким образом такая экономическая политика отразилась на демографических процессах в сибирских регионах, в том числе среди городского населения.

В области изучения пространственных перемещений населения на востоке СССР еще в советское время был создан определенный задел. В трудах Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковской, Б.С. Хорева и В.Н. Чапека, А.В. Топилина, Л.В. Макаровой, Г.Ф. Морозовой, Н.В. Тарасовой и других авторов рассматривались различные аспекты миграций в восточных районах¹. Межрайонные перемещения населения непосредственно в Сибири анализировались в работах В.И. Переведенцева, Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова². Среди исторических исследований следует отметить коллективные монографии «Население Западной Сибири в XX веке» и «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в.», подготовленные в Институте истории СО РАН³.

Если миграциям в Сибири в целом уделено определенное внимание, то на региональном уровне по-прежнему существует множество малоисследованных аспектов проблемы. Не выявлены особенности миграций в Омской области, недостаточно изучена их взаимосвязь со сложившимися в регионе историческими условиями. Основной целью статьи является изучение масштабов, тенденций и территориальных направлений миграционных потоков в городах Омской области в 1960-е гг. Источниковой базой исследования стали Всесоюзные переписи и данные текущего учета населения, извлеченные из центральных и региональных архивов и библиотек.

¹ Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972; Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986; Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975; Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (Статистико-географические очерки). М., 1978.

² Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.

³ Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2011; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.

На XX съезде КПСС, проходившем в 1956 г., было указано на необходимость «ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов страны» 4. На нем было предложено обеспечить в этих районах более высокие темпы строительства, создать комплекс предприятий тяжелой промышленности. Для этого следовало ограничить дальнейшую организацию новых крупных производств в европейской части страны и на Урале. На XXI съезде КПСС (1959 г.) для выполнения поставленных задач было решено направить на Урал, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию и на Дальний Восток до 40 % всех капиталовложений 5.

Согласно опубликованной статистике, в 1959–1965 гг. в приоритете оказались республики Средней Азии и Казахская ССР. Доля Российской Федерации в общем объеме капитальных затрат снизилась. Если в 1959 г. она составляла 65,1 %, то в 1965 г. – только 60,6 %. Объем вложений в Казахстан за этот период увеличился почти в два раза, в Узбекистан – в 2,6 раза, в Таджикистан – в 2,2, тогда как в Россию – только в полтора раза. В Западной Сибири капиталовложения увеличились примерно в 1,6 раза. Здесь предполагалось осуществить строительство Западно-Сибирского металлургического комбината в Кемеровской области, реконструировать уже действующие предприятия. Добычу нефти и газа планировалось увеличить на Северном Кавказе, в Поволжье и Средней Азии. Отсюда следует, что экономический рост регионов Западной Сибири первоначально был относительно скромным, что отразилось на миграционных процессах.

В пределах РСФСР ускоренными темпами происходил индустриальный подъем Поволжья, Центрально-Черноземного и Восточносибирского районов, Дальнего Востока. В результате Западная Сибирь стала «отдавать» свою рабочую силу как республикам Центральной Азии, так и многим другим экономическим районам России. Эта тенденция усилилась на рубеже 1950–1960-х гг. после начала массового оттока населения из деревни. Убыль из сельской местности Западной Сибири за 1959–1969 гг. превысила 1,6 млн чел. 6

Большая часть экономических районов России стала терять свое население. Общие миграционные потери РСФСР за 1959–1969 гг. составили 1,7 млн чел., в том числе Западной Сибири – 765,7 тыс. чел. Экономический подъем в регионах Западной Сибири в 1960-е гг. оказался недостаточным, чтобы обеспечить занятость всем трудовым ресурсам, высвобождаемым деревней. Притоку населения не способствовали и другие причины. В связи с тем, что миграционный отток достиг больших величин, численность городских жителей в 1960-е гг. выросла только на 29,8 %, тогда как в России в целом – на 31,4, а в Советском Союзе – на 36,0 %.

Курс на ускоренное промышленное развитие восточных районов был подтвержден на XXIII съезде КПСС (1966 г.). Что касается Западной Сибири, то здесь было решено создать крупный нефтегазовый промышленный комплекс⁷. Однако во второй половине 1960-х гг. он еще не мог оказывать серьезного влияния на демографическое развитие экономического района. Так, если в среднем по России в 1966–1968 гг. на каждые 100 человек естественного прироста трудовых ресурсов было создано 147 рабочих мест, то в Западной Сибири только 94⁸.

Итак, 1959-1970 гг. оказались не совсем благоприятными для Западной Сибири. По данным А.А. Бурматова, сальдо миграции региона стало отрицательным уже в 1950-е гг., составив около 150 тыс. чел. (без Тюменской области) 9 . Часть населения стремилась выехать

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 75.

⁵ Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 218.

 $^{^6}$ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 254.

 $^{^7}$ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенограф. отчет. М., 1966. Т. 2. С. 365.

⁸ *Майков А.* Основные направления миграции и совершенствование территориального перераспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР) // Народонаселение. М., 1973. С. 36.

⁹ *Бурматов А.А.* Миграции населения Западной Сибири в 1950-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 131–139.

в другие более благополучные в социально-экономическом и природно-климатическом отношении регионы¹⁰. Омская область не стала исключением. За 1959–1970 гг. миграционный отток из области превысил 100 тыс. чел. Однако ее потери оказались не так велики, как, например, у Алтайского края (382,6 тыс. чел.) или Кемеровской области (246,6 тыс. чел.). Отрицательное сальдо миграции соседней Новосибирской области было таким же, но в относительном выражении оно было меньше из-за большей численности населения. Приток населения в эти годы был отмечен лишь в Тюменской области (126,3 тыс. чел.), где, как уже говорилось, началось формирование нового нефтедобывающего района.

На фоне других регионов Западной Сибири экономика Омской области в 1960-е гг. росла все же более быстрыми темпами, что отразилось на демографическом развитии ее городов. Развивались машиностроение, химическая промышленность. В Омске были построены крупные заводы синтетического каучука, технического углерода, росли объемы нефтепереработки, развернулось активное жилищное строительство¹¹. Регион занял второе место по размерам роста индустриального производства в Западной Сибири после Тюменской области¹².

Численность городского населения за 1959–1970 гг. увеличилась на 41,9 %. По материалам текущего учета за 1959–1970 гг. доля области в общем миграционном обороте (число прибывших и выбывших) городских поселений Западно-Сибирского экономического района увеличилась с 8,1 % до 10,4 %. Механический прирост всех городских поселений за 1959–1969 гг. составил 188,9 тыс. чел., однако значительную его часть дали административные преобразования сел в поселки городского типа. Так, в 1960 г. возникли птт Большеречье (6,6 тыс. чел.), Кормиловка (6,0 тыс.), Береговой (3,8 тыс.). В 1962 г. – Крутая Горка (3,3 тыс.), в 1968 г. – Муромцево (9,0 тыс.) и Крутинка (6,2 тыс.), в 1969 г. – Таврическое (5,3 тыс.) и Саргатское (5,9 тыс.)¹³. Численность жителей Омска увеличилась за это время на внушительные 240 тыс. чел., из них 151,1 тыс. дал механический прирост. В других городах отмечен миграционный отток населения. Тара, Тюкалинск, Исилькуль, Калачинск и Называевск являлись малыми городами с населением до 50 тыс. чел., развитие которых в рассматриваемый период затормозилось.

На поздних стадиях индустриализации происходит концентрация промышленных мощностей в крупных городских центрах, что приводит к снижению экономического, а следовательно, и демографического веса малых городских поселений. Узкая специализация и ограниченные возможности приложения труда не благоприятствовали промышленному росту. На этом историческом этапе проблемы удовлетворения первичных потребностей, например, в пище, жилье или работе в основном уже решены обществом. Требования к жизни начинают повышаться, людей больше интересует материальный достаток, карьера. Всего этого легче достичь в крупных городах.

У некоторых из малых городов отсутствовали железнодорожное сообщение и строительная база, они испытывали недостаток водных ресурсов, обладали слаборазвитой социальной и технической инфраструктурой, на низком уровне была обеспеченность трудовыми ресурсами. Согласно материалам переписи 1970 г. 80 % нуждающихся в работе в малых городах РСФСР составляли женщины, которым требовались определенные условия, например, трудоустройство вблизи места проживания, на неполный рабочий день, детские дошкольные учреждения.

В таких городах можно было размещать заводы с небольшой численностью работников, однако министерства располагали лишь ограниченным набором типовых проектов таких предприятий. Даже в 1975 г. организаций гражданского и промышленного строительства не было у двух третьих малых городов Западной Сибири, а у оставшейся трети мощности были

 $^{^{10}}$ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965. С. 127.

¹¹ Очерки истории города Омска. Омск, 2005. Т. 2: Омск. XX век. С. 286–287.

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодник. М., 1970. С. 40.

¹³ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 131.

незначительными¹⁴. У многих из них не было общегородской канализации или коммунального водопровода. Индустриальному строительству могли мешать также природные особенности местности¹⁵. По оценкам ученых, определенные условия для промышленного развития имелись только в половине средних и малых городов Западной Сибири.

Слабый экономический потенциал малых городов и пгт, где, как правило, функционировали небольшие предприятия — горпищекомбинаты, хлебозаводы, комбинаты бытового обслуживания, сдерживал создание учреждений культурно-бытового обслуживания и образовательных заведений. Так как малым городам становилось сложно удовлетворять растущие потребности своего населения, это приводило к оттоку трудовых ресурсов, прежде всего молодежи, а сельские жители из окружающей местности предпочитали переселяться в средние и крупные города¹⁶. У многих малых городов возникло отрицательное сальдо миграции, хотя отток или приток населения сильно зависел от структуры городской экономики¹⁷.

С середины 1960-х гг. были предприняты меры по ускорению экономического роста малых городов. В некоторых из них стали строить филиалы крупных предприятий. Однако во многих городских поселениях (особенно с населением до 20 тыс. жителей) длительное время не велось производственного и культурно-бытового строительства.

Экономический анализ малых городов страны, осуществленный в соответствии с приказом Госплана СССР в 1967 г., показал, что в Омской области они полностью соответствовали вышеназванным характеристикам. Вблизи них отсутствовали какие-либо значимые месторождения природных ресурсов, кроме малоценной кирпичной глины. Канализационных сооружений не было во всех городах, источниками электроэнергии являлись маломощные подстанции. Например, в Исилькуле обеспеченность жилой площади водопроводом составляла всего 3,7 %. В городе не планировалось строительства промышленных объектов, сметная стоимость которых превышала 0,4 млн руб. Госпланом РСФСР не рекомендовалось размещение в городе предприятий, которым для осуществления производственной деятельности требовалось большое количество воды, в связи с отсутствием поверхностных водных источников¹⁸.

Калачинску повезло чуть больше. Удобное географическое положение, наличие водных ресурсов позволили строить более крупные предприятия. На механическом заводе, производившем запчасти к сельхозмашинам, было занято около тысячи человек, объем производимой продукции достигал 13,4 млн руб. Предприятия Исилькуля как по численности персонала (не более 400 чел.), так и по объему производимой продукции заметно уступали Калачинску. По плану строительства на 1966 г. город получил капиталовложений на общую сумму 2,3 млн руб., тогда как Исилькуль – в два с половиной раза меньше (870 тыс. руб.). Еще меньше повезло Называевску, где общая сметная стоимость строительства составила всего 320 тыс. руб. В результате в 1959—1970 гг. механический отток населения из Исилькуля достиг 2,1 тыс. чел., из Называевска — 2,6 тыс., тогда как из Калачинска — только 0,5 тыс. чел. Дополнительными факторами, стимулирующими миграцию из этих трех городов, стали проходящие через них железные дороги.

Тара и Тюкалинск Омской области являлись малыми сибирскими городами с богатым историческим прошлым. Строительство Транссибирской магистрали негативно отразилось на их экономическом положении²⁰. Перспективы развития Тары можно рассматривать как

 $^{^{14}}$ Малые и средние города РСФСР. Характеристика, условия и направления развития: науч.-информ. сб. М., 1976. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 230.

 $^{^{16}}$ См., например: Миграция сельского населения. М., 1970. С. 117–118.

¹⁷ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. М., 1972. С. 11.

¹⁸ Краткие технико-экономические характеристики малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий. РСФСР. Западно-Сибирский экономический район СССР. М., 1967. Т. V.

¹⁹ Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2122, Оп. 1. Д. 4470. Л. 15–17; Д. 4851, Л. 101.

²⁰ Голубецкий И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. Омск, 1970. С. 85, 119.

средние, так как по плану хозяйственного строительства в 1966 г. она должна была получить более 1 млн руб. на реконструкцию и расширение действующих предприятий. Тем не менее, отток населения из города в 1960-е гг. составил 2,1 тыс. чел.

В Омской области лишь Тюкалинск вообще выпал из списка поселений, рекомендуемых для размещения промышленных предприятий. Он разделил участь многих исторических городов европейской части страны, став центром района развитого животноводства и земледелия²¹. Отрицательное сальдо миграции составило около 0,8 тыс. чел. Из-за отсутствия железнодорожного сообщения размеры миграционного оттока оказались относительно невысокими.

Интересно, что общее отрицательное сальдо миграции пгт, судя по косвенным данным, оказалось небольшим. Так, если в малых городах из-за миграций численность жителей почти не изменилась, то в ряде омских пгт был отмечен определенный демографический рост. Например, с момента образования население существенно увеличилось в поселках Большеречье, Москаленки, Береговой, Крутая Горка, Красный Яр.

Источники позволяют дать оценку межтерриториальным миграциям городского населения области. Для удобства разделим изучаемый период на два временных отрезка (1959–1964 и 1965–1969 гг.). Большая часть населения в 1959–1964 гг. мигрировала в рамках РСФСР, на которую приходилось более 80 % от общего миграционного оборота, в том числе чуть более половины на регионы Западной Сибири. Непосредственно на Омскую область приходилось около трети общего объема миграций. Самые тесные миграционные связи сложились с соседними регионами – Новосибирской и Тюменской областями, за ними следовали Алтайский край и Кемеровская область. Интенсивность пространственных перемещений с Томской областью оказалась самой низкой, даже миграционный оборот с Красноярским краем был выше. Среди союзных республик выделялась Украина, на которую приходилось 4,7 % от общего объема миграций. Доля Казахстана, благодаря пограничному положению, достигла 8,3 %. Сальдо миграции почти со всеми экономическими районами и республиками было положительным за счет притока из их сельской местности²².

Если рассматривать потоки миграций по отдельности, то будет видно, что в межгородском обмене населением, в отличие от сельско-городского, несколько усилились негативные для городов области тенденции. Немного увеличился отток, как в западном, так и в восточном направлениях. Однако существенного влияния на размеры и сальдо миграции эта тенденция не оказала.

Следует отметить большое отрицательное сальдо в межгородском потоке с Казахской ССР. Дело в том, что приток населения играл большую роль в ее экономическом развитии. Внутренние миграции стали превышать межреспубликанские только начиная с 1966 г.²³ Численность жителей Казахстана, прежде всего его северных районов, особенно быстро росла в годы освоения целинных земель²⁴. В 1960-е гг. республика сохранила высокие темпы промышленного роста, которые превысили показатели по СССР в целом. Тем не менее, отток из городов Омской области в города Казахской ССР перекрывался значительным встречным притоком из ее сельской местности.

Отрицательное сальдо миграции омских городов образовалось в обмене с Украинской ССР. Горожан области привлекали высокий уровень ее социального и экономического развития, благоприятные климатические условия. Тем более что по темпам промышленного роста Украина в 1960-е гг. не уступала РСФСР. Отток населения сформировался также в миграционном взаимодействии с республиками Средней Азии. Специфика их демографического развития заключалась в широком привлечении внешних трудовых ресурсов. Дело в

²¹ Долгушин А. Тюкалинские были. Очерки истории города и района. Омск, 1996. С. 109.

²² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7868. Л. 5–6 об; Оп. 32а, Д. 3059, Л. 39–40 об; Д. 7046, Л. 121–122 об.

²³ *Рогачев А.А.*, *Москвина Г.Д.*, *Сайкин В.П.* Вопросы миграции населения в Казахстане // Особенности миграции населения в союзных республиках. М., 1978. С. 68.

 $^{^{24}}$ Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946—1965 гг.). Алма-Ата, 1976. С. 64.

том, что удельный вес занятых в аграрном секторе среди титульного населения был существенно выше, чем в среднем по СССР, его миграционная подвижность оставалась невысокой. Например, доля национальных кадров среди рабочих в Киргизской ССР в 1959 г. составила только $10.3\%^{25}$. Плохое знание коренным населением русского языка затрудняло адаптацию на промышленных предприятиях и обретение профессионального образования.

В 1965–1969 гг. тенденция оттока населения из восточных районов усилилась, затронув омские города. Распределение миграционного оборота по экономическим районам и республикам осталось почти прежним. Если в начале 1960-х гг. в межгородском потоке еще существовало положительное сальдо в обмене с некоторыми экономическими районами, то во второй половине 1960-х гг. оно стало повсеместно отрицательным, к тому же увеличившись в размерах. Тем не менее, отток из городов компенсировался возросшим притоком из сельской местности, так что совокупное положительное сальдо миграции городских поселений даже повысилось. Кроме Украины и республик Средней Азии отрицательное сальдо сформировалось во взаимодействии с Белоруссией, Молдавией, Прибалтийским экономическим районом. Усилился приток населения из Казахстана²⁶.

Итак, можно увидеть, что пространственные перемещения в регионе в общем соответствовали тенденциям, характерным для России в целом. Количество потенциальных мигрантов на селе уменьшалось, вследствие чего росли объемы межгородских потоков. Начался отток населения из малых городов. При этом политика интенсивного освоения восточных районов в 1960-е гг. не отразилась на Омской области. Большие капитальные вложения были первоначально направлены в Казахстан и республики Средней Азии, а во второй половине 1960-х гг. в районы тюменского севера. Тем не менее, положительное сальдо миграции городских поселений Омской области оказалось высоким благодаря интенсивному экономическому развитию областного центра в рассматриваемое время.

Литература

Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.). Алма-Ата: Наука, 1976. 272 с.

Бурматов А.А. Миграции населения Западной Сибири в 1950-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 131–139 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-10.pdf (дата обращения: 27.05.2021).

Голубецкий И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. Омск: Зап-Сиб. кн. издво, 1970. 132 с.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018.

Долгушин А. Тюкалинские были. Очерки истории города и района. Омск: Омич, 1996. 159 с.

Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.

История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / ред А.К. Карып-кулов и др. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. Т. 4: Киргизия в 1938–1960 гг. 480 с.

 $\it Maйков\,A$. Основные направления миграции и совершенствование территориального перераспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР) // Народонаселение: сб. науч. ст. М., 1973. С. 27–42.

Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986. 120 с.

Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 166 с.

 $^{^{25}}$ История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1990. Т. 4: Киргизия в 1938–1960 гг. С. 336.

²⁶ ГИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4476, Л. 142–143 об; Д. 4846. Л. 100–101 об; Д. 5042. Л. 17–18 об; Д. 5298. Л. 3–4 об; Д. 5671. Л. 9–10 об.

Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города / отв. ред. Б.С. Хорев. М.: МГУ, 1972. 247 с.

Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XX вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.

Миграция сельского населения / ред. Т.И. Заславская. М.: Мысль, 1970. 348 с.

Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.

Очерки истории города Омска. XX век / отв. ред. А.П. Толочко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Т. 2: Омск. 400 с.

Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1966. 96 с.

Рогачев А.А., Москвина Г.Д., Сайкин В.П. Вопросы миграции населения в Казахстане // Особенности миграции населения в союзных республиках: сб. науч. ст. М., 1978. С. 59–76.

Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.

Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М.: Мысль, 1965. 303 с.

Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М.: Экономика, 1975. 159 с.

Хорев Б.С., *Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения (Статистико-географические очерки). М.: Мысль, 1978. 254 с.

References

Asylbekov, M.Kh., Nurmukhamedov, S.B., Pan, N.G. (1976). *Rost industrialnykh kadrov rabochego klassa v Kazakhstane (1946–1965 gg.)* [The Growth of Industrial Staff of the Working Class in Kazakhstan (1946–1965)]. Alma-Ata, Nauka. 272 p.

Burmatov, A.A. (2020). Migratsii naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1950-e gody [Migration of the Population of Western Siberia in the 1950s]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4, pp. 131–139. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-10.pdf (date of access: 27.05.2021).

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoye naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoye issledovaniye* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: A Historical and Demographic Study]. Novosibirsk, Nauka, SO RAN. 368 p.

Dolgushin, A. (1996). *Tyukalinskie byli. Ocherki istorii goroda i rayona* [The Tyukalinsk Tales. Essays on the History of the City and the District]. Omsk, Omich. 159 p.

Golubetskiy, I.S. (1970). *Sela, rabochiye poselki i goroda Omskoy oblasti* [Villages, Working Settlements and Cities of the Omsk Region]. Omsk, Zap-Sib. kn. izd-vo. 132 p.

Guschin, N.Ya., Isupov, V.A. (Ed.). (1997). *Naseleniye Zapadnoy Sibiri v XX veke* [Population of Western Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk, SO RAN. 171 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsii naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XX vv*. [Migration of the Population of Asian Russia: Late 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Parallel'. 392 p.

Karypkulov, A.K. *et al.* (Eds.). (1990). *Istoriya Kirgizskoy SSR: s drevneishikh vremen do nashikh dney* [History of the Kyrgyz SSR: From Ancient Times to the Present Day]. Vol. 4: Kirgiziya v 1938–1960. Frunze, Kyrgyzstan. 480 p.

Khorev, B.S. (Ed.). (1972). *Malyy gorod. Sotsial'no-demograficheskoye issledovaniye nebol'shogo goroda* [Small Town. Socio-demographic Study of a Small Town]. Moscow, MGU. 247 p.

Khorev, B.S., Chapek, V.N. (1978). *Problemy izucheniya migratsii naseleniya (Statistiko-geograficheskiye ocherki)* [Problems of Population Migration Research (Statistical and Geographical Essays)]. Moscow, Mysl'. 254 p.

Maikov, A. (1973). Osnovnye napravleniya migratsii i sovershenstvovanie territorial'nogo pereraspredeleniya trudovykh resursov (po dannym RSFSR) [The Main Directions of Migration

and Improvement of the Territorial Redistribution of Labor Resources (According to the RSFSR Data)]. In *Narodonaseleniye*: sbornik nauchnykh statey. Moscow, pp. 27–42.

Makarova, L.V., Morozova, G.F., Tarasova, N.V. (1986). *Regional'nyye osobennosti migratsionnykh protsessov v SSSR* [Regional Features of Migration Processes in the USSR]. Moscow, Nauka. 120 p.

Malinin, E.D., Ushakov, A.K. (1976). *Naseleniye Sibiri* [Population of Siberia]. Moscow, Statistika. 166 p.

Perevedentsev, V.I. (1966). *Migratsiya naseleniya i trudovyye problemy Sibiri* [Population Migration and Labor Problems in Siberia]. Novosibirsk, Zap-Sib. kn. izd-vo. 96 p.

Rogachev, A.A., Moskvina, G.D., Saykin, V.P. (1978). Voprosy migratsii naseleniya v Kazakhstane [Migration Issues in Kazakhstan] In *Osobennosti migratsii naseleniya v soyuznykh respublikakh:* sbornik nauchnykh statey. Moscow, DSP, pp. 59–76.

Rybakovskiy, L.L. (1973). *Regional'nyy analiz migratsii* [Regional Migration Analysis]. Moscow, Statistika. 159 p.

Sonin, M.Ya. (1965). *Aktual'nyye problemy ispol'zovaniya rabochey sily v SSSR* [Actual Problems of the Use of Labor in the USSR]. Moscow, Mysl. 303 p.

Tolochko, A.P. (Ed.). (2005). *Ocherki istorii goroda Omska* [Essays on History of Omsk City]. Vol. 2: Omsk. XX vek. Omsk, OmGU. 400 p.

Topilin, A.V. (1975). *Territorial'noye pereraspredeleniye trudovykh resursov v SSSR* [Territorial Redistribution of Labor Resources in the USSR]. Moscow, Ekonomika. 159 p.

Zaslavskaya, T.I. (Ed.). (1970). *Migratsiya selskogo naseleniya* [Rural Population Migration]. Moscow, Mysl. 348 p.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1972). *Novosely v gorodakh (metody izucheniya prizhivaemosti)* [New Settlers in Cities (Methods of Studying Survival Rate)]. Moscow, Statistika. 164 p.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Н.В. Гонина*

Демографическая диалектика Красноярска в 1960-е годы**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-15 УДК 994(571).084.9.312.9.711.451.«1960/1969» Выходные данные для цитирования:

Гонина Н.В. Демографическая диалектика Красноярска в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 163—173. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-15.pdf

N.V. Gonina*

Demographic Dialectics of Krasnoyarsk in the 1960s**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-51

How to cite:

Gonina N.V. Demographic Dialectics of Krasnoyarsk in the 1960s // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 163–173. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-15.pdf

Abstract. In the 1960s, there was an increase in the birth rate and a decrease in mortality in the RSFSR. The success of healthcare has contributed to an increase in the survival rate and an increase in the life expectancy of the population. Cities were being improved, the range of available goods increased and life became more and more comfortable. This contributed to the attraction of migrants from rural areas and the mechanical growth of the urban population. The so-called young cities, where young people predominated, looked especially good, and the level of improvement was high. However, in large cities and especially regional centers, a different situation was observed. This is where the demographic transition came into its own. The number of second and third children in families has sharply decreased. The age of a woman at the birth of her first child increased. The "echo of war" also played its role. In the 1960s, a small and weak generation of the war years entered the reproductive age. As a result, the prerequisites for a reduction in the population gradually developed. The active migration influx did not solve the problem, since the departure from Krasnovarsk was almost equal to the number of arrivals. An additional factor was the young cities, which attracted a significant part of the migrants. A monocentric agglomeration was formed in the Krasnovarsk Territory and Krasnovarsk concentrated 50 % of the region's population. Housing construction did not keep up with the population growth. Queues formed for well-equipped apartments. Many young families lived in barracks and communal apartments, which did not stimulate the birth rate. The indigenous residents of the city who inherited the ancestral nests – wooden one-story houses – could not get an apartment, since they were considered to be provided with living space. Supplying the largest city was also a difficult task. For example, after the ban on keeping cattle in the cities, fresh milk became a shortage. Thus, a paradoxical situation developed. The overall favorable indicators did not give the desired results. And although the number of the population of Krasnoyarsk increased, but already in the late 1960s, the birth rate was declining and, in general, the growth rate was falling.

Keywords: birth rate; infant mortality; supermortality; natural growth; migration; mechanical growth; the 1960s; Krasnoyarsk.

The article has been received by the editor on 30.07.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В 1960-х гг. в РСФСР наблюдались рост рождаемости и снижение смертности. Успехи здравоохранения способствовали повышению выживаемости и увеличению продолжительности жизни населения. Города благоустраивались, ассортимент доступных

^{*} **Гонина Наталья Владимировна,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nvg7@mail.ru

Gonina Natalia Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nvg7@mail.ru

^{**} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 19-49-240002.

The study was carried out with the financial support of the RFBR, the Government of the Krasnoyarsk Territory and the Regional Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-49-240002.

благ увеличивался и жизнь становилась все комфортнее. Это способствовало привлечению мигрантов из сельской местности и механическому росту городского населения. Особенно хорошо выглядели так называемые молодые города, где преобладала молодежь и уровень благоустройства был высок. Однако в больших городах и особенно региональных центрах, в т.ч. в Красноярске, прослеживалась другая ситуация. Здесь вступил в свои права демографический переход. Количество вторых и третьих детей в семье резко сократилось. Возраст женщины при рождении первого ребенка повышался. Свою роль сыграло и «эхо войны». В 1960-х гг. в репродуктивный возраст вступило малочисленное и слабое по здоровью поколение военных лет. В итоге постепенно складывались предпосылки к сокращению населения. Активный миграционный приток не решал проблему, так как выезд из Красноярска практически равнялся количеству прибывших. Дополнительным фактором были молодые города, которые оттягивали значительную часть мигрантов. В Красноярском крае сформировалась моноцентрическая агломерация и Красноярск сосредоточил 50 % населения региона. Жилищное строительство не успевало за приростом населения. На благоустроенные квартиры формировались очереди. Многие молодые семьи жили в бараках и коммуналках, что не стимулировало рождаемость. Коренные жители города, унаследовавшие родовые гнезда – деревянные одноэтажные дома, не могли получить квартиру, так как считались обеспеченными жилплощадью. Снабжение крупнейшего города также было сложной задачей. Например, после запрета держать в городе крупный рогатый скот свежее молоко стало дефицитом. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Общие благоприятные показатели не дали желаемых результатов. И хотя количество населения Красноярска выросло, но уже в конце 1960-х гг. рождаемость пошла на спад и в целом темпы прироста населения снизились.

Ключевые слова: рождаемость; младенческая смертность; сверхсмертность; естественный прирост; миграции; механический прирост; 1960-е годы; Красноярск.

В наши дни демографическое развитие одна из самых актуальных тем. Сокращение населения и его сниженное воспроизводство в России требуют научно обоснованных мер борьбы с их негативными последствиями. Как показывают исследования, многие современные проблемы — результат процессов предыдущего века. 1960-е гг. — значимый период для исторической демографии, так как в его рамках друг на друга накладываются три явления: последствия тягот военных и послевоенных лет, третья фаза демографического перехода и стремительная урбанизация. В Восточной Сибири данные процессы имели свои особенности.

Изучение демографического развития городов в 1960-е гг. традиционно основывается на трех классических работах: книге А.С. Сенявского по урбанизации¹, которая служит теоретической базой для исторических исследований, известнейшего труда А.С. Вишневского² и трехтомника «Население России в XX в.: Исторические очерки»³.

Сибирский материал по указанной теме хорошо изучен историками Института истории СО РАН М.М. Ефимкиным⁴ и О.Б. Дашинамжиловым⁵. Кроме того, изданы ряд коллективных монографий⁶, где в рамках длительного исторического периода рассматривается территориальное движение населения в Сибири, в т.ч. в ее восточной части. Однако новоси-

¹ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2005. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979.

 $^{^4}$ *Ефимкин М.М.* Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск, 1990; *Ефимкин М.М.* Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 41–44.

⁵ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018.

 $^{^6}$ Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992; Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2011.

бирские исследователи тяготеют к столичной и местной источниковой базе, архивы восточносибирских городов ими используются фрагментарно.

Красноярские историки также уделили внимание данному вопросу. Труды Л.Н. Славиной важны в качестве методологической и методической основы. Не утратила актуальности разработка темы миграции село-город в 1960-х гг., которая подробно рассмотрена в ее монографии и ряде статей на материалах Восточной Сибири⁷. С.А. Рафикова⁸ много лет изучает социальные процессы в городской среде в 1960-е гг. Она успешно сочетает количественные и качественные методы исследования. Ею одной из первых была разработана тема сибирской городской семьи. Демографические процессы не являются собственно главным фокусом внимания, а скорее выступают базой, на которой разворачивается социальная динамика. Демографии городского населения Красноярского края посвящены работы И.В. Копылова⁹. Автор не фокусируется на локальной ситуации в отдельных городах и дает общую картину достаточно широкими мазками, но его тексты уверенно показывают основные проблемы и тенденции демографических процессов. Интересны статьи Я.Н. Бегизардова¹⁰. Он, в частности, рассмотрел взаимосвязь механического и естественного прироста населения. В целом можно констатировать, что исследовательская база создана. Тем не менее непосредственную разработку исторической демографии Красноярска во второй половине ХХ в. необходимо продолжать.

Главной чертой рассматриваемого места и времени была высокая миграция сельского населения в города и рабочие поселки¹¹. В 1960 г. в регионе впервые был достигнут перевес городского населения над сельским, который постоянно увеличивался. Ж.А. Заончковская и В.И. Переведенцев пишут, что доля ежегодно обновляющегося населения городов в Красноярском крае была примерно в 1,5 раза больше, чем в среднем по РСФСР¹². Согласно расчетам И.В. Копылова, вклад изменений административно-территориального деления, миграций и естественного прироста в увеличение городского населения края в первой половине 1960-х гг. был примерно равным, а во второй половине десятилетия увеличилась доля миграций¹³.

На Красноярск в рассматриваемый период приходилось 30 % от миграций по городам края¹⁴. В начале десятилетия значительный приток населения, преимущественно молодежи, был связан с двумя крупными комсомольскими стройками – алюминиевого завода (КрАЗ) и Красноярской ГЭС. Мигранты селились в поселках Дивногорск и Индустриальный, которые входили в состав территории Красноярска. В 1963 г. Дивногорск получил статус города, а в 1969 г. поселок

⁷ Славина Л.Н. Особенности урбанизации Красноярского края в последние десятилетия советского периода: социально-демографический аспект // Экономическое развитие Сибири: мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 12–13 октября 2016 г. Красноярск, 2016. С. 197–201; Славина Л.Н. К вопросу о формировании теоретикометодологической основы в историко-демографических исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 38–43; Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х — начале 1990-х гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2005. № 7. С. 316–322; Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

⁸ *Рафикова С.А.* Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск, 2007; *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 96–100; *Рафикова С.А.* Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск, 2019. С. 88; *Рафикова С.А.*, *Копылов И.В.* Изучение репродуктивного поведения: от метода – к инструменту // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века. Краснодар, 2017. С. 52–68.

⁹ Кольлов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3. С. 149–153; Кольлов И.В. Демографическое развитие городского населения Красноярского края (конец 1950 — начало 1990-х гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2019.

¹⁰ *Бегизардов Я.Н.* Миграция и рождаемость городского населения Красноярского края // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 24–25; *Бегизардов Я.Н.* К вопросу о динамике и факторах рождаемости городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: мат-лы III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск. 2009. С. 270.

¹¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 467. Л. 25

¹² Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. С. 83, 89–90.

¹³ *Копылов И.В.* Демографическое развитие городского населения... С. 57–58.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 6276. Л. 19, 28–30.

Индустриальный и микрорайон «Зеленая роща» были объединены в Советский район Красноярска. Добавим, что в составе населения Красноярска учитывали жителей молодых городов Железногорска и Зеленогорска, где также в начале 1960-х гг. были построены крупные предприятия союзного значения – радиохимический и электрохимический заводы.

Однако не стоит переоценивать данный фактор увеличения населения, как это делает, например, Я.Н. Бегизардов¹⁵. Действительно, вклад миграции в рост населения города очевиден и механический прирост длительное время значительно превышает естественный (табл. 1), но переселенцы слабо закреплялись. Согласно переписи 1970 г., в городских поселениях Красноярского края 22 % из них проживали менее трех лет, 34,7 % свыше 10 лет и 10,5 % более 25 лет¹⁶. По подсчетам С.А. Рафиковой, ежегодный приток мигрантов составлял 7–9 % от общего числа населения Красноярска, а отток -6-8 %¹⁷. По нашим данным приток составлял 9–14 %, отток -6-9 % (см. табл. 1), при этом укоренение составляло 12–20 %¹⁸. Таким образом, сальдо миграций было положительным и это определяло рост населения города. Однако на постоянное проживание оставалась только небольшая часть приехавших. Кроме того, нужно учитывать, что определенная часть молодых красноярцев покидала родной город, уезжая в другие регионы на работу и учебу¹⁹.

Таблица 1 Естественный и механический прирост в Красноярске в 1960–1969 гг.

Год	Численность населения, тыс. чел.	Прибыло, тыс. чел.	Выбыло, тыс. чел.	Механический прирост (МП), тыс. чел.	Естественный прирост (ЕП), тыс. чел.	% МП в численности населения	% ЕП в численности населения
1960	444,0	63 193	42 814	20 379	7 974	4,6	1,7
1961	474,8	44 800	40 320	4 480	8 682	0,9	1,8
1962	475,1	52 090	39 110	12 980	8 256	2,7	1,7
1963	495,7	47 008	33 127	13 881	8 131	2,7	1,6
1964	537,5	47 216	32 533	14 683	7 235	2,7	1,3
1965	560,5	44 972	33 620	11 352	6 606	2,01	1,1
1966	580,1	48 586	35 794	12 792	6 371	2,2	1,09
1967	602,4	47 728	37 971	9 757	5 962	1,6	0,9
1968	627,2	46 906	40 439	6 467	4 903	1,02	0,7
1969	636,2	48 381	42 262	6 119	5 691	0,9	0,8

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 3223. Л. 48 об., 70 об., 204 об., 267 об.; Д. 7172. Л. 1 об., 8 об., 15 об., 22 об.; Д. 9126, Л. 45, 103, 163, 224; Оп. 5. Д. 2750. Л. 13 об.; Д. 2751. Л. 12 об.; Д. 2752. Л. 10 об.; Д. 2753. Л. 6 об.; Д. 2754. Л. 14 об.; Д. 2756. Л. 5 об.; Оп. 12. Д. 779. Л. 12–16, 36.

Согласно социологическим опросам, главной причиной низкой доли укоренения были неудовлетворенность зарплатой и условиями труда, недостаток жилья и детских учре-

¹⁵ *Бегизардов Я.Н.* К вопросу о динамике и факторах... С. 270.

¹⁶ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 112. Л. 1.

¹⁷ *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение... С. 96–100.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 385. Л. 7, 8; Оп. 5. Д. 2761. Л. 1, 4, 6; Д. 2772. Л. 1–1 об.

¹⁹ Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения... С. 86; Миграции населения Азиатской России... С. 77.

ждений; неоднократно указывался суровый климат²⁰. Следует отметить, что среди приезжающих был определенный процент жителей южных и западных регионов СССР.

В целом, как и в других регионах, больше желающих остаться на постоянное проживание было среди местной сельской молодежи, а также мигрантов из более восточных регионов. Но и они могли со временем перемещаться на другие новостройки. Например, во второй половине 1960-х гг. в Красноярском крае возникла новая точка притяжения рабочих рук – Саяно-Шушенская ГЭС. Поэтому в конце рассматриваемого периода механический прирост в Красноярске снижается и практически сближается с естественным приростом (см. табл. 1).

Самую сильную трансформацию в рассматриваемый период претерпел институт семьи, о чем неоднократно говорилось в трудах ученых²¹. В 1965 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР сократил судебное рассмотрение дел о разводе от двух инстанций до одной и отменил публикацию объявления о расторжении брака в газете. В 1968 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР, в котором процедура развода была упрощена. При отсутствии несовершеннолетних детей и обоюдном согласии супруги могли развестись в $3A\Gamma$ Ce, не обращаясь в суд 22 . Красноярск повторил общую ситуацию по стране: сокращение количества браков на 35 % и, одновременно, рост числа разводов почти в 3 раза (табл. 2). Можно предположить, что на брачность и разводимость оказывал влияние квартирный вопрос, который стоял в городе достаточно остро, однако главную роль все-таки играла демографическая модернизация. Такая динамика не могла не сказаться на сокращении рождаемости, а также на миграционной активности, так как одиночки более склонны менять место жительства, чем люди, обремененные семьей.

Таблица 2 Движение населения в Красноярске

Числен-На 1 000 чел. Число умерших в возрасте ность до года на 1 000 год населения Роди-Умерло ЕΠ Браки родившихся живыми Разводы (тыс. чел.) лось 1960 17,4 40,0 444,0 24,3 6,9 19,5 1,6 1961 474,8 25,2 7,2 18,0 17,5 1,6 33,6 1962 475,1 24,0 7,0 17,0 16,4 2.0 39,4 1963 495,7 22,2 15,8 6,4 15,3 1,8 39,6 1964 537,5 19,4 6,2 13,2 13,5 2,3 40,2 1965 560,5 17,7 6,1 11,6 13,1 2,3 30,5 1966 580,1 16,9 10,8 6,1 13,4 4,5 28,2 1967 602,4 15,8 6,1 9,7 12,7 4,4 28,3 1968 627,2 14,2 6,4 7,8 12,7 4,1 39,0 636,2 1969 7,0 8,8 12,8 27,8 15,8 3,7

Составлено по: Текущий архив Крайстата.

²⁰ Переведенцев В. Различия в условиях жизни новоселов и старожилов сибирских городов (на примере Красноярска и Новосибирска) // Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири. Новосибирск, 1965. С. 45-64; Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 132.

²¹ См., например: *Рафикова С.А.* Быт рабочей семьи...

Репродуктивное поведение в рассматриваемый период определялось третьей стадией демографического перехода. Поэтому сокращалось число рождений и росло количество абортов. С.А. Рафикова пишет, что за 10 лет падение коэффициента рождаемости по Красноярску составило 31,3 %, а снижение коэффициента естественного прироста — 44 %²³. В 1959 г., по данным С.А. Рафиковой и И.В. Копылова, было зарегистрировано 69 806 абортов, а в 1967 г. — 143 481. Затем произошло некоторое снижение²⁴. Так как тренд был характерен для России в целом, возможно, определенное влияние оказало изменение семейного законодательства в 1968–1969 гг. в пользу защиты прав матери и ребенка. А вот пик 1967 г. имеет только местное значение. Можно предположить, что он связан со значительным притоком молодых мигрантов, в т.ч. женщин, на открывшийся в 1964 г. КрАЗ. Условия труда и проживания были сложными, обеспечение благоустроенными квартирами, как всегда, шло с задержкой, и молодые люди не торопились создавать семьи.

Комсомольские стройки привлекали в город большое количество молодежи. Кроме того, нужно учитывать и то, что приписанное к Красноярску население двух ЗАТО было преимущественно молодым. Приобретенный таким образом эффект «молодого города» в определенной степени способствовал сохранению положительной динамики прироста населения в конце 1960-х гг. Однако взрывного роста рождаемости не произошло в силу общего влияния демографического перехода, преобладающей массы укорененного населения и временности проживания в городе большинства прибывших²⁵.

По нашим данным, прирост населения Красноярска (включая ЗАТО) за 1960-1970 гг. составил 45,9 %. С.А. Рафикова отмечает, что наибольший прирост городского населения падает на первую половину 1960-х гг. Ежегодно он составлял 3-5,4 % и был значительно выше среднеросийского. Так, в 1965 г. число горожан составляло 126,2 % от уровня 1960 г., в 1969 г. – 143,3 % (см. табл. 2). Сокращение естественного прироста к концу 1960-х гг. в Красноярске соответствовало ситуации по $PC\Phi CP^{26}$.

В регионе наблюдалась половая диспропорция, которая не могла не сказаться на брачности и рождаемости. В 1959 г. на 1 000 женщин в возрасте 20–24 лет приходилось 1 188 мужчин, в возрасте 25–29 лет – 1 151. Возрастная структура, напротив, способствовала репродуктивной активности. Доля лиц старше 60 лет среди красноярцев составляла всего 6 %, зато в репродуктивном возрасте – 61 %²⁷, что отличало город от средней ситуации по РСФСР и обеспечивало сохранение демографического потенциала. Также особенностью Красноярска было снижение количества рождений в группе 16–19 лет и их рост в группе 34–39 и 40-летних. С другой стороны, возраст интенсивных деторождений таков же, как и по РСФСР – 20–24 года (около 50 %) и 25–29 лет (около 30 %). Общероссийской тенденцией было и сокращение числа многодетных семей. В Красноярске в 1960-е гг. первые дети составляли около 60 % родившихся, вторые – 30, третьи и последующие – 10 %²⁸.

Динамика смертности населения Красноярска в 1960-х гг. соответствует стадии демографического перехода. Она фиксируется на определенной позиции и мало изменяется в течение периода (см. табл. 2). Пиковые показатели приходятся на 1961–1962 и 1969 гг. Повышение смертности в конце периода С.А. Рафикова объясняет эпидемией гриппа зимой 1969–1970 гг. Однако это не может быть достаточным объяснением, так как эпидемии гриппа повторялись чаще чем раз в 10 лет, кроме того, пик смертности приходится на 1969 г., а учет проводился в начале года. На наш взгляд, лучше принять объяснение В.А. Исупова и В.Б. Жиромской о влиянии «эха войны» и тяжелых послевоенных лет на

²³ *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение... С. 96–100.

²⁴ *Рафикова С.А.*, *Копылов И.В.* Вторая Советская легализация абортов и ее влияние на репродуктивное поведение горожанок Красноярского края // Манускрипт. 2017. № 1. С. 172–175.

²⁵ Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения... С. 86; Миграции населения Азиатской России... С. 77.

²⁶ *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение... С. 96–100.

²⁷ Копылов И.В. Демографическое развитие городского населения... С. 94, 96.

²⁸ Население России в XX веке. С. 29–30; ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 8. Д. 1. Л. 59–60; Д. 3, Л. 57–57 об; Д. 4. Л. 17.

²⁹ *Рафикова С.А.* Живая история повседневности... С. 88.

здоровье населения³⁰. Особенностью Красноярска, по сравнению с данными по РСФСР, является сокращение смертности в 1965–1967 гг. Возможно, это связано с притоком молодых мигрантов, но в целом вопрос требует дальнейшего изучения.

В то же время есть показатели, не укладывающиеся в параметры демографического перехода. В частности, это укороченный период дожития и сверхсмертность у мужчин³¹. Кроме того, в первой половине 1960-х гг. в Красноярском крае и Красноярске наблюдался высокий процент самоубийств³². Высокой оставалась младенческая смертность (см. табл. 2), что невыгодно отличает Красноярск от молодых городов. Даже в Норильске в рассматриваемое десятилетие наблюдалось значительное снижение младенческой смертности³³.

Причинами следует назвать также «эхо войны» (о чем пишет В.Б. Жиромская³⁴), низкий уровень благоустройства жилищ, недостаточную медицинскую помощь (в молодых городах она была гораздо лучше). Роддома, размещенные в старых зданиях, часто становились рассадником опасных инфекций (например, стафилококка). Оказывала влияние распространенность туберкулеза. Подробно вопрос связи условий жизни, заболеваемости и детской смертности представлен в статье М.В. Сентябовой. Она, в частности, пишет, что новорожденные чаще всего умирали от врожденных аномалий (пороков развития), травм, вызванных течением родов, а также из-за отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде. Так, в 1961 г. от родовых травм и пороков развития в 10 роддомах Красноярска скончались 60 новорожденных, а в 1965 г. – 118. Среди причин смерти детей в возрасте до года преобладали пневмония и респираторные инфекции, второе место с большим отрывом занимали желудочно-кишечные инфекции. Эти же факторы оставались среди основных причин смерти детей в возрасте до трех лет. Например, в 1964 г. от пневмонии скончалось 103 ребенка в возрасте до года, 11 в возрасте от одного до трех лет и 2 в возрасте до 14 лет³⁵.

Нельзя забывать и об экологическом факторе. Большое количество предприятий, в т.ч. довоенных, не имеющих очистных средств, выбрасывали в воздух города тонны ядовитых веществ и пыли.

1960-е гг. стали временем развития медицины с акцентом на защиту материнства и детства. С одной стороны, это было отражением международных тенденций, с другой – определялось внутренними потребностями страны. В 1963 г. исполком крайсовета принял решение об открытии молочных кухонь, расширении сети женских консультаций и строительстве новых роддомов. В 1964 г. Красноярский краевой совет депутатов трудящихся принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения края». В нем говорилось о необходимости укрепления материальной базы. В регионе был построен целый ряд больничных зданий, отремонтированы старые и открыты новые больницы. Однако Красноярску в этом направлении уделено было меньше внимания, в то время как постоянно увеличивающийся приток мигрантов усиливал нагрузку на систему здравоохранения³⁶. Кроме того, по сложившейся традиции в город везли всех тяжелобольных с периферии. Поэтому принятых мер оказалось недостаточно и дефицит медицинской помощи сохранялся. Исключением были крупные предприятия и органы власти, работники которых могли получить ведомственную медицинскую помощь.

³⁰ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.С. 234–241; Население России в XX веке. С. 30–35.

³¹ *Копылов И.В.* Демографическое развитие городского населения... С. 94.

³² ГАКК Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 467. Л. 57–58.

³³ Гонина Н.В. Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950–1960-х гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 6. С. 16–20.

³⁴ Население России в XX веке... С. 30–35.

³⁵ Сентябова М.В. Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950-х – 1960-х гг.// Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2021. С. 388–397.

³⁶ Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае...

Проводилась вакцинация детей, что позволило снизить количество и тяжесть инфекционных заболеваний³⁷. Удалось победить ряд инфекций (дифтерию, коклюш). Под контроль были поставлены социальные болезни. Поэтому нельзя согласиться с жестким вердиктом Л.Н. Славиной и И.В. Копылова, что принимаемые в крае меры нередко приносили больше вреда, чем пользы³⁸. Другое дело, что местные власти, не имеющие специальных знаний и ограниченные в использовании ресурсов, оказались бессильны перед наложением друг на друга ряда негативных демографических явлений и процессов.

Итак, Красноярск достаточно сложен для изучения. В силу своего административного статуса, транспортного и географического расположения, а также урбанистической специфики региона (моноцентрическая агломерация), он включает признаки сразу всех типов городов – и это больше чем просто урбанистическая многослойность. Присутствуют черты исторического и молодого города, промышленного и сельскохозяйственного узла, административного центра и периферийного населенного пункта. В то же время Красноярск, за исключением концентрации населения, не выглядит лидером края. Условия жизни и труда в городе уступали соседним молодым городам и другим региональным центрам.

В 1960-х гг. в РСФСР постепенно развивалась третья фаза демографического перехода. Она имела специфические черты, которые прослеживаются и в Красноярске. Наряду с унаследованными от военных и послевоенных лет проблемами малочисленности и слабости здоровья населения, нужно констатировать негативное влияние социальной политики в сфере труда, миграций и качества жизни. Поэтому удержать молодых людей, приехавших на комсомольские стройки, было достаточно сложно. Это обеспечивало Красноярску транзитный статус. Если молодые города аккумулировали молодежный потенциал, то Красноярск его терял. Впрочем, в рассматриваемый период и механический, и естественный прирост имели положительные значения, что внушало местным властям определенный оптимизм. Однако высокий процент самоубийств и мерцающая динамика младенческой смертности свидетельствовали о недостаточности работы в социальной сфере и благоустройстве города.

Литература

Бегизардов Я.Н. Миграция и рождаемость городского населения Красноярского края // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые науч. чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 24–25.

Бегизардов Я.Н. К вопросу о динамике и факторах рождаемости городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: мат-лы III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 267–273.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №. 1. С. 125–135.

Гонина Н.В. Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950–1960-х гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. №. 6. С. 16–20.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.

Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 222 с.

Ефимкин М.М. Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 41–44.

³⁷ Сентябова М.В. Динамика заболеваемости и работа... С. 392

³⁸ Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае...

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: [б. и.], 1964. 104 с.

Историческая демография Сибири / ред В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1992. 240 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Копылов И.В. Демографическое развитие городского населения Красноярского края (конец 1950 – начало 1990-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2019. 228 с.

Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3. С. 149–153.

Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XX вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 391 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. 304 с.

Переведенцев В. Различия в условиях жизни новоселов и старожилов сибирских городов (на примере Красноярска и Новосибирска) // Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири. Новосибирск, 1965. С. 45–64.

Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярк: СибГТУ, 2007. 253 с.

Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнёва, 2019. 482 с.

Рафикова С.А. Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 4. С. 96–100

Рафикова С.А., Копылов И.В. Вторая Советская легализация абортов и ее влияние на репродуктивное поведение горожанок Красноярского края // Манускрипт. 2017. № 1. С. 172-175.

Рафикова С.А., Копылов И.В. Изучение репродуктивного поведения: от метода – к инструменту // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века. Коллективная монография. Краснодар, 2017. С. 52–68.

Cентия M.B. Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950—1960-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2021. С. 388—397.

Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

Славина Л.Н. Особенности урбанизации Красноярского края в последние десятилетия советского периода: социально-демографический аспект // Экономическое развитие Сибири: мат-лы Сиб. Ист. форума. Красноярск, 12–13 октября 2016 г. Красноярск, 2016. С. 197–201.

Славина Л.Н. К вопросу о формировании теоретико-методологической основы в историко-демографических исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 38–43.

Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2005. № 7. С. 316—322.

Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 472 с.

References

Isupov, V.A. (Ed.). (1992). *Istoricheskaya demografiya Sibiri* [Historical Demography of Siberia]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 240 p.

Begizardov, Ya.N. (2005). Migratsiya i rozhdayemost' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Migration and Fertility of the Urban Population of the Krasnoyarsk Krai]. In *Aktual'nyye*

voprosy istorii Sibiri: Pyatyye nauchnyye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina. Barnaul, pp. 24–25.

Begizardov, Ya.N. (2009). K voprosu o dinamike i faktorakh rozhdayemosti gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960-e gg. [To the Question of Dynamics and Factors of Birth Rate of the Urban Population of the Krasnoyarsk Territory in the 1960s.]. In *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy*. Novosibirsk, pp. 267–273.

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoye naseleniye Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoye issledovaniye* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: A Historical and Demographic Study]. Novosibirsk, Nauka, Izd-vo SO RAN. 368 p.

Efimkin, M.M. (1990). *Rabochiye Sibiri*, *konets 50-kh-seredina 80-kh godov* [Workers of Siberia, Late 50s – Mid 80s.]. Novosibirsk, Nauka, Sib otd-nie. 222 p.

Efimkin, M.M. (2003). Rol' sotsialnogo faktora v prostranstvennom osvoyenii Vostoka Rossii [The Role of the Social Factor in the Spatial Development of the East of Russia]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 41–44.

Gonina, N.V. (2018). Kharakternyye cherty migratsionnykh protsessov i ikh rol' v urbanizatsii Angaro-Yeniseyskogo regiona vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Characteristic Features of Migration Processes and Their Role in the Urbanization of the Angara-Yenisei Region in the Second Half of the 1950s – Eearly 1980s]. In *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. No. 1, pp. 125–135.

Gonina, N.V. (2020). Demograficheskiye protsessy v ekstremalnykh usloviyakh. Norilsk v 1950–1960-kh gg [Demographic Processes in Extreme Conditions. Norilsk in the 1950s and 1960s]. In *Manuskript*. Vol. 13, No. 6, pp. 16–20.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskiye ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, sibirskiy Khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsii naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XX vv.* [Migration of the Population of Asian Russia: the end of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Novosibirsk, Parallel. 391 p.

Kopylov, I.V. (2019). Demograficheskoye razvitiye gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya (konets 1950 – nachalo 1990-kh gg.) [Demographic Development of the Urban Population of the Krasnoyarsk Territory (Late 1950s – Early 1990s)]: Dis. Cand. Hist. Sci. Krasnoyarsk. 228 p.

Kopylov, I.V., Slavina, L.N. (2014). Demograficheskaya politika v Krasnoyarskom krae v 1960–1980-kh gg. [Demographic Policy in the Krasnoyarsk Territory in the 1960s–1980s.]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafieva*. No. 3, pp. 149–153.

Perevedentsev, V. (1965). Razlichiya v usloviyakh zhizni novoselov i starozhilov sibirskikh gorodov (na primere Krasnoyarska i Novosibirska) [Differences in the Living Conditions of New Settlers and Old-Timers of Siberian Cities (on the Example of Krasnoyarsk and Novosibirsk)]. In *Problemy povysheniya urovnya zhizni naseleniya Sibiri*. Novosibirsk.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2005). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: v 3 t.* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. Vol. 3. Book 1: 1960–1979. Moscow, ROSSPEN. 304 p.

Rafikova, S.A. (2007). *Byt rabochey semyi Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody*. [The Life of a Working Family in Western Siberia in the 1960s.]. Krasnoyarsk, SibGTU. 253 p.

Rafikova, S.A. (2010). Dinamika, chislennost' i razmeshchenie gorodskogo naseleniya Krasno-yarskogo kraya v 1960-e gg. [Dynamics, Number and Location of the Urban Population of the Krasnoyarsk Territory in the 1960s.] In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 96–100.

Rafikova, S.A. (2019) *Zhivaya istoriya povsednevnosti: sibirskiye gorozhane v 1960-e gody* [The Living History of Everyday Life: Siberian Citizens in the 1960s]. Krasnoyarsk, SibGU im. M. F. Reshetnyova. 482 p.

Rafikova, S.A., Kopylov, I.V. (2017). Izuchenie reproduktivnogo povedeniya: ot metoda – k instrumentu [The Study of Reproductive Behavior: From Method to tool]. In Voprosy. Gipotezy. Otvety: Nauka XXI veka. Krasnodar, pp. 52–68.

Rafikova, S.A., Kopylov, I.V. (2017). Vtoraya Sovetskaya legalizatsiya abortov i ee vliyaniye na reproduktivnoye povedeniye gorozhanok Krasnoyarskogo kraya [The Second Soviet Legalization of Abortions and its Impact on the Reproductive Behavior of Urban Women of the Krasnoyarsk Territory]. In *Manuskript*. No. 1, pp. 172–175.

Sentyabova, M.V. (2021). Dinamika zabolevaemosti i rabota v sfere detskogo zdravookhraneniya v Krasnoyarske v 1950-kh-1960-kh gg. [Dynamics of Morbidity and Work in the Field of Children's Healthcare in Krasnovarsk in the 1950s–1960s.] In Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik. Irkutsk, pp. 388–397.

Senyavskiy, A.S. (2003). Urbanizatsiya Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom protsesse [The Urbanization of Russia in the 20th Century: the Role in the Historical Process]. Moscow, Nauka. 286 p.

Slavina, L.N. (2005). Migratsiya i razvitie sel'skogo naseleniya Vostochnov Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. [Migration and Development of the Rural Population of Eastern Siberia in the 1960s – Early 1990s.] In Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. No. 7, pp. 316–322.

Slavina, L.N. (2007). Selskoye naseleniye Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.). [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnovarsk, KGPU im V.P. Astafieva. 472 p.

Slavina, L.N. (2016). Osobennosti urbanizatsii Krasnoyarskogo kraya v posledniye desyatiletiya sovetskogo perioda: sotsial'no-demograficheskiy aspekt [Features of the Urbanization of the Krasnovarsk Territory in the Last Decades of the Soviet Period: Socio-Demographic Aspect]. In Ekonomicheskoye razvitiye Sibiri, 2016, pp. 197–201.

Slavina, L.N. (2018). K voprosu o formirovanii teoretiko-metodologicheskoy osnovy v istorikodemograficheskikh issledovaniyakh [On the Question of the Formation of a Theoretical and Methodological Basis in Historical and Demographic Studies]. In Gumanitarnyye nauki v Sibiri. No. 1, pp. 38–43.

Vishnevskiy, A.G. (1998). Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI. 431 p.

Zayonchkovskaya, Zh.A., Perevedentsev, V.I. (1964). Sovremennaya migratsiya naseleniya *Krasnoyarskogo kraya* [Modern Migration of the Population of the Krasnoyarsk Territory]. Novosibirsk. 104 p.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

А.А. Бурматов*

Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-16 УДК 94:314.14(571.1)«1970»

Выходные данные для цитирования:

Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 174–185. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-16.pdf

A.A. Burmatov*

Child Mortality in the 1970s in Western Siberia

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-16

How to cite:

Burmatov A.A. Child Mortality in the 1970s in Western Siberia // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 174–185. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-16.pdf

Abstract. The article examines the dynamics of morbidity and mortality of the child population of Western Siberia in the 1970s. Special attention is paid to the mortality of newborns, which shows the level of development of medicine and its ability to provide effective assistance to society and, especially, the family in overcoming the most difficult period in a person's life. A new born is very fragile and incapable of independent existence without the help of adults. The author gives special attention to the reasons of the negative dynamics of child mortality and its structure. The child population of Western Siberia fully reflected in its development the situation in the RSFSR. But there were also some peculiarities. The increase in infant mortality was more extended over time than in Russia. The rate of increase in the mortality of newborns was higher than in the whole of the Russian Federation, and the period of the rise in mortality is stretched over time. The rise in mortality itself was of varying magnitude, and did not begin at the same time. The Novosibirsk Region and the Altai Territory suffered the largest losses as a result of recurrent infant mortality in the 1970s. However, the rise in the mortality of children, including infants, was observed everywhere in Western Siberia. A relatively small increase was observed in the Tyumen region, but there the rise was from the largest starting positions in all three of its constituent territories and more extended in time. As a result of the relapse of infant mortality, the region was moved from the territories where the infant mortality rate was lower to the regions where the infant mortality rate was higher than the national one. This situation persisted until the end of the USSR and is observed in modern times.

Keywords: reproduction of the population; mortality; infant mortality; infections; newborns; children under 1 year; Western Siberia.

The article has been received by the editor on 31.05.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается динамика заболеваемости и смертности детского населения Западной Сибири в 1970-е гг. Особое внимание уделяется смертности новорожденных, которая показывает уровень развития медицины и ее способность оказать действенную помощь обществу и, особенно, семье в преодолении самого сложного периода в жизни человека. Анализируются причины негативной динамики смертности детей и ее структура, а также реакция государства на данную проблему. Детское население Западной Сибири в полной мере отразило в своем развитии ситуацию по РСФСР. Но были и свои особенности. Прирост младенческой смертности был более растянут во времени, чем в России. Темпы прироста смертности новорожденных были выше, чем в целом по РФ, а период подъема

^{*} Бурматов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета, Куйбышев, Россия, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Burmatov Alexandr Anatolievich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia; Kuybyshev Branch of the Novosibirsk State Pedagogical University, Kuybyshev, Russia, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

смертности растянут во времени. Сам рост смертности был разновеликим по величине, начинался не одновременно. Самый больший размер потерь в результате рецидива младенческой смертности в 1970-х гг. понесли Новосибирская область и Алтайский край. Увеличение смертности детей, в т.ч. младенцев, наблюдалось в Западной Сибири повсеместно. Относительно небольшое повышение отмечалось в Тюменской области, но там рост был от самых больших стартовых позиций и более растянутым по времени. В результате рецидива младенческой смертности регион был передвинут из территорий, где смертность новорожденных отмечалась более низкой, в регионы, где смертность младенцев оказалась выше общероссийской. Это сохранилось до конца существования СССР и наблюдается в наши дни.

Ключевые слова: воспроизводство населения; смертность; младенческая смертность; инфекции; новорожденные; дети до года; Западная Сибирь.

Смертность детей до 14 лет играет существенную роль в продолжительности жизни населения. Особенно важен такой показатель как смертность новорожденных или детей до года. Младенческая смертность, или «детская смертность», как называли смертность детей до года в 1970-х гг., важнейший показатель, характеризующий всю систему здравоохранения. По нему судят об эффективности медицинского обслуживания населения страны, региона. Рассчитывается показатель младенческой смертности отношением умерших детей до года к числу родившихся в данном году. Умирать могут дети как текущего, так и предыдущего года рождения. В течение года смертность у младенцев изменяется весьма существенно. Она высока в первый месяц жизни, после чего снижается в несколько раз. На величину младенческой смертности оказывает влияние множество факторов. Например, климат, погодные явления, протекание беременности, качество питания, экологическое состояние окружающей среды, вес ребенка при рождении, пол родившегося (у мальчиков смертность всегда выше), уход за ребенком и т.д. Естественно, огромную роль играют развитие здравоохранения и качество оказания медицинских услуг.

Несмотря на злободневность данной проблемы, она изучена недостаточно. В советский период росту смертности, и особенно детской, не уделялось особого внимания, а после неожиданного ее роста в начале 1970-х гг. тема стала табуированной до конца 1980-х гг. Проблеме роста младенческой смертности уделили внимание специалисты по медицинским проблемам в демографии. На данных, разрешенных к публикации в открытой печати, производил анализ демографической ситуации М.С. Бедный. В 1979 г. и в 1984 г. он издал две монографии, посвященные охране здоровья и анализу причин смертности. В них четко просматривалось неблагополучие в сфере смертности населения СССР¹, но говорилось об этом как о временном явлении, некотором краткосрочном рецидиве, причины и факторы, вызвавшие рост смертности детей до года в СССР напрямую не назывались². На современном этапе историографии анализ смертности населения страны в 1970-е гг. был произведен в коллективной монографии «Население России в XX веке». Смертности младенцев большого внимания авторы не уделяли³. Населению Сибири и составляющих ее регионов места в ней практически не отводилось. По Российской Федерации стоит отметить весьма квалифицированную работу А.А. Баранова и В.Ю. Альбицкого⁴, в которой обстоятельно характеризуется смертность детей, в т.ч. до года. Специальный раздел посвящен историческому экскурсу о смертности детей в Российской империи и СССР (гл. 2) и анализу смертности детей в РФ (гл. 3). Подробно анализируются медицинские вопросы проблемы, но ситуация в Западной Сибири не рассматривается.

По Сибири комплексных работ по данной тематике нет. Сибирские ученые производили исследования по ряду демографических проблем. Демографическое исследование город-

¹ *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 119–152.

² *Бедный М.С.* Демографические факторы здоровья. М., 1984. С. 124–154, 202–212.

³ Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2005. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 гг. С. 29–106.

⁴ *Баранов А.А., Альбицкий В.Ю.* Смертность детского населения России. М., 2007.

ского населения Западной Сибири в 1960–1980 гг. осуществил О.Б. Дашинамжилов. Комплексный анализ смертности всего населения (тем более детей) не входил в его задачи⁵. Немного подробнее смертность детского населения на примере Новосибирской области рассмотрел А.А. Бурматов в коллективной монографии «Демографическая история Западной Сибири» (гл. 7)⁶.

Ситуация со смертностью младенцев в СССР и РСФСР оказалась не так однозначна. До начала 1960-х гг. она довольно быстро снижалась, являясь одним из основных факторов роста продолжительности жизни населения. Снижение смертности новорожденных существенно замедлилось с 1962 г., а в отдельные годы она практически не снижалась. В 1970 г. в СССР оказалась на уровне 24,7 ‰ на 1 000 родившихся, в 1971 г. достигло исторического для того момента минимума 22,9 ‰. Этот уровень в целом по СССР оставался рекордно низким до 1989 г., когда смертность снизилась до 22,7 ‰, и в 1990 г. – до 21,8 ‰.

С 1972 г. (года 50-летия СССР и 55-летия Великого Октября) смертность младенцев начала расти. В 1972 г. она вернулась к уровню 1970 г. Это особых тревог не вызывало. Считалось, что отмечается обычное колебание по годам уровня смертности новорожденных. Подъем смертности в 1973 г. частично можно было объяснить объективными факторами. С сентября 1973 г. обязанности регистрировать умерших детей в первые дни жизни была переложена с родителей (которые могли и не производить регистрацию, ибо были погружены в горе потери ребенка) на родильные дома и детские поликлиники. Государственные учреждения подлежали проверке вышестоящими органами здравоохранения, органами милиции, прокуратуры, ЗАГС и др. Манипуляции со смертностью детей, особенно умершими вскоре после рождения (занижение веса, срока, переброс в мертворожденные и т.д.), становились более проблематичными, и качество учета смертей новорожденных улучшилось. Показатель смертности детей до года продолжал расти до 1976 г. С 1975 г. информация о смертности новорожденных стала государственной тайной и публикации о ней в открытой печати были прекращены. В специализированных изданиях допускалось обтекаемое описание без приведения конкретных цифр.

Рассмотрим ситуацию с младенческой смертностью в РСФСР. В начале 1970-х гг. отмечается рост заболеваемости различными инфекциями. В 1971 г. констатировалось, что распространению инфекционных недугов способствует контакт здоровых детей с больными при посещении поликлиник и детских учреждений. В поликлиниках в 1970 г. было выявлено 144 тыс. детей, больных дизентерией, 35 тыс. – корью, 34 тыс. – скарлатиной, 3,5 тыс. больных коклюшем. Это составило 36 % детей больных дизентерией, 15 % – корью, 13 % – скарлатиной и 19 % больных коклюшем. В сельской местности заболеваемость была в 1,7 раза выше. Смертность детей от инфекционных и паразитарных заболеваний составила в общем числе умерших детей 4,3 %. Увеличение смертности от гриппа на 29,5 % объяснялось эпидемией. Смертность от дизентерии снизилась в 1970 г. на 33 % по сравнению с 1965 г.⁷

Неблагополучно складывалась ситуация с брюшным тифом. Наиболее высокая заболеваемость (от 3 до 6,4 случаев на 100 тыс. жителей) отмечалась в Астраханской, Воронежской, Саратовской и Омской областях. В Западной Сибири, на Урале и Дальнем Востоке заболеваемость дизентерией существенно превышала общероссийские показатели. Специалисты объясняли это самым низким уровнем очистки сточных вод в стране (в западносибирском регионе менее 33 %). Существенно увеличилось и число заболевших инфекционным гепатитом. Алтайский край вошел по заболеваемости этими недугами в 1972 г. в число лидеров РСФСР. Дети среди заболевших инфекционным гепатитом составили в Томской области и Алтайском крае свыше 70 %.

Приращение числа умерших детей до года стало отмечаться в СССР и большинстве республик, включая РСФСР. Прирост по Союзу составлял в 1972 г. 7,9 %, в следующие годы

⁵ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 180–248.

⁶ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в). Новосибирск, 2017. С. 268–270.

⁷ Статистический бюллетень. 1971. № 25. С. 147–148.

темп прироста снизился до 5,9 %, но в 1975 г. достиг 9,7 %, резко снизившись в 1976 г. до 2,6 %. Прирост смертности младенцев составил 27,1 % от уровня 1970 г. и 37,1 % от уровня 1971 г. В значительной мере в СССР прирост обеспечивался улучшением статистической регистрации новорожденных, умерших вскоре после рождения. Особенно это относилось к республикам Средней Азии (в Таджикистане рост практически в 4 раза), сельской местности в Молдавии и республикам Кавказа. В меньшей степени улучшение статистического учета отразилось на показателях смертности в России. Рост младенческой смертности отмечался в РСФСР. Прирост в России некоторое время оставался стабильным — 2,3—2,5 % в год. Это говорит об улучшении статистического учета смертей новорожденных, когда манипуляции за счет переноса новорожденных в мертворожденные стали затруднительными. Скачок до 5,5 % в 1975 г. и 1976 г. отражает реальное увеличение смертности вследствие значительного роста инфекции у детей и новорожденных. Прирост показателей смертности у новорожденных в Западной Сибири достиг 12,2 % в год в 1975 г. и 8,8 % в 1976 г.

В 1975 г. «отличились» Алтайский край (прирост свыше 16 %) и Новосибирская область (25 %). Рост смертности у новорожденных в этих регионах существенно замедлился к 1976 г., а на первый план вышла Омская область с приращением в 17 %. Ранее динамика там была положительной, что говорит о росте смертей от инфекционных заболеваний, которые сконцентрировались в короткий период 1975—1976 гг. В Новосибирской области общее приращение младенческой смертности в 1976 г. по отношению к 1971 г. составило 49,9 %. Прирост также был зафиксирован в Кемеровской и Омской областях и Алтайском крае.

Тюменская область к 1970 г. приращения не показала, но колебания по годам отмечались и в ней. Эта особенность объясняется повышенными показателями смертности на ее территории в 1970 г. по сравнению с другими областями и Западной Сибирью в целом. По Западной Сибири пик подъема смертности младенцев отмечался (как в СССР и РСФСР) в 1976 г. (табл. 1).

Таблица 1 Младенческая смертность в Западной Сибири (1970–1979 гг.).

, , , , , , , , , , , , , , , , , , ,										
Регион	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
‰										
CCCP	24,7	22,9	24,7	26,4	27,9	30,6	31,4	30,5	29,2	27,4
РСФСР	23,0	21,2	21,7	22,2	22,8	23,7	25,0	24,2	23,4	22,6
Западная Сибирь	23,6	21,0	21,3	21,4	22,2	24,9	27,1	26,3	24,2	_
Алтайский край	23,0	19,1	18,2	21,2	22,2	25,9	29,2	26,3	24,5	_
Кемеровская область	22,5	21,5	21,6	21,0	22,8	24,4	26,5	24,5	26,1	_
Новосибирская область	24,5	19,9	22,9	22,6	22,4	28,0	29,9	27,8	24,3	21,8
Омская область	20,8	21,0	19,2	18,1	20,5	20,4	23,9	25,2	23,3	_
Томская область	20,8	20,1	19,5	20,7	22,9	24,3	22,3	22,3	19,6	_

Тюменская область	29,9	25,2	27,3	24,9	22,8	24,9	26,7	29,8	24,2	_
Индекс динамики, %										
CCCP	100,0	92,7	107,9	106,9	105,7	109,7	102,6	97,1	97,3	83,6
РСФСР	100,0	92,2	102,4	102,3	102,7	103,9	105,5	96,8	96,7	96,6
Западная Сибирь	100,0	89,0	101,4	100,5	103,7	112,2	108,8	97,0	92,0	96,6
Алтайский край	100,0	83,0	95,2	116,5	104,7	116,7	112,7	90,1	93,2	_
Кемеровская область	100,0	95,6	100,5	97,2	108,6	107,0	108,6	92,5	106,5	_
Новосибирска область	100,0	81,2	115,1	98,7	99,1	125,0	106,7	93,0	87,4	89,7
Омская область	100,0	101,0	91,4	94,3	113,3	99,5	117,2	105,4	92,5	_
Томская область	100,0	96,6	97,0	106,2	110,6	106,1	91,8	100,0	87,9	_
Тюменская область	100,0	84,3	108,3	91,2	91,6	109,2	107,2	111,6	71,1	_
Базисный индекс к 1970 г., %										
CCCP	100,0	92,7	100,0	106,9	113,0	123,9	127,1	123,5	118,2	110,9
РСФСР	100,0	92,2	94,3	96,5	99,1	103,0	108,7	105,2	101,7	98,3
Западная Сибирь	100,0	89,0	89,0	90,3	90,7	94,1	105,5	114,8	111,4	102,5
Алтайский край	100,0	83,0	83,0	79,1	92,1	98,6	112,6	126,9	114,3	108,9
Кемеровская область	100,0	95,6	96,0	93,3	101,3	108,4	117,8	108,9	116,0	_
Новосибирская область	100,0	81,2	93,5	92,2	91,4	114,3	122,0	113,5	99,2	89,0
Омская область	100,0	101,0	92,3	87,0	98,6	98,1	114,9	121,2	112,0	_
Томская область	100,0	96,6	93,8	99,5	110,0	116,8	107,2	107,2	94,2	_
Тюменская область	100,0	84,3	91,3	83,3	76,2	83,3	89,3	99,7	70,9	_

Составлено по: Статистический бюллетень. 1972. № 5. С. 223–224; 1973. № 5. С. 231–232; 1975. № 5. С. 220–221; 1975. № 19. С. 188; 1976. № 5. С. 252–253; 1978. № 23. С. 177–178; 1979. № 5. С. 345–346; Народное хозяйство СССР в 1975 году: стат. ежегодник. М., 1976. С. 40.

В 1972 г. продолжало увеличиваться число детей, заболевших коклюшем, скарлатиной, корью и менингококковыми инфекциями. Последние давали значительный уровень летальности. Среди заболевших менингококковыми инфекциями дети составляли 69 %. Снижалась дифтерией и острым полиомиелитом⁸. В аналитической заболеваемость ЦСУ РСФСР говорилось: «В последние годы в РСФСР отмечается рост детской смертности (число умерших детей в возрасте до 1 года на 1 000 родившихся) от инфекционных и паразитарных заболеваний. В 1974 году от этих заболеваний умерло 2,2 тысяч детей до 1 года, детская смертность на 10 000 жителей составила 16,1 против 14,1 в 1973 году, или увеличилась на 14 процентов. Увеличился и удельный вес умерших детей от инфекционных и паразитарных болезней в общем числе умерших детей до 1 года с 6 процентов в 1973 году до 7 процентов в 1974 году. В 1974 г. отмечался рост детской смертности от дизентерии с 0,9 в 1973 г. до 1,1 в 1974 году, кори с – 0,2 до 0,3, коклюша с 0,01 до 0,1. Число коек для инфекционных больных не изменилось и составляло 9,9 на 10 тыс. жителей. Врачи-инфекционисты занимали 96,5 % должностей, 2,2 % врачебных должностей укомплектованы средним медицинским персоналом» В 1975 г. отмечается дальнейший рост заболеваемости инфекционными недугами: корью на 55 %, скарлатиной на 0,4 %. Наибольшие показатели заболеваемости корью в РСФСР отмечены в Кемеровской области (726 случаев на 100 тыс.) и Тюменской области (718). На третьем месте в России была по заболеваемости Удмуртия (528). Это при среднероссийском уровне 170,8. Тюменская область и Кузбасс весь период изучения оказывались в «лидерах» по заболеваемости корью в России. В отдельные годы, например, в 1973 г. и в 1974 г., они входили в число первых по заболеваемости скарлатиной. В Кемеровской области росла заболеваемость сальмонеллезными инфекциями. Увеличилась смертность от бациллярной дизентерии среди детей до года. В 1975 г. она составила 1,6 на 10 тыс. родившихся, т.е. была в 1,5 раза больше, чем годом ранее 10 .

На заболеваемость населения, в т.ч. малолетних детей, острыми кишечными инфекциями в значительной степени оказывали влияние: неблагополучное санитарное городов и населенных мест, несвоевременная и некачественная чистка сточных вод, отсутствие канализации и водопроводов в городах. В январе 1975 г. в РСФСР в 22 % городов не было канализации, в 4 % и водопровода и канализации. В 1974 г. в 48 % местах стока производственных и хозяйственно-бытовых вод очистка не производилась как таковая. В 1975 г. доля таковых снизилась до 46 %. В 1974 г. и 1975 г. 28 % очистка сточных вод не удовлетворяла санитарным требованиям. Проведенные химические анализы показали, что в 25 % случаев водоемы не отвечали санитарным требованиям. Не соответствовали санитарным нормам результаты 12 % бактериологических анализов. Число госпитализированных больных бациллярной дизентерией составляло 8–9 %¹¹.

В 1977 г. ситуация практически не изменилась. Заболеваемость сальмонеллезными инфекциями продолжала увеличиваться в Тюменской области. Резко выросло число заболевших брюшным тифом. В РСФСР этим недугом заболело 3,2 чел. на 100 тыс. жителей. В Томской области показатель составил 7,7, а в Тюменской 8,8. В 1977 г. не очищалось свыше 40 % сброса вод в водоемы, в 42 % случаев не было очистных сооружений, 27 % очищенной воды не соответствовали санитарным нормам¹².

В 1978 г. ситуация улучшилась по ряду инфекционных и паразитарных болезней. Снизилось число зарегистрированных случаев скарлатины (на 8 %), менингококковой инфекции (на 9 %), острого полиомиелита (на 50 %), коклюша (на 29 %), брюшного тифа, гриппа. Но существенно возросла заболеваемость детей корью (в 2,1 раза), дифтерией (в 1,8 раза).

Проблемы с корью стали бичом советского общества в 1970-е гг. В изучаемом регионе заболеваемость этой «проблемой детского возраста» медленно прирастала с некоторыми

⁸ Статистический бюллетень. 1972. № 11. С. 223, 225; 1973. № 11. С. 230–232.

⁹ Статистический бюллетень. 1975. № 9. С. 301–302.

¹⁰ Там же. С. 301; 1976. № 11. С. 190–191.

¹¹ Там же. 1975. № 9 (654). С. 300; 1976. № 11. С. 190.

¹² Там же. 1978. № 11. С. 204–205.

колебаниями с 1972 г. В 1977 г. жители Западной Сибири болели этим недугом реже жителей страны (кроме новосибирцев, которые страдали от недуга в 2,5 раза чаще, и томичей, которые болели на 20 % чаще). На уровне общереспубликанской заболеваемость была на Алтае. Рост заболеваемости корью отмечался во всех регионах Западной Сибири, которые в 1977 г. считались благополучными. Но болезнь отступала в Томской области (на 11 %), на Алтае (в 3,46 раза) и в Новосибирской области (в 4,3 раза), т.е. там, где рецидив фиксировался годом ранее. Рост заболеваемости отмечался по России в целом в 2 раза, поэтому в Западной Сибири заболеваемость оказалась ниже, чем по стране на 24,5 %, но она увеличилась по сравнению с 1977 г. на 64,7 %. В изучаемом регионе резко подскочило число заболевших в Кемеровской области (в 9,9 раз), в Омской (в 8,3 раза), в Тюменской (в 3,9 раза). Прирост заболеваемости в омском Прииртышье был от очень низкого уровня и число заболевших было вдвое ниже общероссийского показателя (250,7 на 100 тыс. жителей). В Тюменском регионе заболеваемость была выше общероссийской на 1/3, а в Кузбассе на 2/313. В Кемеровской области прирастали количественно практически все инфекционные заболевания. Не случайно она показывала самые быстрые темпы прироста общей смертности (причинами негативной динамики последней в ней являлись также экологические факторы и алкоголизм).

В общем числе заболевших коклюшем дети до 14 лет составляют 99 % (дети до 2 лет 51 %), скарлатиной 97 %, корью 90 % (дети до 2 лет 17 %). На 100 тыс. детей в возрасте до 14 лет приходится 28 случаев заболеваний коклюшем, скарлатиной – 633, корью – 1 041 случай¹⁴. Среди данных инфекций наиболее неблагополучными в Западной Сибири по коклюшу оказались Алтай, Кузбасс и Новосибирская область, где показатели заболеваемости были выше общероссийских: на Алтае (на 37 %), в Кемеровской (на 74 %) и Новосибирской (на 88 %) областях. Одновременно в Омской области заболеваемость была ниже общероссийского уровня в 10 раз, в Томской в 8 раз, в Тюменской в 2,6 раза. В Западной Сибири коклюшем болели на 10 % чаще, чем в России. Скарлатиной сибиряки болели в 1977 г. на 10 % реже, чем в РСФСР, кроме новосибирцев и тюменцев, которые болели на 10—15 %. В 1978 г. ситуация с этим недугом улучшилась: жители региона болели на 1/3 реже, чем в целом россияне. Заболеваемость брюшным тифом снизилась с 1970 г. в 2,1 раза, а с 1977 г. на 19 %¹⁵.

Колебания числа заболевших инфекционными заболеваниями не могли не отразиться на количестве умерших от них. Рост смертности у детей от инфекционных заболеваний становился серьезной проблемой. ЦСУ РСФСР в 1975 г. сообщало в своих сборниках, изданных для служебного пользования, что наблюдается увеличение смертности за период с 1970–1971 гг. по 1973–1974 гг. в восьми возрастных группах, в т.ч. в возрасте 0–4 года 16.

В 1977 г. смертность новорожденных снизилась по сравнению с 1976 г. на 3,2 %. Снижение смертности детей до года произошло по всем причинам, кроме инфекционных и паразитарных заболеваний, смертность от которых выросла на 18 %. В первом полугодии 1978 г. смертность от вышеуказанных недугов продолжала расти. Структура младенческой смертности была такова: болезни органов дыхания — 38 %, некоторые причины перинатальной смертности (асфиксия, родовые травмы и другие) — 22 %, врожденные аномалии развития — 14 %, инфекционные и паразитарные болезни — 13 %¹⁷. В 1977 г. отмечался пик заболеваемости населения РСФСР от инфекционных и паразитарных заболеваний. Значительная доля учтенных инфекционных и паразитарных заболеваний приходится на детей до 14 лет: брюшной тиф и паратифы — 27 %, гепатит — 58, гастроэнтериты и колиты — 62—68 %, грипп и инфекции верхних дыхательных путей — 48 %. Западная Сибирь, где заболеваемость

¹³ Статистический бюллетень. 1978. № 11. С. 325–326.

¹⁴ Там же. 1979. № 9. С. 321–322.

¹⁵ Там же. С. 320.

¹⁶ Там же. 1975. № 19. С. 189.

¹⁷ Там же. 1978. № 19. С. 223.

превышала общероссийские показатели в 1,5 раза, вошла в группу самых неблагополучных регионов 18 .

Существенное влияние на смертность детей, в т.ч. до года, оказывала летальность от болезней органов дыхания. Например, в 1978 г. произошел скачок смертности населения от острых респираторных инфекций в 9 раз, от хронического бронхита в 2,9 раза. В 1965 г. умершие от этих причин составляли 7 % от числа умерших от заболеваний органов дыхания, в 1978 г. – 20 %. В 1978 г. в РСФСР от болезней органов дыхания скончалось 124,1 тыс. чел. Дети в возрасте 0–4 года составили 23,7 тыс. (19 %), младенцы — 19,9 тыс. (84 %). Показатель смертности от заболеваний органов дыхания в возрасте 0–4 года составлял 229,8 на 100 тыс. жителей данного возраста, у 5–9-летних — 5,7, а у 10–14-летних — 3,6. Это было соответственно выше, чем в 1965—1966 гг., на 7,2, 7,5 и 38,5 %.

Основной прирост показателей смертности произошел за счет сельских ребят. За период от 1965–1966 гг. до 1977–1978 гг. в городах показатель смертности вырос у детей до 5 лет на 2,7 %, у 5–9-летних – на 4,9 %, у 10–14-летних – на 37,5 %. В сельской местности дети соответственно стали умирать чаще на 32,8, 26,2 и 46,4 %. У мальчиков смертность оказалась выше, чем у девочек, весьма существенно. На 100 тыс. мальчиков от заболеваний органов дыхания в 1977–1978 гг. в возрасте 0–4 года умирало 257,0; в возрасте 5–9 лет – 6,0; в возрасте 10–14 лет – 3,7. У девочек аналогичные показатели составляли 201,4, 5,3 и 3,5. Таким образом, мальчики умирали соответственно на 27,6, 13,3 и 5,7 % чаще сверстниц. В Западной Сибири чаще, чем в других регионах России, от заболеваний органов дыхания умирали жители Алтая, Кузбасса. В Новосибирской области умирали от данного класса заболеваний на таком же уровне, как в РСФСР. Томичи, омичи и тюменцы от этих недугов умирали несколько реже, чем в целом по России. В Западной Сибири смертность от заболеваний органов дыхания была ниже общероссийских показателей на 5,2 % ¹⁹.

В 1978 г. отмечаются значительные успехи в снижении смертности детей до года. Оно охватило практически все классы причин смертности. Наибольшее снижение отмечено от болезней органов пищеварения (на 27 %), внешних причин (на 9 %), инфекционных и паразитарных заболеваний (на 9 %, в т.ч. от сепсиса на 11 %). Снижение смертности от последних было наиболее значимое, ибо с 1971 г. по 1977 г. она постоянно увеличивалась. В Западной Сибири в 1978 г. отмечено значительное снижение смертности детей до года: на Алтае — на 9,3 %, в Новосибирской области — на 12,65, в Омской — на 9,2, в Томской области — на 12, в Тюменской — на 18,8 %. Рост младенческой смертности отмечался только на Кузбассе (на 6,5 %).

В целом в РСФСР смертность новорожденных уменьшилась на 3,3 %, в Западной Сибири на 9,2 %. В результате Западная Сибирь вышла на уровень смертности детей до года на уровень, отмечаемый годом ранее в России, и детская смертность здесь была выше республиканской на $3\%^{20}$. По причинам младенческая смертность распределялась следующим образом: в 1976 г. умерло от перинатальных причин — 22,6 %, от врожденных аномалий развития — 14,0 , от болезней органов дыхания — 40,4, от инфекционных и паразитарных заболеваний — 10,9 % (всего по этим недугам — 87,9 %); в 1977 г. от перинатальных причин скончалось 21,8 %, от врожденных аномалий развития — 13,8, от болезней органов дыхания — 34,5, от инфекционных и паразитарных заболеваний — 13,4 % (от этих причин скончалось 83,5 % умерших до года); в 1978 г. соответственно — 22,8, 13,9, 38,1 и 12,6 %. Всего от четырех основных классов смертности — 87,4 $\%^{21}$.

В 1979 г. снижение смертности детей и особенно младенцев от инфекционных заболеваний продолжилось. Число умерших детей до года на 10 тыс. родившихся в РСФСР составляло 22,3; в 1978 г. – 31,3, то в 1979 г. – 29,7. Тенденция некоторого уменьшения числа смертей от инфекционных заболеваний оставалась не устойчивой по отдельным недугам.

¹⁸ Статистический бюллетень. 1978. № 11. С. 204, 207, 209.

¹⁹ Там же. 1979. № 23. С. 165–166, 170–171.

²⁰ Там же. 1978. № 5. С. 277; 1979. № 5. С. 345–346.

²¹ Там же.1979. № 5. С. 352.

От энтеритов и диарейных болезней она продолжала увеличиваться, но их доля в числе умерших от всех инфекционных и паразитарных заболеваний не превышала 8 %. Общую тенденцию снижения смертности данное обстоятельство не изменило. От инфекционных недугов в РСФСР умирало около 2 % населения²². В числе заболевших инфекционными заболеваниями дети до 14 лет составляли 53–54 %. В числе причин младенческой смертности эти заболевания собирали значительную дань (до 10 %) (табл. 2).

В течение изучаемого периода постоянно снижалось число умерших от остальных причин, которые не входили в четыре основных класса смертности, а росли показатели смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний и особенно от болезней органов дыхания. Другими словами, смерть наступала от тех недугов, которые можно было устранить при развитии тогдашнего здравоохранения. Это свидетельствовало о кризисе в медицинской сфере СССР и о недостаточном финансировании здравоохранения в стране. Продолжалось некоторое уменьшение смертности детей до 14 лет в регионе.

Таблица 2 Младенческая смертность в России в 1977 и 1978 гг. по причинам смерти (на 10 тыс. родившихся)

		1077 -		1070 -					
	1977 г.			1978 г.					
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское			
Всего	242,0	228,7	272,4	233,8	232,1	237,0			
В т.ч. по причинам									
Болезней органов дыхания	957 1 774		139,2	89,1	73,6	123,7			
От перина- тальных причин	52,8	65,0	26,7	53,3	68,3	19,4			
От врожденных аномалий	33,4	36,5	26,7	32,6	36,5	23,9			
От болезней органов пищева- рения	8,8	60,1	14,8	6,4	4,6	10,4			
От инфекционных и паразитарных заболеваний	32,4	33,2	31,1	29,4	30,5	26,8			
От внешних причин	11,6	8,1	19,2	10,6	8,0 16,3				
От болезней нервной системы и органов чувств	3,7	3,4	4,4	3,2	3,3	3,0			
От прочих	6,1 4,0 10,3 9,2		7,3	13,4					

Составлено по: Статистический бюллетень. 1979. № 5. С. 352.

Неблагополучие со смертностью детского населения усиливалось на протяжении пяти лет (с 1971 по 1976 г.). Это вызывало озабоченность властных структур. ЦСУ РСФСР накануне международного года ребенка в декабре 1978 г. предоставило аналитический обзор о ситу-

²² Там же. 1980. № 11. С. 184–187.

ации с охраной здоровья женщин и детей в республике. В нем констатировалось увеличение расходов по госбюджету в РСФСР с 1970 по 1977 г. на 32,7 % (число родившихся выросло на 15,8%). Увеличились выплаты малоимущим семьям в 4,5 раза. Число женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий выросло с 1971 по 1976 г. на 6 %, коек для беременных и рожениц – на 7, гинекологических коек – на 10, больничных коек для детей – на 20 %. Врачей-педиатров стало на 27 % больше. Отмечалось некоторое снижение уровня младенческой смертности в 1977 г., но при этом число скончавшихся детей до года от инфекционных и паразитарных заболеваний (от одной из ведущих причин смертности) выросло на 18 %. Констатировалось, что 23 % больниц маломощны и не могут оказать специализированную стационарную помощь. В 34 административных центрах областей и автономных республик РСФСР нет детских многопрофильных больниц. Не хватает врачейпедиатров, и у работающих нагрузка является слишком большой. Недостаточно обеспечены лечебными койками более половины регионов республики. Годовые планы строительства больниц и детских дошкольных учреждений «систематически не выполняются» на 8–18 %, деньги из бюджета, направленные на эти цели, не осваиваются²³. Другими словами, эффективность работы органов здравоохранения рассматривалась по затратам, а не по результатам их деятельности. Типичный советский подход.

Причины роста смертности у новорожденных в Советском Союзе в 1970-х гг. остаются до конца не изученными. Некоторую роль сыграл фактор улучшения качества статистического учета (обязанность регистрировать смерть новорожденных, умерших вскоре после рождения, возложили на органы здравоохранения, а не на родителей). Медики также считали, что это была плата за массовую вакцинацию, происходившую в 1950-х гг. Когда лица, рожденные в 1950-е гг., стали обзаводиться собственными детьми, у последних снизился иммунитет, возросла заболеваемость, которая могла вызвать рост показателей смертности²⁴. Не стоит сбрасывать со счетов недостаточность финансирования, техническую и технологическую отсталость, неосведомленность советских врачей о новых методиках лечения. Возможно, сыграл роль весь комплекс причин. В борьбе за снижение воздействия эндогенных факторов смертности большую роль играет массовое витальное поведение, формирование культуры здоровья и здорового образа жизни. Как указывает демограф А.Я. Кваша, это направление борьбы со смертностью «требует больших затрат и большего времени»²⁵.

Проведем анализ динамики младенческой смертности в регионах Западной Сибири. Уровень смертности в Западной Сибири у детей до года практически не отличался от общероссийских показателей вплоть до 1973 г. Подъем младенческой смертности в России в сибирских регионах совпал с общесоюзным. Особенностью было то, что регионы имели достаточно большой диапазон показателей смертности: от относительно невысоких в Томской области до значительных в Тюменской. Смертность росла неравномерно по регионам, пик был достигнут в разное время. Большинство территорий Сибири достигли потолка в 1976 г., т.е. одновременно с РСФСР и СССР. Тюменская область завершила подъем на год позже. Большинство регионов Сибири уже в 1978 г. практически вернулось к показателям младенческой смертности 1970 г., но уровень смертности был далек от минимума в 1971 г.

Частично это связано с улучшением качества учета. Неожиданно рекордсменом по приросту общего показателя младенческой смертности стала Новосибирская область. Хотя казалось, что в ней учет должен был быть изначально лучше, чем по субрегиону, т.к. доля городского населения была существенно выше. Тем не менее, показатель младенческой смертности в ней вырос в 1,5 раза, а в РСФСР на 20 %. Следует отметить, что во всех районах области существовал недоучет демографических событий, что было выявлено при проведении переписи населения в 1970 г²⁶. Распределение умерших младенцев по причинам

²³ Статистический бюллетень. 1978. № 23. С. 171–184.

²⁴ *Бедный М.С.* Демографические факторы здоровья. С. 125–127.

²⁵ *Кваша А.Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981. С. 173.

²⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22.

смерти в Новосибирской области дается в таблице 3. Рост доли умерших от инфекционных заболеваний был значительным, но в основном он обеспечивался тем, что в него стали включать умерших от сепсиса, которые ранее проходили как «прочие причины». Даже при старом распределении число смертей от этих причин выросло. Если в 1972 г. число умерших младенцев от туберкулеза было 3 чел., то в 1975 г. – 9, а в 1976 г. – 10 чел. Это составило 0,8 % всех умерших младенцев. Болезни органов дыхания фактически давали 2/5 всех умерших новорожденных, и почти все они умирали от пневмонии. Обращает внимание значительный рост числа умерших от врожденных аномалий развития. В абсолютных цифрах – с 127 чел. в 1970 г. до 407 в 1975 г. и 379 чел. в 1976 г. (рост более чем в 3 раза). Скорее всего, такое увеличение носит статистический характер. Видимо, ранее их часто относили к мертворожденным. В таблице нет данных о числе и доле умерших от некоторых перинатальных причин, т.к. местные статистические органы относили их в «прочие причины смерти», число и доля которых возрастали.

Таблица 3 Смертность детей до года по причинам в Новосибирской области в 1970–1976 гг., %.

Причина смерти	1970	1972	1973	1975	1976	
Инфекционные и паразитарные заболевания	4,6	7,8	9,0	13,8	21,1	
В т.ч. сепсис	_	_	_	9,8	14,6	
Болезни органов дыхания	38,6	39,4	41,7	41,5	40,9	
В т.ч пневмония	38,5	38,1	37,8	38,4	38,5	
Врожденные аномалии развития	14,6	14,1	12,2	33,9	29,3	
Внешние причины	4,0	8,1	3,2	3,8	3,2	

Составлено по: Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1973. С. 27; Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1974. С. 26; Естественное и механическое движения населения Новосибирской области в 1975 г. Новосибирск, 1976. С. 30; Естественное и механическое движения населения Новосибирской области в 1976 г. Новосибирск, 1977. С. 30.

ЦСУ РСФСР в сентябре 1971 г. сделало неутешительные выводы: «Несмотря на проделанную работу органами здравоохранения, коммунального хозяйства и исполкомами Советов депутатов трудящихся не удалось добиться снижения заболеваемости некоторыми инфекционными болезнями, на что влияет неудовлетворительное санитарное состояние ряда городов, неполная госпитализация больных, неукомплектованность врачебных должностей, недостаточная обеспеченность больничными койками…»²⁷. Аналогичные выводы практически копировались в соответствующих документах до конца 1970-х гг.

Таким образом, детское население Западной Сибири в 1970-е гг. в полной мере отразило в своем развитии ситуацию по РСФСР. Но были и свои особенности. Прирост младенческой смертности был более растянут во времени. Темпы прироста смертности новорожденных были выше, чем в целом по РСФСР. В результате регион был передвинут из территорий, где младенческая смертность была более низкой, в регионы, где смертность оказалась выше общероссийской. Это сохранилось до конца существования СССР и наблюдается в наши дни.

http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-16.pdf

²⁷ Статистический бюллетень. 1971. № 25. С. 148.

Литература

Баранов А.А., *Альбицкий В.Ю.* Смертность детского населения России. М.: Литтерра, 2007. 328 с.

Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979. 223 с.

Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и статистика, 1984. 246 с. Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 гг. / отв. ред. Ю.А. Поляков. 304 с.

References

Baranov, A.A., Albitskiy, V.Yu. (2007). *Smertnost' detskogo naseleniya Rossii* [Mortality of the Child Population of Russia.]. Moscow, Litterra. 328 p.

Bednyy, M.S. (1979). *Mediko-demograficheskoye izucheniye narodonaseleniya* [Medico-Demographic Study of Population]. Moscow, Statistika. 223 p.

Bednyy, M.S. (1984). *Demograficheskiye faktory zdorovya* [Demographic Factors of Health]. Moskva, Finansy i statistika. 246 p.

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoye naseleniye Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: istoriko-demograficheskoyye issledovaniye* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: a Historical and Demographic Study]. Novosibirsk, Nauka, SO RAN. 368 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX vv.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th–20th Centuries)]. Novosibirsk, II SO RAN, 2017. 350 p.

Kvasha, A.Ya. (1981). *Demograficheskaya politika v SSSR* [Demographic Policy in the USSR]. Moscow, Finansy i statistika. 200 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2005). *Naseleniye Rossii v XX veke: istoricheskiye ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. Vol. 3, Book 1: 1960–1979. Moscow, ROSSPEN. 304 p.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

E.E. Tinikova*

Е.Е. Тиникова*

Demographic Modernization of the Sayan-Altai Republics: Terms, Stages, Features

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-17

How to cite:

Tinikova E.E. Demographic Modernization of the Sayan-Altai Republics: Terms, Stages, Features // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 186–194. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-17.pdf

Демографическая модернизация республик Саяно-Алтая: сроки, этапы, особенности

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-17 УДК 94:314(571.1/.5)«19»

Выходные данные для цитирования:

Тиникова Е.Е. Демографическая модернизация республик Саяно-Алтая: сроки, этапы, особенности // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 186—194. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ ISTKURIER-2021-4-17.pdf

Abstract. In the article, the author analyzes the features of demographic modernization in the national subjects of the Sayan-Altai: Khakassia, Tuva and Altai. As well as Russia, the region is characterized by discontinuity in the course of demographic processes. This was due to a number of demographic disasters in the first half of the 20th century. As a result, this led to the fact that the demographic modernization developed to its full extent only from the middle of the last century. This was reflected, first of all, in changes in the dynamics of mortality, birth rate and the structure of causes of the population death. In the administrative units under study, the rate of the demographic modernization was lower than the state's average. This was largely determined by the structure of the economy, the level of urbanization, housing of the indigenous population of the Sayan-Altai national regions, and the structure of the population. The distinctive features of the region's population structure were its polyethnicity, with the predominance of two main ethnic groups in each of the administrative units (the Russians and the local indigenous population), young age, and the large rural population (with the exception of Khakassia). As a result, unlike other regions of Russia, where the demographic transition successfully developed and entered its final stage in the 1960s and 1970s, in the Sayan-Altai Region, all signs of the completion of the demographic transition were not traced until the end of the existence of the Soviet country. High birth rate and high infant mortality were prominent features of the region's demographic development. The latter rate is evidence of the low level of the development of the population's health care and life. Even in the 2010s, three national republics continued to top the list of regions in the Siberian Federal District with the highest infant mortality rate. The author considers that the high birth rate that persisted in the region at the end of the Soviet period, despite the inevitable downward trend, could become one of the most important resources for the socio-economic prosperity of the Sayan-Altai. However, the collapse of the USSR and the subsequent demographic catastrophe did not allow the region to realize its potential, including the demographic sphere.

Keywords: demographic modernization; mortality; birth rate; Khakassia; Tuva; Altai.

The article has been received by the editor on 01.06.2021. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье автор анализирует особенности демографической модернизации в национальных субъектах Саяно-Алтая: Хакасии, Туве и Алтае. Как и для России в целом, для региона была характерна прерывистость в протекании демографических процессов. Обусловлено это было целым рядом демографических катастроф первой половины XX в.

^{*} Тиникова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Tinikova Elena Evgenievna, Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Демографическая модернизация начала разворачиваться в полную силу лишь с середины прошлого столетия. Это выразилось, прежде всего, в изменении показателей динамики смертности, рождаемости и структуры причин смертности населения. В исследуемых субъектах скорость протекания демографической модернизации была ниже, чем в среднем по стране. Во многом это определялось структурой экономики, уровнем урбанизации, расселением коренного населения национальных районов Саяно-Алтая и структурой населения. Отличительными чертами структуры населения региона были ее полиэтничность, с преобладанием двух основных этнических групп в каждом из субъектов (русских и местного коренного населения), молодость, большая численность сельского населения (за исключением Хакасии). В результате, в отличие от остальных регионов России, где еще в 1960–1970-е гг. демографический переход, успешно развиваясь, вступил в свою завершающую стадию, в Саяно-Алтайском регионе все признаки завершения демографического перехода не прослеживаются вплоть до конца существования СССР. Яркими отличительными чертами демографического развития региона были высокая рождаемость и высокая младенческая смертность. Последний показатель является свидетельством низкого уровня развития здравоохранения и жизни населения. Даже в 2010-е гг. три национальные республики продолжали возглавлять список регионов Сибирского федерального округа с самым высоким уровнем младенческой смертности. Автор полагает, что высокая рождаемость, сохраняющаяся в регионе в конце советского периода, несмотря на неизбежный тренд к уменьшению, могла стать одним из важнейших ресурсов для социально-экономического процветания Саяно-Алтая. Однако распад СССР и последовавшая вслед за этим очередная демографическая катастрофа не позволили реализоваться имеющемуся у региона потенциалу, в том числе и в демографической сфере.

Ключевые слова: демографическая модернизация; смертность; рождаемость; Хакасия; Тува; Алтай.

Одним из ключевых аспектов модернизации России в XX в. стала демографическая модернизация, связанная с изменением типов воспроизводства человеческих поколений. Однако с учетом протяженности нашей страны, многообразия векторов развития отдельных ее регионов очевидно, что в разных ее частях сроки и этапы демографической модернизации разнились. Особенно специфика протекания демографической модернизации прослеживается на материалах национальных регионов азиатской части России.

Среди сибирских историков пока ведется дискуссия о нижней границе демографического перехода в Сибири¹. Историками называются два периода, претендующих на звание начального этапа демографической модернизации Сибири. Первый – рубеж XIX–XX вв., когда в регионе фиксируется снижение общих коэффициентов смертности в городской местности. Второй – период Великой Отечественной войны и в целом середина XX в., когда не только снижается уровень смертности, но и меняется структура причин смертности населения.

Обозначить хронологические рамки демографической модернизации конкретного региона, проследить особенности ее протекания возможно только путем детального анализа статистических данных. Целью данной статьи является анализ демографической модернизации национальных республик Саяно-Алтая. Территориальные рамки исследования ограничены тремя республиками: Алтай, Тыва, Хакасия.

Следует отметить, что под демографической модернизацией понимается переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному, изменение показателей динамики смертности, рождаемости и структуры причин смертности. По сути, демографическая модернизация в данной интерпретации является синонимом демографического перехода (в трактовке теории классического демографического перехода с его четырьмя

¹ Подробнее о ходе дискуссии см.: *Исупов В.А.* Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории // Историческая демография. 2013. № 2. С. 34–36.

стадиями). Поэтому поиск начального этапа демографической модернизации региона следует начать с анализа показателей смертности, которая, согласно теории, должна снижаться. Одновременно на этой стадии демографического перехода сохраняется высокая рождаемость, растет продолжительность жизни, следовательно, увеличивается естественный прирост населения.

Первая половина XX в. в России – время демографических катастроф, которые связаны с Первой мировой и Гражданской войнами, революциями, сталинской коллективизацией, Великой Отечественной войной и их последствиями. В этих условиях говорить о перманентном снижении смертности не приходится. Естественное протекание демографических процессов в условиях войн и революций в принципе невозможно. В.Б. Жиромской было отмечено, что прерывистый характер являлся одной из существенных специфических черт демографического перехода в нашей стране². Несмотря на то, что в период становления Советской России уже имелись предпосылки для осуществления перехода от традиционного типа воспроизводства населения к рациональному, а также на серьезные попытки советской власти выстроить демографическую политику на основе охраны материнства и детства как целостной системы, все появляющиеся в мирное время признаки демографического перехода в условиях военного времени, голода и репрессий сходили на нет. Этим и объясняется длительность первой фазы демографического перехода в России.

О прерывности демографического перехода на материалах Западной Сибири писал В.А. Исупов. Он убедительно доказал, что важнейшими характеристиками модернизации смертности являются снижение причин смерти экзогенного происхождения и трансформация половозрастных характеристик смертности. Еще в годы Великой Отечественной войны, по мнению ученого, «произошла глубокая перестройка структуры причин смерти. Она выразилась в сокращении смертей от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и заболеваний органов дыхания. В сущности, именно в военные годы мы сталкиваемся со всеми признаками т.н. эпидемиологического перехода»³. Однако лишь в послевоенные годы, в середине XX в. в Западной Сибири в структуре причин смерти произошло замещение экзогенных факторов эндогенными, связанными с процессом естественного старения человека; смертность передвинулась в старшие возрастные группы, в результате выросла и ожидаемая продолжительность жизни.

Похожая ситуация наблюдалась и в Хакасии. Анализ смертности населения региона в XX в. проведен в монографии В.А. Кышпанакова⁴. Характеризуя тенденции смертности в первой половине прошлого века, он выявил несколько точек преломления кривой смертности населения.

Спад коэффициента смертности населения в Хакасии впервые за годы становления советской власти произошел во второй половине 1920-х гг., но был кратковременным. Так, в городской местности в Хакасском округе он составлял в 1925 г. 39 ‰, в 1926 г. и 1927 г. – 37,26 ‰ и 37,6 ‰ соответственно 5 , а в 1928 г. – всего 19 ‰, в 1929 г. и того меньше – 14 ‰ 6 , в сельской – соответственно по годам 16,9 ‰, 18,4 ‰, 16,84, 21 и 17 ‰ 7 .

Особенностью смертности в Хакасии в этот период были относительно невысокие величины детской смертности. Так, в Сибирском крае в 1925 г. на 1 000 родившихся умерло в городской местности 217 детей, в сельской – 234 ребенка, в Хакасском округе – 206 и 162

² Жиромская В.Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института Российской истории РАН. 2010. № 9. С. 285–310.

 $^{^3}$ *Исупов В.А.* История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е годы) // Исторический курьер. 2020. № 1. С. 149 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

⁴ *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995.

⁵ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930. С. 36–37.

⁶ Кышпанаков В.А. Население Хакасии... С. 177.

⁷ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 40–41; *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии... С. 177.

соответственно⁸. Однако объяснить, с чем это было связано, без привлечения дополнительных источников не представляется возможным.

При характеристике смертности в Ойротской области особо следует отметить ее значительно более низкий уровень в городской местности, чем в соседних регионах. Так, в 1926 г. он составлял среди городского населения всего 15,47 ‰, годом позже уже 21,96 ‰. Но тем не менее, коэффициент смертности здесь значительно уступал аналогичным показателям по Сибири — 24,51 и 23,29 ‰ соответственно. На селе картина выглядела иначе. В Ойротской области в сельской местности коэффициент смертности в 1926 г. был равен 19,75 ‰ (в Сибири — 25,95 ‰), однако в 1927 г. вырос до 26,77 ‰, опередив таким образом среднесибирский показатель (25,38 ‰)⁹.

На рубеже 1920–1930-х гг. завершился «золотой век» демографического роста в нашей стране ¹⁰. Настало время очередной демографической катастрофы, связанной с последствиями сталинской политики. Не вдаваясь в подробности, которые уже хорошо освещены в научной литературе, отметим, что для Хакасии в 1930-е гг. были характерны те же тенденции демографического развития, что и для сибирского макрорегиона.

Во-первых, сохранялся дисбаланс в смертности населения в городской и сельской местности. В городах коэффициент смертности продолжал оставаться выше, чем на селе. Так, по подсчетам В.А. Кышпанакова, общий коэффициент смертности в 1934 г. в городской местности Хакасской автономной области составлял $22,4\,\%$, в сельской $-16,4\,\%^{11}$. Эти же тренды были характерны для Сибири в целом и связаны с высокой сельско-городской миграцией, в результате которой бывшие сельские жители, заканчивая свою жизнь в городе, статистикой учитывались как городское население 12 .

Во-вторых, структура причин смерти оставалась архаичной. Каждый пятый житель области в предвоенные годы умирал от инфекционных заболеваний. Высокая доля смертей экзогенного характера свидетельствует о том, что, несмотря на принимаемые властью попытки укрепить отечественное здравоохранение, серьезно переломить ситуацию в этот период не удавалось. Это невозможно было сделать в условиях низкого уровня жизни населения, которое в основной своей массе не имело доступа ни к качественному полноценному питанию, ни к современным благоустроенным жилищным условиям.

В связи с этим говорить о демографической модернизации региона в эти годы, на наш взгляд, преждевременно. Иной позиции придерживается Н.А. Баранцева. Она полагает, что в 1930-е гг. уже явно были сформированы признаки второго этапа демографического перехода. При этом ученый отмечает, что снижение смертности все же носило «непоследовательный и скачкообразный характер»¹³. Основным аргументом в пользу данной концепции является сокращение рождаемости в данное десятилетие.

Следующий важный виток в колебании смертности пришелся на годы Великой Отечественной войны. Закономерно, что в начале войны смертность населения стала расти. Однако, как ни парадоксально, в разгар борьбы с фашизмом в 1943 г. произошел достаточно резкий спад коэффициента смертности населения. В Хакасии он остановился на отметке 12,4 % (для сравнения в последний предвоенный год — 20,5 %), к концу войны составил 7,8 %. Связано это было с успехами медицины, внедрением практики лечения антибиотиками и сульфаниламидными препаратами инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, вакцинацией населения, новыми методами организации питания детей в садах и школах, развитием огородничества, целенаправленными мерами по оздоровлению санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе 14. В результате произошло не просто количественное снижение смертности, но и ее сокращение в категории экзогенных причин.

⁸ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 36–37, 40–41.

⁹ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 34–41.

¹⁰ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск, 2017. С. 86–104.

¹¹ *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии... С. 179–180.

¹² Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте... С. 146.

 $^{^{13}}$ Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX вв. Абакан, 2011. С. 132.

Несмотря на это, говорить о демографической модернизации в 1940-е гг. рано. Первые послевоенные годы были отмечены очередным витком роста смертности (так, в Хакасии в 1949 г. коэффициент смертности был равен 10,7 ‰). Для нас принципиальным является тот факт, что в структуре причин смерти населения вновь повысилась роль экзогенных факторов, эпидемиологический переход был приостановлен¹⁵.

В 1944 г. в состав СССР вошла Тува. Для нее, как национального региона, который пока не успел стать частью миграционного потока страны, имеющего целый ряд ярких особенностей, было характерно сохранение архаического типа воспроизводства населения. В 1945 г. коэффициент смертности здесь был выше, чем в России и Сибири, — 15,9 %. Во второй половине 1940-х гг. он повышался, и в 1950 г. остановился на уровне 17,4 % ¹⁶.

При этом в Тувинской автономной области вектор рождаемости также стремился вверх. За четыре года, с 1946 по 1950 г. коэффициент рождаемости здесь вырос с 37,9 ‰ до рекордных 40,3 ‰. Этот тренд сохранится вплоть до распада СССР. Уровень рождаемости здесь будет стабильно выше среднего. Однако региональная траектория динамики рождаемости все же позволяет выделить признаки, характерные для конкретных фаз демографической модернизации.

Итак, демографический переход в национальных республиках Саяно-Алтая начался в 1950-е гг. Именно с этого периода фиксируется стабильное снижение смертности в регионе. Одновременно сохраняется высокая рождаемость. Согласно классификации Б.Ц. Урланиса, высокий уровень рождаемости в Хакасии сохранялся до конца 1950-х гг. (1958 г. – 30 %), на Алтае – в начале 1960-х гг. (1961 г. – 31 %), в Туве – до середины 1960-х гг. (1965 г. – 31,3 %).

Скорость протекания первого этапа демографической модернизации (без учета чисто демографического фактора) во многом определялась структурой экономики, уровнем урбанизации и расселением коренного населения национальных районов Саяно-Алтая. Хакасия преодолела данную фазу по сравнению с менее урбанизированными и индустриально развитыми соседями сравнительно быстро. Снижение рождаемости в городских поселениях на фоне снижения смертности было связано с интенсивным притоком мигрантов, формирующейся полиэтнической средой, повышением уровня санитарно-гигиенической грамотности городского населения, ростом вовлечения женщин-горожанок в производственную сферу. В 1960 г. коэффициент рождаемости в городах Хакасии составлял 24,8 ‰, в сельской местности — 31,8 ‰. Среди хакасов сокращение рождаемости началось не ранее 1960-х гг. и еще в 1959 г. рождаемость сельских хакасов была близка к физиологическому максимуму по классификации Б.Ц. Урланиса — 47,8 ‰¹⁷.

Коэффициент рождаемости в Туве в 1950-е гг. оставался стабильно высоким — около 40 ‰. На фоне снижающейся смертности естественный прирост населения составил в 1960 г. 30,2 ‰ (максимальный показатель в регионе во второй половине XX в.), а вкупе с миграционным приростом это привело к увеличению численности населения Тувы за 15-летний период (1945—1960 гг.) почти в два раза: с 95,4 тыс. до 183 тыс. чел.

В 1960-е гг. в национальных республиках Саяно-Алтая наблюдаются признаки второго этапа демографической модернизации: дальнейшее снижение коэффициента смертности, но уже при активном снижении коэффициента рождаемости, что влечет за собой замедление прироста населения и его демографическое старение. В каждом из национальных субъектов региона модернизация смертности и рождаемости имела свои особенности.

Рождаемость в Туве на протяжении 1960-х гг. резко снизилась: с 38,9 ‰ в 1960 г. до 28,3 ‰ в 1970 г. При этом рождаемость оставалась значительно выше среднего по стране

¹⁴ *Кискидосова Т.А.* Смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 4. С. 103–104.

¹⁵ Подробнее см.: *Лапердин В.Б.* Заболеваемость населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Исторический ежегодник. 2013. Новосибирск, 2013. С. 141–150.

¹⁶ Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл, 2014. С. 49.

¹⁷ Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII–XX вв.). Абакан, 2012. С. 123.

(23,2 и 14,6 ‰ соответственно). Сокращение коэффициента рождаемости в эти годы в Туве протекало медленнее, чем в РСФСР: за 10 лет уменьшилось в 1,4 раза против 1,6 по стране. Уникальность данного явления объяснялась сохранением традиций многодетности у тувинцев. Оно было связано со следующими факторами: компактное проживание тувинцев преимущественно в сельской местности, сравнительно слабая миграционная подвижность, традиционный уклад быта, сохранение прочных родственных связей, а также характерное для коренного народа отношение к детям как «к главному богатству» ¹⁸.

К 1970 г. смертность в Туве достигла своего исторического минимума — 8,2 ‰, но за десятилетие снизилась всего в 1,1 раза. Таким образом, опережающее снижение коэффициента рождаемости над смертностью привело к уменьшению естественного прироста населения (с 30,2 ‰ в 1960 г. до 20,1 ‰ в 1970 г.).

В Хакасии процессы изменения динамики смертности шли быстрее, чем у южного соседа. Здесь уже во второй половине 1960-х гг. коэффициент смертности стал нарастать и в 1970 г. достиг отметки 8,4 ‰, опередив Туву. Однако в целом смертность населения в области была ниже общероссийских показателей. При этом ситуация в городской и сельской местностях складывалась по-разному: в городских поселениях Хакасии в 1970 г. коэффициент смертности был равен 8,2 ‰, выше, чем в РСФСР (7,9 ‰), в сельских поселениях – 8,7 ‰, значительно ниже, чем в среднем по стране (10,1 ‰)¹⁹.

1960-е гг. вошли в историю демографического развития Хакасии как период стремительного падения рождаемости (в 1,7 раза). Особенно ярко данные процессы проявлялись в сельской местности. В 1960 г. рождаемость здесь была все еще высокой (31,8 ‰), а в 1970 г. уже снизилась до средних показателей $(16,4 \, ‰)^{20}$. Влияние урбанизации к этому времени достигло и села, постепенно многодетная крестьянская семья стала вытесняться малодетной нуклеарной семьей нового типа.

Снижались показатели рождаемости и в Горном Алтае. Но здесь темпы нарастания данного процесса тормозились нацеленностью на многодетность в алтайских и казахских семьях. Показатель рождаемости в автономной области в конце 1960-х гг. был более чем в два раза выше, чем в целом по России и составлял более 30 ‰. Еще одной особенностью Алтая была высокая доля инфекционных болезней в структуре заболеваемости региона. По данному показателю область опережала Алтайский край в два раза. Исследователи связывают это с социальной неустроенностью, неразвитостью условий жизни и сохранением отдельных национальных традиций в быту²¹.

На этой стадии демографического перехода неизбежен процесс демографического старения населения. Но в исследуемом регионе он протекал значительно медленнее. В первую очередь это было связано с сохранением высокой рождаемости. В результате переход от прогрессивного типа возрастной структуры населения к стационарному произошел здесь не ранее 1980-х гг. 22 Поэтому и возрастание смертности в национальных районах Саяно-Алтая в 1970-е гг. не было катастрофичным. Но с начала 1980-х гг. смертность начала нарастать стремительнее и в целом по региону к 1985 г. составила 10,5 % (самый высокий показатель был на Алтае – 11,3 %, самый низкий – 9,3 % – в Туве).

Вторая половина 1980-х гг. – период снижения смертности в результате целенаправленной политики государства по ужесточению антиалкогольных мер и повышению уровня медицинского обслуживания: в период 1985–1990 гг. средний коэффициент смертности в Туве равнялся 9 ‰, Хакасии – 9,7, Алтае – 10 ‰. Стабилизация смертности в регионе свидетельствует о том, что демографический переход здесь был в целом завершен. Однако

¹⁸ История Тувы. Новосибирск, 2016. Т. 3. С 395.

¹⁹ Динамика естественного движения населения Республики Хакасия: стат. сборник. Абакан, 2008. С. 6–7.

²⁰ Там же С. 7

²¹ Гончарова О.А., Ложкина Н.Н. Условия и особенности развития системы здравоохранения в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 94–95.

²² *Тиникова Е.Е.* Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX – начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 80.

период демографической стабильности был непродолжительным и прервался по независящим от логики демографического развития населения причинам.

Как уже отмечалось выше, для исследуемого региона была характерна высокая рождаемость, особенно в Туве и на Алтае. Поэтому, в отличие от остальных регионов России, где еще в 1960–1970-е гг. «демографический переход, успешно развиваясь, вступает в свою завершающую стадию, когда коэффициент рождаемости приближается к уровню простого воспроизводства» здесь все признаки завершения демографического перехода не прослеживаются вплоть до конца существования СССР. Хакасия — единственный из трех национальных субъектов Саяно-Алтая, где рождаемость соответствовала среднесибирским трендам развития: в 1990 г. коэффициент рождаемости в области был 15,3 ‰. Этот же показатель на Алтае был равен 19,3 ‰, еще выше в Туве — 26,2 ‰.

Высокие показатели рождаемости влияли и на возрастной состав населения, который был значительно моложе, чем в России в целом: средний возраст населения региона в 1989 г. достиг отметки 30,6 лет, в то время как в среднем по стране – 43,2 года. Если в этот период среднее число рожденных детей у женщин русской национальности в России в 1989 г. остановилось на отметке 1,72, то у алтайцев составляло 2,48, у хакасов – 2,36, у тувинцев – 2,53²⁴.

Еще один показатель демографического развития, по которому регион отставал от среднероссийских показателей, – младенческая смертность. В России в 1989 г. она составляла 17,8 ‰, Хакасии – 18,4, Алтае – 26,9, Туве – 33,1 ‰. Высокая младенческая смертность является ярким свидетельством регионального низкого уровня развития здравоохранения и жизни населения, даже в 2010-е гг. три национальные республики продолжали возглавлять список регионов Сибирского федерального округа с самым высоким уровнем младенческой смертности. Поразительно, но среди ее причин помимо состояний, возникающих в перинатальном периоде, и врожденных аномалий развития, все еще фигурируют инфекционные и паразитарные болезни, несчастные случаи, отравления и травмы²⁵.

Таким образом, прерывистый, длительный, догоняющий характер демографической модернизации национальных субъектов Саяно-Алтая был связан со структурой населения. Отличительными чертами структуры населения региона были: полиэтничность, с преобладанием двух основных этнических групп в каждом из субъектов (русских и местного коренного населения), молодость, большая численность сельского населения (за исключением Хакасии). Высокая рождаемость, сохраняющаяся в регионе в конце советского периода, несмотря на неизбежный тренд к уменьшению, могла стать одним из важнейших ресурсов для социально-экономического процветания Саяно-Алтая. Однако распад СССР и последовавшая вслед за этим очередная демографическая катастрофа, не позволили реализоваться имевшемуся в регионе потенциалу, в т.ч. и в демографической сфере. И если Алтай и Тува смогли пережить рубеж второго и третьего тысячелетий с относительно невысокими потерями, сохраняя положительный естественный прирост, то для Хакасии на протяжении нескольких лет была реальна угроза депопуляции.

Литература

Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX вв. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 2011. 206 с.

 $^{^{23}}$ Жиромская В.Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института Российской истории РАН. 2010. № 9. С. 303.

²⁴ Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959–1989 гг. // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. М., 2004. С. 67–68.

²⁵ *Баранцева Н.А.* Некоторые аспекты смертности в Хакасии в 1990–2000-ые годы // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. Иркутск, 2015. С. 41.

Баранцева Н.А. Некоторые аспекты смертности в Хакасии в 1990–2000-ые годы // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения в двух томах: материалы. Иркутск, 2015. С. 37–43.

Гончарова О.А., *Ложкина Н.Н.* Условия и особенности развития системы здравоохранения в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 92–95.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Апостроф, 2017. 350 с.

Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959–1989 гг. // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. М., 2004. Вып. 10. С. 66–83.

Жиромская В.Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института Российской истории РАН. 2010. № 9. С. 285–310.

История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2016. Т. 3. 451 с.

Исупов В.А. Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории // Историческая демография. 2013. № 2. С. 34–36.

Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е годы) // Исторический курьер. 2020. № 1. С. 140–153 [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

Кискидосова Т.А. Смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 4. С. 99–104.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 1995. 348 с.

Лапердин В.Б. Заболеваемость населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Исторический ежегодник. 2013: сб. научн. трудов. Новосибирск, 2013. С. 141–150.

Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII–XX вв.) / под общ. ред. Н.Я. Артамоновой. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 2012. 228 с.

Тиникова Е.Е. Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX – начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 74–87.

References

Artamonova, N.Ya. (2012). *Ocherki sotsial'no-demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya Khakassko-Minusinskogo kraya (XVIII–XX vv.)* [Essays on the Socio-Demographic and Cultural Development of the Khakass-Minusinsk Region (18th–20th Centuries.)]. Abakan, Izdatelstvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta. 228 p.

Barantseva, N.A. (2011). *Etnosotsial'nyye i ehtnodemograficheskiye protsessy na yuge Sredney Sibiri v kontse XIX – kontse XX vv.* [Ethnosocial and EthnodemoGraphic Processes in the South of Central Siberia in the late 19th – Late 20th Centuries]. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta. 206 p.

Barantseva, N.A. (2015). Nekotoryye aspekty smertnosti v Khakasii v 1990–2000-ye gody [Some Aspects of Mortality in Khakassia in the 1990s–2000s]. In *Vosmyye Baikalskiye mezhdunar-odnyye sotsialno-qumanitarnye chteniya v 2 t.: materialy*. Irkutsk, pp. 37–43.

Denisenko, M.B., Kharaeva, O.A. (2004). Vozrastnaya struktura narodov RSFSR, 1959–1989 gg. [Age Structure of the Peoples of the RSFSR, 1959–1989]. In *Naseleniye i krizisy: Regional'nyye i ehtnicheskiye osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii i SSSR*. Moscow. No. 10, pp. 66–83.

Goncharova, O.A., Lozhkina, N.N. (2020). Usloviya i osobennosti razvitiya sistemy zdravookhraneniya v Gornom Altae v 1965–1985 gg. [Conditions and Features of the Development of the Health Care System in the Altai Mountains in 1965–1985]. In *Manuskript*. 2020. Vol. 13, No. 10, pp. 92–95.

Isupov, V.A. (2013). Demograficheskaya modernizatsiya Sibiri: paradoksy istorii [Demographic Modernization of Siberia: Paradoxes of History]. In *Istoricheskaya demografiya*. No. 2, pp. 34–36.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.) [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, Apostrof. 350 p.

Isupov, V.A. (2020). Istoriya Zapadnoy Sibiri v kontekste demograficheskoy modernizatsii (1900–1950-e gody) [The History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900–1950-ies)]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 1 (9), pp. 140–153. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (date of access: 21.05.2021).

Kiskidosova, T.A. (2015). Smertnost naseleniya v gorodskikh poseleniyakh Khakasii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Population Mortality in Urban Settlements of Khakassia During the Great Patriotic War]. In *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. No. 4 (12), pp. 99–104.

Kyshpanakov, V.A. (1995). *Naseleniye Khakasii: 1917–1990-e gg.* [Population of Khakassia: 1917–1990]. Abakan, Izdatelstvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta. 348 p.

Lamin, V.A. (Ed.). (2016). Istoriya Tuvy: v 3 t. [History of Tuva]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 451 p.

Laperdin, V.B. (2013). Zabolevaemost' naseleniya Zapadnoy Sibiri v poslevoennyye gody (1946–1950 gg.) [Morbidity of the Population of Western Siberia in the Post-War Years (1946–1950)]. In *Istoricheskiy ezhegodnik*. 2013. Novosibirsk, pp. 141–150.

Tinikova, E.E. (2019). Polovozrastnaya struktura naseleniya gorodov Yuzhnoy Sibiri v seredine XX – nachale XXI vv. [Gender and Age Structure of the Population of Cities in Southern Siberia in the Mid 20th – Early 21th Centuries]. In *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. No. 2, pp. 74–87.

Zhiromskaya, V.B. (2010). Problemy demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [Problems of demographic development of Russia in the twentieth century]. In *Trudy Instituta Rossiiskoy istorii RAN*. No. 9, pp. 285–310.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021 г.

Н.Н. Аблажей*

N.N. Ablazhey*

Итоги реализации Программы переселения соотечественников для восточных регионов России в 2007–2012 годах

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-18 УДК 94:314.15(571)«2007/2012»

Выходные данные для цитирования:

Аблажей Н.Н. Итоги реализации Программы переселения соотечественников для восточных регионов России в 2007–2012 годах // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 195–202. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-18.pdf

Results of the Implementation of the First Stage of the Compatriots Resettlement Programme for the Eastern Regions of Russia (2007–2012)

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-18

How to cite:

Ablazhey N.N. Results of the Implementation of the First Stage of the Compatriots Resettlement Programme for the Eastern Regions of Russia (2007–2012) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 195–202. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-18.pdf

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern repatriation policy of Russia concerning the implementation of the first stage (2007–2012) of the governmental "Programme of voluntary resettlement of compatriots living abroad" for the regions of the Siberian and Far Eastern federal districts (SFD and FEFD). Attention is focused on the analysis of both the federal component of the programme and regional resettlement modules. In 2007 the Programme involved 7 regions of Siberia and the Russian Far East, by 2012 their number had increased to 14. Most of projects proposed by the regions of Siberia and the Russian Far East were aimed to develop the border regions, industrial macro-regions and urban agglomerations. In the SFD migrants preferred the Novosibirsk, Omsk, Irkutsk regions and the Krasnovarsk Krai, in the FEDF – the Primorsky Krai. The Siberian and Far Eastern regions have drawn the interest of resettlers from Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine and Kyrgyzstan. In 2007–2012 in the framework of the Resettlement Programme Siberia and the Russian Far East hosted about 24,500 migrants. The programme's approach and its pilot nature allowed resettling people based on the formed priorities. However, the state once again tried to regulate migration. As a result, the voluntary migration actually became a planned resettlement, with a focus on a specific place of residence, which reduced to naught the very principle of voluntariness and significantly reduced the effect of the programme implementation.

Keywords: repatriation; planned resettlement; compatriots; post-Soviet space; Siberia; the Far East.

The article has been received by the editor on 27.07.2020. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу современной репатриационной политики России в свете реализации первого этапа (2007–2012 гг.) государственной «Программы добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом» для регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (СФО и ДФО). Акцент сделан на анализе как федеральной компоненты программы, так и региональных переселенческих модулей. В 2007 г. в программу включились семь регионов Сибири и Дальнего Востока, к 2012 г. в реализации программы участвовало 14 регионов. Большинство проектов, предложенных регионами Сибири и Дальнего Востока, было ориентировано на развитие приграничных районов, промышленных макрорегионов и городских агломераций. В СФО мигранты отдали

^{*} Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Ablazhey Natalia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

предпочтение Новосибирской, Омской, Иркутской областям и Красноярскому краю, в ДФО – Приморскому краю. Сибирские и дальневосточные регионы вызвали интерес у переселенцев из Казахстана, Узбекистана, Украины и Киргизии. В рамках Программы переселения Сибирь и Дальний Восток за 2007–2012 гг. приняли около 24,5 тыс. переселенцев. Программный подход и пилотный принцип позволили реализовывать переселение по территории страны с учетом сформированных приоритетов. Однако государство в очередной раз попыталось регулировать миграцию, в результате чего добровольная репатриация стала фактически плановым переселением, с жесткой привязкой к конкретному месту проживания, что свело на нет сам принцип добровольности и существенно снизило эффект от ее реализации.

Ключевые слова: репатриация; плановое переселение; соотечественники; постсоветское пространство; Сибирь; Дальний Восток.

Распад Советского Союза активизировал миграцию. Россия стала центром постсоветской миграционной системы, внешний ресурс прироста населения страны оказался сосредоточен в основном на постсоветском пространстве. В 1990-е гг. возвратная миграция представляла собой политическое и экономическое беженство значительных масштабов: за десятилетие в Россию в качестве беженцев и вынужденных переселенцев прибыли около 3 млн русских¹, поэтому перед российской властью не стояла задача выработки этнически ориентированной миграционной политики. На фоне сокращения беженского потока в связи со стабилизацией положения национальных меньшинств в постсоветских странах, сопровождавшегося резким ростом нелегальной иностранной трудовой миграции, политика в отношении русскоязычного населения ближнего зарубежья на рубеже 1990—2000-х гг. была скорректирована. Диаспора перестала восприниматься как геокультурная периферия, российские власти стали уделять существенно больше внимания ее положению и вопросам возвращения на историческую родину. Репатриация русского и, шире, русскоязычного, населения представляла интерес, во-первых, в контексте формирования механизмов законной и контролируемой миграции и, во-вторых, в плане улучшения демографической ситуации в России.

Несмотря на смену приоритетов, инерция в политике переселения ощущалась еще долго. Закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» был принят в мае 1999 г. и, хотя в нем декларировалось, что репатриация стала приоритетным направлением российской иммиграционной политики, в практическую плоскость ее перевели только спустя несколько лет. В феврале 2006 г. по поручению Президента была создана межведомственная рабочая группа по разработке государственной программы переселения. В апреле того же года Комиссия по международному сотрудничеству и общественной дипломатии Общественной палаты России рекомендовала Правительству предусмотреть разработку Федерального закона «О репатриации в Российскую Федерацию».

На Втором всемирном конгрессе соотечественников, состоявшемся в Санкт-Петербурге в октябре 2006 г., в котором участвовали делегаты от русских диаспор из 100 стран мира, Президент В.В. Путин заявил о начале реализации широкомасштабной государственной программы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Заявление вызвало большой общественный резонанс в силу актуальности «русского» вопроса после распада СССР. Напомним, что накануне распада СССР внутрисоюзная русская диаспора составляла 25,3 млн чел., из них половина проживала в неславянских республиках СССР; еще около 4 млн чел. составляли представители других коренных народов России. После 1991 г. все они оказались за пределами своей исторической родины. Как следствие, одним из знаковых процессов этого периода стал массовый исход русскоязычного населения из бывших советских республик. В целом в течение 1990-х гг. численность русской

¹ Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы. М., 2013. С. 91, 174.

 $^{^{2}}$ Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1999. № 22. Ст. 2670. (В этот закон вносились изменения в 2002, 2004, 2006, 2008, 2009 и 2010 гг.).

диаспоры в постсоветских странах сократилась на 7,5 млн, из них почти 3 млн чел.³ выехали в Россию.

Разработанная Правительством программа по добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, на период 2006—2012 гг. была утверждена Указом Президента от 22 июня 2006 г. На ее реализацию были запланированы значительные средства. Россия готова была принять за этот период около полумиллиона мигрантов (несмотря на оценки миграционного потенциала русской диаспоры в 3—4 млн чел). Согласно планам Федеральной миграционной службы, в 2007 г. в страну должно было прибыть порядка 50 тыс. чел., в 2008 г. — 100 тыс., в 2009 г. — 150 тыс., в последующие годы — в среднем по 100 тыс. чел. За пять лет предусматривался прием 443,2 тыс. чел., из которых 132,4 тыс. — главы семей и/или участники госпрограммы 6. На первом этапе, в 2007—2009 гг., мероприятия программы распространялись только на лиц, постоянно проживающих за рубежом. С 2010 г. программу распространили на соотечественников из числа лиц, постоянно или временно проживающих на законном основании на территории страны, но только в тех субъектах Федерации, которые участвовали в ее реализации. Соответствующие изменения были внесены в план мероприятий госпрограммы.

Для обеспечения взаимодействия с российскими общинами с целью пропаганды и реализации программы репатриации была разработана нормативно-правовая база, касающаяся организации в странах СНГ и Балтии представительств Федеральной миграционной службы (ФМС) РФ. Отметим, что Россия здесь столкнулась с явным противодействием со стороны властей некоторых стран ближнего зарубежья, что во многом обусловливалось трансформацией политики в отношении национальных меньшинств, либерализацией в сфере гражданства, вызванной массовым отъездом русских в 1990-е гг. и потерей для стран СНГ интеллектуального потенциала и квалифицированной рабочей силы. Наибольшее сопротивление реализация программы переселения русского и русскоязычного населения вызвала в Казахстане и на Украине. В 2006 г. вместо 11 зарубежных представительств ФМС России удалось открыть лишь пять: в Латвии, Туркмении, Таджикистане, Киргизии и Армении. Лишь к марту 2008 г. был согласован вопрос об открытии представительств в статусе временных групп в Казахстане и Узбекистане. На Украине и в Молдавии сотрудники ФМС получили возможность действовать только через дипломатические представительства России. В остальных государствах бывшего СССР, где имелись русскоязычные общины, координационные функции возлагались на российские консульские учреждения. К 2012 г. сеть репатриационных представительств удалось расширить за счет Молдавии и Украины. При 16-ти консульских учреждения России в девяти странах (Азербайджан, Беларусь, Германия, Израиль, Казахстан, Литва, Узбекистан, Эстония, Украина) функционировали временные группы ФМС и МИД. На содействие репатриации были ориентированы 60 загранучреждений МИД РФ в 40 странах. Тем не менее, расширение заграничного аппарата миграционного ведомства в первые годы реализации репатриационной программы не сказалось кардинальным образом на росте численности репатриантов. С 2010 г. прием анкет для участия в программе стали вести и территориальные органы ФМС России.

Реализация политики в области переселения возлагалась на Межведомственную комиссию, функционирующую при участии федеральных органов государственной власти,

³ *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 28.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

⁵ Накануне запуска программы Институтом диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (Москва) в шести государствах СНГ (Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Украины), а также в двух непризнанных государственных образованиях (Приднестровье и Южной Осетии) по заказу МИД России, в соответствии с решением Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, был проведен мониторинг состояния русской диаспоры и анализ миграционных ожиданий.

⁶ Эти цифры упоминаются в связи с проверкой в мае 2009 г. Счетной палатой России реализации программы переселения соотечественников [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/russia/19may2009/sp.html (дата обращения: 11.05.2021).

Администрации Президента и Аппарата Правительства, имевшую свои подразделения на уровне регионов. Воплощение программы в жизнь поручили ФМС, полномочия которой, помимо нормативно-правового регулирования переселения, сводились к согласованию деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти. На местном уровне ответственность за реализацию программы переселения возложили на отделы по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев управлений ФМС, а также департаменты труда и занятости населения. В последних принимались решения о приеме и трудо-устройстве соотечественников на данной территории. В сферу компетенции региональных управлений ФМС входили постановка на учет, выдача разрешений на временное проживание и натурализацию.

Несмотря на общероссийский статус программы и выделение средств из госбюджета, федеральный центр с самого начала предложил регионам в срочном порядке разработать собственные переселенческие модули, как компоненты федеральной программы. Регионы, участвующие в программе, постановлением Правительства разделялись на три («А-Б-В») категории: 1) приграничные территории; 2) территории, требующие привлечения мигрантов на реализацию крупных инвестпроектов; 3) территории с устойчивым развитием.

В 2007 г. были определены 12 пилотных регионов для приема переселенцев: Калининградская, Калужская, Липецкая, Тамбовская, Тверская, Тюменская, Иркутская, Новосибирская и Амурская области, Красноярский, Приморский и Хабаровский края. Несколько регионов получили отказ, в основном по причине недоработки дорожных карт. В 2010 г. количество принимающих регионов возросло до 20, в том числе Кемеровская область и Камчатский край. В последующие два года в программу включились почти все регионы Сибирского (за исключением республик Алтай, Хакасия и Тыва) и Дальневосточного (кроме Якутии, Чукотки и Магаданской области) федеральных округов. Таким образом, к 2012 г. в реализации программы участвовало 14 регионов Сибири и Дальнего Востока⁷.

Условием включения региона в реализацию программы была разработка собственного регионального модуля переселения, который вступал в силу после соответствующего решения Правительства. Большинство проектов, предложенных регионами Сибири и Дальнего Востока, были ориентированы на развитие приграничных районов, промышленных макрорегионов и городских агломераций. Красноярский край и Кемеровская области предложили миграционные проекты, призванные стимулировать развитие Приангарья и северо-запада Кузбасса. Регионы, граничащие с Казахстаном и Китаем, сделали акцент на стимулирование миграции исключительно на приграничные территории. Омская и Иркутская области, Приморский край предпочли вариант равномерного расселения мигрантов по всей территории, с акцентом на поселения городского типа. В Приморском крае предусматривалось также компактное переселение в сельскую местность религиозных общин соотечественников (староверов), с возможностью обеспечения для них обособленного образа жизни и самозанятости.

Неоднозначно складывалась ситуация с натурализацией репатриантов. Многим в России и зарубежье казалось продуктивным решение «русского вопроса» через введение института

⁷ Участие регионов Сибири и Дальнего Востока в реализации госпрограммы репатриации отражены весьма фрагментарно в статьях Н.Н. Аблажей, В.В. Безгачевой, К.В. Григоричева и Ю.Н. Пинигиной, А.В. Дробницы, М.Н. Скворцова и др. (См.: *Аблажей Н.Н.* Реализация Программы добровольного переселения соотечественников в Новосибирской области // Сибирь. Деревня. Город: Сборник научных статей. Новосибирск, 2011. С. 133–147; *Безгачева В.В.* Государственная программа по добровольному переселению в Россию соотечественников глазами переселенцев в 2000-е гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. 2016 № 406. С. 33–39; *Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н.* Региональная миграционная политика в Иркутской области // Миграционная политика в регионах РФ: законодательство и правоприменительная практика. Калининград, 2009. С. 156–176; *Дробница А.В., Скворцов М.Н.* Реализация государственной политики по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на Дальний Восток России в 2007–2017 гг. (на примере Хабаровского края) // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. С. 30–38; *Мищук С.Н., Тайорова М.А. Беспалова Н.В.* Переселение соотечественников в Дальневосточный федеральный округ: проблемы и их решения // Власть и управление на востоке России. 2014. № 2. С. 54–61).

двойного гражданства, и в Законе РФ о гражданстве 2002 г. оговаривался его разрешительный характер. Упрощенный (по сути регистрационный) порядок приобретения гражданства был возможен также на основании международных соглашений. Во второй половине 1990-х гг. Россия подписала три таких соглашения: двусторонние – с Казахстаном (в конце 2008 г. Казахстан в одностороннем порядке денонсировал соглашение) и Киргизией; четырехстороннее – с Белоруссией, Казахстаном и Киргизией.

Накануне реализации репатриационной программы лишь четверть заявителей получали гражданство в регистрационном порядке, остальные – в упрощенном. Наиболее эффективно работала только часть 4 статьи 14 Закона о гражданстве. Благодаря ей смогли получить гражданство в упрощенном порядке, без пятилетнего ценза оседлости, соотечественники из числа граждан СССР, зарегистрированные в России по месту жительства или получившие вид на жительство по состоянию на 1 июля 2002 г. В 2008 г. статья 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» была дополнена: предусматривался порядок упрощенного получения гражданства соотечественниками, проживающими в участвующем в реализации государственной программы по добровольному переселению соотечественников субъекте Федерации и имеющими статус временного проживания; снималось также ограничение на обязательное владение русским языком. Процедура натурализации подразумевала постановку на миграционный учет, получение статуса временного проживания сроком на три года, оформление вида на жительство (постоянное проживание). Получение гражданства определялось возможностью получения права на временное проживание в России. Разрешение на временное проживание не предоставлялось, если по истечении трех лет со дня въезда в РФ заявитель не имел постоянного жилья. Фактически шанс включиться в программу получили только те соотечественники, которые уже имели статус лица, временно или постоянно проживающего в стране. В 2010 г., согласно поправке к Закону о соотечественниках, человек, получивший разрешение на временное проживание, мог сразу подать заявление на получение гражданства Российской Федерации, которое рассматривалось в двухмесячный срок. На практике только половине переселенцев удалось в сжатые сроки получить разрешение на временное проживание и, соответственно, приобрести российское гражданство. Подобное ограничение существенно тормозило реализацию переселенческой программы.

Социально-правовой статус участника программы был тесно связан с вопросами социальноэкономической интеграции. Поскольку государственная поддержка переселения включала только оплату переезда и выплату «подъемных», ряд регионов СФО и ДФО принял решение о выплате дополнительных пособий на проживание, аренду жилья, повышение квалификации за счет местных бюджетов; в ряде предусматривались выплаты малоимущим переселенцам. Наиболее острыми для переселенцев стали вопросы трудоустройства и проживания, от решения которых во многом зависела успешность адаптации, поскольку легализация переселенца в качестве участника программы была возможна только при наличии места работы. В условиях низкой мотивации регионального бизнеса, который мог предложить переселенцам в основном низкооплачиваемые или непрестижные рабочие места, вопросы трудоустройства и/или переквалификации прибывших легли в первую очередь на муниципальные власти.

Регионы брали на себя обязательства помочь в приобретении жилья и создать маневренный жилфонд, где переселенцы могли бы разместиться минимум на полгода, до приобретения гражданства. Однако полноценный фонд социального жилья создать так и не удалось, а отсутствие гражданства не давало возможность получить ипотечный кредит. Власти пытались обойти данное ограничение, предоставляя статус постоянного жилья некоторым категориям жилых помещений, где компактно проживали участники программы переселения. На конец 2010 г. в центрах временного проживания, гостиницах и общежитиях размещалось около 8 % переселенцев, в жилье по найму — около 81, постоянное жилье имели менее 11 %8. Другими

⁸ Подсчитано по: Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения

словами, власти на местах не смогли обеспечить репатриантов дешевым социальным жильем.

Что касается общих масштабов, то в Россию прибыло (с учетом включившихся в программу из числа проживавших в стране) 125 424 чел., в том числе в 2007 г. – 685 чел., в 2008 г. – 8 346, в 2009 г. – 9 219, в 2010 г. – 12 881 чел., в 2011 г. – более 31,4 тыс., в 2012 г. – 62,3 чел. (в официальной статистике, начиная с 2011 г., стали приводиться только округленные данные)9. Плановых показателей достигнуть не удалось. Наиболее провальным оказался 2007 г. Согласно статистике региональных отделов ФМС, за 2007–2010 гг. численность переселенцев с учетом членов семей составила в целом по стране 31 131 чел., в том числе в регионах С Φ О – 3 775 чел., Д Φ О – 996 чел. Следует заметить, что в первые годы действия Программы данные о численности переселенцев, представленные, с одной стороны, ФМС, и Росстатом, с другой, имеют незначительные расхождения. Так, согласно данным Росстата за 2008–2010 гг. (с учетом статистики за 2007 г.), СФО принял 3 284 чел., $Д\Phi O - 1~009$ чел. За два последующих года, предусмотренных программой переселения, по данным Росстата, регионы СФО приняли 12 522 чел., в том числе: Новосибирская область – 4 779 чел., Республика Бурятия – 105, Алтайский край – 1 257, Забайкальский край – 501, Красноярский край – 2 143, Иркутская область – 3 048, Кемеровская область – 794 чел.; регионы Дальнего Востока – 7 396 чел, в том числе: Камчатский край – 912, Приморский край – 2 882, Хабаровский край – 1 630, Амурская область – 1 266, Сахалинская область – 286 и Еврейская автономная область – 420 чел. 11 Суммирование данных позволяет утверждать, что в рамках Программы переселения Сибирь и Дальний Восток за 2007-2012 гг. приняли около 24,5 тыс. переселенцев.

В СФО мигранты отдали предпочтение Новосибирской, Омской, Иркутской областям и Красноярскому краю, в ДФО – Приморскому краю. Сибирские и дальневосточные регионы вызвали интерес у переселенцев из Казахстана, Узбекистана, Украины и Киргизии. Однако во всех восточных регионах-участниках программы количество прибывших от числа ожидаемых к въезду за первые три года колебалось на уровне 10–20 %, а в последующие два года – 50–60 %, что в целом составило только треть от планируемых показателей 12. Еще одной проблемой стало оседание переселенцев. Повсеместно фиксировались факты как не прибытия в места вселения участников программы, так и возвращения в страны исхода. В таких случаях решениями судов предусматривались компенсационные выплаты от участников программы, но реализовать их удавалось крайне редко 13.

Итоги первого этапа Программы переселения наглядно показали как сильные, так и слабые ее стороны. Дуализм политики России был обусловлен, с одной стороны, ставкой на масштабную репатриацию, а с другой – на расширение «русского культурного присутствия» в постсоветских странах. Широкое толкование понятия «соотечественник» – не только и не столько этнического русского, сколько лица, отождествляющего себя с русским языком и российской ментальностью, давало широкие возможности привлечения в страну выходцев из бывшего СССР, однако российские власти не пошли по пути автоматического предоставления гражданства соотечественникам, желающим въехать или уже въехавшим в страну. Государство, взяв на себя расходы по репатриации и адаптации пере-

субъектов РФ в период 2007–2010 гг.; Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов РФ за 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://mbq.pф/mvd/structure1/ Glavnie_upraylenija/guvm/compatriots/monitoring/2011 (дата обращения: 11.05.2021).

⁹ Подсчитано по данным мониторинга реализации программы за 2011–2012 гг.

¹⁰ Подсчитано по: Мониторинг реализации... за 2011 г. [Электронный ресурс]. https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upraylenija/guvm/compatriots/monitoring/2011 (дата обращения: 11.05.2021).

¹¹ Агрегированные данные Росстата приведены на форуме агрегированные данные Росстата приведены на сайте «Домой в Россию. Программа переселения» [Электронный ресурс]. URL: https://back2russia.net/index.php?/topic/2722-statistika-gos-programmy/ (дата обращения 19.05.2021).

¹² Дробница А. В., Скворцов М. Н. Реализация государственной политики... С. 32.

¹³ Мищук С.Н., Тайорова М.А. Беспалова Н.В. Переселение соотечественников в Дальневосточный... С. 59.

селенцев, в первую очередь из числа трудоспособного населения, рассчитывало получить быстрый экономический эффект. Программный подход и пилотный принцип позволил реализовывать переселение по территории страны с учетом сформированных приоритетов. Однако государство в очередной раз попыталось регулировать миграцию, в результате чего добровольная репатриация стала фактически плановым переселением, с жесткой привязкой к конкретному месту проживания, что свело на нет сам принцип добровольности и существенно снизило эффект от ее реализации. В сентябре 2012 г. Указом Президента РФ была введена в действие новая редакция «Государственной программы по содействию добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом». Планировалось, что она будет действовать до 2020 г., но уже в декабре 2012 г. программа получила статус постоянно действующей.

Литература

Аблажей Н.Н. Реализация Программы добровольного переселения соотечественников в Новосибирской области // Сибирь. Деревня. Город: сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 133–147.

Безгачева В.В. Государственная программа по добровольному переселению в Россию соотечественников глазами переселенцев в 2000-е гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 33–39.

Григоричев К.В., *Пинигина Ю.Н.* Региональная миграционная политика в Иркутской области // Миграционная политика в регионах РФ: законодательство и правоприменительная практика. Калининград, 2009. С. 156–176.

Дробница А.В., Скворцов М.Н. Реализация государственной политики по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на Дальний Восток России в 2007–2017 гг. (на примере Хабаровского края) // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. С. 30–38.

Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы / ред. О.Д. Воробьева, А.В. Топилин. М., 2013. 257 с.

Мищук С.Н., *Тайорова М.А. Беспалова Н.В.* Переселение соотечественников в Дальневосточный федеральный округ: проблемы и их решения // Власть и управление на востоке России. 2014. № 2. С. 54–61.

Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 24–34.

References

Ablazhey, N.N. (2011). Realizatsiya Programmy dobrovol'nogo pereseleniya sootechestvennikov v Novosibirskoy oblasti [Implementation of the Voluntary Resettlement Program for Compatriots in the Novosibirsk Region]. In *Sibir'*. *Derevnya. Gorod: Sbornik nauchnykh statey*. Novosibirsk, pp. 133–147.

Bezgacheva, V.V. (2016). Gosudarstvennaya programma po dobrovolnomu pereseleniyu v Rossiyu sootechestvennikov glazami pereselentsev v 2000-e gg. (na primere regionov Sibirskogo federalnogo okruga) [State Program for the Voluntary Resettlement of Compatriots to Russia Through the Eyes of Settlers in the 2000s. (on the Example of the Regions of the Siberian Federal District)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 406, pp. 33–39.

Drobnitsa, A.V., Skvortsov, M.N. (2017). Realizatsiya gosudarstvennoy politiki po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, na Dalniy Vostok Rossii v 2007–2017 gg. (na primere Khabarovskogo kraya) [Implementation of the State Policy to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Far East in 2007–2017 (by the Example of the Khabarovsk Krai)]. In *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. No. 4 (81), pp. 30–38.

Grigorichev, K.V., Pinigina, Yu.N. (2009). Regional'naya migratsionnaya politika v Irkutskoy oblasti [Regional Migration Policy in the Irkutsk Oblast]. In *Migratsionnaya politika v regionakh RF: zakonodatelstvo i pravoprimenitelnaya praktika*. Kaliningrad, pp. 156–176.

Mishchuk, S.N., Tayorova, M.A. Bespalova, N.V. (2014). Pereseleniye sootechestvennikov v Dal'nevostochnyy federal'nyy okrug: problemy i ikh resheniya [Resettlement of Compatriots to the Far Eastern Federal District: Problems and Solutions]. In *Vlast' i upravleniye na vostoke Rossii*. No. 2 (67), pp. 54–61.

Rybakovskiy, L.L. (2011). Migratsionnyy potentsial: kriterii otsenki i sovremennyye masshtaby [Migration Potential: Assessment Criteria and Current Scope]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 24–34.

Vorobieva, O.D., Topilin, A.V. (Eds.). (2012). Migratsionnoe dvizhenie naseleniya: teoriya, politika, praktika, perspektivy [Migration Movement of the Population: Theory, Policy, Practice, Prospects]. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovaniye. 364 p.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)

Л.Н. Славина*

L.N. Slavina*

Демографический потенциал Красноярского края в контексте социальных трансформаций в постсоветские десятилетия

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-19 УДК 94:314.1(571.51)«1991/2021»

Выходные данные для цитирования:

Славина Л.Н. Демографический потенциал Красноярского края в контексте социальных трансформаций в постсоветские десятилетия // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 203—213. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-19.pdf

Demographic Potential of the Krasnoyarsk Krai in the Context of Social Transformations in the Post-Soviet Decades

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-19

How to cite:

Slavina L.N. Demographic Potential of the Krasnoyarsk Krai in the Context of Social Transformations in the Post-Soviet Decades // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 203–213. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-19.pdf

Abstract. The main trends in the development of the demographic potential of the Siberian territories in the post-Soviet thirty years are considered using the example of the Krasnovarsk Krai. It is found out with what potential Siberians came in the new period of development of the country, how it changed in the conditions of radical transformation of society and what features of this process were manifested in the region. The author evaluates the quality of demographic potential at the moment, its possibilities in the reproduction of the population and the modernization of all spheres of life in the region in the future. All processes in the Krasnovarsk Krai have been studied in comparison with similar processes in Russia as a whole. The analysis is based on the results of the general population censuses of 1989, 2002 and 2010, the micro-censuses of 1994 and 2015, and current statistics. The study of changes in the main components of the demographic potential (migration, natural population growth, its structures and the main types of demographic behavior of Krasnovarsk residents), as well as their determinants, showed that the processes were of a transitional nature, combining modernization and traditional features. The result of the development of demographic potential is mostly negative. The quantitative and qualitative losses of the population in the region, especially in the countryside, are much higher than the national ones, and the formed development trends do not promise good prospects. The region has lost its demographic advantages that existed in the Soviet period (a younger population, increased natural growth, an influx of people from all over the country). The measures of the federal and regional authorities to regulate the development of population have shown poor effectiveness. It is required to carry out the search for the new measures that can meet the challenges of the time.

Keywords: demographic potential; migration; population reproduction; post-Soviet decades; Siberia; Krasnoyarsk Krai.

The article has been received by the editor on 16.06.2021 Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на примере Красноярского края рассмотрены основные тенденции развития демографического потенциала сибирских территорий в постсоветское тридцатилетие. Выясняется, с каким потенциалом пришли сибиряки в новый период развития страны, как он изменялся в условиях радикальной трансформации общества и какие особен-

^{*} Славина Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@mail.ru Slavina Lyudmila Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@mail.ru

ности этого процесса проявились в крае, оценивается качество демографического потенциала в настоящий период, его возможности в воспроизводстве населения и модернизации всех сфер жизни в крае в перспективе. Все процессы в крае изучены в сравнении с аналогичными процессами в России в целом. Анализ проводится на основе итогов всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписей 1994 и 2015 гг., текущей статистики. Исследование изменений основных составляющих демографического потенциала (миграции, естественного прироста населения, его структур и основных видов демографического поведения красноярцев), а также их детерминант показало, что процессы имели переходный характер, сочетали модернизационные и традиционные черты. Итог развития демографического потенциала в основном отрицательный. Количественные и качественные потери населения в крае, особенно в деревне, намного выше общероссийских, а сформировавшиеся тенденции развития не обещают хороших перспектив. Демографические преимущества, имевшиеся в советский период (более молодое население, повышенный естественный прирост, приток людей со всей страны), край утратил. Меры федеральных и краевых властей по регулированию развития населения показали слабую эффективность. Требуется поиск новых, способных ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: демографический потенциал; миграция; воспроизводство населения; постсоветские десятилетия; Сибирь; Красноярский край.

Среди всех «потенциалов», определяющих развитие страны и ее регионов, важнейшим является их демографический потенциал. Он аккумулирует в себе итоги развития населения и территории его проживания, какие важно знать историку. Но еще важнее, что он выступает индикатором жизнеспособности населения, его возможностей действовать во всех сферах общества в текущий период и в перспективе, прежде всего физически воспроизводиться и изменяться самому по мере необходимости.

Основными компонентами демографического потенциала являются численность населения, определяемая естественным приростом и миграцией, а также демографические структуры (возрастно-половая, брачно-семейная и проч.). Способность потенциала к физическому воспроизводству, развитию и реализации в жизни во многом зависит от поведения самого населения — демографического (матримониального, репродуктивного, самосохранительного и др.) и миграционного. На возможности потенциала влияют качество демографических процессов на конкретной территории и проводимая на ней политика (экономическая, социальная, демографическая и проч.).

Будучи базовым фактором развития, демографический потенциал требует детального анализа. Однако, при всем внимании науки и общества к демографической сфере современной России, проблемы населения большинства ее регионов слабо освещены в отечественной литературе, несмотря на очевидную потребность 1. Демографические процессы, как известно, сейчас развиваются «не лучшим образом», значит, нужно отслеживать все изменения, чтобы воздействовать на них.

В данной работе рассматривается демографический потенциал воспроизводства населения сибирского региона на примере Красноярского края — самого крупного по числу жителей и по площади субъекта Сибирского федерального округа. Выясняется, как на него повлияли распад СССР в 1991 г. и дальнейшая трансформация общества, как он изменялся в последующих десятилетиях, в каком состоянии находится в настоящее время и какими возможностями обладает. Определяются также факторы, укреплявшие или ослаблявшие его.

Хронологические рамки работы – рубеж 1980–1990-х гг. (конец советской эпохи) – настоящее время (2020–2021 гг.). Информационная база исследования – итоги всеобщих пере-

¹ Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск, 2010; *Сукнева С.А.* Демографический потенциал воспроизводства северного региона (на примере республики Саха (Якутия): автореф. дис. . . . д-ра экон. наук. М., 2011; и др.

писей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписей 1994 и 2015 гг., материалы текущей демографической статистики.

Формирование населения Красноярского края, как и всей Сибири, столетиями определялось доминирующим влиянием притока мигрантов, сравнительно высокими показателями рождаемости, смертности и значительным естественным приростом, обусловленным более молодой, чем в Европейской России, возрастной структурой жителей. Все вместе они способствовали быстрому наращиванию демографического потенциала своих территорий.

В момент распада СССР в Красноярском крае проживали 3 164,2 тыс. чел., из них 73,7 % – в городских поселениях, 26,3 % – в сельских². Малое число жителей и несоразмерность их с территорией всегда являлись острой проблемой края. Она решалась с помощью внешней миграции и более высокого, чем в Европейской России, естественного прироста населения. Благодаря им число красноярцев росло, например, за 1960–1980-е гг. – на 40 % (с 2 245,7 в 1960 г.)³. Но с 1993 г., на год позднее, чем в России в целом, край начал терять население, оно тоже стало сокращаться.

Миграция и естественный прирост остались, как и прежде, источниками его формирования и изменений в численности и качестве. Но возможности обоих стали радикально ухудшаться. С конца 1980-х гг. началась устойчивая миграционная убыль населения. Она сочеталась с отрицательным естественным приростом, впервые обозначившимся в 1993 г. Нисходящая динамика обоих компонентов формирования населения усугублялась деформацией демографических структур. Это еще снижало качество естественного прироста, а он в свою очередь ухудшал структуры, и так без остановки.

Процесс шел непрерывно до 2010 г. Причем, если население страны в целом уменьшалось только из-за отрицательного естественного прироста, а сальдо миграции все время оставалось положительным, то в крае оно убывало по обеим причинам. На 1 января 2010 г. в нем уже жили 2 826,5 тыс. чел. – на 337,7 тыс. меньше (–10,7 %), чем в начале 1992 г. Число горожан уменьшилось на 178,8 чел. (–7,7 %), сельчан – на 158,9 тыс. (–19,1 %) (табл. 1).

Обнадеживающие тенденции в динамике численности жителей края появились в 2007–2009 гг., когда стали снижаться потери и от миграции, и от естественного прироста. А с 2010 г. начался кратковременный рост населения за счет обоих источников. Точнее, он возобновился только в городах. Но благодаря ему стала увеличиваться и общая численность красноярцев. Сельское же население уменьшалось из года в год непрерывно, и пока нет надежд хотя бы на стабилизацию его численности.

Таблица 1 Динамика численности населения Красноярского края в 1992, 2000, 2010–2012, 2018–2021 гг. (тыс. чел., на 1 января соответствующего года).

1992	2000	2010	2011	2012	2018	2019	2020	2021	
Общая численность населения									
3 164,2	3 164,2 3 022,1 2 826,5 2 829,1 2 838,4 2 876,5 2 874,0 2 866,3 2 855								
Численность городского населения									
2 330,5	2 269,8	2 151,7	2 181,6	2 170,4	2 226,1	2 229,0	2 222,2	2 217,1	
Численность сельского населения									
833,7	752,3	674,8	667,6	668,0	650,4	645,0	644,0	638,8	

Составлено по: Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020: стат. сб. Красноярск, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1(дата обращения: 06.05.2020).

² Естественное движение населения Красноярского края: стат. сб. Красноярск, 1992. С. 13.

³ Красноярскому краю – 85. Стат. очерк. Красноярск, 2019. С. 10.

С 2018 г. в крае снова началось общее сокращение населения, причем с ускорением. Мощный импульс ему придала пандемия COVID-19. К 2021 г. численность красноярцев снизилась до уровня 2014 г. и составила (по расчетам Росстата, вероятно, завышенным) 2 855,9 тыс. чел. (см. табл. 1). Таким образом, за три десятилетия число жителей в Красноярском крае уменьшилось на 308,3 тыс. чел. (–9,7 % против –1,6 % в России (вместе с Крымом). Горожан стало меньше на 113,4 тыс. (–4,9 %), тогда как в целом в стране их количество незначительно выросло (+2,0 тыс. чел.). Численность сельчан уменьшилась на 194,9 тыс. (–23,4 % против –5,0 % в РФ)⁴. Масштабы людских потерь в крае различались по районам, но были везде. Еще больше увеличилось несоответствие между населением и требующими «ухода» огромными территориями.

Пропорции между городским и сельским населением тоже изменились. В конце 1991 г. доля сельчан в крае была такой же, как в РСФСР (соответственно 26,3 и 26,4 %). За последующее тридцатилетие она снизилась до 22,4 % против 25,4 % в РФ. Эта «урбанизация» стала следствием не индустриальных успехов красноярцев, а сокращения сельского населения в крае темпами, почти впятеро превосходившими общероссийские.

Быстрая убыль населения в крае заставляет подробнее проанализировать и оценить миграцию и естественный прирост – оба источника его роста и их возможности.

Влияние первого источника – миграционного движения – на динамику численности населения Красноярского края резко изменилось по сравнению с недавним прошлым. Намного сократилось число как прибывавших в край, так и выбывавших, т.е. миграционный оборот. Край, прежде привлекавший людей со всей страны, стал территорией их массового оттока. Теперь новые заводы в нем не строились, а действовавшие оказались в глубоком кризисе. Люди стали уезжать в более благоприятные места России и за границу – в страны СНГ и дальнее зарубежье. Размеры оттока колебались по годам, но сальдо миграции оставалось стабильно отрицательным. За 1992–2010 гг. край лишился из-за миграции более 150,6 тыс. чел.

В 2011–2017 гг. механический прирост был положительным. Но он за 7 лет составил лишь 22,6 тыс. чел. и компенсировал чуть более седьмой части потерь за предыдущие два десятилетия. В 2018 г. сальдо миграции вновь стало отрицательным и составило -278 чел., в 2019 г. выросло до -2778 чел.

Миграционный отток вызвал множество негативных последствий. Пустели пространства, обживавшиеся веками с огромным трудом. Уезжали не просто люди, а адаптированные к жизни и работе в сложных условиях Сибири (около 2/3 мигрантов прожили в крае более 10 лет). Почти три четверти участников миграционных процессов находились в детородных возрастах, часто 16–29-летние. Сокращая собою численность населения в местах выбытия, они ухудшали и его структуры. Миграционная активность отражалась на репродуктивных планах самих переселенцев, снижала число ожидаемых ими детей. Модель поведения родителей в отношении перемены места жительства (со всеми негативными демографическими последствиями) усваивалась их детьми и окружением.

В крае еще больше, чем в последние советские десятилетия, вырос относительный отток населения из сельской местности, особенно молодых женщин, уносивших с собой ее демографический потенциал. Часть их переселялась в красноярские города, и местная деревня оставалась, как прежде, их демографическим «донором». Но другая часть потенциала терялась безвозвратно с отъездом женщин из края.

Второй источник формирования и развития населения – естественный прирост – тоже ухудшался по всем параметрам. Весь 30-летний период край, как и Россия в целом,

⁴ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2020. М., 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения: 01.05.2020); Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 21.05.2020).

⁵ Подсчитано по: Официальная статистика: Красноярский край: население: Комплексная информация [Электронный ресурс]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connet/rosstat_ts/krasstat/ru (дата обращения: 09.05.2020).

находится в хроническом демографическом кризисе, концентрированным проявлением которого выступает депопуляция. В оценке его причин сформировались две позиции. Сторонники первой, господствующей в обществе, считают его единственной причиной реформирование страны после распада СССР. Вторая позиция основана на том, что демографическая сфера России пребывает в кризисе с 1960-х гг., а реформы 1990-х лишь усугубили его и довели до самой острой фазы. Наши многолетние исследования демографической истории Сибири второй половины ХХ в. 6 не оставляют сомнений в правоте второй позиции. Ясно, что демографические проблемы края и всей России имеют двоякую природу. С одной стороны, это общие проблемы всех развитых стран, порожденные демографической модернизацией. Они характерны и для России как европейской страны, и для края как ее органической части. С другой стороны, это «чисто российские» проблемы, рожденные трансформацией общества на новых основах.

В развитии демографической сферы России в изучаемом тридцатилетии условно можно выделить четыре этапа, рубежами которых служат середина «нулевых» годов, 2015 и 2020 гг. Сущность первого часто определяется как социодемографическая катастрофа (школа Н.М. Римашевской и др.)⁷, второго – как неустойчивая стабилизация демографической сферы, третьего – появление второго «русского креста» и рост новой волны депопуляции, четвертого – обострение с 2020 г. кризиса в условиях пандемии COVID-19.

Естественный прирост в крае развивался по российской модели и отличался лишь количественными показателями, иногда — в лучшую сторону (благодаря прежде накопленному демографическому потенциалу). Так, край перешел в фазу открытой депопуляции в 1993 г., на год позже, чем страна в целом. А естественный прирост в нем стал снова положительным раньше, с 2010 г., и сохранялся до 2018 г., тогда как в России он был положительным лишь в 2013–2015 гг.⁸

Начало депопуляции в крае стало неожиданностью. В последнем советском тридцатилетии естественный прирост населения не вызывал тревог: число рождений «с запасом» превышало количество смертей. Но в действительности депопуляция уже началась. Воспроизводство населения в красноярских городах стало суженным с 1960-х гг. Именно тогда уровень рождаемости упал в них ниже границы простого воспроизводства, а уровень смертности начал расти, причем по всему краю. Но «молодость» возрастной структуры красноярцев (в ней было мало стариков и, значит, смертей) маскировала депопуляцию и сохраняла прирост положительным. Общекраевые показатели поддерживали «на должном уровне» также деревни, где до 1990-х гг. сохранялось расширенное замещение поколений благодаря более высокой рождаемости. Однако чистый коэффициент воспроизводства (нетто-коэффициент, учитывавший и спад рождаемости, и рост смертности) уменьшался и к концу советского периода опустился ниже 1,000 (границы простого замещения поколений). В 1990 г. он составил 0,889 и продолжал снижаться, упав до 0,544 в 1999 г. Это означало, что уходившие из жизни поколения теперь восполнялись едва наполовину. В 2000-х гг. нетто-коэффициент начал медленно расти, но в 2017 г. остановился и вновь стал снижаться⁹.

Первой причиной отрицательного естественного прироста населения в крае, как и в России в целом, стал спад числа ежегодных рождений (табл. 2). Красноярцы вступили в постсоветский период на волне резкого падения уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (далее СКР), показывающий число детей, рожденных среднестатистической женщиной в конкретном поколении, снизился в крае с 2,349 в 1987 г. до 1,882 в

 $^{^6}$ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007; и др.

⁷ Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М., 2017; и др.

⁸ Демографический ежегодник России, 2019. М., 2019. С. 16 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru folder/210/document/13207 (дата обращения: 21.05.2020); Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 21.05.2020).

⁹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. Красноярск, 2011. С. 48.

¹⁰ Естественное движение населения Красноярского края... С. 23.

1990 г. (против 1,892 в России) и 1,530 в 1992 г.¹¹ Это означало, что уже в первом году реформ замещение поколений обеспечивалось примерно на 70 %, поскольку для простого воспроизводства нужен СКР, равный 2,15–2,20.

Таблица 2 Основные показатели воспроизводства населения Красноярского края в 1991, 2009, 2015 и 2019–2020 гг.

	На 1000 жителей число			Can a consum of	Ожидаемая продол- жительность жизни		Коэффи-	Возрастные группы, %	
Годы	Рождений	Смертей	Ест. прирост	Суммарный коэффициент рождаемости	Муж.	Жен.	циент младенче- ской смерт- ности	0–15 лет	60 и более лет
1991	13,0	9,8	3,2	1,735	62,5	73,5	21,2	27,2	11,3
2009	13,5	13,3	0,2	1,591	61,7	73,4	10,4	17,1	15,8
2015	14,4	12,7	1,7	1,837	64,0	75,3	6,2	19,1	18,0
2019	10,5	12,2	-1,7	1,510	65,8	76,3	6,4	19,0	19,5
2020	10,1	14.3	-4,2	1,5	_	_	5,2	19,9	20,0

Составлено по: Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 26, 42–43; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. Красноярск, 2020. С. 41–42, 46–48, 50 [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 21.05.2020); Данные о возрастных группах в 1991 г.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 38.

В 1990-х гг. никаких мер поддержки уровня рождаемости со стороны государства не предпринималось, и он продолжал падать: СКР опустился в 1999 г. до 1,168 (против 1,195 в $P\Phi$)¹². Судя по статистике, «привлекательность» низкой рождаемости прочно укоренилась в системе ценностей большинства красноярцев. Ухудшились условия жизни, и люди не спешили «заводить детей». В крае, как в целом в стране, проявился феномен «отложенных рождений», многие из которых так и остались нереализованными.

В 2000-х гг. государство, наконец, начало проводить прокреативную политику. Но федеральные меры в совокупности с региональными не подняли уровня рождаемости в крае даже до границы простого воспроизводства. СКР начал расти, но медленно, неустойчиво, и к 2015 г. достиг лишь 1,837.

Красноярцы на политику властей реагировали по-разному. Сельское население «отозвалось» на выплачиваемый с 2007 г. материнский капитал и прочие меры. Рождаемость в деревне сразу начала повышаться. СКР в 2009 г. поднялся до уровня простого воспроизводства (2,197), вырос в 2014 г. до 2,908, затем стал снижаться (до 2,250 в 2019 г.)¹³, но все десятилетие обеспечивал расширенное замещение поколений. Однако сельчане, составляя менее четверти населения края, не могли «спасти» общую ситуацию. Ее определяли горожане. А они остались почти «глухими» к прокреативным мерам власти. В городах СКР, составлявший в 2009 г. 1,386, поднялся до 1,702 в 2015 г., а затем снизился до 1,375 в 2019—2020 гг., т.е. всегда оставался намного ниже границы простого воспроизводства¹⁴.

В 2015 г. был лучший за все 30-летие СКР и в целом ситуация в сфере воспроизводства населения в крае. А с 2016 г. показатели стали опять ухудшаться. Если в предыдущие годы

 $^{^{11}}$ Демографический ежегодник Красноярского края, 2007. Красноярск, 2007. С. 47.

¹² Там же

¹³ Официальная статистика: Красноярский край: население: Комплексная информация [Электронный ресурс] URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connet/rosstat_ts/krasstat/ru (дата обращения: 07.05.2929).

¹⁴ Там же.

главную негативную роль в этом процессе играла чрезвычайно высокая смертность, то теперь – катастрофический спад числа ежегодных рождений. В 2019 г. родилось на 26,8 % меньше детей, чем в 2015 г. ¹⁵ Это событие ожидалось, его вызвали те же факторы, что и в России в целом, – структурный (началось сокращение числа женщин наилучших репродуктивных возрастов) и поведенческий (спад уровня рождаемости). Все свидетельствует о том, что эти тенденции – долгосрочные.

Еще большее негативное воздействие на демографический потенциал оказывал характер развития смертности. Ее уровень в крае в советский период был выше, чем в целом в РСФСР, а в деревнях — намного выше, чем в городах. Эта ситуация в принципе не изменилась и в рассматриваемый период. Смертность, как и рождаемость, эволюционировала в рамках общероссийских трендов, большинство ее показателей по-прежнему были много хуже средних по России.

В постсоветский период красноярцы вошли на волне начавшегося в 1988 г. роста смертности. В самом общем виде ее характеризует динамика общего коэффициента смертности (ОКС). В 1991 г. он составлял в крае 9,8 ‰ (см. табл. 2) и был ниже, чем в России (13,4 ‰)¹⁶. Из 1 000 жителей в крае умирали меньше людей, чем в стране, но лишь потому, что в нем было мало стариков, которым «приходила пора уходить из жизни». Уровень же смертности у красноярцев был выше среднероссийского во всех возрастах, начиная с младенцев. Наибольший разрыв – в 1,5 раза – отмечался у 15–24-летних, в когортах от 25 до 70 лет он составлял 1,2–1,4 раза¹⁷.

В динамике ежегодного числа смертей в крае в рассматриваемый период выделяются несколько этапов: рост в 1988–1994 гг. до 14,9 ‰, небольшое снижение в 1995–1997 гг., новый рост с 1998 по 2005 г., когда был достигнут максимум (15,8 ‰), превысивший уровень 1987 г. (8,7 ‰)¹³ почти вдвое. С 2006 г. ситуация стала улучшаться. Общие коэффициенты смертности снижались и стабилизировались на уровне 12,7 ‰ в 2013–2015 гг. Но этот показатель оставался слишком высоким, особенно в деревне. В 2005 г. он составлял там 20,7 ‰ против 14,3 ‰ в городах, в 2013–2015 гг. – соответственно 15,6–15,8 ‰ против 11,8 ‰¹³. Такое различие частично объясняется более «старым» возрастом сельчан. Но главные проблемы лежали в характере смертности. В крае недопустимо высокой оставалась смертность населения в трудоспособном возрасте, причем и мужчин, и женщин. Сохранялся очень большой разрыв между показателями разных полов. В структуре причин смертности мужчин рабочего возраста продолжали преобладать потенциально устранимые экзогенные причины, прежде всего, внешние воздействия травматического характера.

Единственное крупное достижение красноярцев в борьбе со смертностью – снижение ее уровня у младенцев в 2000-х гг. В 1991 г. он был выше, чем в РСФСР (21,2 ‰ против 17,8 ‰)²⁰, почти не снижался до конца десятилетия, а в кризисном 1999 г. даже «подскочил» до 24,6 ‰²¹. Перелом наступил лишь в 2002 г., когда младенческая смертность сократилась до 16,6 ‰ и в последующие годы продолжила снижение. В 2008 г. впервые в истории края она опустилась ниже 10 промилле (до 9,7 ‰), в 2014 г. составила 8,3, а в 2015 г. – 6,2 ‰²². Однако успех был достигнут только в городах. Сельчане, обделенные жизненными благами,

¹⁵ Красноярский край в цифрах в 2020 г.: стат. сб. Красноярск, 2020. С. 24–25.

¹⁶ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 76, 387

¹⁸ Демографический ежегодник Красноярского края, 2007. С. 27.

¹⁹ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 46, 47. [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 21.05.2020).

²⁰ Численность, состав и движение... С. 352, 358.

²¹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 89; Демографический ежегодник России, 2006. М., 2006. С. 101.

²² Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 50. [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 23.05.2020).

«проигрывали» и в этом. В 2015 г. младенческая смертность составляла у них 11,1~% против 4,8~% у горожан²³.

Небольшие положительные изменения в процессе смертности, в основном в младенческой, сказались на продолжительности жизни красноярцев — ключевой характеристике их демографического потенциала. В течение многих десятилетий показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и у мужчин, и у женщин в крае были хуже, чем в среднем в России: жизнь — короче, а разница между полами, между горожанами и сельчанами — больше. Так, на рубеже эпох, в 1990—1991 гг., ОПЖ в РСФСР составляла 69,0 лет, а в крае — 67,7 года. «Мужской век» в целом по России был равен 63,5 года, а в крае — 62,2 года, «женский век» — 74,3 и 73,2 года соответственно. Все свидетельствовало, что «сибирское здоровье» — не более чем миф. В красноярских городах люди жили в среднем 68,2 года, в деревнях — 66,0 лет²⁴.

После 1991 г. ситуация менялась с трудом. Сначала показатель ОПЖ красноярцев «обрушился» к 1994 г. до 61,1 года — 54,8 года у мужчин и 68,8 года у женщин (против 63,8, 57,4 и 71,1 года по России соответственно)²⁵. Затем начался его неустойчивый медленный рост. В 2009 г. он вернулся к уровню начала 1990-х гг. (67,6 года), а в 2015 г. — к 1987 г. (высшей точке в ХХ в.) и составил 69,7 года, в т.ч. 64,0 года у мужчин и 75,3 у женщин²⁶. В итоге за четверть века продолжительность жизни в крае выросла на 2 года, в т.ч. у мужчин — на 1,8, у женщин — на 2,1 года. Важно отметить не только малый рост показателя, но и сохранение его огромной разницы между полами, а также между городом и деревней, которая даже увеличилась. В начале 1990-х гг. она составляла 2,2 года, а в 2015 г. — 4,4: горожанам предстояло прожить 70,7, а сельчанам — лишь 66,3 года. К 2019 г. эти показатели поднялись и составили 72,1 и 67,9 года соответственно, а в целом в крае — 71,2 года²⁷.

Яркой характеристикой потерь демографического потенциала края является показатель количества недожитых лет до потенциально достижимого возраста, который сейчас принято определять в 75 лет (уровень развитых стран). Видно, какие гигантские резервы имеет край. Хотя бы сокращением смертей от внешних воздействий. Их уровень понемногу снижается. Но они по-прежнему стоят в ряду главных причин ухода из жизни людей.

Важный показатель демографического потенциала — возрастно-половая структура населения. До распада СССР красноярцы как всякое модернизирующееся население «старели», но оставались моложе среднестатистических россиян, что подтверждает удельный вес крайних возрастных групп и их соотношение (см. табл. 2). В 1989 г. лица старше 60 лет составляли в крае 11,3 %, дети в возрасте 0–15 лет – 27,2 %, а в РСФСР – соответственно 15,3 и 24,5 %²⁸.

В постсоветские десятилетия процесс старения красноярцев ускорился и пошел быстрее, чем в России, в основном из-за оттока из края части молодого населения. С 1990 по 2020 г. их средний возраст вырос на 6,1 года (с 32,4 до 38,5 года), россиян — на 5,1 (с 34,9 до 40,0 года), а разница между ними уменьшилась с 2,5 до 1,5 года²⁹.

Из-за постарения ухудшились воспроизводственные возможности возрастной структуры красноярцев и ее перспективы. Если в 1991 г. доля детей в ней была в 2,4 раза выше, чем стариков, то в 2018 г. они сравнялись на отметке 19 %, и продолжили развитие в прежнем направлении: доля детей – снижается, «стариков» – растет, лаг между ними расширяется быстро. В РФ в целом это случилось на 6 лет раньше. Такое соотношение свидетельствует,

²³ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 50. [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 23.05.2020).

²⁴ Численность, состав и движение... С. 393, 398.

²⁵ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 48.

²⁶ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 47. [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 23.05.2020).

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Численность, состав и движение... С. 20.

²⁹ Красноярскому краю – 85... С. 12; Демографический ежегодник России, 2019. С. 32. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 21.05.2020).

что накопленный в возрастной структуре потенциал демографического роста в крае исчерпан, как и в России. Естественный прирост теперь определяют лишь уровни рождаемости и смертности, причем решающая роль отводится рождаемости, которая немало зависит от структуры населения по полу в наилучших репродуктивных возрастах.

Край и здесь имеет специфику: он всегда отличался нехваткой «невест». В 1989 г. перепись зафиксировала в возрастных группах 20–35 лет по 920–940 женщин на 1000 мужчин³⁰. В 2020 г. их соотношение стало ровнее: число женщин выросло до 950–1014³¹. Но это мало повлияло на развитие демографических процессов. Тенденции их развития показывают, что ждать массового всплеска рождений в крае не приходится.

Во-первых, сокращается, как повсюду в России, число потенциальных матерей. На смену жившим в крае в начале 2016 г. 250,6 тыс. женщин в возрасте 25–34 года, которые обеспечили львиную долю прироста рождений в предыдущие годы, начали приходить 154,4 тыс. 15–24-летних девушек³². Их на 40 % меньше, и вряд ли внешняя миграция сможет восполнить их число до желаемых размеров. Во-вторых, и это главное, изменилось репродуктивное поведение красноярцев. Они перестраиваются на стандарты развитых стран Запада, хотя условия их жизни вовсе не способствуют этому.

У красноярцев уже давно сформировалась установка на малодетность (1–2 ребенка). Это видно по возрастам, в основном уже закончившим свой репродуктивный процесс. По данным микропереписи 2015 г., троих и более детей родили от 12,4 % женщин в возрастной группе 35–39 лет и 13,4 % в возрасте 40–44 года, до 20,9 % среди 55–59-летних³³.

Данные микропереписи об «ожидаемых детях» показывают, что у большинства людей потребность в среднедетности вообще исчезла. Лишь 12,9 % 25–29-летних женщин собираются иметь (включая уже рожденных) троих и более детей. Среди 30–34-летних таких 17,1 %, а не половина, как нужно для обеспечения слегка расширенного воспроизводства. Еще скромнее планы у молодежи. Среди 20–24-летних девушек троих и более детей ожидают лишь 9,2 %, среди 18–19-летних – 7,5 %.

В статистике просматривается признак появления в крае адептов *child-free*, как на Западе. Согласно микропереписи 2015 г., никогда не рожали детей 17,2 % 30–34-летних женщин и 32,9 % 25–29-летних. Вообще не «заводить детей» собираются 28,7 % девушек 18–19-летнего возраста и 16,6 % 20–24-летних. Еще радикальнее настроены мужчины. Без детей намерены прожить 45,3 % парней 18–19-летнего возраста, треть (31,8 %) 20–24-летних, 17,6 % в группе 25–29-летних и 12,7 % в возрасте от 30 до 45 лет. Конечно, жизнь корректирует планы, но разрушить сложившиеся стереотипы сложно, тем более при существующих условиях жизни.

Репродуктивные возможности демографического потенциала «подрывает» и модернизация брачности. Браки перестали быть всеобщими и ранними, какими оставались до конца советского периода. В 2015 г. в них состояли только 61,0 % красноярцев в возрасте 16 лет и старше — 68,4 % мужчин и 55,1 % женщин. Девушки не торопятся «под венец» даже в деревне. В 1989 г. в крае были замужем 32,0 % 18-летних сельских женщин и 46,6 % 19-летних³⁴, а в 2015 г. — лишь 16,0 % сельчанок 18—19-ти лет. В целом же в крае в браках состояли, согласно микропереписи, лишь 45,0 % 20—24-летних женщин, 68,8 % 25—29-летних, 73,2 % 30—34-летних. И, наоборот: в 1989 г. в браке не состояли лишь 25,8 % мужчин и 18,0 % женщин самого активного репродуктивного возраста 25—29 лет³⁵, а к 2015 г. доля мужчин этого возраста, «свободных от уз» брака, выросла до 42,5 %, женщин —

http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-19.pdf

³⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года... С. 78.

³¹ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 42. [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1 (дата обращения: 23.05.2020).

³² Там же. С. 40.

³³ Здесь и далее результаты микропереписи приводятся по: Итоги микропереписи населения 2015 г. [Электронный pecypc] URL: http://www.gks.ru/tree_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis (дата обращения: 23.05.2020).

³⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года... С. 68.

³⁵ Там же. С. 82.

до 31,2 %. Таким образом, огромная часть народа лучших репродуктивных возрастов без всяких войн, сама исключилась из детородного процесса.

Брачность быстро «стареет». Среди заключавших в 2015 г. браки невест лишь 0,7 % были моложе 20 лет, 31,6 % находились в 20–24-летнем возрасте, 45,6 % – в 25–34-летнем, остальным (22,1 %) исполнилось 35 лет и более. Женихи были еще старше.

«Постарение» браков сдвинуло рождение первенцев на более поздний срок и сократило вероятность появления следующих детей. Статистика зафиксировала сокращение рождаемости в младших возрастах и повышение у женщин старше 25 лет. Средний возраст матери при рождении детей поднялся с 24,58 года в 1995 г. до 26,77 года в 2007 г., когда его рост притормозился началом выплаты материнского капитала. Возраст матерей повышается неравномерно. В городах – быстрее, в селах – медленнее и менее устойчиво. За 1995–2009 гг. он увеличился у городских матерей с 24,58 до 27,59 года, у сельских – с 24,34 до 26,01 года³⁶.

Браки слабеют, чаще заканчиваются разводами, подрывая и этим демографический потенциал. К 2015 г. доля разведенных в населении края выросла до 8,1 % среди мужчин и 13,5 % среди женщин. Ситуацию усугубил рост вдовцов (до 4,1 %) и вдов (до 19,1 %).

Среди красноярцев широко распространены фактические браки (сожительства), в которых, как известно, рождается меньше детей, чем в «законных». По их удельному весу край давно лидирует в России. Причем в деревнях их больше, чем в городах. По микропереписи, в 2015 г. они составляли в общей массе брачных союзов в России 12,5 %, а в крае – 17,0, в том числе 15,5 % в городах и 20,2 % в деревнях.

«Плодом» либерализации брачных отношений является высокая «внебрачная» рождаемость, эффективность которой ниже, чем в «законных» браках. Край и в советский период отличался высоким удельным весом «внебрачных» детей. В 1991 г. они составляли 20,6 % среди всех новорожденных. В постсоветское время их доля стала расти быстрее и в 2005 г. достигла 36,7 % (в РФ - 30 $\%^{37}$), в том числе 33,4 % в городах и 46,3 % в деревнях 38 . За последующее десятилетие таких рождений стало меньше, но не намного. В 2015 г. они составляли 26,9 %, в том числе в городе - 23,7, в деревне - 38,3 %.

Итак, после 1991 г. демографический потенциал Красноярского края развивался в условиях суженного воспроизводства и ухудшения демографических возможностей возрастной и брачной структур населения. Депопуляция и миграционный отток вызвали в нем намного большие, чем в России в целом, количественные потери и больше снизили его качество. Ущерб понесли, в разной степени, все составляющие потенциала. Внутри края наблюдается большая дифференциация его показателей. Городской потенциал контрастирует с сельским, и при этом оба остаются плохо изученными. Общество и, похоже, власти, недостаточно информированы о развивающихся тенденциях и их «корнях» в недалеком прошлом.

Перемены в населении, определявшие демографический потенциал края в постсоветские десятилетия, явились следствием его дальнейшей демографической модернизации по западному образцу в специфических российско-сибирских условиях. Результат получается гибридным. Смертность в крае остается высокой — как в развивающихся странах, причем далеко не в самых передовых. Рождаемость — низкой, как в развитых государствах. Но там она — результат высокого уровня жизни и богатых возможностей, в крае же (как и в России) — низкого уровня того и другого. Смертность и рождаемость с двух сторон негативно влияют на демографический потенциал. Его качество как фактора воспроизводства населения края и модернизации всех сфер жизни общества трудно оценить высоко. Все достижения 2000-х гг. свелись в основном к возвращению его базовых показателей к уровню начала 1990-х гг. Обозначившиеся в 2010-х гг. положительные тенденции в

 $^{^{36}}$ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 76

³⁷ Демографический ежегодник России, 2019. С. 67. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 21.05.2020).

³⁸ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 80.

воспроизводстве населения сохранялись недолго. С лета 2015 г. началось их торможение. Еще два года естественный прирост, быстро снижаясь, оставался положительным. Но в 2018 г. опять приобрел отрицательное значение. Одновременно сокращался миграционный прирост, тоже ставший в 2018 г. отрицательным.

Современная ситуация не позволяет надеяться, что демографический потенциал в крае укрепится резким повышением естественного прироста и привлечением в нужном количестве мигрантов традиционными средствами. Обществу и власти важно осознать новизну ситуации и искать иные пути и стимулы для ее радикального улучшения. Пока же новые демографические вызовы глубоко не осознаны и остаются без эффективного ответа со стороны государства и общества.

Литература

Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 472 с.

Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.

Сукнева С.А. Демографический потенциал воспроизводства северного региона (на примере республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 43 с.

Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2017. 274 с.

References

Slavina, L.N. (2007). *Sel'skoe naseleniye Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnoyarsk, KSPU named after V.P. Astafyev. 472 p.

Sukneva, S.A. (2010). *Demograficheskiy potentsial razvitiya naseleniya severnogo regiona* [Demographic Development Potential of the Population of the Northern Region]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Sukneva, S.A. (2011). *Demograficheskiy potentsial vosproizvodstva severnogo regiona* (*na primere respubliki Sakha*) [Demographic Potential of Reproduction of the Northern Region (by the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)]: Dr. Ekon. Diss. Aabstract. Moscow. 43 p.

Yakovets, T.Yu. (2017). *Gosudarstvennoe regulirovanie sotsiodemograficheskikh protsessov v Rossii* [State Regulation of Sociodemographic Processes in Russia]. Moscow, Prospekt. 274 p.

Статья поступила в редакцию 16.06.2021 г.

Historical Courier. 2021. No. 4 (18)